

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ
РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

МИКАЕЛЯН ВЛАДИМИР АКОПОВИЧ

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ В НОРМЕ И ПАТОЛОГИИ
ЛИЧНОСТИ

ДИССЕРТАЦИЯ

На соискание ученой степени доктора психологических наук по специальности 19.00.04
(медицинская психология)

ЕРЕВАН-2016

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4	
ГЛАВА 1.		
ФЕНОМЕН ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ В ИСТОРИИ ГУМАНИТАРНОГО		
ЗНАНИЯ		26
1.1 Представления о времени в древнем и античном мире	26	
1.2 Интериоризация времени в мировоззрении Августина Блаженного	69	
1.3 Психологическое время в свете проблемы человеческого «Я». Восток-Запад	82	
ГЛАВА 2.		
ПРОБЛЕМА ВРЕМЕНИ В ПСИХОЛОГИИ		98
2.1. Краткий обзор представлений о времени	98	
2.2 Соотношение понятий «психологическая норма» и «психологическое время»	105	
2.3 Время в психодинамической, когнитивной и экзистенциальной интерпретации ---	134	
ГЛАВА 3		
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ В СВЕТЕ ДИССОЦИАТИВНОГО РАССТРОЙСТВА		
ИДЕНТИЧНОСТИ		182
3.1 Измерение времени в сознательном и бессознательном	182	
3.2 Развитие представлений о диссоциативном расстройстве идентичности	207	
3.3 Возможные механизмы формирования диссоциативного		
расстройства идентичности личности	255	

ГЛАВА 4	
МОДЕЛЬ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОГО РАЗРЕШЕНИЯ ДИССОЦИАТИВНОГО РАССТРОЙСТВА ИДЕНТИЧНОСТИ -----	265
4.1 Теоретические предпосылки построения психотерапевтической модели -----	265
4.2 Время как основной компонент построения психотерапевтической модели -----	275
4.3 Модель разрешения диссоциативного расстройства идентичности -----	289
ЗАКЛЮЧЕНИЕ -----	329
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ -----	332

«Психология времени, или хронопсихология, до сих пор остается наименее исследованной областью. Отражение и переживание времени является системным процессом, проявляющимся на всех уровнях организации психики – от сенсорики до личности»

П.И. Яничев.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы.

Целостность личности является фактором, определяющим ее психическое здоровье. Соответственно нарушение этой целостности находит свое выражение в различных психических расстройствах и дисфункциях. В частности, тяжелые формы диссоциативных расстройств, раньше и прежде всего, разрушают именно психическую целостность личности. На уровне объективных данных, при диссоциативном расстройстве идентичности, мы имеем дело с патологическим процессом дробления единого психического аппарата, имеем дело с расщеплением Я-личности. Между тем, на уровне понимания бессознательного психического, мы имеем дело с процессом психологической защиты, нацеленной на преодоление и психических травм, с процессом распределения психических травм на парциальных носителей, на различные альтер-эго. То есть если мы помещаем психическое расстройство на два уровня функционирования психики, - на уровень сознания и уровень бессознательного, то получаем различные картины. Каждая из этих картин обладает своей интерпретационной базой и психологическими основаниями. Помещая психическое расстройство на два уровня функционирования психики, мы тем самым помещаем его на два разных уровня темпорального измерения, то есть «здесь и сейчас» и «везде и всегда». Тем самым, мы оказываемся в двух темпоральных измерениях, - в хронологическом времени сознания, структура которого включает последовательность темпоральных форм: прошлое, настоящее и будущее, и в бессознательной темпоральности, в которой отсутствует эта

последовательность, но присутствует принцип функционирования единого времени. С точки зрения сознания, психическое здоровье может быть определено как структурированные во времени и соответствующие возрастному статусу мысли и эмоции личности. В идеале, то есть с позиции критерия идеальной нормы, психически нормальный человек обладает постоянством ориентации в хронологическом времени. С точки зрения сознания психическая норма отмечается во всех тех случаях, когда человек функционирует в хронологическом времени в режиме темпоральной дифференцированности, то есть когда прошлое, настоящее и будущее имеют свои границы и свою наполненность жизненными событиями. Но такая норма в принципе недостижима и невозможна. В нашу жизнь постоянно вклиниваются события из прошлого и ожидания будущего. Психика постоянно находится в развитии: в каждый настоящий момент жизни прошлое и будущее сливаются в едином потоке, это значит, что в каждый настоящий момент нашей жизни состоит из прошлого и будущего. Тот момент нашей психической жизни, который мы называем настоящим, который мы привыкли считать настоящим, по сути, представляет собой некий сплав прошедшего и будущего. С хронологической точки зрения утверждение о потоке будущего в настоящем кажется несколько надуманным. Однако, психологическая позиция или подход к этому положению не может быть иным: будущее это то, что происходит с нами с каждой уходящей секундой и становится прошлым. *Будущее- это настоящее, становящееся прошлым.* По сути, в психологическом времени полноценно фигурирует лишь Будущее – это то, что ожидается, то, что постоянно притекает, поэтому это становящееся настоящее, в свою очередь, настоящее-это становящееся прошлое. И именно в качестве прошлого и существует биография человека. Временной поток для нас останавливается в прошлом. Однако, само прошлое не застывший сгусток, это прошлое однозначно программирует наше будущее, поэтому наше будущее также постоянно подвергается воздействию прошлого. И именно в этом ключе завершается очередной виток темпорального цикла, именно эту картину и представляет собой Уроборос, кусающий свой хвост. Будущее создает прошлое, которое, в свою очередь воздействует на будущее. В темпоральном

измерении психики эти два потока идут друг другу навстречу, образуя нечто, похожее на водоворот. Человек не просто ожидает будущего, - он ожидает его эмоционально. Если мы попытаемся отрицать влияние прошлого на будущее, то тем самым мы сведем на нет каузальный принцип в интерпретации невротических расстройств. Как известно, как в психиатрии, так и в клинической психологии, независимо от научной парадигмы, специалисты всегда придерживаются каузального принципа, то есть пытаются выяснить какие факторы прошлого могли стать причиной развития патологического процесса. И в психотерапии придерживаются не только каузально принципа, но также пытаются представить картину динамики конкретного расстройства.

Для больного практически не существует будущего, он не прорывается в будущее, он остается в настоящем, то есть в бессознательном измерении темпоральности. То, что для сознания прошлое, для бессознательного всегда настоящее. Его будущее полностью настоящее и он ждет постоянного ухудшения, то есть он не отрывается от прошлого. Он выходит из хронологического времени тем самым пытаюсь отрицать, не видеть будущего то есть продолжения страданий. Целостный подход к пониманию психической деятельности требует принятия амбивалентности психического познания. Так или иначе, все, что мы воспринимаем, мы воспринимаем целостным психическим аппаратом, включающим разные уровни восприятия и интерпретации информации, как минимум, уровни сознания и бессознательного включены в процесс самовосприятия и восприятия окружающей среды. Поэтому факт бессознательного восприятия реальности можно отрицать только находясь на позиции снобизма. В норме, в условиях нормы психической деятельности, прошлое личности всегда присутствует в ее настоящем, в той или иной степени, а конкретнее, в той степени, которая позволяет ей осуществлять свою деятельность без чрезмерной фиксации на прошлом. Чем эффективнее протекает деятельность механизма вытеснения, тем более человек функционирует в границах психической нормы. Только при неудавшемся вытеснении возможна фиксация на прошлом, возведение прошлого в статус доминантного жизненного времени. В случае невротических расстройств именно прошлое личности, не ассимилированное

психической адаптацией, возводится в ранг доминантного жизненного времени. В целостном переживании психического сталкиваются - рациональность и иррациональность, Я-сознание и бессознательное. Их целостность поддерживается внутренней противоречивостью, но при этом необходимо признать продуктивность этого противостояния. Именно эта продуктивность позволяет нам говорить о здоровой психике. Противостояние, отягощенное тенденцией к конфликту, теряет свою эволюционную продуктивность. В психосоматических и невротических расстройствах личности, прежде всего мы фиксируем этот разрыв отношений, этот конфликт. Поэтому выяснение закономерностей функционирования психологического времени позволит внести дополнительное понимание в загадку генеза психических расстройств личности. Изначально человек двойственен. Всеобщее и индивидуальное, сознание и бессознательное, мужское и женское,- эта дуальность может быть продолжена. *В символическом понимании изгнание из Эдема является символом выпадения из вечности и разделения психики на сознание и бессознательное.* Рождение человека-это помещение психики во временную последовательность. Райская бессознательность не может запустить процесс психического развития человека. Поэтому она должна пожертвовать собой для формирования нового уровня психики, то есть развития Я-сознания. Всякий новый виток развития предполагает жертву. Эта закономерность прослеживается на всем протяжении онтогенеза. Рождение человека-это отказ от внутриутробного рая, детский возраст-это отказ от младенчества. Тот же процесс происходит на филогенетической сцене, при констатации смены культурно-исторических эпох. Но это не параллельно протекающие процессы, они взаимодетерминируемы и взаимообусловлены. Дифференциация целостной бессознательности не означает разрушение целостности, скорее всего-это ее новый уровень. Без этой дифференциации мы не можем судить о целостности психического вообще. В дифференциации единого уровня бессознательного протекает процесс материализации темпоральности. В образовавшемся Я- сознании появляется время и временность, то есть ограниченность, между тем как недифференцированность времени остается прерогативой бессознательного. Отсутствие

времени - это характеристика понятия "вечность", которая не может быть больной или здоровой, и которая является латентно и больной и здоровой одновременно. Наше бессознательное несет в себе оба эти состояния в своей недифференцированной целостности. Для дифференциации этих состояний бессознательное нуждается в Я-сознании. Психическая реальность бессознательного обусловлена фактом дифференциации или фактом реальности Я-сознания, как и наоборот. Это означает, что психика человека представляет собой целостное образование, и ее различные уровни функционируют, исходя из принципа взаимообусловленности. Уровни психического, их взаимоотношения представляют собой взаимоотношения макрокосмоса и микрокосмоса. Уровень бессознательного психического является макрокосмическим, уровень Я-сознания - микрокосмическим. В границах символического понимания, вечность макрокосма (бессознательного) не может быть проявлена иначе как в микрокосме (в Я-сознании, в смертности). В психике человека неизбежно протекает процесс перехода состояний макрокосма в состояние микрокосма. На более миниатюрной сцене этот же процесс прослеживается в переходе из состояний сна в состояние бодрствования. Смертность, таким образом, это форма проявления бессмертного и вечного, а не его противоположность. В Я-сознании бессознательное трансформируется в хронологическую темпоральность, в бессознательном Я-сознание исчезает, и время переходит в свою темпоральную недифференцированность. В нашем исследовании мы исходим из предположения о том, что психические расстройства человека могут быть адекватно поняты, а значит, интерпретированы с учетом фактора психологического времени. Мы опираемся на положение о том, что в психическом расстройстве происходит фундаментальный процесс формирования темпоральной дуальности психики. Учитывая тот факт, что формирование заболеваний связано с феноменом времени, мы разработали соответствующую теоретическую базу и исходящую из нее модель психотерапевтической работы. В понимании процесса формирования психических расстройств, мы остановились на выборе классического юнгианского подхода, суть которого в том, что как психические, так и психосоматические расстройства могут быть объяснены процессом диссоциации

сознательного и бессознательного уровней психики. При таком подходе, мы, следуя за К.Г. Юнгом, считаем продуктивным процесс восстановления целостности психики личности. «Ведь причина неврозов как раз и заключается в диссоциации сознательного поведения и бессознательных влечений человека. Эта несогласованность преодолевается при помощи ассимиляции содержаний бессознательного сознанием. Пациент добивается последовательной ассимиляции содержаний бессознательного, благодаря чему невротическая диссоциация преодолевается, а личность окончательно обретает целостность». [118, 28] Именно в контексте диссоциации психического мы рассматриваем феномен психологического времени личности. Эта диссоциация формируется также вследствие несоответствия временных параметров. В бессознательных переживаниях личность находится вне границ последовательного времени, в Я - сознании она подчиняется принципу хронологической последовательности (линейности).

Познание единой и целостной психики невозможно без ее дифференциации в норме или вне процесса расщепления или диссоциации в патологии. Так или иначе, процесс самопознания имеет место как в норме, при нормальном протекании психических процессов, так и при патологии при диссоциативных процессах. Несложно догадаться, что тот же самый процесс протекает на уровне сомы. Организм считается здоровым, если его функции дифференцированы в конкретной целостности, в необходимой функциональной целостности. При соматических заболеваниях мы также имеем процесс диссоциации, утрату контроля целостной функциональности, это ситуация, когда часть пытается стать целым. Рассмотрение и анализ психопатологических расстройств в контексте глубинной психологии - явление старое, но не утратившее свою актуальность и плодovitость. Всякая психология, всякая истинная психология - это психология бессознательного. Это положение краеугольно для психодинамики. В современной психологии эта тенденция к глубинному рассмотрению расстройств вновь доминантна. Принципы каузальности имеют право на существование, они незаменимы в конкретных областях жизни и науки. Однако в отношении психической жизни фиксация на причинно - следственных связях часто просто неэффективна. Хотя и психоанализ

целиком основывается на каузальном подходе, хотя и он ориентирован на причины и следствия, тем не менее, даже при этом каждый, более или менее здравомыслящий человек понимает, что идентичные причины не вызывают идентичных следствий. Если предметом научного анализа становится психологическое время, то в этом случае мы вообще не продвинемся ни на шаг, ориентируясь на каузальный принцип рассмотрения психических феноменов. Но даже если мы и попытаемся ориентироваться на применение каузального принципа, то и в этом случае мы попадем в некую «дурную бесконечность», так как причины патологического изменения личности не могут быть четко очерченными, их количество будет неумолимо возрастать и в лучшем анализ конечный естественно перерастет в анализ бесконечный. Но суть даже не в этом. Суть в том, что подобный бесконечный анализ не приводит к конкретным практическим выходам, даже если мы обнаружим причинно-следственную связь на молекулярном уровне. По большому счету, мы не можем проследить причинно-следственную связь в бессознательных процессах. Этот уровень психики как раз акаузален, иррационален. Если мы принимаем концепцию человека, как абсолютно сознательного существа, что, конечно же, нонсенс, то в таком случае, всякая психическая патология, всякое отклонение не имели бы места в нашей жизни. Психология, истинная психология, это психология бессознательного. Человеку присуще постоянно поддерживать и подпитывать *миф о каузальности всего сущего*. Хотя и допущение абсолютной каузальности вовсе не противоречит научному подходу, скорее наоборот,- мы обязаны искать причинно-следственные связи в психическом познании. Суть в том, что эти причинно-следственные связи не всегда имеют отчетливо прогнозируемую картину в психической реальности. Исходя из того, что сознание ориентировано на поиск причинно-следственных связей в своем миропонимании, а бессознательный уровень психического исходит из иного подхода, обнаружение абсолютного каузального принципа в психическом познании и самопознании представляется проблематичным. Однако на уровне бессознательного психического материала опять таки возможно нахождение принципа каузальности, в несколько ином смысловом и структурном значении. Мы исходим из допущения, что

хронологическое время в сознательном миропонимании, в Я-сознании в бессознательном трансформируется в состояние. И поиск каузальности, таким образом, должен строиться в границах этой трансформации.

То, что в сознании – время, в бессознательном состояние. Поэтому часто нам кажется, что в бессознательном есть время. Состояние – это трансформированное время. А иначе никак мы время не можем чувствовать, только лишь как состояние. Поэтому только бессознательное способно ощущать время и при этом не владеть им. Поэтому мы часто переживаем состояние, прикрепленное к какому-то времени. Все наши эмоциональные состояния – это определенное возрастное время. Поэтому время является на самом деле трансформированным состоянием на бессознательном уровне психики. По сути это единственная форма восприятия времени, в которой задействованы разные уровни психики. Время для нас связано с психоэмоциональными и физическими состояниями, хотя мы не в праве их рассматривать в автономном аспекте. Физические состояния всегда психоэмоциональны и в каждом эмоциональном состоянии заложен физический субстрат. Такое восприятие времени, которое мы бы назвали психотелесным или психосоматическим, сформировалось у нас с рождения. Такая форма восприятия времени была, говоря образно, очень тонко подслушана у природы. И вряд ли найдется ученый, который станет отрицать тот факт, что восприятие времени представляет собой не только психический, но и соматический акт.

В. Э. фон Гибзаттель, один из видных представителей феноменологической психиатрии, в своей концепции времени (темпоральности) не вникает в суть объективного времени, его внимание направлено на субъективную сторону, на время личности, *время переживаемое и проживаемое* личностью, и проживаемое прежде всего в психопатологических состояниях, в неврозах и психозах. Вполне приемлемо предположить, что проживаемое, психологическое время не тождественно переживаемому хронологическому времени, – это аксиома на уровне здравого смысла. Однако, время не имеет психопатологических трансформаций. В. Э. фон Гибзаттель, считает, что время не может иметь такие трансформации, по определению. Это человек

трансформирует время в различные, в том числе психопатологические трансформации. Верным является то, что в психопатологии мы видим нарушение восприятия времени, причем это можно видеть практически при любых расстройствах. Нет такого расстройства, при котором фактор восприятия времени не был бы нарушен. Это явление прикреплено не только к картине психических или невротических расстройств,- каждый относительно или условно нормальный человек постоянно испытывает конфликт между проживаемым и переживаемым временем. При невротических нарушениях существует определяющий фактор-так называемый центральный момент невроза. Этим моментом, согласно В. Э. фон Гебзаттелю, является неспособность человека выбрать какой-то конкретный сценарий жизни, или одну из альтернатив жизни, или привязать к жизни одну основную идентичность. Это значит, что центральным моментом невроза становится нарушение чувства идентичности, то есть определенный диссоциативный процесс. В результате того, что человек не может определиться в своей жизни у него может формироваться экзистенциальная тоска. Суть такой экзистенциальной тоски, или мы бы сказали, экзистенциального вакуума, состоит в том, что человек чувствует дефицит самораскрытия. Экзистенциальная тоска представляет собой следствие нарушенного восприятия жизненного времени, сценария жизни. Именно того сценария, который не выполнил основную потребность личности,- потребность в формировании чувства самодостаточности. То же самое можно описать и иначе: когда в определенный период жизни остро ощущается дефицит смысла жизненного сценария, то такой период может быть расценен как экстремальный, требующий осмысления прожитых лет. Следствием такого осознания могут стать различные выходы: формирование патологической страсти сексуального характера, то, что рационализируется зрелым человеком как попытка обрести чувство истинной любви; внезапно открывшийся горизонт реализации профессиональных высот, человек с головой уходит в работу, или точнее убегает в работу от угрозы экзистенциального вакуума; появляется потребность в написании мемуаров, то есть возврату к прошлому, которому вдруг приписывается то значение, которого оно не имело на самом деле. Человек склонен приписывать ценностный смысл своему прошлому

и эта склонность тем сильнее чем меньше было этой ценности в этом прошлом. Переживание пустоты, экзистенциального вакуума настоящей жизни должно погашаться приписыванием смысла прошлому. *Прошлому можно прибавить в цене, раз уж настоящее абсолютно лишено ценности. Это более допустимый или менее наказуемый процесс. Страх экзистенциальной пустоты – это по сути, отраженный страх нарушения собственной идентичности, это страх утраты идентичности. Время жизни и поиск идентичности становятся взаимообусловленными категориями.*

Уровни психического аппарата обладают различными функциональными качествами и имеют различную семантику. *Болезнь и здоровье возможны и необходимы вследствие того, что течение и переживание времени в бессознательном и в Я-сознании не идентичны.* На уровне повседневного обыденного сознания или самоощущения состояния здоровья/болезни определяются личностью на основании отсутствия или наличия боли. Этот, достаточно примитивный подход, по сути, является универсальным. Безусловно, это противопоставление реально в психофизиологической плоскости, оно рассматривается в личностном мире и самовосприятии, что, в конечном итоге - одно и то же. Здесь, однако, противопоставляются не болезнь здоровью, а отношение личности к этим состояниям. Когда концепция здоровья личности строится на подобной примитивной дифференциации состояний, в таких случаях мы можем утверждать, что это понимание находится на соматическом уровне интерпретации. Это простой уровень животного инстинкта, выражающийся в ощущениях удовольствия/неудовольствия. Здоровье ассоциируется с удовольствием, болезнь - со страданием. Это, известный критерий нормы и патологии, суть которого в простой мысли-здоровье определяется как отсутствие болезни. Как в бессознательном, так и в Я-сознании каждого человека, независимо от качества состояний здоровья/болезни, изначально присутствует некая концепция психосоматического благополучия. Это означает, что каждый из нас формирует, в известном смысле, независимую от объективной, свою индивидуальную норму психосоматических состояний. Это и есть, так называемый индивидуальный критерий нормы, который становится рабочим для каждого человека. Человек определяет

свое психосоматическое состояние, исходя из собственной среднестатистической нормы. Он сравнивает свое настоящее со своим же прошлым состоянием. Однако, данные критерии нормы ущербны изначально в том, что они страдают односторонностью. Они не учитывают известную психическую двойственность человека. *«Здоровье- это, собственно говоря, такое состояние человека, в котором процессы болезнетворные и процессы исцеляющие находятся в соответствующем равновесии».* [110, 192] Говоря иначе, здоровье - это состояние определенного равновесия двух уровней психики-бессознательного и Я-сознания. В архетипических идеях, в архетипическом равновесии солнечных и лунных процессов содержится понимание феномена здоровья. Архетипы Солнца и Луны олицетворяют соответственно Вечность и Рождение. Луна в мифологии всегда связана с процессами воспроизводства и цикличности, последовательности. И точно так же как она отражает солнечный свет, точно так же вечность отражается во времени. Таким образом, в архетипическом понимании, время-это отраженная вечность, а отраженная вечность является именно смертностью. Именно в связи с характером цикличности и последовательности, Луна олицетворяет жизненные временные процессы. Смена фаз Луны - это смена периодов жизни человека. С другой стороны, Луна олицетворяет женскую сторону, то есть бессознательное, Аниму. Между тем, Солнце- это архетипическое расширение сознания, которое не идентично эго-разуму. Именно таковой является аналитическая интерпретация уровней психики в символическом мировидении. В данном символическом мировидении человека отражен, быть может, центральный принцип психосоматического подхода - а именно: принцип целостности человеческого существа, целостности его развития. Односторонность понимания феномена человека рельефнее всего проявляется в двух подходах - в медицинском и психологическом. Как при первом, так и при втором подходах в поле исследования попадают или организм без души, или душа без организма. Судя по всему, аналитическая психотерапия стала первой областью знаний, которая вновь объединила психику и сому. «Поэтому мы, не стесняясь нашего исторического дилетантизма, с готовностью стали учениками целителей-философов тех далеких времен, когда душу и тело не растащили по разным факультетам.

Преимущественно мы являемся профессионалами, но сама наша профессия требует от нас универсализма, выхода из рамок узкой специализации в широкие области знаний». [118, 90] Всякая односторонность ущербна. И как невозможно рациональными логическими методами проникнуть в суть психического расстройства, так и невозможно эмоциональность использовать в качестве механизма, объясняющего законы формирования рационального мышления. Если исходить из принципа целостного подхода к психическому организму личности, то надо признать, что во вневременном статусе бессознательного уровня необходимо видеть потенциал развития Я-сознания (временности), точно так же, как в Я-сознании необходимо видеть могучий потенциал для формирования целостности психической жизни. «В отсутствии сознания невозможно было бы вообще узнать о существовании мира, а без психики совершенно невозможно было бы познание, тогда как объект, прежде всего, должен пройти сложный психологический и психический путь изменения, чтобы, в конце концов, стать психическим образом. Существование мира определяется двумя условиями: его бытием и способностью быть познаваемым». [118, 97] Состояние бессознательной темпоральности может быть познаваемо сознательной временностью. Бессознательное нуждается в сознании, а сознание возможно лишь при наличии бессознательного. Эта целостность становится эмпирической реальностью в феномене психосоматического организма личности. «Целостное психическое бытие человека, о котором мы недавно спрашивали, следовательно, можно назвать миром или микрокосмом. Древние были совершенно правы, думая так, хотя их мнение исходило из неправильных посылок. Психика отражает бытие во всей полноте и познает его, в ней происходит все». [118, 97] По сути, целостный подход к психике присущ именно древнему мифологическому мировидению. Но эволюция человека с необходимостью должна была привести к дроблению этой целостности, Олимп греков, будучи целостным, уже таил в себе дифференциацию в виде «узкоспециализированных» богов. *Процесс дифференциации необходим, но необходим как этап. Это означает, что дифференцированный макрокосмос в психике человека должен вновь обрести свою целостность и это уже должна быть не стихийная, а*

осознанная завершенность. Поэтому, появившееся на определенном этапе психической эволюции отождествление психики с сознанием, в дальнейшем, с помощью глубинной психологии должно было быть отвергнуто. Тем не менее, эта одностороннее отождествление и сегодня принимается в науке, в частности, в форме когнитивно - ориентированных техник психотерапии. «Чтобы понять все это по-настоящему, нам следует значительно расширить устаревшее понятие психики. Опыт говорит о том, что идентифицировать психику и сознание, как это делали раньше, совершенно неправильно». [118, 97] На эту односторонность указал еще в середине 19 столетия немецкий биолог, философ, врач и живописец Карус Карл Густав, который, как известно, был одним из основоположников теории бессознательного. Врачи 19-го столетия, как правило, были людьми художественно одаренными. Может, и поэтому им более был присущ целостный взгляд на природу человека. Ценность такого подхода в психотерапии и сегодня не вызывает сомнений. «Я хочу открыто заявить, что мы, психотерапевты, в самом деле, должны быть философами или философствующими врачами». [118, 86] В развитии науки парадоксы, пожалуй, встречаются так часто, что приобретают характер закономерности. В психотерапии, безусловно, принимается идея бессознательного, однако, при этом, каждая школа наделяет это понятие специфическим значением и приписывает ему различную прикладную и теоретическую ценность. Если в теории такое положение терпимо, то когда мы перемещаемся в плоскость практики, то тут односторонность теоретического подхода становится недопустимо опасной. Рассматривая проблему формирования психических расстройств, мы должны отказаться от интеллектуальной роскоши исходить из противоречащих друг другу концепций психики. Единственно продуктивным подходом становится целостный подход к личности, который представляет собой не догматическую, а открытую систему знаний. Для психотерапии непростительно придерживаться ограниченного подхода к психике, каким бы привлекательным этот подход не казался. Жесткую позицию в этом вопросе занимал Отто Вайнинггер: « Никакая другая наука, становясь нефилософской, не может так скоро опошлиться, как психология. Освобождение ее от философии - истинная причина ее упадка».[21, 69] Для построения

целостной концепции формирования психических расстройств личности, мы должны учитывать, как минимум, три уровня - бессознательное, сознание и соматическое, а также их взаимодействие. (Строго говоря, тело также является бессознательным по своей природе, поэтому правильнее говорить о двух уровнях.) Говоря точнее, мы видим актуальность в том, что прослеживаем роль фактора времени в деятельности и взаимообусловленности этих уровней. Природа бессознательного такова, что оно как макрокосмический уровень не подлежит дефиниции в самом себе, оно может быть проявленным лишь в Я-сознании. Но путь проявления не столь примитивен и однозначен. Бессознательное является одновременно сознанием, если мы хотим придерживаться принципа функциональной целостности психики. Это утверждение имеет смысл, если мы учтем взаимообусловленность и взаимопроникаемость этих двух уровней. Одним из величайших благ человека является то, что бессознательное не рушит границы сознания в нормальной психической деятельности. «Как уже упоминалось, древние видели в психическом микрокосме. Это было одной из характеристик психофизического человека, но приписать это свойство Эго-сознанию значило бы переоценить его. Бессознательное - иное дело, потому что его нельзя удовлетворительно описать через дефиницию, а можно только сказать, что оно бесконечно мало, и бесконечно велико. Назвать бессознательное микрокосмом можно лишь в том случае, если в нем будут обнаружены составляющие, находящиеся за гранью личного опыта, то есть определенные константы, не приобретенные индивидуально, а данные a priori». [118, 99] Употребляемое Юнгом К.Г. выражение «бесконечно мало», конечно же – метафора, - малое не может быть бесконечным, но бесконечность несет в себе как великое, так и малое. Вневременность бессознательного уровня психики свободно вмещает в себя как филогенез, так и онтогенез личности. Эта вневременность представлена мифологемами коллективного бессознательного, или надличностным уровнем психики. «Мифологема - это своеобразные «части мира», включенные в структуру психики. Они являются константами, которые проявляются относительно одинаково во все времена и у всех народов». [118, 99] Мы можем вслед за К.Г. Юнгом спросить: как эти соображения соотносятся с

терапией? Прежде чем привести здесь его ответ, скажем, что именно эти соображения определяют самую суть актуальности нашего исследования, именно эта вневременность мифологии, вневременность надличностного уровня бессознательного и становится тем резервуаром, из которого обильно вытекают состояния здоровья и болезни личности. « В мифологемах обнаруживаются коллективные содержания, которые представляют собой ситуационные образы, теснейшим образом связанные с проявлением инстинктивного импульса. Вот почему знание этих ситуационных образов становится таким важным для психотерапевтов в их практической деятельности». [118, 100] Эта двойственность переживания времени закономерно формирует определенные сложности в понимании процесса формирования психических расстройств личности. Кроме того, понимание процесса внедрения вневременности в психосоматический организм человека подводит нас к адекватной интерпретации формирования заболеваний. Прежде всего, мы исходим из того, что в психических расстройствах личности необходимо видеть процесс взаимодействия двух уровней психики. Психическое расстройство - это категория Я-сознания, хотя бы по той простой причине, что мы судим о состояниях нашего психического здоровья на уровне сознания. Даже если мы знаем, что определенное расстройство сформировалось на каком-то определенном году жизни, то это не значит, что его актуальное темпоральное состояние совпадает с его латентным состоянием. Психическое расстройство начинает формироваться латентно, а проявиться, в качестве факта, она может в каком-то определенном возрасте. Время регистрации расстройства и его длительность никогда не совпадают. Смысловая обусловленность формирования расстройства не совпадает с его временной причинно-следственной последовательностью. За смысловую сторону заболевания отвечает как раз бессознательный уровень психики. Поэтому очень часто в зрелом возрасте становятся возможными заболевания, присущие детству или проистекающие из детства. Актуальность нашей работы мы видим также в попытках понимания временного и смыслового уровней формирования психических расстройств.

Идею о единовременном существовании в психике человека всех временных форм высказывает П.К. Анохин, который рассматривает факт единовременности как продукт эволюционного развития. В частности, его идея о том, что: «мозг стал органом, который в каждый момент своей деятельности, сочетает в себе прошлое, настоящее и будущее» недвусмысленно раскрывает идею разности времен в различных психических состояниях. Кроме того, эта блестящая идея непосредственно может служить теоретическим обоснованием возможности развития феномена множественной личности, при котором, как известно мы имеем дело с различными возрастными статусами личности. Актуальность нашего исследования, таким образом, дополняется идеей о том, что в динамике развития диссоциативного расстройства идентичности мы можем, хотя бы на гипотетическом уровне констатировать единовременность временных форм, имеющей постоянное присутствие в психической деятельности личности. В восприятии и переживании времени задействован эмоциональный фактор, время в психике конкретного человека имеет как метрическую данность (прошлое, настоящее, будущее), так и субъективно переживаемую картину этих временных форм. При этом эти временные формы (метрические и субъективные) крайне редко могут быть тождественными- субъективная картина времени искажает его метрическую данность. Восприятие времени всегда субъективно и лично, так как время, как это утверждают российские и зарубежные исследователи, в психике недифференцировано. Для конкретного человека прошлое-это не метрическое прошлое, оно может быть настоящим и будущим. Время всегда лично. Если мы исходим из принципов рассмотрения вышеупомянутых ученых, то тем самым мы обязаны сделать предметом анализа саму возможность дифференциации этой единовременности.

Формирование психических расстройств на бессознательном уровне психики подчиняется смысловому принципу, между тем на уровне Я-сознания происходит некоторый сдвиг в сторону причинно-следственных связей, что, по сути, формирует неопределенность в понимании самих механизмов формирования. В психическом расстройстве происходит смешение двух уровней функционирования времени, или

вневременности и последовательности времени. Смысловой фактор формирования расстройства не подчинен причинно-следственной связи. Тут нет причины в ее классическом понимании, но тут есть доминанта необходимости. Попытка осмысления места фактора времени в психических расстройствах личности подвела нас к необходимости формулирования определенных теоретических основ исследования. При этом мы руководствовались положением, блестяще сформулированным известными учеными Головахой Е.И. и Кроником А.А.: «Способы, с помощью которых может быть построена психологическая теория, различны. Можно начать с некоторых наиболее общих философских абстракций, на основе которых воздвигнуть стройный теоретический конструкт. Иной путь – это анализ внутренне прочувствованного, пережитого любым человеком субъективного опыта, анализ, обусловленный назревшей потребностью понять, что стоит за этим опытом, что отражает он, как влияет на жизнь человека. Эти пути дополняют друг друга».[33, 43]

Степень разработанности проблемы.

О значении и глубине проблемы психологического времени можно судить по тому, что она в течение тысячелетий оставалась одной из центральных для человеческого сознания. Если говорить о времени, то даже в относительно недавнем прошлом эта проблема была представлена в трудах следующих ученых: В. Джеймс, К. Коларуссо, Arlow J., Hartocollis P. Loewald, H., Namnum A., М. Вебер, Э. Гидденс, Э. Дюркгейм, Дж. Гурвич, Р. Мертон, Г. Мид, П. Сорокин, А. Шюц, А. Юбер. В дальнейшем существенный вклад в разработку понятий «социальное время» или в исследование социально-исторических его форм внесли В.Г. Афанасьев, В.С. Баткин, И.В. Блауберг, П.П. Гайденко, А.В. Грибакин, А.Я. Гуревич, Г.Е. Зборовский, И.Н. Иванова, М.С. Каган, В.А. Канке, Ю. Кахк, П.Г. Колесниченко, Н.И. Листвина, А.Н. Лой, Г.Л. Орлов, И.М. Савельева, И.А. Сафронов, Ю.В. Сычев, С.А. Токарев, Б.Н. Топоров, Н.П. Французова, Е.В. Шинкарук, Л.А. Штомпель, В.П. Яковлев. Проблему времени в аспекте развития и функционирования культуры, цивилизации рассматривали (или разрабатывали историко-культурный подход) А.С. Абасов, В.А. Артемов, М.Д. Ахундов, А.Я. Гуревич, Э.А. Баллер, Н.А. Бердяев, Е.В.

Боголюбова, О.П. Зубец, А.П. Донченко, Э.А. Елизарьев, И.Н. Иванова, В.С. Поликарпов, Р.Н. Гасилина, В.Н. Ярская-Смирнова, М. Вебер, А. Бергсон, Э. Гуссерль, К. Манхейм, Х. Ортега-и-Гассет, З. Фрейд, М. Хайдеггер, Й. Хёйзинга, А. Швейцер, О. Шпенглер. Цуканов Б.И Проблема времени становится центральной в исследованиях таких ученых как К. Левин, С.Л. Рубинштейн, Б.Г. Ананьев, К.А. Абульханова-Славская, А. Кроник, Е. Головаха, Д.Г. Элькин, Б.И. Цуканов, А.С. Дмитриев и многих других. История исследования феномена времени в психологии сформировала три основных направления: это психофизиологическое, психологическое и личностное. Степень разработанности проблемы досконально и тщательно представлена нами в трех главах диссертационного исследования.

Предметом исследования является процесс функционирования психологического времени на различных уровнях психической активности, в области формирования нормы и патологии личности.

Объектом исследования являются особенности функционирования психологического времени и его роль в генезе диссоциативного расстройства идентичности личности. Объект исследования представлен двенадцатью клиническими случаями диссоциативного расстройства идентичности или расстройства множественной личности.

Научная новизна исследования может быть представлена несколькими положениями:

а) впервые проблема психического здоровья рассмотрена с позиций концептуального анализа психологического времени, б) в работе рассматривается феномен психологического времени в контексте формирования психических расстройств, в) выявляется обусловленность психических расстройств взаимодействием бессознательных и сознательных параметров протекания психологического времени.

Практическая значимость исследования состоит в разработке новой модели психотерапевтической работы с диссоциативными расстройствами, основанная на закономерностях и особенностях функционирования психологического времени.

Методологические основы исследования

Методологическая основа научного исследования составляет его важнейшую часть. По сути, это научные исторические предпосылки, это сумма научных достижений, на которых должно основываться любое научное исследование. В нашем диссертационном исследовании в качестве методологической и теоретической основы выступают теоретические положения российских и зарубежных исследователей в области психологии времени, с одной стороны, а также теории и концепции диссоциативного расстройства идентичности личности. Методология диссертационной работы основывается на концепциях отражения и переживания времени П.И.Яничева, причинно-целевой концепции психологического времени Головахи Е.И. и А.А.Кроник, социокультурной концепции множественной личности И.Н.Вороновича на функции и особенности времени в межличностных отношениях Болотовой, на темпоральных основаниях концепции формирования аддиктивного поведения А.К.Хомик В.С., Кроник А.А. , а также на концепции времени Цуканова Б.И, Жарова А.М, Ковалева В.И. , Erikson E.H., Kluft, R.P. Кнох, J. В отношении понимания диссоциативного расстройства идентичности мы взяли в качестве методологических предпосылок работы Тарабриной Н. В. Сикевич З. В., Нурковой В.В. Нуллер Ю.Л., Ф.В. Патнем, Bellak L., Hurvich M., Gediman H.K., Branscomb, Braun B.G.

Цель исследования - представить целостную концепцию психологического времени в ракурсе его роли в формировании диссоциативного расстройства идентичности личности.

Для достижения поставленной цели определены *основные задачи*:

1. Представить исторический обзор проблемы психологического времени-от архаического понимания до современности.
2. Выявить связь психологического времени с рациональными и иррациональными аспектами психической активности.
3. Определить психологический статус феномена времени на различных уровнях психики.

4. Определить психологическое время как фактор, детерминирующий формирование диссоциативного расстройства идентичности личности.
5. Раскрыть психологический смысл формирования психических расстройств в ракурсе функционирования психологического времени личности.
6. Разработать собственную модель психокоррекционной работы, основанной на закономерностях функционирования психологического времени.

Гипотеза исследования: формирование диссоциативных психических расстройств личности обусловлено разрывом или несовпадением темпоральных параметров сознания и бессознательного. Следовательно, процесс психотерапии может состоять в синхронизации и идентификации этих параметров.

Положения, выносимые на защиту:

1. Философское и психологическое понимание феномена времени являются взаимодополняющими, а не рядоположными парадигмами.
2. Уровни психической активности личности функционируют в различных временных режимах. Психологическое время на бессознательном уровне функционирует в контексте смысловой необходимости, между тем как в сознании преобладает каузальное мировосприятие. «Хронос в сознательном мировосприятии вытесняет в структуру Эона травматические события жизни личности.
3. Психические расстройства личности формируются из прошлого психологического времени. Человек заболевает в прошлом, но болезнь проявляется на стыке настоящего и будущего. В психике больного прошлое и будущее сливаются, а это как раз и означает, что нарушается синхронизация времени. Слияние прошлого и будущего времени в едином континууме психической деятельности личности представляет собой автономное настоящее время. Время в психике не дифференцировано, в расстройстве вообще нет категориальной дифференциации времени. Каузальность сознания при психическом и психосоматическом расстройствах выпадает из структуры миро и самовосприятия. Хотя и в нашем

исследовании мы не затрагиваем психосоматическую проблематику, тем не менее, она тоже может быть перспективно включена как предмет исследования в нашу концепцию.

4. Бессознательная довременность (внеличностное время) означает отсутствие конкретного времени, последовательности, отрицание жизненной длительности, отрицание личностного уровня миропереживания. То, что в сознании формируется как расстройство, в бессознательном функционирует как смысловая или содержательная необходимость. Расстройства формируются лишь в тех случаях, когда для его формирования существует бессознательная обусловленность. В ситуации смыслового вакуума в бессознательном расстройства не формируются.
5. Во внеличностном времени не существует дифференциации на прошлое, настоящее и будущее, точно также в коллективном бессознательном не существует подобных уровней, в нем история человечества дана в единовременности.
6. Диссоциативное расстройство идентичности обладает несомненным защитным характером, нацеленным на погашение тягостных переживаний о смерти.
7. Выход из линейного времени, который всегда наблюдается при диссоциативном расстройстве идентичности, является прежде всего выходом из временной последовательности, в которой есть начало (рождение), болезни и смерть.
8. Выпадение из границ линейного времени, таким образом, является бессознательным способом преодоления не только страха смерти, но и возможных психосоматических страданий личности.

Структура диссертационной работы. Диссертационная работа состоит из введения, 4 глав по три параграфа в каждой главе и заключения. Работа содержит три схемы. Список использованной литературы состоит из 223 наименований. Материал диссертации изложен на 347 страницах.

Тема докторской диссертации утверждена на заседании № 7 Ученого Совета факультета философии и психологии ЕГУ от 30 апреля 2009 года.

Апробация работы

Апробация работы состоялась 06.10.2014 г на кафедре социальной психологии, факультета философии и психологии ЕГУ.

Материалы диссертационного исследования были представлены на международной научно-практической конференции. Астрахань, 2007 г., на Региональной конференции “Mental Health In A Changing World”, April 14-17, 2011, Yerevan, Armenia, на научно-практической международной конференции. Ереван, 2007, а также на заседаниях кафедры социальной психологии Факультета философии и психологии ЕГУ. Результаты исследования используются в учебном процессе при чтении курса «Синхронизация времени» для магистрантов дневного обучения по специальности «Клиническая психология и психотерапия»

ГЛАВА 1. ФЕНОМЕН ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ В ИСТОРИИ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ.

1.1 Представления о времени в древнем и античном мире

«Чтобы понять особенности переживания и концептуального осмысления времени индивидом определенной культурно-исторической эпохи, необходим анализ проблемы понимания времени в рамках этой эпохи» *А. А. Кроник*

Исследование проблемы времени не может обойти стороной ее культурно-исторический контекст. И вопрос тут не в том, что необходимо начинать изучение проблемы с ее истоков (это вполне понятно), вопрос в том, что проблема времени является одной из тех редких проблем, которая просто не может быть понята вне исторического контекста. Это не дань научной традиции, а острая необходимость. «В зависимости от конкретных культурно- исторических условий время могло выступать и в форме безропотного принятия предначертаний судьбы в ожидании благоприятных возможностей, открываемых временем, и в форме активного деятельного наполнения времени собственным жизненным содержанием». [33, 15] История развития представлений о времени, о его природе и угрожающей и тревожной сущности включает в себя период, который можно назвать архаичным. Прежде всего - это время коллективного бессознательного нашей психики, это время вне этноса и вне цивилизации, это время мифа. Мифическое время, сегодня вновь и вновь напоминает нам о себе в различного рода обрядах и ритуалах, действиях, совершаемых человеком, не знающим их смысла, но, в то же время в действиях, вызывающих некое мистическое чувство сопринадлежности космическому началу.

Вообще в религиозных и историко - культурных ритуалах мы соприкасаемся с древним архаическим миропониманием. Эта особенность человеческой психики позволила некоторым исследователям выдвинуть предположение о существовании ее

архаичных пластов. Безусловно, начало этому процессу положил К.Г. Юнг. Архаические или, скажем так, мифологические структуры психики, включающие в себя представления обо всех сторонах бытия, естественно, включают в себя и архетип времени. Основными характеристиками мифического времени являются: его мистический характер, сакральное содержание и его обратимость. В архетипе времени отсутствует последовательность и линейность, тут не временных категорий в дифференцированном виде. Мифологическое время наделяет значимостью, так называемую, единовременность. Как прошлое, так и настоящее, и будущее имеют одинаковую психологическую ценность. Время в мифическом представлении и не может быть иным: по своей структуре миф является одновременно как земным, так и космическим феноменом, в мифе задействованы как боги, так и обыкновенные смертные (сознание и бессознательное). Описания мифа относятся как к космическим событиям, так и к земным. Поэтому в мифологическом мировосприятии должны существовать два времени - сакральное и профанное (по определению М. Элиаде). Даже, если в мифе описывается сценарий лишь с божественными персонажами, то человек его воспринимает, исходя из своего понимания времени. Миф всегда протекает в настоящем времени, прошлое для мифологического сознания - это всегда настоящее. *Именно поэтому всякое психическое расстройство мифологично, по своей природе.* Совершенно также, как в коллективном бессознательном время обладает сакральным характером, в мифе, как производном от этого уровня психики, прошлое всегда является одновременно настоящим. На бессознательном уровне психики настоящее, как единовременное, является универсальной категорией. Мы можем предположить, что на бессознательном уровне психики темпоральность выражается лишь в настоящем времени. Тут нет прошлого и будущего, тут есть исключительно настоящее. Все, что произошло с человеком один раз запечатлевается в границах настоящего времени. И там, где нет дифференциации времени, то там естественно, не существует последовательности и каузальности. Поэтому, время в бессознательном является состоянием, то есть вечным настоящим. «Дело в том, что будущее и прошлое – это виды времени, которые не могут быть перенесены на «вечную сущность» – Вселенную. Для нее

нет «было» или «будет», она не становится старше или моложе, она живет только в «есть» [5, 370-371] В архаическом миропонимании темпоральная дифференцированность не обладает значением, - смысл приписывается тому, что неизменно и стабильно. «Это еще одна черта понимания архаическим сознанием времени: только то, что не изменяется во времени, имеет истинное значение. Это парадокс понимания архаическим сознанием одновременного сосуществования статики и динамики, изменяемости всего и одновременной неизменности». [5, 371]

Мифологическое сакральное время является отрицанием линейного времени, миф противопоставлен повседневности, вечность противопоставлена времени. Мифологическое сознание, или точнее мифологическая психика лишена категоризации времени, здесь все единовременно благодаря существованию сакрального времени. Сущность сакрального времени в том, что оно постоянно присутствует, но это не настоящее линейное время, это единовременье, то есть в настоящем постоянно воспроизводится прошлое как нелинейное настоящее, и реальное психическое состояние. Особенностью сакрального времени является его креативность. Практически время связывается с началом творческих процессов. В контексте мифологической реальности, время стало существовать лишь по той причине, что боги начали творить земную реальность. Прошлое человечества в мифологической психике связано с актом творения, сам же акт творения выражен в деянии богов. Существование человека обусловлено фактом креативности богов. В сакральном времени, во времени «богов» прошлое существует лишь в категории единовременного, поэтому прошлого, как линейной категории не существует. Мы, строго говоря, имеем дело с темпоральной целостностью. Если время является формой существования физического мира, то есть физический мир не постигаем вне времени, - то оно должно существовать изначально. А изначально время существует в облике богов. Однако, с другой стороны, олимпийские боги - это уже материализация времени. Поэтому, в психике личности время как вечность и время как каузальность отражаются на уровнях бессознательного и уровне сознания (уровень личности). Структура сакрального времени сохраняется в нашей психической жизни, - это

универсальный механизм филогенетического наследства, который работает не только в психических расстройствах, этот механизм присущ психике, как таковой. Реальность настоящего определяется реальностью прошлого, это единовременная реальность - эта мифологическая черта в целостной форме сохранена в психике современного человека. Настоящее время, практически всегда является формой возвращенного прошлого. *В психологическом времени актуализированы и активизированы боги архаического мышления, называемые ныне субличностями.* Время в восприятии первобытного человека неоднородно. Л. Леви-Брюль, например, насчитал несколько разных типов времени, которые, по верованиям даяков, благодаря своим особым свойствам, определяют течение дня: 1) восход солнца, хорошее время для начала всякой работы. Удачей считается родиться в это время, но, в то же время не следует отправляться на охоту, рыбную ловлю или в путешествие - счастья не будет; 2) около 9 утра - момент несчастливый для любых начинаний, но в это же время можно не опасаться бандитов в дороге; 3) полдень - час сражений: повезет врагу, разбойнику, охотнику и рыболову, но не путешественнику; 4) на закате период удачи более краток.[57,137-138] Человеческая психика не подчиняется механическим принципам функционирования. Картина тут намного сложнее. *Я-сознание для восприятия и понимания психической действительности нуждается в бессознательной темпоральности. Но сама психическая ценность вневременности определяется характером переживаемой временности. Вневременность как нуменозный феномен должен иметь психическую проявленность. Лишь постулируя эту вневременность, мы можем допустить процесс творения, то есть процесс начала или разворачивания времени.* Таким образом, феномен времени заложен в бессознательном филогенетическим наследием. Одновременно с процессом развития «Эго» бессознательная вневременность небольшими частями переходит в сознание в виде дифференцированных категорий - прошлого, настоящего и будущего. Все это означает, что время должно предсуществовать. «Иными словами, время было до времени. Такое «время до времени», или, по мнению исследователей, «священное время» («время богов»), отличается от профанного времени людей. Люди в архаическом представлении

«выпадают» из времени богов, этого «до-времени» и свой путь проходят линейно, лишь условно, в некотором смысле умирая каждый вечер и возрождаясь каждое утро. Также является интересным то, что древние сказители ни в коем случае не снимали этого противоречия. Возможно, для них описание существования этого парадоксального времени, существовавшего «до времени», не подлежало исправлению из-за традиции. Но стоит также предположить, что для них такое положение дел было не парадоксальным, а естественным, т. е. такое мировосприятие было естественным». [5, 370] Может быть, на каком-то отдельном отрезке космической эволюции время, стало быть, но, безусловно, не в современном дифференцированном виде. Это означает, что в эволюции космоса, должно *быть состояние несотворенного времени, или состояние Эона.*

Время имеет начало и от этого начала и проистекает эволюция добра и зла в их космическом понимании. «Даже официальная история сообщает нам, что учение Заратустры было построено на двух началах: начале Ормузда - существе добра и света, и начале Аримана - существе зла и тьмы. Но даже экзотерическое изучение этого религиозного учения указывает на то, что эти два существа исходят из единого начала-Зеруан-Акарэнэ... Обычно имя Зеруан-Акарэнэ переводится следующими словами - «несотворенное время». Таким образом, в конце концов учение Заратустры приводит нас к этому первичному началу-времени спокойно пронизывающему своим течением Вселенную».[114, 29] Если несколько отрешиться от эзотерического подхода к проблеме времени, так как для его полноценного понимания необходимо обладать альтернативным мировоззрением, то проблема сотворенного времени может быть обнаружена уже в мифологическом творчестве многих народов мира. А это означает, что в нашем коллективном бессознательном уже существует понятие вневременности. А так как коллективное бессознательное наследуется, то уже на эмбриональном уровне функционирования психики уже заложены архетипы вневременности и дифференцированного времени. Вследствие того, что архетипы коллективного бессознательного имеют однозначно нуминозный характер, - в бессознательном переживании времени они приобретают специфическую форму переживаемых состояний.

Тот же процесс мы фиксируем в сновидческой активности человека. Сущность феномена психологического времени раскрывается также с помощью понятия «творение». Строго говоря, это понятие не может быть отнесено к сугубо философскому, оно включает в себя психологическую реальность. Творение, если мы несколько дистанцируемся от мистического понимания термина, является актом создания нового из более высшей инстанции. Суть сотворенного в психологическом понимании (как в прочем и в философском) состоит в постоянном возвращении к истокам. Творение можно понимать как эманацию, как процесс формирования низших областей из высших, собственно философский аспект, так и как придание формы для уже существующего предметного мира. Творение - это своего рода поляризация, процесс, при котором высшее противопоставляет себя низшему, выводя это низшее из себя. Этот понимание, по сути, отражает реальность человеческого психологического мира. *Так как все сотворенное определяется характером и историей первоначального правремени, то человеческая жизнь практически всегда психологически зависит от прошлого.* Поэтому и настоящее время определено прошлым, сконструировано прошлым, программируется прошлым.

На протяжении длительной эволюции homo sapiens отношение человека к проблеме времени часто оформлялось эмоциональным отношением к явлению смерти. И если мы хотим понять, как интерпретировалось и переживалось время в древнем мире, мы должны, прежде всего, выяснить каким было отношение к смерти. Как отмечают Головаха Е.И. и Кроник А.А.: «Отношение к смерти - это вместе с тем и отношение личности к жизни в ее целостности, во взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего. Поэтому его исследование является важным условием познания психологического времени, в особенности психологического возраста, который выступает мерой психологической реализации времени жизни личности». [33, 35] Было бы крайне примитивным считать, что отношение к смерти всегда имело острый драматичный характер. Если мы возьмем в качестве примера древнеиндийскую культурную эпоху, то здесь мы с полным основанием можем утверждать, что отношение к смерти имело философский характер. Древнеиндийское мировоззрение было пронизано этим характером. Для

древнеиндийской культурной эпохи реальность и ценность земной жизни обладала второстепенным значением, физический мир воспринимался как мир иллюзорный, как мир Майи. Поэтому проблема времени, как таковая, закономерно привязывалась к смыслу жизни и смерти. Быть может, данный подход является более полноценным в силу своего экзистенциального характера. В этом аспекте рассмотрения, для древнеиндийского миропереживания, иллюзорность физического мира нельзя понимать как нечто несущественное. Мир Майи, то есть физический мир является сам по себе ценным в том смысле, что он становится переходным уровнем в мир духовный. А вот реальность духовного мира обладала статусом очевидной действительности. Суть не в том, что все окружающее человека воспринималось как несуществующее, - земной мир, безусловно, обладал реальностью бытия. Мир Майи - это некая особенность восприятия, при которой смысловая и ценностная первостепенность приписывалась не физической реальности, а духовной. Реальной психической значимостью обладал потусторонний мир. Поэтому отношение к смерти, а значит и ко времени не было отягощено трагизмом. Очень часто неверная интерпретация древнеиндийского мировоззрения обуславливается таким же неверным пониманием самого понятия «Майя». Когда мы говорим, что для индийца внешняя реальность – это мир Майи, иллюзия, то мы имеем в виду, что за воспринимаемым физическим миром древний индиец видел духовный мир, при этом физический мир представлялся как занавес, за которым скрывается мир богов, духовных существей. Поэтому переход порога смерти означал отодвигание занавеса, отделяющего духовный мир от физического. При таком мировоззрении крайне нелепо воспринимать смерть как трагедию. Душа индийца стремилась обрести свою духовную родину, а смерть приобретала функцию средства для достижения этой цели. «Ведь смерть, как ее понимает обыденное сознание, есть величайший обман чувственного мира, который стал миром Майи, когда человечество утратило способность созерцать духовный мир. Чье же духовное зрение осталось ясным, тот видел за мрачным образом смерти истинную действительность - солнечный дух, который призывает к себе души с земли и вновь заставляет их «умирать» в духовном мире, с тем, чтобы они заново родились на земле».

[107, 11-12] Являясь Майей, физический мир со всеми его атрибутами воспринимался как преходящая родина человека. Истинная родина человека – это мир духа, в котором времени нет, в котором духовность становится мерилom предназначения и смысла жизни. В структуре духовности время изначально отсутствует, поэтому духовность является свернутым временем. Древнеиндийская культурная эпоха может быть с полным основанием определена как бессознательная эпоха, эпоха детской бессознательности человечества. Доминирование бессознательного мировосприятия приводит к мысли о реальности именно духовного мира. Для того, чтоб духовный мир стал реальным для человека он должен развернуться, он должен перейти в земное проявление, вечность должна быть познана и проявлена с помощью жизни во времени. Доступ в духовный мир был возможен с помощью физического мира. Психологический характер отношения человека к смерти определяется тем, что человек считает своей родиной - потусторонний или посюсторонний мир. Для древнего индийца родиной является духовный мир, проникнуть в который мешает мир Майи. «Древнеиндийская эпоха с ее почти незамутненной перспективой духовного мира еще не умела развивать любовь к земле. Только в Персии, под строгим водительством Заратуштры, человек научился смотреть на землю как на свою родину и ощущать труд на ней как содержание своей жизни». [107, 13] Еще неразвитая любовь к земле определяет отношение человека к феномену времени. Любовь к земле, которая формируется в древнеперсидскую эпоху, развивает мышление во временных категориях, так как формируется необходимость следовать законам цикличности времен года. Таким образом, уже в древнеперсидскую эпоху человек оборачивается своими помыслами и надеждами к земле, которая наделяется исключительной ценностью. Поэтому отношение к смерти в эту эпоху начинает претерпевать кардинальные изменения. Повседневная работа становится идеалом, а духовный потусторонний мир все более отдаляется от души древнего перса. Чем более физический мир утрачивает свойства Майи, чем глубже погружается человек в земную жизнь, тем более у него развивается сознание и тем более отдаляется бессознательный уровень психики. Начиная с древнеперсидской эпохи дистанция между сознательным и

бессознательным уровнем все больше увеличивается и в человеческой жизни наступает кризисный период смены ценностей. С началом древнеперсидской эпохи человек начинает относиться к земной жизни более драматично. Эмоции приобретают характер общей тревожности. «Петух ранним утром поднимает людей на работу и предупреждает их о демоне сонливости, внушая им следующее: «Не прости трех лучших вещей: хорошо обдуманной мысли, хорошо сказанного слова, хорошо сделанного дела!» Работа, порядок и чистота во всех отношениях были практическими идеалами персидской эпохи». [107,14]

Все большее погружение в земную жизнь, то есть постоянно растущая дистанцированность от потустороннего мира, от бессознательного приводит к тому, что в древнеперсидскую эпоху отчетливо наблюдается изменение отношения к смерти. Если в древнеиндийскую культурную эпоху граница между земным и потусторонним мирами размыта, то в персидскую эпоху она начинает уже прорисовываться, она уже приобретает более отчетливые контуры. Более того, как глубоко замечает Хуземан Ф., представления о духовном мире стали приобретать земной характер. «Переживания в земном мире, представления, связанные с телом отбрасывают свою тень и по ту сторону порога смерти, рисуя душе духовный мир гораздо более похожим на земной, чем он есть на самом деле». [107,14] И при этом, чем более потусторонний мир приобретал земные характеристики, тем более феномен смерти обрстал драматизмом и вызывал ужас в душе человека. Описания потустороннего мира в памятниках древнеперсидской эпохи непосредственно подводят нас к выводу о том, что феномен смерти утратил свою безличную природу, он стал намного ближе к человеку. Время становится личностным феноменом в древнеперсидской культурной эпохе. В древнеиндийскую эпоху время пока еще имеет внеличный характер. Личностный характер восприятия времени вносит свои коррективы в восприятие и понимание духовного мира. Отныне и до сих пор духовный мир представляется идеализированным человеческим миром со своими примитивными уровнями добра и зла - рай и ада. «Очевидно, что теперь для праведной души начинает открываться рай, который в своей форме, без сомнения, обусловлен еще связанными с земной жизнью желаниями и воспоминаниями души, и таким образом, обнаруживает

«люциферовы черты». [107, 15] Для нас достаточно примечательным становится то, что описания рая являются описаниями идеальной земной жизни человека, жизни полной наслаждений. По сути, если исходить из психоаналитических принципов, то можно сказать, что эти характеристики подчинены принципу наслаждения и очень далеки от принципа реальности. Человек в своих желанных ожиданиях райской жизни регрессирует в состояние раннего детства. Перенося земную атрибутику на небо, человек пытается стереть отчетливо прорисованные границы между жизнью и смертью. Именно этим стремлением и можно объяснить то, что при захоронениях вместе с умершим, хоронили также необходимые для земной жизни предметы. Это явление может быть интерпретировано как своеобразная психическая защита, направленная на стирание границ посюстороннего и потустороннего мира. Представления о загробной жизни, безусловно, формировали у человека необходимость придерживаться определенных моральных устоев. Так, праведникам была уготована дорога в рай, а грешникам - в ад. Путь грешной души: «..заканчивается в беспредельном мраке. Ариман, бог тьмы, приказывает: « Да поднесут ему пищу из яда и вонючего яда! Вот пища для юноши зломыслящего, злоговорящего, злодействующего, зловерного после издыхания» [107,16]

Обратим внимание на то, что в описаниях рая и ада присутствуют земные физические характеристики. Это означало, что представления о смерти, о загробной жизни смешивались с земными вплоть до того, что умерший сохранял при себе функции ощущений. Иначе, каков смысл мучений с помощью вонючего яда? Кроме того, описания ада напоминают нам предписания морального долга древнего перса, - зломыслящий - это тот, кто упустил возможность хорошо продумать мысль, злоговорящий, соответственно тот, кто упустил возможность высказать хорошее слово, точно также и злодействующий. Рассматривая отношение человека древних культур к смерти, мы можем утверждать, что после древнеиндийской эпохи в психике человека стал формироваться страх ко всему потустороннему и, конечно же, к смерти. В знаменитом эпосе «Гильгамеш», который датируется 2000 г. до н.э., открыто говорится об охватившем Гильгамеша ужасе при виде смерти его близкого друга Эбани. «Гильгамеша охватывает страх, что и его может

постигнуть та же участь: Гильгамеш по Эбани, своим друге горько плачет и бежит в пустыню: Я умру! Не такой же ль я, как Эбани? Грудь моя наполнена скорбью, и боюсь теперь смерти и бегу в пустынное поле, надо мной тяготеет предсмертное слово друга». [107,17] Страх перед смертью погашает способность человека трансцендентально переживать переход через порог бытия. Психическое погружение в земную природную жизнь означает постепенный отход от духовного понимания феномена смерти, увеличение дистанции между бессознательным и сознательным уровнями психического аппарата человека. «На протяжении длительного исторического периода от цивилизаций древности до нового времени в искусстве и философии предпринимались попытки осмыслить закономерности человеческого времени, рассмотреть их в сложном переплетении событий и судеб людей». [107,15] Персидская и Шумеро-вавилонская культурные эпохи все более приближают человека к земному пониманию трансцендентальных явлений. Эпос «Гильгамеш» отчетливо демонстрирует нам эту смену ориентаций человека. «Здесь обнаруживается, что жизнь на земле, собственно физическая родословная, к этому времени уже настолько значительно повлияла на структуру души, что обусловила ее способ познания: вместо того, чтобы непосредственно проникнуть взглядом в духовный мир, она должна идти «дорогой предков» [107,17] Духовное родство сменяется голосом кровных предков. Человек все более и более приобщаясь к земному, то есть, все больше психической значимости приписывая природному миру, открывает свою психику для проникновения переживаний физического мира, закрывая при этом доступ для духовных переживаний. На уровне психики этот процесс проявляется во все более осязаемым отдалении бессознательного от уровня сознания. Переживаемая бессознательным уровнем психики, сопричастность к духовному миру, постепенно заменяется активностью сознания в попытках осмыслить проблемы жизни и смерти. Сознание берет на себя роль, к которой оно полностью еще не готово. Именно в силу неразработанности сознания вместе с этими попытками в психику проникает страх. Страх, таким образом, формируется в психике человека вследствие несостоятельности сознания разрешать многочисленные загадки бытия, и самой главной из них - загадки смерти.

Сознание человека не способно полноценно ассимилировать и осознавать бессознательные переживания. Собственно психопатологии мы обязаны именно этим несовершенством нашего Я-сознания. Чем глубже проникает человек в земное мировосприятие, тем интенсивнее он начинает переживать страх перед смертью. Именно поэтому феномен «кровного родства» приобретает особую значимость. Кровное родство людей наделяется функцией психологической защиты, оно объединяет, оно дарует людям чувство безопасности. Поэтому в эпосе Гильгамеш хочет встретиться с душами предков. Чем более человек утрачивает связи со своей духовной родиной, тем интенсивней у него формируется потребность в психической и физической безопасности и, соответственно, тем значимее для него становятся кровные узы. Чем более увеличивается дистанция между сознанием и бессознательным, тем более становятся значимыми кровные отношения между людьми. «Люди все больше и больше утрачивали понимание духовной действительности, и вместо звездного духа на первый план выдвигалась звезда, а вместо других духовных существ - их земные отображения» [107,19]

В Шумеро-Вавилонской культурной эпохе, согласно Ф.Хуземану, происходят качественные изменения в мировоззрении личности. «А стрелка мировых часов в эпоху вавилонской культуры указывала вниз: человечество должно было еще глубже погрузиться в связь с земным миром. Это внутренне необходимая тенденция проявляется в Вавилоне для начала в восхождении примитивного материализма, который вопреки всему теоретически сохраняет знание о духовном мире». [107,20] Вавилонянин в своем мировосприятии постепенно отдаляется от переживаний макрокосма. Это не означает, что он отрицает его. Он всего лишь переносит его на землю. Если для древнеиндийской культуры земное бытие воспринималось как нечто иллюзорное, то уже в вавилонскую эпоху реальной психической значимостью наделяется именно земная жизнь. А все, что касается потустороннего постепенно приобретает мистически-неопределенный характер. Вавилонянин переносит духовный мир на землю и интерпретирует его в земных понятиях. Отношение к загробной жизни является, по сути, отношением к земной жизни. Потусторонний мир с его смысловым и эмоциональным пространством является

однозначным отражением земного мира. Этот процесс символичен, он знаменует собой новый этап развития психического. Интуитивное, бессознательное мирозерцание постепенно уступает место сознанию. И этот закономерный процесс проявляется в развитии мышления человека. Развитие мышления оттеняет интуитивное и имажинативное мировосприятие. «Такое внутренне противоречивое и определенно эгоцентрическое духовное поведение должно было, естественно, рано или поздно само себя изжить: оно должно было - и в Египте произошло нечто подобное - привести к гибели, поскольку, как мы видим сегодня, цель развития человечества состояла, прежде всего, в формировании мышления». [107,20] Развитие Я-сознания становится, таким образом, необходимым процессом с точки зрения социального и психического развития человека, Я- сознание-эволютивно. Развитие мышления является одновременно развитием Я-сознания. Это классическое понимание эволюции психического приводит к дальнейшему выводу о том, что психический аппарат человека подвергается все большей дифференциации. Пройденные этапы формирования мировоззрения уходят в коллективную память, точнее в коллективное бессознательное, сохраняясь там, в виде «живых памятников» или предрасположенностей к определенным моделям мировосприятия. То есть в виде архетипов. Мы полагаем, что в этот период Шумеро-Вавилонской культуры отношение человека к феномену смерти принимает двойственный характер: с одной стороны, как мы видим, человек пытается «материализовать» потусторонний мир, наделяя его земными характеристиками, с другой-в силу воздействия коллективного бессознательного, отношение к загробной жизни сохраняет оттенок духовной непостижимой реальности. Именно эта двойственность отношения порождает и культивирует процветание магии, суеверия и колдовства. Принимая реальность последних вавилонянин признает факт различия между потусторонним и посюсторонним мирами. Небо и земля связаны и, чтоб показать эту связь или материализовать свое мировоззрение, вавилонянин предпринимает строительство семиступенчатых башен. На самом деле башен было несколько. «Конечно, первоначально эти башни мыслились не столь наивно, как их описывает Библия,- некими физическими лестницами в небо: но

кое-что верно уже и в этом семиступенчатом построении, и кажется, также в семиступенчатой раскраске они являли собой наглядное изображение вавилонского мировоззрения и образно представляли связь неба и земли». [107,21] Суть Вавилонской башни прослеживается не в обычном примитивном понимании. Она не в том, что боги решили наказать людей и смешали языки, чтобы люди не добрались до небес. «Связанная с этим строительством претензия на исключительное обладание истиной, фиксация мировоззрения с помощью видимого образа должны были со временем явиться тормозом для дальнейшего развития. Вавилонская теология не смогла создать мировоззрение, годное для всего человечества». [107,21] Вавилонское мировоззрение, материализованное в построенных башнях, претендовало на исключительность. Легенда о смешении языков указывает на то, что боги решили указать на ограниченность этого мировоззрения. Смешение языков указывает на то, что истина не может быть привилегией лишь одного языка и одной культуры. Истина многогранна и должна быть выражена на многих языках. Таким образом, суть легенды в том, что: «Прежде всего, человечество должно было научиться выражать истину на многих языках. Поскольку Вавилон не понимал этого, он, несмотря на свою мудрость, по сей день остается для нас символом духовного поведения, которое своей высокомерной ограниченностью приговорило себя к духовной слепоте и гибели». [107,21] Ф. Хуземан, исследуя древние культуры, подчеркивает общую закономерность в психической эволюции человека, - развитие Я-сознания приводит к формированию эгоцентризма и мешает человеку занять адекватную позицию по отношению к трансцендентальным проблемам бытия, в частности к проблеме смерти. Я-сознание воспринимает смерть как непостижимое и страшное событие, лучшим способом понимания которого и освобождения от которого, является максимальное дистанцирование. Именно поэтому в этот культурный период кладбища стали выноситься за пределы человеческих поселений, тем самым, разводя друг от друга потусторонний и посюсторонний мир. Отношение человека к феномену смерти, как мы видим, непосредственно обуславливается специфичностью его мировоззрения, которое в свою очередь структурируется характером развития уровней психики. Если для

древнеиндийской культуры идея перевоплощения является бесспорной, то уже для древнеперсидской и Шумеро-Вавилонской культур эта идея не столь очевидна. Смена мировоззрений структурирует специфичность отношения к смерти. Любопытным является тот факт, что идея реинкарнации вновь оживает в иудейском мировоззрении. «Таким образом, мы должны считаться с тем фактом, что определенные истины на некоторое время исчезают из сознания человечества - или, по крайней мере, части его - и словно совершенно забываются. А то, что знание о перевоплощении человеческой души хотя бы временно должно было забыться, вполне понятно, если вспомнить, что человеку надлежало прийти к сознанию личного «я»» [107,22] Если мы хотим действительно понять суть древних культур, то мы должны, прежде всего, выделить в них отношение человека к смерти. Прослеживая этот процесс с древнеиндийской эпохи с ее верой в повторные жизни, мы приходим к Шумеро-Вавилонской эпохе примитивного материализма. «Человечество приготовилось идти по мрачной долине смерти» [107,23] Все эти этапы филогенеза оседают в коллективном бессознательном человечества в качестве систем, программирующих развитие нашей психической реальности. В истории цивилизации каждая культурная эпоха вносит свои коррективы в понимание феномена смерти. Каждая культурная эпоха по - своему уникальна. Последовательность и системность научного анализа господствующих мировоззрений подводит нас к необходимости проследить историческую динамику отношения к смерти в эпоху древнеегипетской культуры. Древний Египет оставил нам огромное количество памятников своей своеобразной культуры и быта. И при этом знаменитые пирамиды не исчерпывают собой все богатство этой культуры. Вернее, если мы оцениваем пирамиды в качестве архитектурных сооружений, то мы упускаем очень значительный аспект их исследования. Прежде всего, отметим, что при анализе древних памятников культуры правильнее руководствоваться не архитектурными соображениями, а в нашем случае, спецификой мировоззрения, материализованного в этих памятниках. Так или иначе, в каждом памятнике можно обнаружить мысль создателя. В любопытном исследовании немецкого историка-антрополога Э. Биндела предпринята именно эта попытка- обнаружение образа мыслей в

творениях материальной культуры. «Мы можем с полным правом утверждать, что в основе возведения египетских пирамид лежит конкретная концепция, - концепция спиритуального видения мироздания.»[107,23] Известно, что пирамиды стали возводиться как загробные пристанища фараонов. «Все начинается с мощных пирамид, возведенных в соответствии с космическими закономерностями, чтобы фараон мог найти в них достойное пристанище» [107,23] В мировоззрении древнего египтянина смерть не является концом всего или простым концом жизни. Смерть для египтянина является такой же значимой, как и жизнь. По сути, об отношении к смерти древних египтян мы можем судить по ритуалу бальзамирования. Для египтянина его будущая гробница имеет такое же значение, что и его дом. Домашняя утварь должна была быть погребена вместе с хозяином дома. «Смерть словно приковывает к себе замороженный взгляд египтянина. Приготовить красивую гробницу – его первая забота, как только он становится состоятельным. Он не может представить себе большего несчастья, чем остаться к приходу смерти без гробницы, соответствующей его положению!». [107,24] Это благоговейное отношение к посмертному месту мы наблюдаем в наши дни. Это, по сути, возрождение мировоззрения древнего Египта в психике современного человека. Это и есть пробуждение архетипа коллективного бессознательного. Отношение к смерти египтянина нельзя назвать исполненным драматизма. Здесь мы сталкиваемся с совершенно новым явлением, которое до сих пор мы не наблюдали, рассматривая историю цивилизации. Жизнь для египтянина, несмотря на все ее тяжелые стороны, является наивысшей ценностью. И что самое существенное, так это то, что физическое тело становится для египтянина психологической ценностью. Или говоря точнее, мы можем говорить о формировании ценностного телесного Я-образа человека. Развитие Я-сознания должно было закономерно привести к его дифференциации на составляющие подструктуры. С другой стороны, в древнем Египте все еще сохраняется благоговейное отношение к потустороннему миру. Поэтому столь скрупулезное отношение к телу умершего объясняется также потребностью установления связи с духовным миром. «Ведущим соображением было не внешнее сохранение тела - нет, должна была быть

установлена духовная связь между душой покойника и его телесным началом». [107 ,25]

Именно в древнеегипетскую эпоху формируется отчетливое представление о единстве души и тела, именно эту эпоху можно с известной долей условности назвать эпохой формирования психосоматического принципа в отношении понимания человеческого здоровья. Если, следуя Ф. Хуземану, проследить динамику отношения к смерти в различные исторические культурные эпохи, то сложится достаточно отчетливая и психологически обоснованная картина. Об отношении человека к смерти можно судить по тому, как человек относится к своему телу, к своему физическому Я-образу. Итак, согласно Ф.Хуземану, индеец рассматривал физическое тело, как темницу души. Тело мешает душе проникнуть в духовный мир. Поэтому усилия индийца направлены на освобождение от оков души с помощью различных медитативных техник, в том числе йоги. Так как для индийца духовный мир является родиной души, то смерть не имеет для него характера трагичности, смерть позволяет ему воссоединиться со своей космической сущностью. Отсутствие трагизма обусловлено также господствующим мировоззрением, в котором неоспоримой является убежденность в законы реинкарнации. Для Шумеро-Вавилонской культуры характерно уже иное отношение к телу. Тело - это творение космоса, но потусторонний мир уже не имеет столь отчетливой актуальности. Шумеры уже не желают иметь дело с потусторонним миром. Для египтянина физическое тело имеет фундаментальное значение. Оно полностью пронизано духовным началом (КА) и эта связь между душой и телом должна обеспечиваться, и после смерти. Душа должна после смерти иметь телесную опору. Поэтому тело не должно разлагаться, оно после смерти должно сохранять свои прижизненные формы. Мировоззрению древних египтян человечество обязано открытием секретов бальзамирования. «Так для египтянина возникла проблема: как обеспечить душе телесную опору после смерти, чтобы она могла двигаться, слышать, чувствовать, думать - одним словом, оставаться «человеком» в потустороннем мире? Эту проблему египтянин попытался решить с помощью консервации тела»[107 ,25-26] По сути, в мировоззрении древнего египтянина мы видим чрезвычайно важное открытие, гениально подмеченное Ф.Хуземаном. «Впервые в истории

человечества здесь проявилась воля к сохранению от смерти личного сознания в том виде, в каком оно развилось в земной жизни».[107,26]. В мировоззрении египтянина мы уже отчетливо фиксируем приоритет Я-сознания по отношению к бессознательному, интуитивному уровню психики. *Духовный мир не отвергается египтянином, но этот духовный мир должен быть познан не интуитивно, а интеллектуально. Древний египтянин пытается пронести с собой за порог жизни свое Я-сознание.* «Впервые в истории человечества в человеческой душе рождается стремление к индивидуальному бессмертию». [107 ,26] В древнеегипетскую культурную эпоху мы видим, таким образом, интенсивное развитие Я- сознания человека. Именно это закономерное развитие психики человека приводит к формированию такого мировоззрения, которое мы, условно, назвали бы интеллектуальным. Для египтянина духовный мир существует в, так называемых, интеллектуальных формах,- он конкретен и узко специализирован. «Египтянин не знает «всеобщего духа», он знает только конкретные духовные существа с индивидуальными формами» [107 ,28] Духовное начало мыслится в связи с конкретной индивидуальностью. Это духовное начало, растворяясь в индивидуальности человека, трансформируется в понятие «душа». Изначально существует Дух - это «Ка». И это «Ка» каждый человек получает при рождении и становится его господином. Это мировоззрение мы прослеживаем и в дальнейшей истории цивилизации, в более поздних религиозных мировоззрениях, в которых человек является носителем Божественной Души. Для египтянина это духовное начало «Ка» отчетливо индивидуализировано. Это своеобразный двойник человека или две идентичные части человеческого существа. Чем обусловлены такие качественные изменения в мировоззрении египтянина по сравнению с древнеиндийским миропониманием? Индийское мировоззрение доминантно образное, оно пронизано интуитивным, бессознательным началом. Для египтянина духовный мир конкретен, он более определенный. Египтянин все более отходит от образного бессознательного мировосприятия в сторону Я-сознания. Это путь развития сознания. «Развитие египетского письма из письма образов и понятий в письмо в современном смысле, т.е. фонетическое письмо, позволяет еще яснее понять путь, проделанный

сознанием» [107, 27] Если в древнеиндийскую эпоху человек переживал свою сопричастность лишь с космическим, духовным миром, то египтянин переживает сопричастность и с космосом, и со своим народом. Процесс формирования Я-сознания проходит определенные психические этапы, первым из которых и является переживанием идентичности с космосом, а второй – со своим народом. Египтянин становится носителем «Эго» своего народа. Это начало процесса формирования группового мышления. «Это необходимо представлять себе, если хочешь понять нежную любовь египтянина к родине, чему мы находим в литературе прекрасные и трогательные свидетельства. Нет для египтянина большего несчастья, чем умереть на чужбине, и ни одно сокровенное желание не воодушевляет его больше, чем быть, по крайней мере, погребенным в родной земле» [107, 30] По сути, интенсивность переживания страха смерти этим и определяется - жгучим желанием быть похороненным в родной земле. Защитные психологические функции кровных и родственных связей при жизни, после смерти переносятся человеком на родную землю. Земля как материнский символ (Мать-Земля), естественно, наделен защитной функцией, поэтому египтянин, как и современный человек, предпочитает быть похороненным на родине.

Греческая культурно-историческая эпоха все более отдаляет идею вечного и все ближе подводит нас к идее индивидуального личностного времени. В греческую эпоху все более пробуждается Я-сознание, человек все более дистанцируется от бессознательного переживания времени, от богов, которых он чувствовал в своей собственной душе прежде, ныне он перенес их на Олимп и наделил каждого из них узкой «специализацией». «Собственно говоря, в греческую культурную эпоху земные и космические силы впервые переживаются в соразмерности; во всех предшествующих культурах преобладало, как мы видели, сознание космической сущности человека. Грек же знал: он должен создать нечто чисто человеческое. И возникающие в его душе древние образы уже не давали ему ответа, но ощущались им как помрачение сознания. Эдип умел освободиться от них, лишь, когда пришел к пониманию: древний мир образов обретает смысл и цель только через человека. Не от этого мира следует ему ждать ответа на свой

вопрос, нет, он должен пронизать его познающим взглядом, должен в противовес его хаотическому волнению утвердить ясную цель: «человека». [107,47] Древнегреческое мышление, все более дистанцируясь от древнего образного мышления, формирует свое отношение к феномену времени. Несмотря на прекрасную в художественном смысле мифологическую специфику мировосприятия, боги все же уже расположились по ту сторону человека. Древние боги, живущие в человеке, были спроецированы на небо, и стали мифологией. Внутренняя психическая реальность стала внешним Олимпом. Поэтому и Сфинкс, как яркий образчик образного мышления, был сброшен в пропасть. «Не по волшебству сфинкс бросился в пропасть - это древнее образное сознание должно было в силу внутренней необходимости исчезнуть в тот самый момент, когда человечество решилось на сознательное, управляемое волей мышление.»[107,48] Рассмотренная в историко-психологической плоскости динамика отчетливых изменений в мировоззрениях различных эпох, позволяет нам выдвинуть несколько принципиальных положений относительно отношения человека к феномену смерти и времени:

1. Отношение человека к смерти и времени формируется непосредственно характером его мировоззрения.
2. Существенным компонентом мировоззрения человека является его осознаваемая или переживаемая сопричастность к различным уровням бытия.
3. Каждый уровень сопричастности несет в себе функцию психической защиты от невыносимых переживаний страха смерти и вносит свои коррективы в понимание феномена времени.
4. Поэтапное формирование Я - сознания человека вытесняет интенсивность воздействия бессознательных процессов и порождает переживание страха смерти. С развитием Я-сознания в человеческой психике увеличивается дистанция между бессознательным и сознательным уровнями психики. Бессознательному отводится переживание вечности, а сознанию - понимание линейного течения времени.
5. В процессе эволюции категория времени трансформируется из внеличного состояния в состояние личностного времени.

6. В египетскую культурно-историческую эпоху формируется представление о телесном времени.
7. В древнегреческую культурно-историческую эпоху интенсифицируется дистанцирование «Я» от «не-Я», человек отказывается от образного мышления в угоду развитию личностного «Я».

И как следствие отказа от образного мышления, формируется грандиозная философская школа античности. Мышление приходит на смену образности, личностное «Я» вытесняет групповое. Проблема времени, рассмотренная в ракурсе психологического осмысления в античном мире представлена в знаменитых философско - культурных памятниках. По сути, иначе быть не может по той простой причине, что философия, являясь на протяжении длительного исторического периода универсальной наукой - наукой наук, включала в себя также и психологическое осмысление бытия, более того, именно психологические стороны науки в античности занимают преимущественно доминирующее положение. В огромной степени это положение относится к пониманию - переживанию понятия времени. Мы считаем, что понимание феномена времени уже с античных времен сопровождается его эмоциональным переживанием. Время является, по сути, такой беспрецедентной реальностью, которая определяла и программировала как обыденную жизнедеятельность человека, так и его психическое мировосприятие, - и то, и другое не мыслится в отрыве друг от друга. Смысл жизни человека не может быть определен вне временного переживания жизнедеятельности, более того, сам смысл является порождением переживания времени человеком. *Само понятие «смысл жизни» является понятием смысла времени.* Таким образом, смысловое поле человеческой жизнедеятельности пронизывается переживанием и пониманием времени. Античность с ее богатейшей мифологией, уделила пониманию времени огромное место. В ряду мифологем времени, безусловно, центральное место занимает древнегреческий миф о Хроносе (Кроносе), который порождает своих детей и вслед за этим их пожирает. В этой мифологеме мы схватываем саму суть времени - это то, что порождается и уничтожается одновременно, это необратимость, это то, что не может существовать вне уничтожения.

Смысл его творения в его уничтожаемости, в его неуловимости. Для полноценного психологического осмысления мифологемы приведем краткое описание самого мифа.

«Крон, в греческой мифологии один из титанов, сын Урана и Геи. По наущению своей матери оскопил серпом Урана, чтобы прекратить его бесконечную плодovitость. Воцарившись вместо отца, Крон взял в супруги свою сестру Рею. По предсказанию Геи, его должен был лишиться жизни собственный сын, поэтому, как только у Реи рождались дети, Крон тотчас их проглатывал.»[61, 294] Продолжение мифа, конечно же, выявляет дополнительные аспекты его понимания. Мы знаем, что Рея обманула Крона, подсунав ему, вместо новорожденного Зевса запеленатый камень. Благодаря этому Зевс выжил и был тайно вскормлен в пещере на острове Крит. Возмужав, Зевс напоил Кроноса волшебным питьем и заставил его изрыгнуть на свет братьев и сестер Зевса. «Народная этимология сблизила имя Крона с наименованием времени- Хроносом.» [114, 295] В Древней Греции 12-ое число каждого месяца было днем, посвященным этому божеству. В римской мифологии бог времени носит имя Сатурн. Время как мифическое существо неуничтожимо, это существо само обладает миссией уничтожения. По всей вероятности именно время является самым могущественным властелином и тот, кто, представляет время, также неуничтожим, поэтому понятие вечность может быть определено как нерожденность. Все что рождается, подлежит смерти, все, что не рождено - вечно. Термин «нерожденность» можно встретить еще у Прокла, а конкретно в комментариях к Тимею. Именно эту нерожденность утрачивает человек при рождении, а бессмертие он утрачивает при смерти. Любопытную интерпретацию этих феноменов можно найти в антропософском мировоззрении, в соответствии с которым, вечность обладает двумя сторонами: нерожденностью и бессмертием. Власть Времени является абсолютной. Могущественный отец должен уступить пьедестал власти сыну и этот процесс не имеет исключений. Время необратимо. Именно время лишает власти отца. Зевс должен выждать определенное время, чтобы заменить отца. В мифе о Хроносе процесс смены власти представлен быстротечно. Но то, что свершается на Олимпе в короткий срок, в жизни простых смертных протекает в течение десятилетий. Время богов Олимпа отличается от

времени обыкновенных смертных. Каждый человек, освобожденный Хроносом, должен прожить отведенное ему время и лишь, потом вернуться опять к существу Хроноса. Мы знаем также по мифологическим источникам, что Хронос породил также три стихии: Огонь, Воздух и Воду. Но для этих стихий нужна была Земля. Именно на земле появляется Время. Для полноценного выполнения миссии Хроноса нужно было сотворить Землю и остальные стихии. Любопытным представляется тот факт, что даже в мифе, где фантазии не имеют ограничений, время все же втиснуто в рамки жизни и смерти. Человек рождается во времени и погибает в его бесконечности. Бесконечность не может иметь предела, как не может иметь кончины сам Хронос. Тем не менее, человек, помещаясь при рождении в реальность времени (а рождение это вход во временное состояние) является существом конечным. Именно в бесконечном времени заложена конечность человека (хотя и выражение бесконечность времени не совсем корректно). «Конечность бесконечности» заложена в носителе времени - в человеке. Вне человеческого мира мы не можем судить о времени вообще. Две великие грандиозные по космическим масштабам идеи заложены в человеке: идея бессмертия и смертности и обе эти, казалось бы, взаимоисключающие идеи сосуществуют в человеке и могут существовать только в нем, в пределах Я-сознания и бессознательного. Эти две идеи существуют благодаря друг другу, они взаимодополняемы и взаиможизненны. Точно также как бессознательная сфера психики не может быть определена вне сознательной сферы, точно так же вневременность не может быть постулируема вне границ линейного времени. Взаимоотношения бессознательного и сознательного уровней психики, времени и вневременности отчетливо проявляются в целостной схеме психотерапевтического процесса, в котором *Эон нашего бессознательного постоянно пожирает детей нашего сознания (детей Хроноса)*. Но простое пожирание- вытеснение не способно сформировать полноценную здоровую психику, поэтому время от времени бессознательное должно изрыгать поглощенные, не ассимилированные сознанием факты жизни человека, его субличности. Поэтому в жизни каждого человека необходим зрелый Зевс, который выведет из бессознательного Эона вытесненные психические содержания и осветит их

сознанием. Миссия Зевса может быть представлена как миссия освобождения и осознания. Поэтому мы можем представить данный миф и как структуру психодинамического консультирования. Может быть, именно поэтому каждый пациент бессознательно воспринимает психотерапевта в роли и качестве Зевса, всемогущего властителя Олимпа, который способен выпустить на сцену сознания, проглоченные Эоном - бессознательным, травмы жизни. У древних греков было три понятия для обозначения времени: хронос — касается хронологической последовательности, скорее всего это синоним понятия линейного времени, кайрос — как романтический и судьбоносный архетип удачи, которая как всегда в жизни приходит совершенно неожиданно и Эон - как состояние – архетип бестелесного, нефизического времени, это архетип вневременности. Если в Я-сознании господствует линейность Хроноса, то в бессознательном - господство Эона, вневременности. Таким образом, в древнегреческом интуитивном мирососерцании время имеет три аспекта понимания: во – первых, это Хронос (Кронос) – последовательность, линейность и необратимость, во-вторых-Кайрос индивидуальная судьба каждого, мгновение и, в-третьих, Эон - архетип вечности. Понятие Хронос-это понятие хронологического, линейного времени, подлежащего категоризации на прошлое, настоящее и будущее. Это последовательность и необратимость нашей физической жизни. Это то, что привносится в человеческий мир его сознанием. Понятие «Кайрос», в самом общем смысле - это качество времени, его переживаемость. Кайрос-это эмоциональная категория времени. Суть его в том, насколько полно человек переживает время, насколько он способен вовремя схватить Кайроса за чуб, чтоб поймать мгновение удачи. Кайрос-это время жизни, которое нельзя упустить. Эон противопоставлен Хроносу и Кайросу характером своей архетипичности. Эон - это форма вечности, область чистого духа, не обремененного причинно-следственным содержанием. Таким образом, Эон - это субстанциональная категория, это своего рода, несотворенное и нерожденное время. Эон (греч. aion) - эпоха, длительный исторический период, "время в целом", "век" или "жизненный век", "вечность" неопределенное во времени пребывание (мира) в одном и том же качественном состоянии - в отличие от непрестанно текущего

времени, измеряемого чисто количественно. Эон или Айон это некая космическая реальность, своего рода праархетип, бестелесная форма, внутри которой в потенциале содержится все, что связано с экзистенциальностью, бытийностью во времени и вне его. Это такая структура бытия, в которой все категории времени соединены в единую точку, в которой нет ни старения, ни рождения. Это «нерожденность». Эон как бы замораживает жизнь и смерть, противоположности гармонично слиты в Эоне. Поэтому Эон определяется как вечность. Согласно мифологическим и ранним христианским источникам Эон соответствует в римской мифологии образу вечности - Этернитасу. В римской мифологии этот образ представлен могучим старцем, вокруг тела которого обвиваются змеи. В раннем христианстве Эону соответствует понятие «олама».

Феномен времени на всем протяжении человеческой истории находился в центре пристального внимания как ученого мира, так и, практически, каждого человека, независимо от рода занятия. Несмотря на то, современный человек обладает несколько иным психическим мировидением, чем древний грек, но и тот и другой объединяются в единое поле интереса, когда пытаются осмыслить феномен времени. Время является смысловой реальностью в жизнедеятельности человека, несмотря на свой некий абстрактный характер. Но само по себе время в обыденной жизни является совершенно иной реальностью, чем время в его психологическом значении, или в «чистом виде». В обыденной жизни, на уровне повседневного мироосмысления, время для каждого из нас объединяется в категорию «жизнь», то есть в нечто, имеющее начало и конец. Время в нашей жизни - феномен ограниченный, что само по себе уже является нонсенсом. Но это лишь один пласт понимания времени или его структуры в нашем понимании. Понимание феномена времени в контексте человеческой жизни, в контексте конкретики должно иметь именно такой характер. Однако такое понимание времени, возможно, лишь благодаря тому, что существуют совершенно иные уровни его структуры, имеющие архетипический характер. Именно эти архетипические уровни феномена времени и отражаются в древнегреческой мифологии и философии. По сути, в мифе о Хроносе отражена идея единства конечного и бесконечного, временного и вечного, а Эон стирает

эти различия. Порождение несет в себе смерть, но сама смерть становится новым витком для зарождения жизни. Ограниченность не может быть определена вне безграничного, безграничность, в свою очередь, не может быть обнаружена и промыслена вне конкретности, вне конечного. Это своего рода завершающийся цикл, несущий в себе идею творения, жизни, смерти и повторного рождения, это некий Уроборос. Архетип Уробороса - это архетип вечности и времени одновременно, точно так же как и архетип Эона. Поэтому мы можем говорить об архетипе Уробороса- Эона. Уроборос - это совмещение в единой целостности космического цикла творения, жизни, смерти и повторного рождения. Змея, кусающая свой хвост, одновременно открывает и закрывает творение. Она олицетворяет собой начало жизни, выплеск вечности в свою конкретную форму - в форму конечной жизни. Эон порождает Хроноса. Но Хронос не может бесконечно пожирать своих детей, не может потому, что цикл творения, жизни, смерти и повторного рождения не получит своего развития. Поэтому в мифе о Хроносе должны появиться реальные боги, способные остановить процесс творения - разрушения. Необходима вторая ступень эволюции, иная форма проявления вечного. Ведь само по себе вечное – это постоянный процесс творения и разрушения, это процесс, не приводящий к следующему уровню развития. Поэтому вечность должна пожертвовать собой, она должна породить земную жизнь и смерть, и повторное рождение. И только в этом случае, мы вообще можем знать о существовании вечности. В реальной жизни вечность непознаваема, но с другой стороны, существование вечности невозможно без конечной жизни. *Но единственный представитель космоса, способный понимать феномен смертного и вечного - это человек. Человек и сотворен как единство вечного и конечного.* Вне конкретного земного времени невозможна никакая форма земного развития. Все происходит во времени. Время – непрерывно и прерывно одновременно. Именно эту последнюю проблему непрерывности времени пытается разрешить древнегреческая мысль. В греческой мысли, так называемое, научное мировоззрение представлено в мифологическом мышлении. Однако, мифологическое мышление нельзя понимать как нечто абстрактное или нереальное. Проблема кроется в ином ракурсе, - мифологическое

мировидение является формой мышления, присущая начальным стадиям филогенеза. Этот вид мышления является необходимой ступенью в эволюции человеческой психики. Есть смысл предполагать, что бессознательное является древней формой сознания. Мифические образы, в процессе развития психики, перерабатываются в представления, которые в свою очередь, должны генерировать новый уровень развития мышления, который принято именовать размышлением. Психическая активность греческой мысли направлена на поиск разгадок бытия, в частности, на раскрытие смысла человеческой жизни в сложной макрокосмической реальности. Мифическое постижение мировых парадоксов отчетливо прослеживается уже у Ферекида Сирского, жившего в 6 веке до Р.Х. Хотя и уже у орфиков мы можем наблюдать идентичную картину. Для Ферекида Земля имеет образ крылатого дуба, и этот образ становится для Зевса материей, на которой он творит землю, и океаны. Мир пронизан духовными существами, без которых жизнь невозможно мыслить или скорее переживать. В природе все одухотворено. Кроме этих общих, для греческого понимания положений, Ферекид говорит также о трех источниках мира - о Хроносе, Зевсе и Хтоне. В современных интерпретациях греческой мифологии Хронос символизирует время. По сути, именно так и понимает образ Хроноса большинство ученых. Тем не менее, такое понимание не совсем верно. "Хронос не является временем, как его представляют теперь. Хронос есть существо, которое можно назвать "духовным", по современному словоупотреблению. Хронос живет и его деятельность есть поглощение, использование жизни другого существа - Хтона. В природе господствует Хронос, в человеке господствует Хронос; в природе и в человеке Хронос поглощает Хтона" [114,22-23] Это означает, что в мифологическом миропонимании недопустимо интерпретировать персонажи в качестве отдельных и автономных. Существо Хроноса может быть адекватно понято лишь в его взаимоотношениях с другими существами, или точнее, сущностями. «С этими обоими существами связан Зевс, которого, по Ферекиду, нельзя представлять себе как божественное существо, в смысле современного понимания мифологии, как нельзя представлять себе его как чистое "пространство" в современном смысле, хотя он является тем существом, которое пре-

вращает в пространственное, протяженное образование то, что происходит между Хроносом и Хтоном" [114,23] Особенностью греческого мифического мировоззрения является то, что деятельность Олимпа не обособлена от человеческой души, то есть то, что происходит в природе отражается в самопознании человека, более того, душа человека является сценой, на которой разыгрывается деятельность духовных сущностей - Хроноса, Хтона и Зевса. "Совместное действие Хроноса, Хтона и Зевса, в смысле Ферекида, переживается непосредственно в образе, как человек переживает представление, что он есть; но оно также переживается во внешнем мире, как представление синего или красного цвета" [114,23] Почему же, собственно говоря, в нашем современном понимании греческой мифологии, мы воспринимаем Хроноса в качестве символа времени? Прежде всего, необходимо отметить, что понятие "время" для древних греков имело несколько иное значение, чем для современного человека. Чтобы воссоздать это значение, крайне важно понять особенности мыслительного процесса древнего грека, а именно то, что в этот период эволюции психики постепенно затухает образное мышление, точно так же как это имеет место на ранних стадиях онтогенеза. Древний грек переживает мысль о себе в форме сопричастности к чувственному, природному миру. Поэтому время его жизни - это время природного мира или время духовных сущностей Олимпа, пронизывающих этот мир. Время как феномен, имеющий отношение к индивидуальной жизни древнего грека, не существует. Древний грек пока еще не мыслит себя в качестве отдельного индивида, обладающего отдельной душой, вне связи с природным миром. Внешний мир для него является внутренней реальностью. Это означает, что для древнего грека пока не осуществлен переход от образного переживания мира к самой мысли о мире, он пока в процессе этого перехода. Именно этот феномен мы и наблюдаем в мировоззрении Ферекида. Поэтому в мировоззрении Ферекида за природной реальностью однозначно стоит деятельность богов Олимпа. "До рождения мысли иного представления о времени еще не существует. То, что теперь называется "временем" является идеей, выработанной в период мыслительного мирозерцания. Если направить взор на воду, не в форме воды, а превращенную в воздух или пар, или на расплывающиеся облака, то мы

переживаем в образе силу "Зевса" пространственно действенного распространителя: можно было бы также сказать "лучисто" простирающегося. И если смотреть на воду, как она превращается в твердое, или на твердое, как оно превращается в жидкое, то видишь Хтона. Хтон есть нечто такое, что впоследствии, в период мыслительного мировоззрения стало "материей", "веществом"; Зевс стал "эфиром", а также "пространством; Хронос - "временем". [114,23] Таким образом, взаимодействие этих трех сущностей и обеспечивает сотворение мира. Особенности древнегреческой культуры структурированы, таким образом, особенностями мифического мирозерцания. Прежде всего, в мировоззрениях известных философов надо видеть особенности, обусловленные процессом перехода от образного постижения мира к мыслительному процессу. Психическая сопричастность чувственному миру не может выражаться иначе, чем в образном мышлении. Для того чтобы сформировать верное представление об особенностях восприятия феномена времени в древнегреческой культуре, необходимо исходить из общего понимания психической жизни. "Ферекид приходит к своей картине мира иначе, чем приходили его предшественники. Наиболее значительным у него является то, что он ощущает человека как одушевленное существо иначе, нежели ощущали до него. Для более ранней картины мира выражение "душа" ещё не имело того смысла, который оно получило в более поздних мировоззрениях. Но и у Ферекида идея души присутствует не в том виде, как у следующих за ним мыслителей. Душевное в человеке он, прежде всего, ощущает, тогда как позднейшие (мыслители) со всей очевидностью говорят о нем и характеризуют его посредством мыслей. Люди прежних времен еще не отделяли собственное человеческое душевное переживание от жизни природы. Они еще не ставили себя рядом с природой в качестве самостоятельного существа; они себя переживали в природе, подобно тому, как переживали они в ней гром и молнию, движение облаков, ход светил, рост растений". [114,21] Для древнего грека мир представлен во внутренних образах, все, что связано с миром переживается, а не мыслится, говоря точнее - мысль переживается в сопричастности с природным миром. Это означает, что переживание мира еще не оформилось в мысль о мире. Древний грек "... еще не переживал мыслей, однако в его душе вместо

мыслей формировался образ (символ). Исследуя эволюцию человечества в обратном порядке, мы доходим до той эпохи, когда мыслительные переживания ещё не родились, однако, тогда при наблюдении мировых процессов внутри человека оживал образ (символ), подобно тому, как у людей, живущих позднее, оживала мысль. Мыслительная жизнь возникла у человека в какое-то определенное время; она погасила имевшее место до тех пор переживание мира в образах" [114,21] Ферекид является носителем как раз образного миропереживания. Этим и объясняются особенности его интерпретаций мироустройства. "В культурах различных народов переход от древнего образного переживания к мыслительному переживанию совершался в разное время. В Греции этот переход можно проследить на примере личности Ферекида." [114,22] Понимание феномена времени в истории древнегреческой культуры претерпевает кардинальные изменения в философском наследии Пифагора Самосского /540-500 гг. до Р.Х./ В философии Пифагора мы можем видеть несколько иное отношение к мирозданию. Первое, что бросается в глаза, это то, что Пифагор занимает довольно критическую позицию по отношению к богам Олимпа. Для Пифагора так называемые Праматери Олимпа не обладают совершенством. Кроме того, по Пифагору, человеческая душа имеет иное происхождение, чем души богов. В данном положении ясно прослеживается изменение в восприятии древнегреческого миропереживания. Кажется, что мир становится для древнего грека уже не столько переживаемым, сколько мыслимым. Если человеческая душа имеет иное происхождение, чем души богов, то это уже значит, что психически человек дифференцирует себя от чувственного мира, он переживает свое различие от мира духовных сущностей. Человеческая душа, по Пифагору, уже не уступает душам богов Олимпа в совершенстве. Совершенство, как психический феномен, предполагает развитие в бесконечном, во времени. Именно поэтому в философии Пифагора появляется идея о перевоплощении душ. Идея перевоплощения появляется в философии Пифагора не просто как самоцель. В ней содержится уже иной взгляд на природу человека, на смысл его жизни. Смысл жизни не может быть реализован одним воплощением. Развитие требует поступательного движения вперед, оно требует принятия

идеи ответственности за собственное бытие. В идее перевоплощения подчеркивается суть психической эволюции человека. Человеческие души нуждаются в перевоплощении, поскольку они запрограммированы на развитие. Вне идеи перевоплощения развитие человека не мыслится. Идея повторных жизней подводит Пифагора к понятию времени и вечности. Человеческая жизнь приобретает смысл лишь с принятием концепции реинкарнации. Если человеческая душа способна к совершенствованию, то это означает, что должны существовать необходимые и достаточные условия для этого процесса. Человек нуждается в вечности, которую можно мыслить как бесконечное перевоплощение. В конечной жизни невозможно достичь совершенства. В этих положениях мы можем отчетливо видеть совмещение конечности бытия и вечности мироздания. Но для постижения этой вечности и совершенства необходимо постоянное перевоплощение. Безусловно, Пифагор не был единственным философом, принимающим идею о повторных жизнях. В древнейшие времена воззрение о повторных земных жизнях было широко распространено. В этом смысле мы можем утверждать, что Пифагор являлся носителем мировоззрения своего времени. Душа человека с помощью постоянных перевоплощений должна совершенствоваться, последовательно приближаясь к своим истокам. Душа не придет к своим истокам" ... если не найдёт пути к ним через повторные земные жизни. Как странник, направляющийся в отдаленную местность, естественным образом проходит на своем пути через другие места, так и душа, направляясь к "Матерям", проходит через свои предшествующие жизни, проходя через которые она спускалась от ее бытия в "совершенном" до ее нынешней жизни в "несовершенном". Принимая к сведению всё вышесказанное, не остается ничего иного, как приписывать Пифагору взгляд на повторные земные жизни как следствие его внутреннего восприятия, а не рассудочного умозаключения." [114, 27] Сама идея о повторных жизнях, являясь отражением зарождающегося древнегреческого мирозерцания, содержала в себе актуальный аспект, который можно охарактеризовать как дистанцирование от мифического образного мировидения и пробуждение мысли. Место мифических богов начинает занимать мысль. Боги Олимпа (образность миропостижения) стали занимать свои места в архетипической

родине человеческой души, тем самым, способствуя развитию мыслительного процесса человека. Это означает, что у Пифагора мы можем наблюдать переход от образного мировосприятия к мыслительной картине мира. Критическое отношение, как таковое, уже означает пробуждение мысли и отказ от сопричастности с природным миром. Душа как бы обособляется от мира, но при этом для того, чтобы вновь с помощью повторных жизней обрести с ним единство. Душа человека, согласно Пифагору, не должна полностью отделяться от мира, она должна быть в гармонии с этим миром. Однако не в форме образной мифической сопричастности с этим миром. Душа обретает истинное единство с миром с помощью повторных жизней, постепенно приближаясь к совершенству. "Она переживает себя не отделённой от мира. Но это происходит не в той области, где сопереживание с миром становится образом, а в той, где душа становится созвучной невидимым, недоступным чувственному восприятию гармониям и доводит в себе до сознания то, что хочет не она, а мировые силы, создающие в ней представление." [114,30] Суммируя воззрение Пифагора на природу времени, мы хотим подчеркнуть одно важное обстоятельство: если для Ферекида время, как феномен вплетено в мироздание и не имеет индивидуальных характеристик, то есть является так называемым Олимпийским временем- вечностью, то для Пифагора время уже индивидуальная ценность, так как оно позволяет с помощью повторных земных жизней достичь совершенства. Начиная с Пифагора, время начинает входить в структуру психической активности человека, оно уже начинает формировать процесс отделения от мифического образного мышления и приобретает индивидуальные характеристики. Проблему непрерывности или континуума пытается разрешить Зенон из Элеи. Апории Зенона положили начало длительному и мучительному научному поиску разгадки феномена времени, его непрерывности и относительности. Апории Зенона, представленные в «Физике» Аристотеля, до сих пор вызывают удивление глубиной мысли. Особенно интересным является рассуждение о том, что «время слагается из отдельных теперь». Это основное положение прослеживается как в апории Ахиллеса, так и в апории о летящей и покоящейся стреле. Основная мысль в апориях Зенона-это идея о

бесконечности пространственного и временного континуума, который при этом актуально существует. Проблеме времени посвящена, собственно, третья апория о движущейся стреле. Зенон понимает время как сумму неделимых элементов, неделимых «теперь», точно также как и пространство как сумму неделимых точек. Время, как и движение, сложно представить себе вне противоречивого поля, а это значит, что движение и время реально не существуют. Конечно же, наличие противоречия не доказывает невозможность существования времени, однако смысл апорий вовсе не в этом. Смысл апорий, по сути, в противопоставлении чувственного мира Олимпу или Космосу. Чувственный мир не может обладать истинным бытием, последнее присуще иным мирам, где все целостно и едино, вечно и неизменно, а самое главное, лишённое противоречий, так как тождественно самому себе. Чувственный мир иллюзорен, он наделен множественностью и текучестью, и главное, противоречивостью. Все то, что не тождественно самому себе, не может обладать целостностью. Чувственный мир, не может иметь абсолютного значения, из-за отсутствия в нем тождественности. Следуя далее этой логике, мы можем говорить о чувственном пространстве и чувственном времени. Эти категории чувственного мира действительны только для этого мира и поэтому они лишены абсолютного значения, а, следовательно, не могут быть истинными. Иллюзии, порождаемые человеческим миром, являются иллюзиями чувственного мира. В чувственном мире мы не можем, таким образом, говорить о сущностном времени и пространстве. Иллюзия способна породить лишь иллюзию. Зенон не пошел дальше этих утверждений, он ограничился лишь постулированием иллюзорности чувственного мира, тем самым не только не выдвинув нового понимания времени, но также свел на нет возможности такого понимания. По сути, Зенон повторяет древнюю идею «майи» чувственного мира. Но уже в наследии Платона мы видим несколько иную концепцию времени и вечности. Попытки теоретического осмысления времени древнегреческих мыслителей отличаются глубиной и некоторой парадоксальностью. Однако, то что мы называем попытками осмысления является для древнего грека несколько иной реальностью, иным способом мирозерцания и мышления. И когда мы пытаемся

осмыслить теоретическое наследие того или иного мыслителя, мы одновременно с этим должны попытаться понять способ и специфичность его мышления. Проблема времени интерпретируется в связи с проблемой континуума вообще. Достаточно любопытное построение теории «Единого и Множественного» в философском наследии Платона непосредственно подводит нас к попыткам формулировки концепции времени. В диалогах Платона, в частности, в «Пармениде» анализируются два понятия – понятие Единого и Множественного. По сути, этот диалог отражает спор с Элейской школой, с Зеноном и Парменидом. Понятие Единого у Платона – универсально, оно не может быть определяемо, (определить, значит ограничить) ему нельзя приписывать какие – либо свойства и качества. Когда мы говорим о бытии Единого, то тем самым дробим его и лишаем универсального значения. Единое не может иметь каких – либо предикатов, даже предиката бытия. Если мы приписываем Единому бытие, то тем самым мы делаем его множественным. Единое не может иметь бытия, а это означает, что оно сверхбытийно. Оно непостижимо и единственное, что можно о нем сказать - это то, что оно является основой для множественности, для бытия. Само бытие, в любой его форме невозможно без сверхбытийного Единого. Единое - это сфера умопостигаемых сверхбытийных, сверхчувственных идей, которые и образуют целостность идеального мира. Сверхчувственные идеи бесконечны и каждая из них имеет в себе сторону Единого. Поэтому Платон называет их «генадами» или «монадами». В основе мироздания лежит Единое, которое постичь в «чистом» виде невозможно. Единое умопостигаемо, но не определяемо, точно также как не может быть определена монада. Постигая Единое, мы неминуемо приходим к понятию времени, а точнее вечности. В Едином мы постигаем вечность, между тем в проявленности Единого мы понимаем и воспринимаем время. Суть Единого в том, что оно может быть эмпирически постигнуто лишь во множественном. А сама множественность предполагает дифференциацию времени на прошлое, настоящее и будущее. Идея Платона о Едином, как нам представляется, отражает именно тот же самый процесс трансформации доличностного времени в личностное, или переход бессознательной вневременности в сознательное линейное время. Для полноценного

понимания концепции времени Платона, приведем одно его рассуждение из диалога «Тимей»: «Когда Отец усмотрел, что порожденное им, это изваяние вечных богов, движется и живет, он возрадовался и в ликовании замыслил еще больше уподобить [творение] образцу. Поскольку же образец являет собою вечно живое существо, он положил в меру возможного и здесь добиться сходства; но дело обстояло так, что природа того живого существа вечна, а этого нельзя полностью передать ничему рожденному. Поэтому он замыслил сотворить некое движущееся подобие вечности; устрояя небо, он вместе с ним творит для вечности, пребывающей в Едином, вечный же образ, движущийся от числа к числу, который мы назвали временем. Ведь не было ни дней, ни ночей, ни месяцев, ни годов, пока не было рождено небо, но он уготовил для них возникновение лишь тогда, когда небо было устроено. Все это - части времени, а "было" и "будет" суть виды возникшего времени, и, перенося их на вечную сущность, мы незаметно для себя делаем ошибку... Тому, что вечно пребывает тождественным и неподвижным, не пристало становиться со временем старше или моложе... либо вообще претерпевать что бы то ни было из того, чем возникновение наделило поток данных в ощущении вещей. Нет, все это - виды времени, подражающего вечности и бегущего по кругу согласно закону числа".

[75,182] Мир идей, который предшествует физическому миру, включает в себя также человеческие души. Именно в этом ключе надо воспринимать понятие «изначальных идей» Платона. А так как душа является членом мира идей, то она по определению, разумна. В земной жизни душа проявляется в тройственном виде. «Как душа разумная она, через физическое рождение нисходит к земному бытию, а со смертью входит снова в мир идей. Насколько она является разумной душой, настолько она бессмертна, ибо, как таковая, она сопереживает вечное бытие мира идей». [114,52] Самым значительным достижением концепции Платона становится идея о том, что мыслительная деятельность человека приводит его к идее времени и вечности. «То, что мысль должна была сказать о душе, дало последней силу познать себя в вечности. Ведь мысль в душе освещает даже природу времени, расширяя при этом своё собственное существо за временные пределы. Душа воспринимает мысль. В земной жизни душа раскрывает себя так, что чистый образ

мысли не может развиваться в ней. Откуда же приходит мыслительное переживание, если оно не может быть развито в земной жизни? Его образует воспоминание о предземном, чисто духовном состоянии. Охватывая душу, мысль не довольствуется земным существованием души. Мысль открывается душе в предсуществовании в духовном мире (мире идей), и душа добывает её во время своего земного существования благодаря воспоминанию о той жизни, которую она вела в духе».[114, 52] Не будет преувеличением утверждение о том, что, пожалуй, в древнегреческой мысли одно из самых значительных мест в развитии представлений о феномене времени, принадлежит Аристотелю. (Аристотель (род.384 г. до Р.Х. в Стагире во Фракии, ум. 321г. до Р.Х.) Концепция времени Аристотеля тщательно изложена в его «Физике». Существенным является то, что Аристотель строит свою концепцию также на идее Платона о предсуществовании Единого. Так же как Платон, Аристотель считает, что без понятия Единого невозможно понятие множества. Единое, как таковое, возможно в онтологическом смысле лишь при том условии, что Оно становится множеством. Применительно к нашему пониманию различий между структурами времени в бессознательном и Я-сознании, это означает, что наличие Я-сознания вообще возможно вследствие более широкого понятия бессознательного. Концепция времени изложена им в «Физике». Несмотря на общий философский характер концепции, в ней рельефно просматривается именно психологический аспект времени. Время определяется как «число движения по отношению к предыдущему и последующему».[9, 149] Парадоксальность феномена времени, по Аристотелю, состоит в том, что будущее еще не наступило, а «теперь» является не частью времени, а скорее границей между прошлым и будущим, которая, с одной стороны, соединяет прошлое с будущим, а с другой разделяет их. Все временные характеристики относятся именно к этому моменту «теперь» — неделимому и не делящемуся осознанному моменту настоящего. Следовательно, «время или совсем не существует, или едва [существует. [9, 145]. По Аристотелю, время не существует вне души человека, так как время есть число, а душа – единственный орган, который осуществляет исчисление. Понятие времени у Аристотеля имеет отчетливо психологический характер, поэтому мы

можем утверждать, что имеем дело с исключительно психологическим временем в концепции Аристотеля. Каузальность соотносится со временем. Категория «теперь» является сознательной. «Порядок «прежде- после» превращается во временной при его осознании человеком». [9,27] Кроме того, Аристотель фактически вводит понятие психологической временной перспективы в виде цепочки прошлое-настоящее-будущее и ее соотношения с памятью (прошлым)-восприятием (настоящим) и (будущим) воображение. Аристотель, во многом соглашаясь с Платоном, все же расходится с ним в главной идее последнего, он не разделяет идею Платона о предсуществовании вечных идей как прообразов вещей. Несложно догадаться, что идея К.Г. Юнга о функционировании архетипов коллективного бессознательного, это своеобразное развитие идей Платона. Однако, верно ли с позиций современной науки утверждать, что Аристотель был против идеи прообразов? Хотя и мы сегодня, по какой-то сложно понимаемой инерции приписываем Аристотелю идеи, противоположные идеям Платона, на самом деле, это убеждение не совсем верно. Аристотель, как известно, не рассматривает акт порождения времени из более глубокой структуры - структуры надвременной вечности. Если у Платона господствует идея о создании космоса неким демиургом, то Аристотель говорит о том, что космос существовал всегда, он не имеет начала и, следовательно, не будет иметь конца. Строго говоря, Аристотель повторяет мысль Платона, по той простой причине, что нечто может существовать всегда и вопрос тут не в том, космос был создан или предсуществовал. Само предсуществование есть уже мысль о создании. Ничто не может предсуществовать, не будучи созданным. По сути, проблема лишь в том, что Аристотель не признает мысль Платона о том, что космос был сотворен демиургом, но он разделяет мысль о том, что должно существовать нечто вечное, которое не имеет конца. Строго говоря – это вечное и является демиургом, так как Космос и Демиург являются, по сути, идентичными понятиями. Демиург немислим вне Космоса и Космос является формой проявления Демиурга. Формой проявления вневременного бессознательного является Я-сознание. У Аристотеля Космос был всегда, и из этого понятия проистекает время. Учитывая то, что Аристотель считается основателем

естественных наук, для него понятие «времени» непосредственно связывается с понятием «движения». Природа, по Аристотелю, это начало движения, но если есть начало, то должно было существовать нечто надвременное, из которого пристекало бы это начало. Аристотель, считал, что практически невозможно определить движение, вне понятия времени. Именно поэтому, Аристотель пытается представить взаимообусловленность понятий времени и движения, в критике апорий Зенона. Скажем также, что рассматривая научное наследие мыслителей древности, мы должны исходить из разности психического восприятия мира. Для нас, многое представляется иначе, чем для древнего грека, поэтому судить о древнегреческой науке с нашей точки зрения, означает, в известном смысле, искать черную кошку в темной комнате. В этом вопросе, мы должны проявлять максимально возможный этический подход. Если наше мироощущение нуждается в мыслительной деятельности, то для древнего грека эмоциональное переживание предстает в виде мысли. И если для Платона реален мир изначальных проборазов, то он реален в виде мироощущения. В Аристотеле мы видим пробуждение мыслительного процесса, строго говоря, появление основ физики обусловлено как раз процессом замены мироощущения мыслительной деятельностью. Эта особенность позволила в свое время многим ученым придти к крайне нелепому выводу о том, что у Аристотеля мы видим начало материалистического мышления. В эпоху советского периода многие идеологи чуть ли не сделали Аристотеля марксистом. «В культурах различных народов переход от древнего образного переживания к мыслительному переживанию совершался в разное время». [114, 27] Развитие мышления, начало которого философы видят в мировоззрении Платона, приобретает интенсивность в трудах Аристотеля. Развитие мыслительного процесса является, как известно, развитием Я-сознания. Это означает, что мы все больше отдаляемся от бессознательного переживания мироздания и все глубже проникаем в материю, в которой главными становятся время и пространство. Однако, Платон и Аристотель представляют собой две различные позиции в понимании роли мышления для развития человека. Мышление для Платона является чем-то иным, чем для Аристотеля. Для Платона мышление должно человека вести в мир идей, в мир бес-

сознательного, в мир архетипической реальности. «Платон использует свои представления ещё и для того, чтобы установить господство мысли и вести её к миру идей». [114,53] С помощью мышления человек должен преодолеть материальный мир и выйти в мир идей. Это положение является краеугольным в мировоззрении Платона. У Аристотеля мы видим иной подход. «Для Платона речь идет о том, чтобы преодолеть вещь или существо внешнего мира; преодолев их, душа несёт в себе идею, от которой внешнее существо имеет лишь тень, чуждую ему, и парящую над ним в духовном мире истины. Аристотель хочет погрузиться в существа и процессы, и то, что при этом погружении находит душа, является для него существом самой вещи».[114,53] Различие взглядов можно представить следующим образом: для Платона идеи находятся вне материального мира, у Аристотеля идеи содержатся в материальных вещах. В мировоззрениях великих греков мы видим как раз процесс формирования Я-сознания, переход от архетипического понимания времени к пониманию линейного времени. Вневременность Платона переходит в линейное время у Аристотеля. У Платона мы видим движение от материального мира в мир чистых идей, у Аристотеля-мир идей воплощается в материальном мире. В телесном человеке уже живет душа. И не только в человеке, а также в растительном и животном мире. Для Платона, в мире чистых идей господствует вневременность, время существует в материальном мире, для Аристотеля - вне-временность и время соединены в человеке. В земном человеке соединены телесное, душевное и духовное. Согласно Р.Штайнеру, Аристотель выводит существование пяти разновидностей души: душа растительная (Threptikon), душа ощущающая (Esthetikon), душа, развивающая вождения (Orektikon), душа, развивающая волю (Kinetikon), и духовная душа (Dianoetikon).[114] Духовная душа человека является его бессмертной сущностью. После смерти, эта душа продолжает жить как духовное существо, как часть мирового духа. Таким образом, бессознательная вневременность или бессмертие духа по Аристотелю и, так называемое, «материальное или телесное время» сосуществуют в едином психосоматическом организме человека. Их разделение происходит после смерти. Для Аристотеля постижение времени является необычайно сложным процессом.

Прошлое и будущее неразделимы, и так как время – понятие динамическое, настоящее неуловимо. Однако, настоящее время представляет собой уникальное явление. Оно обладает преимуществом по отношению к прошлому и будущему. С точки зрения соотношений понятий вневременности и времени это положение Аристотеля, представляет очевидный интерес. Любопытным является то, что идеи Аристотеля разделял также Боэций. Являясь ортодоксальным богословом, достаточно отрицательно относящимся к наследию дохристианского мира, Боэций, тем не менее, повторяет мысли Аристотеля о психолого-философском значении настоящего времени или, говоря точнее о таком понятии времени как «теперь». "Бог, - пишет он, - действительно есть всегда (*semper*), поскольку это "всегда" относится к настоящему времени в Нем. Однако между настоящим наших (сотворенных) вещей, которое есть как "теперь", и божественным настоящим - большая разница: наше "теперь" как бы бежит и тем самым создает время и беспрестанность (*sempiternitas*), а божественное "теперь" - постоянное, неподвижное и устойчивое - создает вечность (*aeternitas*); если к слову вечность прибавить всегда, то и получится как раз беспрестанность (*sempiternitas*) - имя того беспрестанного, неутомимого и потому непрерывно продолжающегося бега нашего теперь". [18, 153]

Понятие «теперь» не совсем идентично понятию «настоящее». Для Аристотеля понятие «теперь» является не временем, а границей времени, осуществляющей связь между прошлым и будущим. По сути, настоящее время-это экран перехода будущего в прошлое. Мы, практически всегда в нашем будущем времени переходим в наше прошлое. Психические и соматические расстройства личности, которые проявляются в будущем, являются, строго говоря, прошлыми состояниями нашей психики. Уже у Аристотеля мы можем видеть одно из краеугольных положений психоанализа, а именно то, что больной мучается из-за своих воспоминаний и, при этом он мучается ими в своем будущем. С другой стороны, для больного как раз не существует времени, болезнь это нарушение синхронизации психологического времени, а смерть-это выход из времени вообще. Мысль о том, что прошлое и будущее личности практически неразделимы уже присутствует в мысли Аристотеля о функции настоящего. Однако, самым существенным, на наш взгляд,

является то, что Аристотель вводит такое понятие как индивидуальная душа или индивидуальность. Эта индивидуальность в известном смысле выпадает из границ времени. Для пояснения этого положения мы хотим добавить следующее: для Аристотеля, время без души не существует. Это означает, что время является с одной стороны субъективной категорией. С другой стороны, в человеке функционирует такая сущность как индивидуальность, которая существует как в границах времени, так и вне их, так как время в мировоззрении Аристотеля непосредственно связано с жизнью космоса. Субъективное время, по Аристотелю, воспринимается разумной душой, однако время воспринимает также и чувствующая душа, например, душа животных также способна воспринимать время. Переводя мысли Аристотеля на современный язык психологии, мы поймем, что речь идет о мышлении и чувствах человека. В мыслительном процессе мы категоризируем время, в нашей эмоциональной сфере мы его чувствуем. Разумная душа, или наше мышление, способно к счету, именно она способна к категоризации времени. Свойством разумной души, или сознания, является каузальность. Проблема времени, гениально оформленная Аристотелем, нашла свое развитие у, так называемых, неоплатоников, среди которых особое место занимает Плотин (205-270 г.г н.э.) Именно у Плотина мы находим тщательно разработанную концепцию времени. Принято считать, что мировоззрение Плотина было обусловлено воздействием Филона Александрийского. Хотя и Филон посвятил свою научную жизнь пониманию Ветхого Завета, в его мировоззрении, как отмечают историки философии, творческой мысли отведено мало места. Тем не менее, искусство мысли Филона проявляется в его попытках интерпретации откровений Ветхого Завета в символическом ключе. Если Филон Александрийский отводит мыслительному процессу первостепенное место, то для Плотина, как яркого представителя неоплатонизма, мыслительная жизнь уступает душевной жизни. Мыслительная жизнь должна быть преодолена с помощью душевной активности, душа должна преодолеть мысль, уничтожить ее. Только в результате этого, может душа пережить сущность космоса. Мыслительная деятельность необходима для того, чтоб душа пришла к самой себе. Душа должна откинуть мыслительный процесс, чтобы придти к

просветлению. Мыслительная деятельность отвлекает человека от познания божественной сущности. «Мысль, как могла она выявиться в греческой духовной жизни, в период до Плотина как бы замкнулась в своей сфере и, тем самым, исчерпала все возможности, позволявшие человеку контактировать с ней. И вот Плотин отыскивает иные источники, нежели те, что лежат в откровении мысли. Он выходит за пределы постоянно развивающейся мыслительной жизни и вступает в область мистики. [114,60]

Мировоззрение Плотина—это мировоззрение мистика. Странниками этого мировоззрения считаются Аммоний Саккас (175-242г.г. н.э.), Порфирий (232-304г.г. н.э.), Ямблих (который жил в 4веке н.э., умер в 325г), Прокл (410-485гг н.э.) и другие. Плотин критикует концепцию времени Аристотеля. Слабым местом в этой концепции он считает то, что Аристотель соизмеряет время с движением, тем самым не раскрывая саму сущность времени. В знаменитых «Эннеадах» Плотин говорит о том, что ни число, ни движение не могут раскрывать суть времени и это является самым слабым местом в концепции Аристотеля. Сохраняя верность мировоззрению Платона, Плотин определяет время с помощью понятия «вечность». Это означает, что вопреки тезису Аристотеля о том, что время существует благодаря тому, что существует душа и что вне души нет времени, Плотин считает, что существование времени не зависит от существования души, и что время может быть определено лишь через вечность. Изначально существует чистая идея времени, некий архетип времени и это космическая данность, независящая от человеческого бытия.

На смену греческому мировоззрению в истории человечества приходит религиозное миропонимание. Религиозное мировоззрение распространяется на научную мысль, формируя ее специфику. Угасание эллинистического мировоззрения означает дистанцирование от символического мироприятия. На смену богам Олимпа с их вполне человеческими эмоциями и конфликтами, в науку проникает идея Единого Творца. Происходит определенного рода трансформация символического миропонимания. Греческие боги, прекрасно существовавшие на Олимпе, отныне перешли во внутреннюю психическую структуру человека, в виде различных мыслительных и

эмоциональных конструктов. Образ человека и образ мира с тех пор и до сегодняшнего дня определяются религиозным мировосприятием. Строго говоря, мы не можем утверждать, что греческая мифология, боги Олимпа представляли собой религию в ее классическом смысле. С формированием в мыслительной истории человечества идеи Единого Бога появляется, вполне закономерно, гнозис. Суть гнозиса может быть выражена в стремлении с помощью познания придти к идее Высшего Существа. Мы можем утверждать, что гнозис является неким повторением платоновского мировоззрения. А это означает, что история развития науки представляет собой целостный процесс, обладающий внутренней логикой. То, что стало развиваться в раннем христианстве, было продолжением эллинистического мировоззрения. Хотя и такие известные богословы как Клемент Александрийский (ум. ок. 211г. н.э.) и Ориген (род. ок.183г.н.э.) считаются представителями догматического христианства, тем не менее, они рассматривают эллинистическое мировоззрение как необходимый этап для формирования монотеистического мировосприятия. Рассматривая эту трансформацию мировоззрений, мы приходим к любопытному выводу: мировосприятие сменяющихся культурно-исторических эпох отражает отчетливо трансформацию понятия времени. Понятие времени, имеющее отчетливо бессознательный характер у Платона, трансформируется в сознательное линейное время уже у Аристотеля, в его «Физике». Идея демиурга, сотворившего космос и время у того же Платона приобрела свое новое звучание в раннем догматическом христианстве, в идее Всевышнего и Непостижимого начала. Но и в том и в другом случае, мы имеем дело с понятием «начала», которое является признаком времени. Культурно-исторические эпохи с их мировоззрениями отражают особенности функционирования психики в филогенезе. Это означает, что мы должны принять аксиоматическую истину о существовании различных психических аппаратов в различные исторические эпохи. История мыслительной деятельности человечества - это, строго говоря, история формирования и трансформации его психического аппарата.

1.2 Интериоризация времени в мировоззрении Августина Блаженного

Говоря о средневековом периоде истории человеческого знания, многие исследователи выделяют фигуру Августина Блаженного (354-430 г.г н.э.) Религиозное наследие этого выдающегося богослова пропитано явной психологичностью. Августин в своем мировоззрении как бы синтезирует два подхода: во-первых, это восприятие мира в качестве некой иллюзии, то, что было отличительным признаком древнеиндийской культурно-исторической эпохи, с другой стороны, мировоззрению Августина Блаженного характерны также идеи неоплатонизма. Фигура Августина Блаженного занимает особое место в истории науки. Являясь религиозным деятелем, Августин, по сути, может быть охарактеризован как неоплатоник. Приверженность Августина к неоплатонизму прослеживается в его признании двух миров - мира идей, существующих в Божественной сущности и мира вещей, существующих во времени и в пространстве. Мир вещей, является воплощением идеи в материю. Для Августина доминирующим является положение о том, что человеческая душа имеет очевидное превосходство по отношению к телу. Это созвучно христианскому мировоззрению, - душа, как отражение Божественного в человеке, должна иметь превосходство по отношению к телу. Кроме этого, в концепции времени Августина прослеживается очевидное сходство с идеями Аристотеля. Феномен времени понимается Августином в двух значениях: во-первых, это понимание статического времени и, во-вторых – динамического. Бог существует в границах статического времени, в вечности, бытие Бога осуществляется вне времени. Между тем, существование человека протекает в границах линейного времени, в динамике прошлого, настоящего и будущего. По сути, в «Исповеди» Августина можно выделить две концепции времени, одну можно назвать психологической, а вторую – реляционной (объективной). В психологической концепции времени Августина ясно прослеживается процесс субъективации феномена времени, или процесс интериоризации. В этой концепции Августин проводит различие между временем и движением, для него – это не идентичные понятия. Время, конечно же, связано с движением, однако, оно не совпадает

с последним. Это означает, что Августин переносит рассмотрение времени в плоскость субъективной человеческой души. Проблема времени для Августина сводилась к пониманию его категорий. Если для Аристотеля прошлого уже нет, а будущего пока нет, то настоящему отводится роль мгновения между прошлым и будущим, то для Августина, прошлое и будущее психологически реальны, они существуют в человеческой душе, в сознании. Поэтому для Августина необходимо дифференцировать временные категории на настоящее прошлого, настоящее настоящего, настоящее будущего. Этим трем категориям времени соответствуют модусы сознания: ожидание (настоящее будущего), интуиция (настоящее настоящего) и воспоминание (настоящее прошлого). Строго говоря, в категориях времени, предлагаемых Августином, отражается именно психологический аспект времени. Так, настоящее прошлого отражает собой процесс формирования психических расстройств, в которых, как известно, вновь реанимируется прошлое в настоящем времени. Эти временные категории существуют в сознании человека, в его душе. Часто оказывается сложным понять, тождественны ли эти два понятия (душа и сознания) у Августина или между ними все же существуют различия. Время, в концепции Августина, приобрело свою психологическую направленность. Может быть, поэтому мы можем с известной долей условности назвать Августина родоначальником теории психологического времени. Мера времени, по Августину состоит в смене событий, а не в длительности. «Творения эти находятся в постоянной видоизменяемости, так что изменяемость эта даёт себя чувствовать в мире изменением времён, которые мы наблюдаем и исчисляем; ибо от этой видоизменяемости, которой подлежит всё сотворённое, происходят самые времена, когда вещи в своих видах и образах постоянно изменяются и разнообразятся...» [3,8]. Психологическое понимание феномена времени Августина блестяще представлено в следующем высказывании: «...Что такое время? Пока никто меня о том не спрашивает, я понимаю, нисколько не затрудняясь; но коль скоро хочу дать ответ об этом, я становлюсь совершенно в тупик». [3, 14] Августин придает огромную важность душевной жизни человека, и в этом подходе мы явно прослеживаем влияние древнегреческой мысли. Однако, душевное переживание неотделимо от самого

человека, человек и его переживания - суть одно и то же, это вполне идентичные понятия. Человек сам находится внутри своих переживаний, поэтому он есть само переживание. «Я» человека помещено Августином в центр душевной сферы. Именно поэтому мировоззрение Августина мы условно определили как интериоризацию времени. Особенности понимания феномена времени у Аврелия Августина обусловлены культурно-историческим характером эпохи. Так называемая, христианская патристика формирует новое понимание времени. Кроме того, если мы обратимся к ветхозаветным представлениям, то уже здесь заметим одну, очень существенную отличительную черту: время в ветхозаветном понимании обозначается словом «олам», что означает век, история и свершение событий. Древний грек переживал время как космический феномен, в этом переживании отсутствовала категоризация и периодичность времени, между тем в ветхозаветном мышлении мы уже видим эту периодичность, мы уже фиксируем дистанцирование уровней психического аппарата. Время в греческом мировоззрении - это нечто непостижимое и сакральное. В средние века, переживание времени обрастает драматизмом, суть которого в том, что человек должен прожить жизнь, полную страданий, чтоб вновь обрести милость Единого Бога. Проблема восприятия и переживания времени, приобретает свое своеобразие, свою специфику благодаря господствующему религиозному мировоззрению. В средние века, это мировоззрение начинает резко дистанцироваться от древнегреческого имажинативного переживания мира и приобретает характер роковой обреченности на страдание. Комплекс вины вносит в психику человека необходимость искупления адамова греха. Но комплекс вины не обладает автономностью, это не изолированное, абстрактное переживание, это достаточно живучее требование испытывать наказание и более того, это потребность быть наказуемым. Именно эта потребность сформирует в психике человека страх перед состоянием душевной умиротворенности. Именно поэтому в психике современного человека постоянно тлеет страх заболевания. Здоровый человек испытывает тревогу по поводу того, что это здоровье не дано ему просто так, что за это свое здоровье он должен рано или поздно поплатиться. Такого рода мысли часто становятся предметом

психоаналитического анализа. Огромный пласт наших психических переживаний и расстройств продиктован, а точнее заложен в нас нашим филогенетическим коллективным опытом. А это уже означает, что человек в подобных переживаниях выходит за границы линейного времени, за пределы каузальности. Практически, все, пройденные человечеством культурные эпохи развития, сохранены в коллективном бессознательном. И человек является существом вечным как носитель этого богатейшего опыта. Но не всегда богатство оборачивается благом для его носителя. Психическое наследие, передаваясь от поколения к поколению, несет в себе опасность формирования тяжелейших заболеваний, корни которых заложены историей цивилизации *homo sapiens*. И может быть, для того, чтоб понять суть и смысл заболевания было правильно каждый раз выяснять, - а какая, собственно, эпоха актуализировалась в нас в виде заболевания? Это, безусловно, вопрос из области теоретического допущения, он не обладает эмпиричностью, тем не менее, этот вопрос вполне оправдан, если мы принимаем воздействие филогенеза на наше психосоматическое здоровье. Опять - таки на уровне сугубо теоретического предположения мы считаем, что в человеке заболевают культурно-исторические эпохи, они вновь возвращаются в человеческий психосоматический организм. Коллективное бессознательное активизирует свои усилия по проникновению в сознание. И если мы возьмем 4 эпохи развития человечества то найдем заболевания Сфинкс - Человека, Льва, Орла и Тельца. В человеке заболевает возраст, который имеет свое соответствие в культурно-исторической эпохе. Тут можно вывести (на уровне теоретического допущения) соответствие между культурно-исторической эпохой и возрастными периодами человека. К примеру, древнеиндийская эпоха-это младенчество человека. Если младенчество характеризуется доминированием внеличного времени, как древнеиндийская эпоха, то уже египетская эпоха со своей любовью к земной жизни, к телесному, соответствует переживаниям ребенка при открытии для себя своего тела, именно в этот период формируется образ телесного в нашей психике. Подростковый период человека соответствует древнеперсидской культурной эпохе со своим драматизмом переживания жизни. Этот период привносит личностный элемент в понимание

времени. Юношество-период расставания с романтическим мировидением, именно в греческий культурный период происходит переход от образного, символического мировосприятия к активной мыслительной деятельности. Таким образом, древнеиндийская культурная эпоха-это младенчество человека, древнеегипетская культурная эпоха - детство человека, древнеперсидская - подростковый период, древнегреческая культурная эпоха - это юношество.

Интенсивность человеческих страданий обусловлена нашим непониманием смысла и сути болезни для нас. Человек, вообще страдает от неведения, или от иллюзии всезнайства, что, по сути, то же самое. Поэтому для нас становится чрезвычайно важным попытаться понять, что мы привносим из исторического коллективного прошлого в наше настоящее. Именно в болезни мы сталкиваемся с удивительным феноменом - филогенетическое прошлое, актуализируясь в форме заболевания, приобретает статус онтогенетического настоящего. Это означает, не более и не менее, что наша история не остается в прошлом, что она постоянно реактуализируется с вполне конкретным намерением. Если человека ничему не учит его настоящее, то прошлое его истории научит, безусловно. Психические недостатки онтогенетического развития начинают выправляться филогенетическим прошлым. Попробуем понять этот процесс трансформации смыслового времени на примере изучения чувства вины. В психической мысли средневековья можно отметить ряд особенностей. Человеческая жизнь в этот период рассматривается как некое страдание, данное человеку во имя достижения религиозных ценностей. Жизнь становится ценностью в связи с ее предназначением, однако, при этом суть и смысл этого предназначения являются достаточно неопределенными и туманными. По сути, мы имеем дело не с ценностью жизни, а с ценностью посмертного бытия. Или говоря иначе, жизнь приобретает ценность лишь тогда, когда человек готовит себя к потустороннему миру. Человек в средневековье живет не в соответствии с христианскими ценностями, а под их давлением, а точнее под давлением интерпретации этих ценностей. Если мы перенесем это положение на современную психику, то легко обнаружим ее проявления в навязчивых состояниях

религиозной тематики. Страх приобретает тотальный характер. Жизнь человека принадлежит Богу, точно также как жизнь ребенка является собственностью родителя. Человек-собственность Бога и церкви, между тем он сам - лишь греховное создание, которое должно ценой невероятных страданий заслужить себе прощение. Изначально человек греховен. Психическая жизнь человека представляет собой арену борьбы божественных и дьявольских сил. Человек, в средневековом понимании - существо, лишенное индивидуальной совести, индивидуальной экзистенциальности и воли. При таких характеристиках человека становится совершенно непонятным, как Всемогущий и Совершенный Творец сотворил греховное создание, которое при этом является Его образом и подобием? Однако, это сугубо философский вопрос, на который в средневековье не давали ответа, по той простой причине, что мышление считалось привилегией дьявола, человеку отводилось лишь право на веру. Страх перед Богом трансформируется в страх перед мышлением и этот процесс мы отчетливо наблюдаем сегодня в сектантстве, которое является ничем иным как страхом перед мышлением. Сектантство - это трансформированная форма средневековья в нашем современном обществе. Как и в средневековье, в сектантстве суеверие становится главным механизмом, порождающим вселенский страх и чувство вины за собственное бытие. Жизнь изначально греховна, поэтому единственным психическим механизмом, способным обеспечить жизнедеятельность личности, становится чувство вины. Вина стала выполнять функцию психической защиты, а это значит и функцию адаптации. Чувство вины закрепляется в коллективном бессознательном человека и наделяется некими положительными характеристиками. Человеку от рождения внушается мысль о его греховности, человек - грешник от природы. Первобытный адамов грех - это единственное наследство, полученное человеком от очеловеченного Бога. Однако, греховность несла в себе также позитивную функцию. Именно эта греховность трансформируется в течение длительного исторического времени в моральную психическую инстанцию, которую мы сегодня называем Супер-Эго. Для средневековой психики само рождение, или сама жизнь является неминуемым грехом. Этот нонсенс никогда не подвергался сомнению или, того

хуже, критике. Если жизнь является грехом, то какой смысл Творения вообще? Но человечество до смешного легко принимает несуразность, и, до грустного, трудно мудрость. В средневековый период понятие «Бог» неминуемо связывалось с состоянием страха и ассоциировалось с чувством греха. Мрачность средневековья, по сути, этим и определяется. В этот период человеческой истории впервые понятие «божественной любви» трансформировалось в понятие греха и вины. Всевышний, благодаря усилиям церкви, был лишен своей сути и превратился в Генерального Инквизитора. Страх и покорность по отношению к Богу становятся единственными ценностями человеческой жизни. Тот же страх и покорность должны были переживаться и по отношению к господину, и по отношению к «святой инквизиции». Средневековье лишило понятие «Бога» его самой сути- любви. А это означало, что все проявления любви уже изначально греховны и, безусловно, наказуемы. Именно поэтому современный человек переживает трагедийную эмоциональную амбивалентность - чувство любви смешано с чувством греха. В основе психосексуальных расстройств часто можно видеть именно эту филогенетическую предпосылку. Древнегреческая культура, очевидно, оказалась первой, внушившей нам идею о смысловой полноценности нашей жизни. Драматичность греческой мифологии указывает, прежде всего, на связь человека с божественным Олимпом. И при этом, психика человека была свободной от какого-либо чувства вины. Даже Эдип являет собой блестящий образчик связи человека с космической необходимостью, но, ни в коем случае миф не указывает на грехопадение. Невозможность избежать судьбы сама по себе снимает личную ответственность за собственные деяния, поэтому Эдип – это не пример грехопадения, а жертва воли богов. Именно древнегреческую культуру человечество впервые восприняло в качестве психологически реальной. Однако трагедийность в греческой мифологии носит характер неизбежности судьбы. В раннем же догматическом христианстве и средневековой схоластике, человек становится виноватым по определению. Парадокс в том, что жизнь человека в раннем христианстве не может быть обусловлена его собственной волей и, с другой стороны, его греховность дана ему как результат воли Бога. Мысли о боли и страданиях постоянно

подводили человека к принятию собственной ущербности, которая формирует в свою очередь внутриличностную конфликтность. Человек стал принимать страдания как неизбежное, но заслуженное и даже желанное наказание. Идея первородного греха никак не покинет нашу филогенетическую память. Идея греховности вообще, судя по всему, появляется на арене нашей психики для того, чтобы запустить механизмы нравственного, а значит человеческого развития. Не согрешишь – не раскаешься. Идея греха вплетена в ткань морали. А как же иначе, как иначе мы найдем признаки различения добра и зла. А так как переживания греховности невольно проявляются с помощью страданий, то человек неминуемо приходит к необходимости принятия идеи трагедийности своего бытия. Человек наделяется ответственностью за то, что он не совершал. Это, так называемая коллективная вина становится мерилom качества и полноты индивидуальной психической жизни, индивидуального онтогенетического времени. Именно эта коллективная вина, нашедшая свое место в коллективном бессознательном каждой отдельной личности, продуцирует формирование психических расстройств и структурирует их динамику. Именно эта коллективная вина, тот же самый адамов грех, практически всегда формирует навязчивые состояния личности. Если мы могли бы дифференцировать в каждом случае психического расстройства архетипические и личностные факторы последнего, то мы бы, очевидно, свели бы к минимуму возможность заболеваний вообще. Средневековье закрепило в человеческой психике, в психосоматическом организме первородный грех, который до этого исторического периода имел свою естественную форму-форму архетипа коллективного бессознательного. Средневековье перевело этот архетип в личностное бессознательное и закрепило его в нем в качестве убеждения в «изначальной личностной греховности». Убеждение, как таковое, безопасно, если оно не трансформируется в навязчивость. Средневековье заложило фундамент расщепления личности, или, говоря точнее, сделало это расщепление, эту диссоциацию личностным феноменом. Конечно же, явление психического расщепления существовало и до средневековья, но оно существовало в структуре коллективной, а не личностной психики. Процесс эволюции приводит к тому,

что коллективные формы мышления, являющиеся останками древности, переходят в структуру индивидуальной души, закрепляются в ней и проявляются в виде самых разнообразных расстройств. Останки древнего миропонимания реанимируются, но самого древнего миропонимания они с собой не приносят. Они привносят в нашу индивидуальную психику паттерны мышления и чувствования, но само мировоззрение древнего мира, к которому они были прикреплены, не переходит в психику современного человека. Это значит, что переживания в качестве рудиментов переходят порог личного бессознательного человека. Вытесненное в коллективное бессознательное миропереживание древности, возвращается в виде неосознанных эмоционально-рациональных склонностей, не имеющих оснований в онтогенезе личности. Это вполне приемлемо, если учесть, что именно этот механизм функционирует при формировании невротических симптомов, как на это гениально указал З. Фрейд. Одним из следствий данной эволюционной закономерности становится то, что средневековье сохраняется в нашем психическом организме в виде диссоциации личности. Когда навязанный первородный грех нашел свое место в структуре психического, с тех пор человек испытывает пожирющее чувство вины за личностный характер общечеловеческой греховности, то есть человек интроецирует эту греховность, он делает ее личностным феноменом. Человек обвиняет себя в том, к чему он, как отдельный индивидуум отношения не имеет. Именно поэтому, в неврозе навязчивых состояний мы переживаем навязанное филогенезом и узаконенное средневековьем чувство вины, которое мы пытаемся преодолеть навязчивыми действиями и ритуалами, мы смываем с себя то, в чем нас обвинило средневековье. Человек расщепляет свою психику на отдельные фрагменты, чтобы не интегрировать в себе те части психики, по отношению к которым у него формируется конфронтация. Но, по сути, мы смываем с себя ответственность за коллективную вину, которая заложена в нас, благодаря нашей принадлежности к общечеловеческой истории. Архетипический характер чувства вины проявляется в течение всего онтогенеза личности. В частности он способен проявляться в двух формах - в форме внутриличностного конфликта и вытекающей из него форме психического протеста.

Никто из нас не хочет брать на себя вину за адамов грех, но при этом каждый из нас хочет быть носителем христианской морали. Даже убежденные атеисты (если, конечно, таковые возможны) исходят не из убеждения о несуществовании Всевышнего, а из того бессознательного протеста против навязанного историей человечества чувства вины за первородный грех. Атеизм - это скорее протест против морального рабства, насажденного средневековьем. Атеизм – это взгляд человечества, застывший в средневековье. И если бы в истории христианства не было бы средневекового насилия, то возможность формирования атеизма была бы маловероятной. Церковь сама породила своего врага. Атеизм - это враг церкви, а не Бога. Это означает, что атеизм нельзя понимать в качестве отрицания религии. Коллективное бессознательное человека по своей сути свободно от религиозного рабства, оно политеично. Это означает, что в психике каждого человека одновременно присутствуют и атеист, и глубоко верующий. В бессознательном господствует космополитическая любовь, в Я-сознании любовь принимает статус эмоциональной потребности в защите собственного «нарцисса». Человек способен любить благодаря бессознательному, это чувство вообще вытекает из бессознательного. В Я-сознании мы убегаем от этого макрокосмического океанического состояния, мы не в состоянии ассимилировать это состояние. Биполярность эмоциональной жизни – это отражение борьбы макрокосмического бессознательного уровня психики с ограниченной инстанцией Я-сознания, для которого чувство и греховность переплетены и не мыслятся отдельно. Строго говоря, процесс психической эволюции направлен на поэтапное осмысление бессознательного уровня психики, на очищение от филогенетического чувства вины. Поэтому можно утверждать, что чувство вины, основавшееся в бессознательном должен быть осмыслено и осознано уровнем Я- сознания психики. Лишь в этом случае человек обретает психическое полноценное здоровье. Именно поэтому психотерапия – это, прежде всего, прикладная часть науки о бессознательном. Я-сознание переживает это чувство вины, оно не осознает его, чувство вины, вообще имеет для Я-сознания статус инородного тела. Однако, уровень бессознательного психического «выдавливает» в Я-сознание это филогенетическое чувство вины, пытается освободиться

от него. Так как только осознание приводит к формированию психически здоровой психической целостности личности. Средневековье реанимировало архетип адамова греха, но при этом превратило его в зомби. Комплекс вины – это то наследство, которое мы получили от средневекового христианства. А так как чувство вины всегда предполагает ожидаемое наказание, то становится вполне понятным механизм воздействия эмоций на организм человека. Наказание – это всегда психофизическая категория. Человек в своей средневековой примитивности дошел до того, что приписал Всевышнему готовность физически наказывать человека. Человек даже заповеди христианства интерпретирует лишь в связи с чувством вины и ожидаемого наказания. Только для человека нравственность должна выражаться в потребности в физических и психических страданиях. В животном мире инстинкты не отягощены чувством вины. По сути, на протяжении всей эволюции человек находился на такой же психологической дистанции по отношению к небу, на какой животные находятся по отношению к человеку. В человеческом представлении о небе нет ничего небесного. Земная вера в небесное не выходит за границы земного. Бесспорно, чувство вины имеет свою психологическую ценность в эволюции человека. Кроме того, что оно является сдерживающим фактором, оно выполняет также функции психического развития личности. Вся проблема в неверном выборе самого предмета чувства вины. В динамике формирования психических расстройств личности непосредственно содержится указание на этот предмет. При самом поверхностном наблюдении можно смело утверждать, что единственная вина, которую может иметь человек – это вина за отказ от психического и духовного развития. Именно за это человека наказывает его психика. Изгнание из Эдема означает не что иное, как наставление на развитие индивидуальной совести и сознания. Это, прежде всего требование того, чтоб человек построил «храм» Эдема в своей собственной психике. Из всех форм человеческой психической собственности есть только одна, от которой человек отказывается с удовольствием – это ответственность. Потому человек создал для себя такого Бога, который ему заранее все прости, но при этом закрепил за ним чувство вины. Человек имеет право на психическое полноценное существование, при том

условии, что всегда должен помнить о своем несовершенстве. Филогенетическое чувство вины не оставляет нас потому, что оно нам необходимо. Это чувство позволяет нам чувствовать себя полноценными в границах своей греховности. Это означает, что на самом деле человек лишь максимально дистанцировал себя от космоса. В древнегреческом мифологическом миропонимании человек был значительно ближе к идее божественного, чем в эпоху раннего христианства. Монотеизм внес идею монополии на близость к Богу избранных, остальная часть человечества осталась вне космоса. В древнегреческой мифологической мысли отношение человека к богам было окрашено личностным содержанием, между тем в раннем христианстве, по мере дистанцирования человека от космоса, утрачивается это личностное отношение. Единый Творец становится надличностной космической Сущностью. Человек не может познать самого себя, самопознание человека – это удел Единого Бога. От «познай самого себя» человек ушел в состояние убежденности в собственной непознаваемости и собственной греховности. Вместо «Познай самого себя» в человеке звучит мольба о прощении-«Помилуй меня грешного». Глубины "внутреннего человека" скрыты даже от него самого, они не могут быть постигнуты силами естественного разума и открыты полностью только Богу. "Ты же, Господи, судишь меня, ибо никто из людей не знает, что есть в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем... Но есть нечто в человеке, чего не знает и сам дух человеческий, живущий в нем, а Ты, Господи, создавший человека, знаешь все..."[3,273]

Для Августина, время-это индивидуальное переживание, его можно воспринимать лишь в душе. Время, в мировоззрении Августина, приобретает статус психологического феномена. Оно интериоризируется. По сути, размышления Августина о Боге являются размышлениями о месте Бога в жизни человека. Для Августина, Бог- не абстрактная, а вполне эмпирическая категория. Время жизни человека становится психологически ценным, если оно становится средством служения Богу. В мировоззрении Августина мы отмечаем, таким образом, новый аспект понимания времени, а именно то, что понятие времени стало рассматриваться в психологическом значении. Августин перенес время в плоскость индивидуальной человеческой психики, вырвав его из абстрактного поля рас-

смотрения. Поэтому, несмотря на то, что взгляды Августина нельзя причислять к научным, в строгом смысле слова, тем не менее, психологизация понятия времени в его мировоззрении становится тем актуальным поворотом, вследствие которого время стало рассматриваться как категория субъективная. Человек стал носителем времени в мировоззрении Августина. Смысл психического развития личности уже не отводился Высшему Творцу, ответственность за жизнь уже приписывается самому носителю жизни. Поэтому, актуальным в мировоззрении Августина Блаженного мы считаем интериоризацию времени, освобождением его от уз космического предопределения. Кон И. выражает эту же мысль: "Из собственности бога время становится собственностью человека".[54,190] Августин, строго говоря, освободил в своем мировоззрении человека от тотальной зависимости, он дал человеку намного больше психической свободы, позаимствовав эту свободу у Бога. Этот подход к проблеме времени Августина Аврелия, практически сохраняется в несколько измененном виде в дальнейшем развитии философских представлений о времени. В 17, 18, и 19 веках проблема времени, как самостоятельная область исследований практически не фигурирует. Она вновь становится актуальной в структуре трансцендентальной философии И. Канта, в феноменологии Э. Гуссерля и философии М. Хайдеггера.

1,3 Психологическое время в свете проблемы человеческого «Я». Восток-Запад.

Базовую общечеловеческую структуру человеческой психики составляет первобытное мышление, - так, во всяком случае, считают со времен Л.Леви-Брюля, а может быть и значительно раньше. Суть не в этом. В сущности, говоря о первобытном мышлении, прежде всего, необходимо отметить, что тут еще отсутствуют отличия между индивидуумами, тут еще нет чистой психической дифференциации Я от не-Я, это так называемое мудрое младенчество человеческой цивилизации, выраженное в древнеиндийской культурной эпохе. Точно так же как в младенчестве отсутствует переживание линейного времени, точно так же в недифференцированной психике время переживаемо, но не дифференцируемо в линейном контексте. Чем больше мы с нашим современным сознанием углубляемся в архетипичное переживание мира, тем менее мы способны индивидуализировать наши общечеловеческие переживания. Индивидуализация, то есть дифференциация «Я» от «Мы» и «Я» от космоса, приносит с собой переживание линейного времени, в виде мыслей и переживаний о конечности существования. Тревожность несколько увеличивает свою интенсивность, когда она оформляется в мысль, несмотря на хваленую рациональную «мудрость» человека. Способом, позволяющим минимизировать тревожные ожидания и страх смерти, становится углубление в архетипическое переживание мира. Именно на этом углублении в архетипическое восприятие, строилась психотерапия в древних цивилизациях. Лечебные декламации мифов, заклинаний и молитв часто творили целительные чудеса. Если человек отождествляет себя с другим, то есть видит себя человеком с другими качествами, то он может породить много новых как психологических, так и физиологических возможностей — этот принцип является одним из фундаментальных в современной поведенческой психотерапии. Своим происхождением он также обязан тому же углублению в архетипическое восприятие мира. Многие из нас могут подтвердить, что лечебные заклинания оказывают свое воздействие и сегодня. Безусловно, никто с этим и не спорит. Факт воздействия, действительно, имеет место, однако при этом не совсем ясно, какие еще

механизмы, кроме аутосугесстии, вызывают это воздействие. И еще, пожалуй, самое главное: многие люди испытывают на себе эти воздействия намного интенсивнее, чем другие. Когда человек начинает переживать, (а не понимать лишь теоретически), что его болезнь—это не только его болезнь, его переживание болезни начинает бессознательно распределяться на всех тех людей, которые ей подвержены. В результате подобной осознанной экстраполяции человеческая болезнь действительно начинает отступать или может пройти вовсе. Чем более человек углубляется в понимание "обобщенного, внеличного, а значит вневременного образа своей болезни", тем более последняя "обезличивается", теряет индивидуальные характеристики. Болезнь, в сугубо психологическом значении, является личностной категорией, болеет не психика, а личность, как носитель психики. Процесс «обезличивания болезни», лишения личностной основы выводит человека на новый уровень ее переживания, этот процесс выводит человека из границ линейного времени, в котором он смертен. По мере углубления в архетипическое переживание человеческого здоровья, эмоциональная и личностная представленность утрачивает свою смысловую нагрузку и вместе с этим утрачивается приобретенное заболевание. На архетипическом уровне недифференцированной психики, на уровне обезличенной психики, благодаря растворенности Я с не-Я, эмоции и негативные переживания "размываются", они становятся довременными, обретают свои первозданные функции — функции адаптации к окружающей среде. Чем более мы отдаляемся от архетипической растворенности психической деятельности, тем более наши эмоции становятся личностными, тем более мы подпадаем под линейное переживание времени, а значит, тем более сложным становится процесс терапии. И разница как раз в качестве процесса терапии. В архаическом миропонимании терапия универсальна и более эффективна, так как она направлена на групповое осмысление болезни, на «мы больны». Но, с развитием Я-сознания, в процессе дифференциации Я от Мы, процесс терапии усложняется, так как включается Я, включается личность, с ее индивидуальным своеобразием, с ее индивидуальной судьбой, с индивидуальным сопротивлением терапии. В этом случае терапия направлена на «Я

болен». Требование индивидуального похода к каждому больному является как раз следствием того, что болезнь, как таковая, обрела личностный характер, отменяя групповой. Когда мы уходим в психическое прошлое мы обретаем физическое здоровье, теряя при этом личностные характеристики восприятия жизни. Точно также, когда мы переносимся своими воспоминаниями в детство, мы психофизиологически становимся на эти несколько мгновений более бодрыми и здоровыми. Переживание своей единичности и неповторимости и отличия от других во многом обуславливает возникновение психосоматических страданий. Эти страдания сложно преодолимы в настоящем психологическом времени, вследствие отсутствия таких защитных механизмов, как психическая отождествленность с семьей, родом, народом, этносом. Чем более человек индивидуален, то есть чем меньше он психически отождествлен с семьей, родом, этносом, тем более он подвержен заболеваниям и психическим расстройствам, однако тем более он предрасположен брать на себя вину рода. Чем ближе психически расположен человек к архетипическому переживанию мира, тем более он имеет шансов прожить свою жизнь без болезней и расстройств. Именно здесь мы сталкиваемся с глобальной проблемой выбора между индивидуальным психическим развитием и жизнью, протекающую относительно бессознательно и безболезненно. Неспроста среди долгожителей мы часто встречаем горцев, людей, живущих эмоциями рода и народа. Именно поэтому «знание – есть страдание». Что мы выбираем, зависит от каждого из нас, от понимания каждого из нас этой проблемы. Если наше психическое осмысление и переживание мира протекает в смутной растворенности в архетипическом миропонимании, - мы обретаем взамен отказа от индивидуально-психического развития здоровье, причем такое здоровье, которое мы уже не в состоянии оценить лично. А здоровье-это не физическая, а нравственная, психическая, духовная и личностная категория. Если мы предпочитаем животное, инстинктивное благополучие индивидуальному развитию, мы лишаемся великого дара самопознания и эволюции. Предпочитая же индивидуальное развитие мы должны научиться "рожать в муках", мы должны будем смириться с тем, что человеческая психика, отделившаяся от первобытного, смутного миропереживания, должна будет пройти сквозь

личностное эмоциональное переживание мира, а именно, это переживание и приносит с собой страдания и болезни. Стрессогенные ситуации легко преодолимы в филогенетическом миропереживании. Более того, интуитивные озарения человеческой психики, касающиеся прогнозирования будущих событий или содержащие внезапные научные открытия, не могут возникать из ничего, - они должны базироваться на богатом филогенетическом материале, - они должны иметь свой мощный источник, который бы генерировал многие гениальные (сокрытые во времени) открытия современного человека. Человек противопоставляет в сознании себя внешнему миру, Я - не-Я, с другой стороны он сознательно противопоставляет свое сознание своему бессознательному. В границах аналитической психологии это противостояние отражено в деятельности архетипов Маски и архетипа внутренней души (Анимы и Анимуса). Персона осуществляет нашу адаптацию в границах Я-не Я, а Анима/Анимус - в границах сознания и бессознательного. Очень часто мы относимся к своему бессознательному как к не-Я. И это противопоставление несет в себе усложнение процесса самопознания, а значит и самореализации. Противопоставление Я не-Я ведет к психическому обособлению "Я", а следовательно, к его уязвимости. Объективный мир совершенно недостаточно понимать как противопоставление субъективному, так как это противопоставление реально лишь для миропостигающего сознания. В бессознательном миропереживании этого противопоставления нет, так как нет дифференциации на личностный и объективный мир. Если в бессознательном отсутствует темпоральная дифференциация, то в психических расстройствах уровни сознания и бессознательного взаимопроникаемы. Точно так же как в сновидении. Подобный вид мироощущения, который мы сегодня рассматриваем в контексте психических расстройств, являлся доминирующим в древних цивилизациях. К примеру, философия мадхьямиков выдвигает принцип о несуществовании "Я" (индивидуального) и такого же несуществования "Я" объектов. Вообще буддисты понимают "объект" не как нечто независимое от нашего ума, а как то, что обнаруживается в наших ощущениях и представлениях, - в виде формы, звука, запаха, вкуса, осязания и т.д.[39] Человеческая психика как филогенетически обусловленная

реальность выражает принцип вневременности, или то, что мы называем "везде и всегда". По мере углубления в бессознательные переживания мира и себя в мире, противопоставление "субъект-объект" наделяется новым временным смыслом, - это движение приводит к тому, что по мере убывания предметной и личностной конкретности мировосприятия снимается противоположность между Я и не-Я, и начинается постепенное обратное преобразование принципа "здесь и сейчас" в состояние "везде и всегда". То есть в этом процессе психического преобразования мировосприятия начинает проявляться движение времени, из однонаправленности в разнонаправленность. Именно этот процесс временного переживания мира отражается практически во всех психологических учениях "о спасении" в буддизме. "Буддизм" провозгласил всякую жизнь во всех ее проявлениях страданием. Согласно этому воззрению, каждый индивид подвержен страданию независимо ни от его эмоционального состояния, ни от общественного положения, ни от материального достатка. Страдание— это постоянный атрибут человеческой жизни, более того - это форма существования индивида"[39,39]. Каждый индивид подвержен страданию до тех пор, пока он находится в состоянии противопоставления себя внешнему миру, пока он относится к миру с позиций личностного, а не "обезличенного" состояния психики, то есть пока он вписан в линейный временной континуум. Осознание себя и своей обособленности от мира, выделение своего Я из состава мироздания обнажает психику человека, делает ее беззащитной, переводит ее во временное поле прошлого, настоящего и будущего. С другой стороны, человек убегает от неопределенности в сторону конкретной временной последовательности мировосприятия, так как он не может жить, не имея конкретных точек отсчета в своем миропонимании. Человек в своем мировосприятии разделяет, расставляет по полочкам неразделимую картину мира. Он пытается внести сознание в эту картину мира. Эта тенденция обособления нашего Я в самостоятельную эмпирическую реальность является следствием эволюции психики. В буддизме же предпочтительно отрицать "Я" как носителя личностной эмоциональной сущности. В буддизме "спасение" состоит в отказе от личностного принципа мировосприятия и миропереживания.

"Избавление от собственного "Я" — вот основа основ учения о "спасении". Каким образом достигается это "спасение"? [39,39] Для этого недостаточно лишь дискурсивного знания о том, что ставшие для человека привычными его образ жизни, мысли, чувства, отношения с внешним миром и т.п. основаны на ложном представлении о себе как о "Я", а потому сами являются ложными. Необходима долгая и упорная работа над собой с целью подавления в себе или же вытравливания из себя различного рода эмоций, чувств, воли, мыслей и т.п., порождающих эмоциональную и инстинктивную привязанность жизни, необходима абсолютная свобода индивида от всего того, что связывает его с земной жизнью, с последовательностью времени. На первый взгляд может показаться, что суть спасения состоит для буддизма в умерщвлении физического тела, ради достижения более высокого качества жизни. Однако, это далеко не так. Для того, чтобы полноценно вобрать в себя психологию буддизма, необходимо обладать восточным менталитетом. То, что мы понимаем рассудочным путем, не отражает полноту восточного миропонимания. Западному менталитету свойственно более определенное, предметное видение мира, тело как носитель заболеваний, является одновременно генератором наслаждений и наше тело не может быть для нашего сознания тяжелой ношей. В некотором смысле переживания конечности жизни затмеваются поиском чувственных наслаждений. Для западного менталитета мысль избавления от иллюзорного восприятия мира, должна быть помыслена, должна быть понята и принята сознанием, - для восточного менталитета она обладает изначально статусом очевидности, которая не подвержена рефлексии, а значит, сомнению. И, в конце концов, для западного мышления трудно понять, это означает спасение с помощью подчинения или вытравливания человеческих эмоций. Просто проследив за мимикой западного человека и сравнив ее с восточной, мы увидим, что невозмутимость восточного миропонимания рельефно отражается в мимике. Между тем наше лицо говорит чаще о большем, чем наш язык. Мы вполне можем понять нашим рассудком, что: "Суть "спасения" заключается в привидении индивидом своего сознания в качественно новое состояние, когда перед ним отступает иллюзорный (эмпирический) мир, и предстает мир истинной реальности".[39,41.] Но мы при этом не учитываем, что то,

что мы способны воспринимать сознанием не переживается нами так, как это переживается восточной душой. Для Востока этот путь спасения, прежде всего, реально переживаем, для нас он реально осознаваем. Строго говоря, переживается вечность, а время осознается. Тот же восьмеричный путь буддийской морали, включающий в себя "правильные взгляды", "правильные стремления", "правильную речь", "правильное поведение", "правильный образ жизни", "правильную направленность мысли" и "правильный экстаз"— также правилен и для нас, однако не с точки зрения переживаемости этого пути, а с точки зрения понимания его неоспоримых достоинств. Западный менталитет функционирует в ракурсе прагматичности, то есть в ракурсе земного линейного времени. Однако при всей разности восточного и западного менталитетов, тем не менее, каждого из нас, в определенный период нашей жизни, безудержно влечет Восток с его, казалось бы, фантастической мистикой. Наверно этому должно быть объяснение. Человека не может привлекать то, что чуждо его психической жизни, то, что не вызывает в нем переживаний, обретающих статус психической реальности. И в этом смысле Восток с его, на первый взгляд сложно понимаемой философией, отзывается в нас нашими вечными поисками переживаемой духовной реальности. Каждый человек несет в себе природу "будды", в своем бессмертном бессознательном каждый из нас является неделимой реальностью и всеобщностью, - в этом смысле каждый из нас несет в себе "alter ego". "Избавление человека от ложного "Я" равнозначно тому, что он сливается со своей истинной природой, "природой будды", а через нее ощущает тождественность со всеми индивидами. Это такое состояние, когда стираются различия между всеми, когда большее включает в себя малое, малое включает в себя большее, когда не существует ни прошлого, ни будущего, когда в одном содержится все, во всем - одно".[39,43] Это и есть предельно возможное описание вневременного состояния психики. Таким образом, единение с Буддой, отождествление с космическим означает отрицание линейного времени. Иначе говоря - это состояние вневременности, где точка является сферой, а сфера точкой. Психическое мировосприятие и миропонимание, характеризующее архетипическую ступень эволюции отводит

человеческому "Я" размытое состояние, "Я" как носителя индивидуального восприятия мира на этой ступени еще не существует, оно еще не выделилось в активную единицу психического осмысления и восприятия, и именно, в этом смысле "Я" является иллюзорным психическим состоянием. Человек в этом состоянии интуитивно переживает свою тождественность с мирозданием. Это состояние не постигается сознанием, так как оно еще не включено в режим временной последовательности. Человек не ощущает себя в состоянии "здесь и сейчас", он присутствует "везде и всегда". Начало деятельности сознания, как активного начала, совпадает с дистанцированием "Я" от интуитивного переживания этой тождественности. С появлением различения начинает функционировать сознание во времени. Именно это состояние интуитивного переживания тождественности с миром, в китайском чань - буддизме именуется состоянием "будды", это состояние вечности и вневременности, а, следовательно, бессмертия. Это состояние тождественности является необходимым, которое является фундаментом для развития и вычленения индивидуального "Я". Как известно, этим не ограничивается процесс "просветления" или "спасения". Человек в процессе своей психической эволюции вновь должен придти к этому состоянию тождественности со всем, однако, уже не на уровне интуитивного переживания, а на уровне осознанной включенности в процесс эволюции. Как придти к такому состоянию подробно описывается в различных школах буддизма. К примеру, школа хуаянь описывает четыре уровня сознания, ведущие к "просветлению": первый уровень — когда сознание воспринимает окружающий мир сквозь призму ложного, иллюзорного "Я", второй уровень — когда сознанию открывается сущность окружающего мира, третий уровень—когда для сознания становится очевидной тождественность истинного и иллюзорного, четвертый уровень — выражает уже известное нам состояние "будды", то есть полной тождественности всего сущего, однако уже не благодаря интуитивному переживанию, а уже пониманием. Когда сознание приходит к пониманию своей тождественности природе "будды", оно одновременно тождественно всему. Говоря о пути "просветления" в китайском буддизме (чань — буддизме) мы не должны забывать о диаметрально противоположных научных подходах в

понимании категории индивидуального "Я". В европейской психологии индивидуальное "Я", несмотря на свою многообразность проявлений, не вызывает сомнений в реальности существования. Для Востока индивидуальное "Я" как истинная сущность не существует, ему не присуща реальность, оно является иллюзией. И такое понимание природы "Я" имеет свои корни в восточном миропереживании вообще. "Совокупность того, что воздействует, мы связываем с явлениями мира, а индийцы — с душой. Для них мир— видимость, реальность же мира близка к тому, что мы назвали бы несбыточной мечтой".[119,54] В восточной психологии сформированы многочисленные системы психотренинга, нацеленные на избавление от несуществующего индивидуального "Я" человека. Если восточная мысль считает индивидуальное "Я" иллюзией, нереальным, ложным состоянием психики, то к чему прилагать столько усилий для избавления от того, чего нет? Это противоречие вполне обосновано фиксируется нашим западным мышлением, логикой наших мыслительных процессов. Но так ли обстоит дело для восточного мышления? Отнюдь не так. То, что мы называем логическим противоречием, для восточного миропонимания является переживаемой реальностью. Эти чересчур широкие и туманные для западного мышления понятия создают благоприятное поле для различных, порой, совершенно неадекватных предположений и гипотез. Проблема индивидуального "Я", рассматриваемая в мировоззрениях Востока и Запада, может быть представлена как проблема отношения человека к Богу, к понятиям вечного и временного. Западное мировосприятие и восточное переживание мира проявляют свои различия также в том, что вкладываем мы в понятие "Бог" и как эта сфера религиозного опыта воспринимается восточным сознанием. Отношение человека к Богу, претерпевающее колоссальные изменения за сравнительно короткие исторические периоды времени характеризует эмоциональную и рациональную потребность человека в его попытках миро- осмысления и в поисках смысла собственного существования. Вера в Бога характеризует не Бога, а человека, в переживаниях религиозного чувства проявляется человек, а не Бог и зачастую мы наши эмоции воспринимаем как откровения свыше. Если западному сознанию присуще более рациональное отношение к сфере религиозного, то

для восточного менталитета религиозность мировосприятия носит скорее философский, чем прагматический характер. Рациональное отношение к идее Бога в западном менталитете не приводит к уменьшению тревожности при понимании конечности собственной жизни. В западном религиозном мировосприятии присутствует не вечность, а время. Вера в Божественное для восточного сознания скорее психологическое, чем познавательнопрагматическое явление. Конечно же, это нельзя понимать, как негативную характеристику западного религиозного чувства. Речь идет скорее о различиях в понимании сути Первопричины. Для восточного сознания принятие идеи Бога, прежде всего, обязывает к самосовершенствованию, для человека запада религиозное чувство нацеливается на достижение морального совершенства, как попытка избавиться от наказания за первородный грех. Заповеди христианства независимо от их интерпретации представляют собой непреходящую ценность, - вопрос лишь в том, что каждый из нас хочет видеть в этих заповедях, как каждый из нас их пытается интерпретировать, и почему почти каждый из нас пытается обязательно искать интерпретации к откровениям Нового Завета. Что является для нас определяющим, - сама моральная ценность заповедей или то, как мы их пытаемся трактовать. Для западного сознания религиозный опыт имеет как минимум две стороны - веру в Бога и сомнения в своей вере,- попытки интерпретации Евангелия сами по себе говорят о том, что их содержание не принимается безапелляционно человеком. Для восточного менталитета религиозный опыт - скорее всего переживаемая область, для западного - рациональная. Мы так часто говорим о Боге, что порой забываем о том, что в долгом споре истина испаряется. "Хотя феномен религиозного чувства отдаляет любую рациональную критику как несоразмерную - это, впрочем, черта всех эмоциональных явлений, - все же стремление к познанию продолжает пробивать себе дорогу, делая это с "безбожным" или "люциферическим" упрямством, как бы по необходимости, будь то на пользу, или во вред человеку".[119,45] Именно эта потребность познания вычленяет для западного человека индивидуальное "Я" в самостоятельную категорию и наделяет ее психической реальностью. Вместе с вычленением "Я" из общего религиозного опыта начинают проявляться всевозможные физические и

психические отклонения от того, что мы называем "нормой". Именно вследствие того, что каждый из нас несет в себе или хранит в себе всю историю человечества, - мы питаем небезосновательный интерес к различным древним культурам, в том числе, или в первую очередь, к восточной. Как известно, наше бессознательное (или в различных интерпретациях — подсознание, сверхсознание, внутренний разум и т.п.) никогда не хранит в себе того содержания, которое не представляет для человека ценности в каждый момент его жизни. " Знакомство с духовностью Востока должно быть для нас не более чем символическим выражением того, что мы вступаем в контакт с действующими в нас самих силами, которые все еще остаются нам чуждыми".[119, 148] В каждом из нас заложена потребность верить и знать. Для Востока важно верить и переживать, для западного менталитета важно знать и верить. Для верующего христианина важна вера сама по себе, - для мыслящего христианина вера обязывает знать, причем, сперва знать, и потом лишь верить. Любое знание, ставшее психической собственностью человека, формирует веру, и любая вера в конечном итоге подводит нас к необходимости знания того, во что веришь. Потребность в знании для западного мышления оборачивается необходимостью развития индивидуальности человека, а в дальнейшем привязанностью к той психической сущности, которую мы называем "Я". Однако: "Пока существует укорененная привязанность к "Я", до тех пор невозможно ни познание (джняна), ни освобождение (мукти), и нет конца рождению и умиранию".[119,47] Привязанность к "Я" означает, прежде всего, вычленение "Я" в процессе психической эволюции в самостоятельную психическую категорию, однако вместе с тем и беззащитную и, вследствие этого, активную. Это также выход из пределов смыслового бессознательного времени. Возвращение в психическую недифференцированность мироосмысления, сферу переживаемых архетипов - приводит к затемнению "Я» и к ощущению полноценной защищенности. Привязанность к "Я" есть привязанность к кажущейся временной определенности "здесь и сейчас". На самом деле в процесс переживания индивидуального "Я" вплетены и прошлое, и настоящее, и будущее, - и воспоминания о прошлом, имеющие статус настоящего, и настоящее напичканное прошлым и ожиданиями будущего. Привязанность к архетипу, как отсутствию

сознательного миропонимания, является привязанность к вневременной и внепространственной универсальности "всегда и везде". В каждом акте психического переживания и осмысления мира и самого себя человек одновременно не может быть представлен в конкретном временном измерении. Сама мысль в процессе своего зарождения и продумывания (движения) начинается в прошлом, а не в настоящем. Осознание мышления в момент мышления, очевидно, вызывает ощущение настоящего времени, так или иначе, антропософское видение мира допускает такую картину. Однако, как в восточном миропонимании, так и в западном признается такое состояние психики, которое является, по сути, свободным от привязанности к индивидуальному "Я". На Востоке, как это известно, способы обретения "освобождения" состоят в физических и духовных практиках, в западной мистике так же существуют методы позволяющие переместить центр тяжести в мироосмыслении с Эго (Я) на Самость: "...с человека на Бога; это означает, что Эго растворяется в Самости, а человек—в Боге".[119,46] Понятие "Самость" считается идентичным понятию "Бог",- так, во всяком случае, принято считать как в западной эзотерике, так и в архетипической психологии. В психологии, благодаря К. Юнгу, понятие "Самость" также соотносимо с понятием Первопричины, при этом определение Самости, приводимое Юнгом, является весьма примечательным. "В нашем понимании Самость - это квинтэссенция духовной целостности (то есть единство того, что сознательно, и того, что бессознательно), и тогда она действительно представляет собой цель духовного развития, независимо ни от каких сознательных суждений и предположений".[119, 47] Сознание плюс бессознательное — два столпа психики, третий столп - это слияние Эго с Самостью, или растворение во Христе. Эти три столпа самоосуществления могут выражаться в единстве трехчленности Отца, Сына и Святого Духа: отца как архетипической данности, богатства всевозможных психических содержаний, сына как воплощения сознательного мироосмысления и Самости как квинтэссенции (по Юнгу) духовной целостности, как Святого Духа. "Без физического и психического тела в человеке, даже если сомневаться в их существовании, Самость совершенно беспредметна. Эту мысль высказал Ангелус Силезиус: "Я уверен, что Бог не может жить

без меня и минуты: если я умру - ты моей смерти не переживешь, Господи Боже".[119,48]

Самое любопытное в этом высказывании Силезиуса (немецкого философа и мистика Иоганна Шеффлера) состоит на наш взгляд в том, что он оперирует земными понятиями пытаясь говорить о Самости — Боге. Понятие "жить" является чисто временным, то есть имеющим физически обусловленное начало и конец и никак не применимо к сущности, которая не может иметь начала,- эта сущность вневременна или даже надвременна, она может быть помыслена, и переживаема, но никак не определяема. Бытие Самости не может быть обусловлено человеческой жизнью, Самость может быть обусловлена лишь своей собственной необходимостью реализации. С другой стороны всякая недифференцированность в смысле максимальной или вернее бесконечной полноты содержаний стремится к дифференциации, беспредметность реализуется в предметности, бессознательное стремится выразить себя в конкретике сознания,-дифференцированная Самость выражена в единичном человеке. Способы выражения Самости в предметности и в конкретике многообразны и различны как на Западе, так и на Востоке. И это различие проявляется как в художественном творчестве, так и во всех формах осмысления мира и самого себя. Именно это надо понимать в словах, процитированного выше, А.Силезиуса. И он действительно прав, говоря о том, что Самость невозможна вне физического и психического тела, вне человека. Вечность, как категория Самости (Бога), должна быть проявлена, проявлением же вечности может быть смертное существо. Человек – это «смертный носитель вечности». Тот кусок мира, который мы воспринимаем и переживаем как реальность, становится нашим реальным миром. При этом все особенности нашего реального мира мы склонны распространять на весь оставшийся мир. И различия восточного и западного миропонимания состоят в том, что: "Европейцы видят в Индии, прежде всего внешнюю чувствительность. Однако Индия не такова, реальность, какой видят ее индийцы - это нечто иное. Согласно немецкому определению реальность — это то, что воздействует, *wirkt*. Совокупность того, что воздействует, мы связываем с явлениями мира, а индийцы — с душой. Для них мир — видимость, реальность же мира близка к тому, что мы назвали бы несбыточной мечтой".[119,54] В чем значение и смысл

иллюзорности мира для восточного мировосприятия. Индивид является рабом своих страстей и инстинктов, своего "Я", которое имеет смысл лишь как часть целого Атмана (мирового духа или Самости), однако в качестве самостоятельной психической единицы человеческое "Я" является ведомым его низшими инстинктивными силами. В процессе растворения индивидуального "Я" в сфере Атмана немаловажное место имеет физическое и психическое самосовершенствование, йога, во всех ее разновидностях. Человек обязан овладеть теми силами, которые привязывают его к предметности мира. Вообще-то и в христианской эзотерической аскезе наличествует принцип запряжения в ярмо "низших" природных сил, с целью обретения психического и духовного единения с Богом. Цели идентичны, подходы - несколько разные. В обоих направлениях есть общие принципы рассмотрения человека, быть может, в различных терминологических одеяниях. Однако общий смысл может быть выражен примерно так: реальность для каждого из нас является навязанной реальностью. И по мере того как мы адаптируемся к нашей реальности, к нашему кусочку мира эта реальность становится для нас "свободно навязанной", то есть мы принимаем мир, в котором живем за неимением лучших миров. В каждом акте восприятия мира всплеск наших эмоций говорит лишь о том, что в этом мире мы пока не можем жить рационально, - эмоции выполняют компенсирующую роль и способствуют более успешной адаптации. Мы постоянно твердим со времен Ч. Дарвина об адаптативных функциях эмоций и при этом почему-то забываем, что эмоции выполняют эти функции по той простой причине, что среда, к которой мы пытаемся адаптироваться изначально представляет для нас проблематичность, - не возникает необходимости адаптации к тому, в чем мы не видим сложности для нас. Фантазии и мечтания, так называемое бегство от реальности, бегство от необходимости адаптации мы называем защитным психическим механизмом, механизмом защищающим нас или заслоняющим собой тот мир, по отношению к которому мы должны (желая того или нет) приспособиться. И каждую ночь, уходя в бытие собственного психически приватизированного мира, мы отдыхаем от непосильной для нас физической и психической нагрузки, которую мы целый день несем на своих плечах. Энергия

жизненных сил, брошенная на достижение адаптации к социальному миру должна восстанавливаться в часы сна. Мы восстанавливаем свои силы для того, чтоб вновь направить их на достижение адаптации к миру. Когда же мы при этом живем? Или для чего мы тогда живем? Так вот в различных восточных мировоззренческих системах на этот вопрос дается один и тот же, в принципе, ответ— смысл жизни в достижении слияния с Атманом, с Богом, с Непостижимой Самостью. То есть мы, не постигая смысла земного существования должны стремиться к растворению нашего "Я" в непостижимой Сущности. Так ли примитивно выглядит все на самом деле? Безусловно, нет. Единение с Атманом не должно подвергаться рациональному осмыслению, оно должно переживаться и только в этом переживании душа индийца обретает то, что западный менталитет пытается достичь мышлением - освобождение от чувственного рабства. Медитативное проникновение в сферу сверхсознания —задача не из легких. Прежде всего, мы должны допустить для себя саму мысль о возможности существования таких уровней психики, которые при нашей жизни не выходят на функциональный уровень. Вопрос не в том доказуемо ли это научно, а в том хотим мы в это верить или нет. Мы верим, следовательно, существуем. Мы верим во все то, что необходимо для нас психически и физически. Вера и знания не так уж далеки друг от друга, вера очень часто начинает порождать наши знания, а знания часто основываются на аксиомах. Также как и мы не сомневаемся в наших недоказанных предположениях, также человек востока не нуждается в рациональном обосновании йоги, оно само собой подразумевается, так как жизнь постоянно подтверждает правоту избранного пути. Мы же, в свою очередь, изучая восточные практики, прежде всего, выясняем степень и полезность их воздействия на наш организм.

Выводы по первой главе исследования:

1. Античность с ее богатейшей мифологией, уделила пониманию времени огромное место.
2. В символическом понимании изгнание из Эдема является символом выпадения из вечности и разделения психики на сознание и бессознательное.

3. Мифологическое сознание, или точнее мифологическая психика лишена категоризации времени, здесь все единовременно благодаря существованию сакрального времени.
4. Пройденные этапы формирования мировоззрения уходят в коллективную память, точнее в коллективное бессознательное, сохраняясь там, в виде «живых памятников» или предрасположенностей к определенным моделям мировосприятия.
5. Поэтапное формирование Я - сознания человека вытесняет интенсивность воздействия бессознательных процессов и порождает переживание страха смерти. С развитием Я-сознания в человеческой психике увеличивается дистанция между бессознательным и сознательным уровнями психики. Бессознательному отводится переживание вечности, а сознанию - понимание линейного течения времени.
6. В процессе эволюции категория времени трансформируется из внеличного состояния в состояние личностного времени.
7. В египетскую культурно-историческую эпоху формируется представление о телесном времени.
8. В древнегреческую культурно-историческую эпоху интенсифицируется дистанцирование «Я» от «не-Я», человек отказывается от образного мышления в угоду развитию личностного «Я».

ГЛАВА 2. ПРОБЛЕМА ВРЕМЕНИ В ПСИХОЛОГИИ

2.1. Краткий обзор представлений о времени

Патология начинается там, где порог между прошлым и будущим оказывается настолько высоким, что человек не в состоянии его переступить.

А.Кемпински

Практически любое исследование в обширной психологической науке, так или иначе, включает в себя явно или латентно, проблему времени. Понятие «психологическое время» обладает очевидной реальностью, реальностью эмпирической. Человек включен в сферу времени, вне времени, немислима жизнь вообще, и в то же время, само «время» становится причиной прекращения жизни и зарождения ее нового цикла. Древний мир очертил границы проблемы времени, и при этом наделил эти границы свободой. *И эта древняя свобода человеческой души и духа сегодня получила название «науки».* Время является, по сути, такой беспрецедентной реальностью, которая определяла и программировала как обыденную жизнедеятельность человека, так и его психическое мировосприятие, - и то, и другое не мыслится, разумеется, в отрыве друг от друга. Время и вечность - это не просто отвлеченные философские категории, они имеют личностную природу. «С одной стороны, человек живет в ограниченном структурированном линейном времени, более того, удивительно ценит это время и до абсурда жестко привязан к нему, к его личному структурированию. Структурирование времени находит место в символическом видении мира, или точнее, в теории знаковых систем. Согласно этой теории, все знаки делятся на три вида: «иконические знаки, полностью воспроизводящие объект. Например, пещерная живопись представляет собой совокупность иконических знаков. Знаки-индексы, построенные на аналогии с объектом (дорожные знаки). Символы, связанные с объектом на основе ассоциативной связи (круг-колесо-солнечный диск). Иконический знак существует в прошлом, индекс в настоящем, а действие символа основано на том, что

закодированная в нем информация будет понята определенным образом интерпретирующим его человеком» [93, 11] То есть будет понята в будущем. С другой стороны, у человека всегда есть стремление совершенно противоположного характера – быть не ограниченным во времени, не ценить время, не быть привязанным ко времени и полностью отдавать свою ответственность и волю в структурирование времени» [48,80]

Конфликт двух психических состояний, согласно В.В. Козлову, может быть определен как борьба противоположностей, между жесткой идентификацией с линейным временем и стремлением выйти за пределы этого времени. «Говоря языком Грофа, это конфликт отождествленности с хилотропным модусом бытия и безвременья холотропного» [48,81]

Это переживание внелично, оно выводит личность за границы линейности, или, что, то же самое в этом контексте, за границы личностного мировосприятия и миропонимания. Говоря иначе, личность переходит в состояние холотропного сознания, согласно трансперсональной психологии. Человек покидает границы онтогенетического Я и переходит в архетипическую область бессознательного. В. В. Козлов выделяет три аспекта структурирования времени: « Для нас важно, что в каждом из нас прямо сейчас существуют три аспекта структурирования времени. Во - первых, это личное структурирование времени, человек постоянно каким – то образом планирует время, свою жизнь, расчленяет время, во временном континууме выстраивает стратегию и перспективные линии своего развития. Во-вторых, структурирование времени за пределами этой жизни. Я сейчас обозначу странное словосочетание - посмертное структурирование. В-третьих, это структурирование бессмертия при жизни. Данный аспект касается свободы от времени внутри линейного континуума» [48, 81-82] Третий аспект структурирования времени представляет собой своего рода медитативное сознание, в котором человек соприкасается с переживанием вечного. Это состояние можно охарактеризовать как синтез *хилотропного* и *холотропного*. Учитывая то, что хилотропное сознание (от греческого "hile" – материя) ориентировано на материю, на стандартные установки, такое сознание воспринимает время как линейный и необратимый процесс. Между тем, холотропное сознание (От греческого "holos" – целое) характеризуется как раз неограниченностью поля сознания, в

котором все процессы обратимы, в том числе время. А обратимость времени является вечностью. В холотропном сознании человек находится сразу в трех временах, в вечности или в не-Я. В холотропном восприятии мира время и сознание условны, прошлое и будущее сведены в настоящем времени. По сути, эта не- дифференцированность времени и есть вечность. Поэтому бессознательный уровень психики вполне может быть определен как холотропный уровень сознания. Хилотропное и холотропное состояния сознания не являются противоположностями, скорее всего, это две стороны единого континуума или взаимодополняющие, взаимозависимые и взаимообусловленные модусы психики. Довременность бессознательного прежде всего проявляется рельефно в наших сновидениях, как и в невротических расстройствах личности. На этот чрезвычайно важный феномен обратил внимание еще Зигмунд Фрейд. «Сновидение прежде всего обнаруживает непреложную связь между всеми частями скрытых мыслей тем, что соединяет весь этот материал в одну ситуацию: оно выражает логическую связь сближением во времени и пространстве, подобно художнику, соединяющему на картине Парнаса всех поэтов, которые, конечно, никогда не находились вместе на одной вершине горы, но в понятии, несомненно, образуют одну семью».[99,35] В психических расстройствах - первое, что бросается в глаза - это нарушение временного восприятия событий, последовательность, а именно пережитая последовательность трансформируется во всеобщность и единовременность. Больные выпадают из времени, поэтому их страдания слишком интенсивны. Им необходимо вновь вернуться во временной континуум- прошлое-настоящее- будущее. Поэтому терапия должна быть нацелена именно на это. Но с другой стороны вхождение заново во временной континуум вновь обостряет тревогу, поэтому терапия сталкивается одновременно и с желанием и с сопротивлением больного. Пациент выпал из временного континуума, так как в нем он ощущал страх смерти, но при этом он приобрел другие страдания, он не может теперь жить в обществе, общество страшит его. Он хочет уединиться. Страх смерти ушел, так как пропал временной континуум, но жить вне времени в сознании невозможно. Поэтому новые страдания – это страдания человека, которого покинуло время. Человеку нужно вернуть этот страх

смерти, но уже в контролируемой форме, страх смерти под контролем «Я». Выпадая из временного континуума, утрачивается последовательность в мыслях и действиях, формируются нарушения мышления. Поэтому часто больной не находит себе места, он садится, внезапно вскакивает, ходит, опять садится, делает какие-то беспричинные на наш взгляд, движения. Лежа он постоянно меняет позу. Если в сознании человек привязывает болезнь к какому-то конкретному времени, то в бессознательном эта болезнь привязана к жизни вообще. Поэтому и болеет человек. Ведь если наши расстройства подвергались бы шлифовке рационального объяснения, то их бы не было вовсе. И вполне естественно и понятно то, что психотерапия как раз и доводит до осознания бессознательный конфликт и тем самым избавляется от него, то есть Зевс выпускает на свободу проглоченных некогда Хроносом своих братьев и сестер. А это означает, что терапия тем самым принимает реальность не сознания, а бессознательного. Проблема психологического времени, изначально привлекая внимание философски ориентированных ученых, гармонично перешла в область психологических исследований. Строго говоря, древнее философское восприятие мироздания, так или иначе, включало в себя изучение психологической специфики проблемы, что являлось следствием недифференцированной древней науки. Категория времени является не только важнейшей областью науки, но также важнейшей областью человеческой жизни. Жизнь и время, конечно же, не являются идентичными понятиями, но качество и смысл жизни немислимы вне времени. Древние философские представления о времени, чаще всего сводились к следующим положениям: первично ли время или ему предшествует иное состояние? Как возможно существование времени вне человеческой души? Растяжимо ли время? Особую область в философских мировоззрениях древних занимала проблема о реальности существования времени вообще. Существует ли реальное время или это всего лишь иллюзия нашего сознания? В течение длительного исторического времени формировались различные концепции времени, несмотря на различные подходы, одно оставалось неизменным - это огромный интерес к проблеме. В современной науке, в философии и психологии сложились многочисленные концепции времени, каждая из

которых представляет собой значительный интерес. Кроме того, история развития представлений о времени сформировало два различных универсальных подхода к пониманию этой проблемы или две концепции - статическую и динамическую. Статическая концепция предполагает, что категории времени - прошлое, настоящее и будущее существуют реально и при этом существуют одновременно. Несмотря на кажущуюся несостоятельность данного подхода, он является достаточно обоснованным в психологическом смысле. Мы, действительно, в нашем сознании констатируем все категории времени, с другой стороны, в психологическом смысле, мы не в состоянии их дифференцировать. Согласно динамическому подходу, на статус реальности может претендовать лишь настоящее время, поскольку мы живем реально лишь в настоящем, а прошлое и будущее выпадают из нашей жизни. Динамическая концепция времени, на наш взгляд, совершенно не соответствует реальному психологическому пониманию времени, так как в нашем миропонимании, в нашем миропереживании очень сложно обнаружить как раз настоящее время. Развитие гуманитарной науки привело к закономерной дифференциации подходов к феномену времени. Появились различные виды времени, такие как биологическое, физическое, социальное, художественное (темпоральное) и, конечно же, психологическое время личности. Особую область в границах психологофилософского понимания заняло понятие экзистенциального времени. Проблема времени в психологии становится центральной темой исследования по той простой причине, что в психологических исследованиях функционирует один из доминантных принципов - принцип динамичности изучаемых процессов, состояний и особенностей личности. Проблема времени становится центральной в исследованиях таких ученых как К. Левин, С.Л. Рубинштейн, Б.Г. Ананьев, К.А. Абульханова-Славская, А. Кроник, Е. Головаха, Д.Г. Элькин, Б.И. Цуканов, А.С. Дмитриев и многих других. История исследования феномена времени в психологии сформировала три основных направления: это психофизиологическое, психологическое и личностное. В психофизиологическом аспекте рассмотрения фокус исследования сосредоточен на вопросе адаптации организма к различным временным режимам. При этом особую важность

приобретают эндогенные процессы организма. В аспекте психологического времени исследуются проблемы онтогенетического характера, особенности восприятия времени на разных этапах онтогенетического развития. В различных возрастных периодах, как известно, люди по-разному воспринимают время, придают времени различный смысл. Одной из особенностей психологического времени является то, что оно отличается от хронологического. В восприятии времени на разных этапах онтогенеза существуют общеизвестные закономерности, так например, молодым свойственна ориентация на будущее, в зрелом и пожилом возрасте прошлому отводится эмоционально более значимое место (эта закономерность прослеживается в специфике расстройств памяти). Это означает, что в зрелом и старческом возрасте наша психика во временном восприятии, имеет ретроспективную направленность. Кроме того, из фундаментальных сторон психологического времени выделяется установка по отношению к тому, что считать настоящим, прошлым и будущим временем. Люди разнятся по тому, как они относятся ко времени. Именно этот аспект психологического времени становится чрезвычайно актуальным в клинической психологии. Субъективное отношение личности к категориям времени - к прошлому, настоящему и будущему, во многом определяет специфику и характер переживания им своих психоэмоциональных состояний. Мы можем задать более конкретным вопросом, в какой временной категории лежит причина психического расстройства личности? Каким образом личность ориентируется во временной картине расстройства? И, конечно же, имеет ли психическое расстройство, какие - либо временные границы или оно полностью выпадает из них? Все эти указанные проблемы составляют фокус нашего исследования. Что мы определяем в качестве прошлого, настоящего и будущего? Для психологического времени хронология совершенно неважна - для личности категории хронологического времени наделяются значимостью в том смысле, в каком они являются психологическими реальными, то есть какой линейной категории времени личность приписывает психологическую реальность. В этом смысле, живя в настоящем, психологическим настоящим для личности может быть как прошлое, так и будущее. *Поэтому, мы считаем правильным дифференцировать категории времени*

на психологически и хронологически реальные. Таким образом, имеет смысл выделять следующие пары: хронологическое настоящее - психологическое настоящее, хронологическое прошлое - психологическое прошлое, хронологическое будущее - психологическое будущее. Прошлое психологическое поле - это один из источников настоящего(нынешнего) поля, определяющего поведение. Многие ученые пытались определить хронологическую единицу категории настоящего. Так У. Джеймс полагал, что настоящее, или, согласно его определению, «видимое воочию настоящее», имеет длительность равную 12 секундам. Однако, мы полагаем, что подобные выводы слишком далеки от объективности, более того, измерения подобного рода вряд ли представляют научную ценность. Исследования феномена времени не являлись самоцелью. Время всегда связывалось с человеческой психикой, как это видно уже на примере изучения философского развития представлений о времени. Поэтому, психологическое понимание феномена времени уже было заложено в наследии философской традиции. Выделяя в качестве отдельной единицы исследования психологический ракурс феномена времени, мы переносим его в поле психических расстройств личности. Мы пытаемся понять, каким образом время функционирует в формировании диссоциативного расстройства личности. Для реализации этой основной задачи мы считаем необходимым рассмотреть проблему психологической нормы в ее соотношении с психологическим временем.

2.2 Соотношение понятий «психологическая норма» и «психологическое время».

Необходимость рассмотрения проблемы нормы в нашем диссертационном исследовании объясняется несколькими соображениями. Во-первых, в работе рассматривается клинический аспект функционирования психологического времени. Во-вторых, в существующих концепциях и теориях психологического времени уделяется, практически, незначительное место его связи с психическими расстройствами. Между тем, именно этот ракурс рассмотрения позволит вывести актуальные взаимосвязи и сформировать на их основе новую психотерапевтическую модель работы с психическими расстройствами. Учитывая тот очевидный факт, что проблема нормы в современной психологии имеет достаточно многогранный и часто противоречивый характер, мы сочли также актуальным представить ее понимание в различных аспектах. Переживание времени бессознательным уровнем психики, безусловно, не ограничивается понятиями «внутреннего будильника» или «секретного календаря», - это переживание намного глубже, чем нам бы хотелось думать. Именно благодаря бессознательному переживанию времени возникают ощущения изменения продолжительности течения времени в различном возрасте, в различное время суток. Пожалуй впервые об этом феномене заговорил в психологии У. Джеймс (не считая древнегреческих вездесущих мудрецов), а не Леконт де Нуи, как это принято считать. А вот что пишет об этом у.Джеймс: «Когда мы становимся старше, один и тот же промежуток времени кажется короче, то есть кажутся короче дни, месяцы и годы; кажутся ли короче часы, это сомнительно, а минуты и секунды, по- видимому, остаются приблизительно той же величины»[40,223] Надо думать, что подобная дифференциация основывается на личном переживаемом опыте, учитывая тот факт, что Джеймс опубликовал свой труд в 1902 году, когда ему было 68 лет (1842-1910). Переживания продолжительности времени в разном возрасте носит сугубо индивидуальный характер, - так многие старые люди, напротив, ощущают продолжительность времени более объективно, время для многих из нас не бежит. Во многом эти переживания обусловлены осознаваемой или неосознаваемой жадой жизни

или утратой интереса к ней. Понимание феномена психологического времени Джеймсом поражает своей глубиной и уникальностью. В первую очередь для Джеймса понятие «настоящего времени» лишено статуса реальности: «Действительно, настоящее является совершенно идеальной абстракцией, не только никогда не реализующейся в чувстве, но даже вероятно никогда не познаваемой теми, которые не привыкли к философскому мышлению. Размышление приводит нас к заключению, что настоящее должно существовать, но то, что оно существует - никогда не может быть фактом нашего непосредственного опыта»[40,221] В переживании настоящего времени мы фиксируем то, что происходит как уже происшедшее, то есть то, что существует и не существует - одновременно. Поэтому тот отрезок времени, который мы называем настоящим, лучше назвать текущим временем. "Постарайтесь, я не скажу уловить, но подметить настоящее мгновение времени. Такая попытка представляется совершенно бесплодной. Где оно, это настоящее? Оно исчезло прежде, чем мы успели схватить его, растаяло, перелилось в следующее мгновение"[40,222] В нашем переживании времени мы, скорее всего, сталкиваемся с течением времени, которое не может быть зафиксировано в качестве статистической единицы. Можем ли мы предположить существование пустого, незаполненного времени? Очевидно, нет. И для Джеймса это не вызывает сомнений. Мы не обладаем чувством пустого времени, незаполненными нашими делами или мыслями. Для того, чтоб у человека возникло чувство времени, оно должно быть заполнено конкретным содержанием - таково заключение Джеймса. Даже если человек ничего не делает, то он ощущает время в биении сердца, в дыхании, в обрывках фраз, проносящихся в нашей памяти. «Короче говоря, если мы сделаем наше сознание, насколько можем, пустым, остается все же некоторая форма изменяющегося процесса в нашем чувствовании, и она не может быть устранена. И наряду с чувствованием этого процесса и с его ритмом существует чувство длины времени, которое продолжается. Таким образом, сознание смены является условием, от которого зависит наше восприятие потока времени; но нет никакой причины предполагать, что сами чередования пустого времени достаточны для

того, чтобы возникло сознание о чередовании. Чередование это должно обладать некоторой конкретной природой.»[40, 222]

Чувство настоящего времени распространяется на прошедшие события, - это следующее положение Джеймса. Возвращаясь в прошлое, к нашим воспоминаниям, мы вновь перебрасываем их в настоящее. Психологическое время обратимо, как раз об этом идет речь в концепции Джеймса. Мы исходим из того, что для нас настоящее время, оказывается, существует и существует всегда, только оно существует в нашем прошлом. Настоящее время - это наше утраченное будущее, но сохраненное прошлое. Если мы способны перебрасывать прошлое переживание в настоящее, значит, мы способны управлять временем. Процесс обратимости времени, проявляющийся в замене настоящего прошлым или будущим, несмотря на кажущуюся сознательность, является бессознательным. В психических расстройствах бессознательный характер этого процесса более чем очевиден. Среди психологов, исследующих феномен времени, нам бы хотелось, учитывая хронологию, выделить Вильгельма Ерузалема. В предисловии к русскому переводу с немецкого его книги «Учебник психологии», опубликованной в 1911 году, известный ученый Н.Ланге писал: «Учебник психологии Ерузалема прежде всего обладает большими дидактическими достоинствами: он чрезвычайно доступен для понимания, излагает учения к высшей степени отчетливо, просто и систематически, наконец весьма литературным языком. При весьма малом размере он даёт, однако, чрезвычайно полный обзор всех психических явлений, не упуская сведений ни по физиологической психологии, ни по психологии языка, ни анализа высших психических функций.»[41,4] Для Ерузалема существует два понятия времени - ощущение времени и интуиция времени. Правда, дифференциация этих понятий настолько неопределенна, что порой кажется, что речь идет об одном и том же. Ощущение времени для нас практически непрерывно, оно не исчезает и во время сна. Все психические процессы протекают в форме времени. Ерузалем считает, что: «Характерным моментом ощущения времени является именно его длительность, а не как это обыкновенно утверждается, последовательность».[41,181] Хотя и ощущение длительности практически невозможно без

ощущения последовательности, - для Ерузалема это, как видно не совсем так. Однако, вернемся к понятию «интуиция времени», введенному Ерузалемом: «Ощущение времени переходит в своем развитии в интуицию времени, благодаря участию вторичных явлений, особенно благодаря вниманию и апперцепции. Чем чаще мы обращаемся к нашей памяти, чем чаще следим с напряженным вниманием за какими-либо явлениями, тем явственнее отделяется качественно неизменная работа сознания от постоянно меняющегося содержания его. Эта постоянная непрерывная работа сознания становится в силу этого та форма, в которой протекает все, совершающееся внутри нас. Интуиция времени и есть не что иное, как такая форма внутренних явлений.»[41, 182]

Итак, интуиция времени - это форма психических явлений, практически той же формой является ощущение времени. В чем тут разница - остается лишь домысливать. Скорее всего, Ерузалем именно интуитивно чувствовал, что существует интуиция времени, но ему, к сожалению, не удалось эту мысль сформулировать более отчетливо. Наверно, речь идет о том, что как только мы начинаем переживать ощущение времени, мы переходим к его интуиции. Точка зрения Ерузалема в отношении субъективного восприятия времени более интересна. Как мы субъективно воспринимаем время? «Мы определяем, таким образом, протекающее сейчас время сообразно с чувством работы нашего сознания; протекшее же время - сообразно с массой воспринятого нашим сознанием содержания». [41,186] Итак, протекающее - это настоящее время, протекшее - прошедшее. И тот и другой виды времени различаются, таким образом, по критерию познавательной или информативной наполненности. В настоящем, время, наполняется содержанием сознания, в прошедшем - оно уже им наполнено. Это может означать, что в каждый миг нашей жизни мы подвержены самоуничтожению, или бессознательно стремимся к нему. Если исходить из того, что Я-сознание личности является, образно выражаясь, психической инстанцией смертности, то развитие нашего Я- сознания направлено как раз на смертность. Выделившись из Мы-сознания, Я-сознание обрекло себя на смерть. «В действительности Я-организация глубоко родственна смерти. А это означает: то, что наступает вместе со смертью постоянно и непрерывно происходит во

время земной жизни благодаря действия Я-организации. Человек, собственно, постоянно умирает, но только эта смерть все время компенсируется, уравнивается» [112,27]

Бессознательная активность психики существует вне границ линейного времени, а когда эта активность перемещается на уровень сознания, что происходит постоянно, то она может вызывать болезненные психоэмоциональные и психосоматические состояния. Неосознанные содержания бессознательного способны вызывать психические проблемы личности. Это одно из краеугольных положений психодинамической психологии. «Для психолога, тонко подмечает Г.Элленбергер,- проблема времени совершенно иная, потому что мы имеем дело с непосредственным субъективным переживанием времени и с открытиями экспериментальной психологии. Главная проблема состоит в том, что психологическое время не подходит к жестким образцам физического времени, хотя они и связаны друг с другом».[117,212] Кроме всего прочего, проблема психологического времени, рассмотренная, с точки зрения функционирования бессознательного и сознательного открывает для нас бесконечные перспективы в познании психического.

«Бессознательная оценка времени - это очень сложный феномен. Эксперименты показали, что в большой степени эта оценка зависит от клеточного метаболизма: после приема тироксина продолжительность времени кажется длиннее, чем на самом деле, а после хинина - короче. С другой стороны, полусознательная оценка времени производится разными средствами: будучи голодными, воспринимая дневной свет, слыша пение птиц, мы по-разному оцениваем время. Наконец есть доказательства удивительно точных, абсолютно бессознательных оценок времени. Речь идет о «внутреннем будильнике», который позволяет некоторым индивидам по желанию просыпаться в нужное им время, о выполнении постгипнотического внушения точно в требуемое время, даже спустя недели или месяцы после внушения, и о «секретном календаре» (Штекель), согласно которому некоторые счастливые события происходят на годовщины определенных событий нашей жизни».[117,593-594]. Если физическое время не подвергается изменениям в соответствии с волеизъявлением человека, то психологическое переживание времени – это образ, «который меняется с изменением образа себя в целом» [117,49] Исследование

психологического времени в достаточно многогранном виде представлено Цукановым Б.И. Данный автор относится к проблеме времени с позиций открытого сознания, то есть он принимает различные концепции времени в качестве необходимых, что, безусловно, характеризует его как беспристрастного ученого. Вместе с тем, он предлагает свое понимание феномена времени. «Исходя из приведенных выше взглядов, следует отметить, что время не может быть противопоставлено субъекту, как другие объекты, находящиеся вне его, а непосредственно дано ему в механизме хода его собственных часов. Ход этих часов осознаётся субъектом как течение непосредственно переживаемой длительности и на определённом этапе онтогенеза время для субъекта приобретает черты объективной реальности. Чтобы понять действительную природу времени, необходимо принципиально признать, что время как реальность существует в виде непосредственно переживаемой индивидом длительности. Именно благодаря этой реальности время становится объектом для личности. То, что дано непосредственно индивиду, "объективируется" во внешний мир, и человек начинает думать, что он существует в объективном времени. На самом же деле объективность "реальности особого рода" проявляется в том, что личность субъективно отражает свойства времени, которые скрыты в реальных особенностях индивидуально переживаемой длительности».[108, 33] Для нашего исследования принципиально важными представляются некоторые положения Цуканова Б.И., в частности, его мысль о несовпадении временных циклов жизни человека с его возрастной периодизацией. Психологический возраст личности, безусловно, не идентичен его паспортному и биологическому возрасту. «Но чем определяется возрастная периодизация, "поворотные пункты", ритмы жизни человека и как они связаны с непосредственно переживаемым временем, обусловленных ходом его собственных часов? Этот вопрос еще не привлекал внимания исследователей "объективно - биографического" времени жизни к поиску общего ответа».[108, 33] Примечательной является мысль Цуканова Б.И. о необходимости целостного понимания психики в отношении ее временной организации. «Полученные в собственных исследованиях данные позволяют говорить не о различных уровнях времени в психике человека, а о единой временной организации человека, от

врождённых биологических циклов до складывающегося субъективного отношения к переживаемому времени». [108, 8] Мысль о временной целостности психики, являясь, по сути, верной, является исходной предпосылкой анализа. Мы изначально постулируем целостность психики, однако при этом считаем, что целостность имеет два измерения, или два понимания - неосознанная и осознанная целостность. Временная целостность психики может быть осознана лишь при том условии, если она уже прошла этап дезинтеграции и сформировалась как таковая в результате этого процесса. Тем самым, мы получаем осознанный уровень целостной временной психики. Это, строго говоря, процесс структуризации психики - от дезинтеграции к осознанной интеграции. Схема формирования целостной временной психики довольно проста: от неосознанной целостности к дезинтеграции, и от последней - переход на осознанный уровень интеграции. В формировании психических расстройств прослеживается этап дезинтеграции личности, особенно рельефно представленный в диссоциативном расстройстве. Прежде всего обратимся к определению понятия «норма». «...любой образец поведения или выполнения, который является типичным или репрезентативным для группы или общества. С другой стороны, приведем также определение термина «патология»: «Ненормальное состояние, при котором правильное функционирование становится невозможным. В специфическом медицинском способе употребления подразумевается не функциональное расстройство, а органическая дисфункция или болезнь. Однако в клинической психологии и психиатрии этот способ употребления был расширен, сюда стали включаться расстройства, в которых нет никаких биологических компонентов». [83, 23-24] В словаре под редакцией Б. Г. Мещерякова и, В. П. Зинченко приводится более полное определение нормы: «Норма (от лат. norma — правило, образец). В психологии и медицине термин Н. нередко используется для обозначения здоровья, но их нельзя считать полными синонимами. Выделяют 3 основных вида нормы.: 1) статистические, характеризующие статистическое большинство описываемых объектов; 2) физиологические, характеризующие по избираемым параметрам процессы и состояния

здорового организма; 3) индивидуальные. С. Б. Семичев выделил 5 уровней психической нормы:

- 1) идеальная норма или эталон — гипотетическое психическое состояние, характеризующееся гармоничной интеграцией теоретических Н., создающее условия для полной психосоциальной *адаптации* и психического комфорта и соответствующее нулевой вероятности психической болезни или психической нестабильности;
- 2) среднестатистическая Н. — показатель, который является производным усредненных психологических характеристик конкретно избранной и изученной популяции; данный показатель предполагает определенный риск психического расстройства;
- 3) конституциональная Н. — соотнесение определенных типов психических состояний здоровых людей с определенным типом телесной *конституции*; примером концепции, основанной на конституциональной Н., служит концепция Э. Кречмера;
- 4) акцентуация — вариант психической Н., характеризующийся особой выраженностью и непропорциональностью некоторых черт характера, приводящих к дисгармоничному складу личности ;
- 5) предболезнь — появление первых, эпизодических, разрозненных признаков психической патологии, дисфункции, являющихся причиной негрубых нарушений социальной адаптации.

О психической Н. можно говорить тогда, когда физиологические и психофизиологические функции головного мозга, лежащие в основе психических процессов, находятся в пределах физиологической Н., а психические составляющие личности (восприятие, память, внимание и др.) находятся в пределах статистической Н., определяемой с помощью экспериментально-психологических методов. Н. входит в дихотомию «норма —патология». К патологии относят психопатии, дефектные состояния, аномалии развития [62]По сути, это достаточно полноценное определение, учитывающее

различные стороны понятия. Рональд Комер в своем исследовании «Основы психопатологии» приводит доскональные рассуждения о природе второго члена дихотомии - о патологии. «Хотя многие определения патологии использовались в течение долгих лет, ни одно из них не стало общепризнанным. Однако большинство этих определений имеют некоторые общие черты - в них упоминаются отклонение от общепринятых норм, постоянные душевные страдания, которые испытывает человек, психическая дисфункция и опасность, которую данный человек представляет для самого себя или для окружающих (в англоговорящих странах эти особенности часто называют «четыре D»: deviance, distress, dysfunction, danger). Таким образом, признаками психической патологии являются отклонение от нормы (т. е. человек сильно отличается от других людей, склонен к крайностям, необычен, пожалуй, даже странен); постоянные душевные страдания (неприятные и удручающие для самого человека); психическая дисфункция, мешающая человеку надлежащим образом выполнять свои повседневные обязанности; и, видимо, опасность, которую он в себе несет».[49,18] Проблема нормы и патологии освещается достаточно полноценно в «Основах клинической психологии» Н. В. Репиной, Д. В. Воронцова и И. И. Юматовой. Согласно этим ученым, понятие «норма» включает два основных содержания: статистическое содержание и оценочное содержание нормы. В отношении статистического содержания или критерия нормы можно выделить самое существенное: нормальным считается индивид, поведение которого соответствует нормам, принятым в данном конкретном обществе. Это поведение, свойственное большинству людей данного этнического страта. В каком-то смысле статистическая норма представляет собой объективное явление. Хотя и сложно назвать такое понимание нормы объективным, в силу того, что оно соизмеряется с поведением субъективного большинства. Тем не менее, условно этот критерий нормы может быть назван объективным.[83] Это, конечно же, не значит, что данный критерий является также полноценным и адекватным. Объективность не является достаточным условием для определения адекватности поведения личности. Преступное поведение также вполне объективно, однако от этого оно не становится полноценным и социальным. Поэтому, мы

считаем, что в определении нормы должен присутствовать ценностный компонент. Что касается второго содержания нормы - оценочного, то в этом случае мы имеем дело с некоторым идеальным образцом состояния и поведения человека. Этот критерий соприкасается с понятием «совершенство», к которому все люди должны, так или иначе, стремиться. Такое понимание вышеупомянутых ученых подводит их к понятию «идеальной нормы». Существующие в современной клинической психологии представления, теории и гипотезы нормы и патологии могут быть обобщенно представлены в нижеследующем виде. При этом, обобщая представления об этих фундаментальных понятиях клинической психологии, мы опираемся на работы таких исследователей как: Карвасарский Б.Д., Л. Ф. Бурлачук, Перре М., Бауман, у. Менделевич, В.Д. Александров, А.А. Сидоров, П.И. Середина Н.В., Гройсман А.Л., Комер Дж. Рональд, Короленко Ц.П., Лакосина Н.Д., А. С. Кочарян, М.Е. Жидко и др. Анализ научных исследований подводит нас к выделению общих, в известном смысле, универсальных положений, принимаемых большинством вышеупомянутых ученых. В качестве подобных обще признаваемых положений мы выделим сначала понятие «нормативов». Проблема нормы, так или иначе, должна соотноситься с понятием норматива. Это означает, что каждый человек ориентируется на нормы поведения, принятые в своей социальной нормативной группе. Подобные группы являются неким стандартом, следование которому обеспечивает формирование приемлемого поведения. В каждом обществе следование стандартному поведению становится синонимом нормы. Нормы-нормативы являются как идеальными для данного общества, так и имеющими другие формы: функциональные нормы, социальные нормы и индивидуальные нормы. В этой классификации интересными представляются индивидуальные нормы. Если функциональные и социальные нормы определяются внешним социальным окружением, то при индивидуальной норме мы имеем дело с жизненной перспективой личности, с аспектом времени. Человек в этом случае сравнивает себя не с социальным окружением, а с самим собой, с тем каким он был раньше и каким он видит себя в настоящем. По сути, эта норма отражает динамику психического и физического развития личности. При

индивидуальной норме критерием ценности и оценки психофизического состояния становится не социальное окружение, а жизненный путь личности. Хотя, при этом, социальный мир опосредованно также присутствует в этом процессе само восприятия и самопознания. В качестве общего принципа, всякое отклонение от нормы (какой-бы не придерживался человек) характеризуется и воспринимается как патология. Термин «патология» в медицинском лексиконе подразумевает нарушения на биологическом уровне функционирования организма, то, что причиняет страдание и боль (патос) является патологией. В парадигме клинической психологии термин «патология» понимается вне зависимости от уровня и качества биологического функционирования организма. Вместе с тем, при определении биологической нормы границы имеют более объективный характер, в сравнении с психической нормой, при которой большое место отведено субъективным оценкам. Границы психической нормы и патологии размыты, и, по большому счету, подчиняются нормативному и оценочному принципу. Кроме того, понимание психической нормы и патологии во многом (если не полностью) определяется той научно-теоретической базой, из которой исходит исследователь. Тем не менее, употребление термина «патология» в границах клинической психологии явно оправдано, так как при этом мы также имеем дело со страданием личности. Репина Н.В., Юматова И.И. и Воронцов Д.В. отмечают, что для специфических проявлений сексуальных предпочтений, требующих клиничко-психологического вмешательства, сейчас используются термины «эгодистонический» и «эго- синтонический». Согласно этим ученым: «Эгодистонический тип проявления характеризуется выраженным беспокойством по поводу своих предпочтений, наличие которых вызывает у человека страдание и желание их изменить. Эгосинтонический тип проявления характеризуется восприятием своих предпочтений как естественных, согласующихся с представлениями о собственной личности. Соответственно, «патологическим» признается только такое сексуальное предпочтение, которое доставляет человеку эмоциональный дискомфорт и поэтому отвергается им. Однако в области психических, личностных и поведенческих отклонений от нормы у человека зачастую не возникает никакого субъективного

дискомфорта и чувства страдания» [84,32] Тем не менее, в отношении употребления термина «патология» в клинической психологии существуют определенные разногласия, о которых, в частности, пишет Репина с соавторами. Согласно этим исследователям, многие клинические психологи и психиатры, считают, что более корректно употреблять термин «расстройство» вместо термина «патология». «Расстройство означает отсутствие или нарушение существовавшего ранее обычного для человека состояния. Употребление термина «расстройство» не предполагает обязательного наличия для того или иного отклонения от нормы однозначных причинно-следственных связей его возникновения. Расстройства могут вызываться взаимодействием ряда факторов биологического, психологического и социального уровня, причем в каждом конкретном случае тот или иной фактор может оказаться ведущим в начале, развитии или исходе нарушения. Поэтому использование в клинической психологии слова «расстройство» кажется сегодня более предпочтительным». [83,34] Говоря о проблеме нормы и патологии (расстройстве), принято выделять также два подхода к определению здоровья: негативный и позитивный. В клинической психологии сложились достаточно обыденные представления об этих подходах: при негативном подходе существенным является отсутствие патологии, то есть если у человека не зафиксирована патология, то он соответствует норме. И наоборот. Репина и соавторы отмечают важную деталь: понятия нормы и патологии более широкие, чем понятия здоровья и болезни. Континуальность нормы и патологии отличает их от состояний здоровья и болезни. Последние обладают дискретным характером и имеют четко очерченные границы. Самочувствие человека является критерием дифференциации здорового и больного состояний. Строго говоря, этот критерий страдает субъективизмом. Человек может себя чувствовать хорошо (вследствие, к примеру, алкогольного или эйфорического состояния), однако при этом состояние его здоровья объективно может далеко отстоять от нормы. Человек, одержимый какой-либо идеей, несмотря на объективные негативные показатели здоровья, субъективно может чувствовать себя хорошо. Попытка сформулировать оптимальную точку зрения в отношении нормы и расстройства (патологии) выражена всесторонне в следующих положениях: «Это

обстоятельство привело исследователей к поиску позитивных концепций здоровья. Позитивное определение здоровья не сводит последнее к простому отсутствию болезни, а пытается раскрыть его автономное от болезни содержание. Общее определение здоровья, которое было предложено Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ), включает такое состояние человека, при котором: 1) сохранены структурные и функциональные характеристики организма; 2) имеется высокая приспособляемость к изменениям в привычной природной и социальной среде; 3) сохраняется эмоциональное и социальное благополучие. Критерии психического здоровья по определению ВОЗ: 1) осознание и чувство непрерывности, постоянства своего «Я»; 2) чувство постоянства переживаний в однотипных ситуациях; 3) критичность к себе и к результатам своей деятельности; 4) соответствие психических реакций силе и частоте средовых воздействий; 5) способность управления своим поведением в соответствии с общепринятыми нормами; 6) способность планировать свою жизнь и реализовывать свои планы; 7) способность изменять поведение в зависимости от жизненных ситуаций и обстоятельств. Таким образом, здоровье вообще и психическое здоровье в частности представляют собой динамическое сочетание различных показателей, тогда как болезнь, напротив, можно определить как сужение, исчезновение или нарушение критериев здоровья, т. е. как особый случай здоровья». [83, 37-38]

В этих определениях мы имеем то, что имеем, то, что вообще возможно понимать в отношении нормы и патологии личности. В ракурсе нашего исследования особую значимость приобретает первый критерий психического здоровья - осознание и чувство непрерывности, постоянства своего «Я». Хотя и все перечисленные критерии являются полноценными и необходимыми, и, по сути, не мыслятся автономно в качестве функциональных единиц, мы хотели бы заострить внимание на чувстве непрерывности, внутренней последовательности и целостности переживания «Я». Чувство целостности «Я», внутренней логики последовательности жизнедеятельности может служить критерием психического здоровья личности, так как практически при любых видах психических расстройств, прежде всего, нарушается это чувство. Целостное «Я» является

критерием психического здоровья личности. Целостное «Я» означает контроль этой инстанции над эмоциями, а, следовательно, и поведением личности. При утрате этого, крайне важного для психического здоровья контроля, мы попадаем в поле патологии. Адекватное разрешение проблемы нормы и патологии претерпевает изменения начиная с 17 века. По сути, существующие в современной медицине две основные модели болезни (биомедицинская и биопсихосоциальная) сформировались, так или иначе, три с лишним столетия назад. Биомедицинская модель, исходит из сугубо биологических и природных факторов в этиологии заболеваний. Поэтому ее четыре основных принципа не включают личностную природу заболевания. При этом подходе, организм выделен в некую автономную структуру без своего носителя. Такие принципы биомедицинской модели как клеточная концепция, теория возбудителя и концепция трех взаимодействующих сущностей, превращают человека в некую механическую систему, центральным ядром которой становится тело. По большому счету, современная медицина строится именно на этой модели, какой бы ограниченной она не представлялась. Именно поэтому в современной медицине интенсивно развивается не терапия, а фармакология. Эта модель «выплеснула из ванны вместе с водой и ребенка». Самое негативное в этой модели – это игнорирование самого больного, который вообще не участвует в процессе собственной терапии. В этой модели человек не несет ответственность за состояние своего здоровья, он становится пассивным приложением к своему организму. В этой модели нарушен основной принцип человековедения, - принцип его целостного рассмотрения. Медицина с развитием науки стала все более деперсонализированной, она выбросила личность из процесса терапии, заменив ее на организм. В этой модели все психические расстройства также обусловлены соматическими процессами, что, конечно же, является слишком ограниченным взглядом на природу расстройства. «Биопсихосоциальная модель болезни возникла в конце 70-х гг. XX в. Она основывается на системной теории, согласно которой любая болезнь есть иерархический континуум от элементарных частиц до биосферы, в котором каждый нижележащий уровень выступает компонентом вышележащего уровня, включает его характеристики и испытывает на себе его влияние. В центре этого

континуума находится личность с ее переживаниями и поведением. Ответственность за выздоровление в биопсихосоциальной модели болезни полностью или частично возлагается на самих больных людей».[83, 41] В рамках данной модели ведущая центральная роль отводится как раз личности как к целостному образованию. Соответственно логике данной модели человек наделяется экзистенциальной ценностью - ответственностью за собственное здоровье и собственную жизнь. Кроме того, в границах данной модели существенным, если не основным элементом, является определение здоровья как процесса внутренней интеграции. Именно эта особенность и обеспечивает целостность личности, чувство постоянства ее «Я». В структуре же диссоциативного расстройства идентичности мы фиксируем как раз нарушение этой интеграции. Кроме того, данная модель признает принцип гештальта- способность жить в настоящем, как необходимом условии нормального психического функционирования. «В рамках биопсихосоциальной парадигмы болезнь рассматривается как такое расстройство, которое угрожает дисфункцией — неспособностью психобиологических механизмов выполнять свои функции в определенном социокультурном пространстве. При этом не каждое расстройство функционирования однозначно является болезнью, но только такое, которое становится причиной, значимой для личности угрозы существованию в конкретных условиях среды. Следовательно, болезнью является далеко не всякое расстройство, а только такое, которое *нуждается в изменении* («имеется потребность в лечении»). Потребность в лечении считается существующей тогда, когда имеющиеся признаки отклонений (расстройства) наносят ущерб профессиональной работоспособности, повседневной деятельности, привычным социальным отношениям либо причиняют ярко выраженное страдание».[83,43] Однако, прежде чем сформировались в современной клинической психологии критерии нормы и расстройства (патологии), наука прошла длительный путь понимания и интерпретации этих феноменов. В истории психологии психоанализ был первым, который предложил рассматривать патологическое поведение личности как следствие функционирования ее защитной стратегии. Таким образом, психоанализ расширил и увеличил грани нашего понимания нормы и патологии или

придал этим понятиям более структурированный вид. Безусловной заслугой психоанализа явилось то, что в его границах терапевт сам становился пациентом и лишь при прохождении собственной терапии приобретал право на психотерапевтическую деятельность. Болезнь пациента должна была стать психической собственностью терапевта, но при этом терапевт не имел права идентифицировать себя с пациентом. Понятие нормы, получившее несколько необычное развитие, привело к нескольким неординарным выводам в клинической психологии конца 19 и начала 20 века. Постоянные изменения во взглядах на природу и сущность психических расстройств, привели к тому, что: «... многие обитатели психиатрических лечебниц убеждены, что помешанными являются все, кроме них самих. Немало тяжелых невротиков полагают, что их навязчивые идеи, истерические припадки -это нормальная реакция на не совсем обычные обстоятельства».[102,277] Фромм Э. склонен считать, что больной индивид – это отражение больного общества. «Однако, многие психиатры и психологи отказываются признавать, что общество в целом может быть психически не вполне здоровым. Они считают, что проблема душевного здоровья общества заключается лишь в количестве неприспособленных индивидов, а в возможной неотлаженности самого общества» [102,275] Очевидный разрыв между индивидом и обществом, который кроется в данном утверждении Фромма Э., сводится к тому, что две взаимозависимые функциональные единицы искусственно отторгнуты друг от друга. Не станем упускать из виду то простое обстоятельство, что неотлаженность общества может быть следствием деятельности неприспособленных к обществу индивидов, так и наоборот. Исходя из анализа проблемы нормы, Фромм Э. предлагает свой вариант постановки вопроса: не индивидуальная патология, а патология нормальности, - вот что должно стать предметом исследования. С самого начала Фромм Э. критикует уже знакомый нам статистический критерий психического здоровья. Бытовая или стихийная точка зрения на проблему нормы возводится в ранг истины в последней инстанции. «Единодушное одобрение само по себе никак не связано ни с разумом, ни с душевным здоровьем. Ведь оттого, что миллионы людей подвержены одним и тем же порокам, эти пороки не превращаются в добродетели:

от того, что множество людей разделяют одни и те же заблуждения, эти заблуждения не превращаются в истины, а от того, что миллионы людей страдают от одних и тех же форм психической патологии, эти люди не выздоравливают».[102,275] Отличительная черта или критерий душевнобольного по Э. Фромму - это вторичный нарциссизм. «Нарциссизм является глубинной основой всех тяжелых психических заболеваний. Для человека, подверженного нарциссизму, существует только одна реальность - его собственные мыслительные процессы, чувства и потребности. Крайние формы нарциссизма можно наблюдать во всех видах психической патологии» [102,285] Если мы хотим исходить из динамического принципа понимания психической нормы, то мы не вправе говорить о диаметрально противоположных понятиях. Мы можем говорить о нормальном и паранормальном. Объективно динамический подход к проблеме исключает возведение полярностей в ранг универсальности. Мы исходим из того, что в вопросе констатации нормы и патологии необходимо учитывать бессознательный уровень психической активности личности. Бессознательный уровень психики не может быть категорически охарактеризован как позитивный или негативный. Бессознательный уровень психики имеет огромное количество сторон, не только не исследованных наукой, но и нераскрытых вообще. Объем сознания человека не способен одновременно перерабатывать всю актуальную сферу его опыта. Большая неосознанная часть информации просачивается в психическое существо человека, закрепляется в нем, терпеливо дожидаясь возможности своей актуализации. То, что Фрейд З. называл вытесненными (репрессированными) мыслями и желаниями, являются, по сути, небезопасными психическими содержаниями для здоровья личности, так как они выпадают из границ времени и приобретают статус «везде и всегда». Эти содержания несвоевременны, они не могут быть ассимилированы безопасно для личности в данный конкретный временной период. Сугубо метафорически мы можем сказать, что здоровье –это своевременная болезнь, а болезнь есть несвоевременное здоровье. Сознание не готово их ассимилировать. Выпадение из границ времени означает выход из под контроля «я» эмоций, мышления, воли и естественно поведения личности, между тем контроль «я»

означает вхождение в линейный поток времени, то есть восстановление этого контроля. С человеком этот процесс происходит постоянно в сменяющихся друг друга состояниях сна и бодрствования. В отличие от сознания, вневременный или внеличностный бессознательный уровень психики, схватывает все многообразие человеческого опыта в эмоционально-смысловом ракурсе. Бессознательное свободно от переживаний страха, вместе с тем оно обеспечивает психофизическую целостность и безопасность личности. Это звучит несколько парадоксально, однако, по сути, бессознательное действует в полном соответствии со своим мировидением. Оно вполне способно активизировать процесс соматизации психических содержаний, при этом эта направленность активности бессознательного является для него вполне обоснованной. Бессознательное не рассматривает формирование психических и психосоматических расстройств как нечто негативное, оно действует из своей концепции психофизиологической безопасности организма. На уровне теоретического допущения мы можем сказать, что всякое расстройство, впрочем, как и всякое соматическое заболевание запускаются конфликтом двух концепций психофизической безопасности личности - концепции сознания и бессознательного. Бессознательный уровень психического аппарата должен функционировать с помощью уровня сознания, вне этого уровня, бессознательный уровень не обладает функциональной активностью. В качестве теоретического допущения мы можем сказать, что вследствие того, что бессознательное стремится воплотиться в сознательное (согласно Фрейдю З., там, где было Оно должно стать Я), вследствие этого процесса психическая жизнь, становясь достоянием Я-сознания, подталкивает соматический организм к болезням и смерти. Не ассимилированные сознанием содержания бессознательного конвертируются в психосоматические заболевания. Там, где сознание не в состоянии действовать, не в состоянии ассимилировать эмоционально негативные переживания, поступающие из бессознательного уровня психики, сома берет на себя попытку этой ассимиляции. Это соматизация психического бессознательного процесса, соматический выход из угрожающей Я-сознанию ситуации. Второй выход становится, естественно, психологизацией: не ассимилированные негативные содержания,

формируют автономные «я», субличности, то есть в этом случае мы имеем диссоциативное расстройство личности. Тем не менее, этот процесс не столь однозначен: как при соматизации проблемы присутствует психический элемент, так и при психологизации задействована сома. С точки зрения концепции нормы бессознательного – это нормальный процесс, с точки зрения Я- сознания, это расстройство. В этом смысле, (и только в этом) сформированные бессознательным уровнем психики расстройства вполне подходят под определение нормы. Строго говоря, для бессознательного, понятие нормы вообще не существует, так как для существования этого понятия, необходимо переживание времени. В понятии нормы мы должны видеть два измерения – это бессознательное понимание нормы и паранормальности и сознательная дифференциация состояний личности. Говоря о временной психической доступности психических содержаний для сознания, мы имеем в виду, прежде всего безопасность и приемлемость информации. Сознание пытается ассимилировать те психические содержания, которые являются для него психофизиологически безопасными. Для сознания психической нормой становится все то, что безопасно для психического здоровья личности. Человеческое бессознательное вне временно, а это означает, что для него не существуют законы старения, сознание же существует в границах линейного времени, в поле причинно-следственных отношений. Поэтому мы можем говорить о критериях нормы в отношении сознательного уровня психики. Ограниченность биологического существования во времени, возможно, лишь благодаря постулированию вневременности. Из ограниченности невозможно вывести постоянную и периодически повторяющуюся ограниченность, она исчерпаема. По мере своей материализации вневременная сущность бессознательного начинает переходить во временной контекст, вневременность обретает плотность, которая и является временем психобиологического существования. Происходит своеобразный переход от состояния «везде и всегда» в состояние «здесь и теперь». При психической патологии происходит замена «здесь и теперь» на «везде и всегда», то есть нарушается линейное восприятие времени, причинно-следственная связь становится вторичной. Больной уже ретроспективно начинает формулировать для себя логическую,

рациональную картину расстройства. *Расстройство всегда первично, а вот его интерпретация - вторична.* Сознание пытается понять проблему, которую в свое время она пыталась вытеснить и которая, вследствие этого процесса, сформировалась на бессознательном уровне психики. Расстройства личности выводят ее за границы линейного времени и каузальности. В своем недифференцированном состоянии бессознательные психические содержания проявляют тенденцию к проникновению в человеческое миропонимание и поведение. Бессознательный уровень психики имеет множество путей проникновения в сознание, минуя «фрейдовскую цензуру». Проникая в сознание, бессознательные мысли и переживания, формируют эмоционально неопределенные состояния, которые не вписываются во временную каузальную повседневную жизнь личности. Из бессознательного в сознание проникают мысли и переживания, не структурированные во времени, не соответствующие возрастному статусу личности, поэтому они вызывают активизацию тревожности, которая выполняет в данном случае роль психической защиты. Процесс ассимиляции мыслей и переживаний, то есть процесс структуризации, свойственный Я-сознанию личности, так или иначе формирует тревожный фон настроения. Тревожный фон так или иначе всегда присутствует при восприятии бессознательных содержаний. Однако, в норме существует некий приемлемый для личности тревожный фон, позволяющий осуществлять постоянный процесс адаптации к внешней и внутренней среде. Однако, в тех ситуациях, когда «пропускная способность» Я - сознания оказывается не способной ассимилировать бессознательные переживания, как в случаях экстремальной жизнедеятельности, или в случаях психических травм, - в этих ситуациях на помощь приходят процессы из самого бессознательного. Это процессы соматизации и психологизации запредельных эмоций и переживаний. Бессознательное берет на себя контроль над эмоциональной, волевой и мыслительной деятельностью человека. Однако для бессознательного не существует социальной реальности, поэтому этот уровень психики структурирует эмоциональную жизнь согласно своим канонам. Я-сознание оформляет в норме эмоциональную жизнь личности, подгоняет ее под обще приемлемые стандарты и социальные требования. То

есть Я- сознание соотнобразуется с социальной средой. В тех случаях, когда Я- сознание становится беспомощным в ассимиляции бессознательных переживаний, когда эти переживания не могут быть подвергнуты структуризации в соответствии с требованием социального мира, в таких ситуациях, бессознательное отводит этим переживаниям парциальные территории. Так формируется диссоциативное расстройство идентичности. Если содержания бессознательного ассимилируются со стороны Я-сознания, то тем самым сохраняется нормальный уровень функционирования психосоматического организма личности. Если же эти содержания не структурируются во времени, то это означает, что они не могут быть ассимилированы Я-сознанием в данный период, они вытесняются. Насколько долго вытесненные переживания могут оставаться в режиме относительного покоя,- это зависит уже от конкретной личности, от качества ее защитной стратегии. Неструктурированные во времени бессознательные переживания могут проявляться в виде бреда, галлюцинаций, фобических неврозов и других пограничных состояний психики, то есть в статусе психических «беспризорников». Поэтому, психическое здоровье может быть определено как структурированные во времени и соответствующие возрастному статусу мысли и эмоции личности. Вневременность бессознательных психических содержаний отчетливо проявляется в характере сновидений, в отсутствии переживаний времени. Человек непременно ошибется, если попытается определить продолжительность увиденного сновидения, ошибется он также в последовательности картин сновидения. Глубоко и всесторонне исследованная Фрейдом З. техника построения сновидений, отводит большое место механизму сгущения. Основываясь на логике функционирования этого механизма, мы хотим добавить, что сгущение проявляется в сновидении не только как способ преодоления цензуры, но также и потому, что принцип бессознательного «везде и всегда» диктует эту особенность, то есть актуальные для бессознательного содержания «выбрасываются» сразу во всем многообразии, полностью лишены какой либо временной и рациональной последовательности. В бессознательном действует не временная последовательность, а смысловые ассоциации. Интерпретация сновидения часто заходит в тупик, так как для

актуального сознания в сновидении отсутствуют последовательность и причинно-следственная связь. В сновидении мы алогичны и «нормально» патологичны. *Человек настолько же болен в сновидении, насколько он здоров в бодрствующей жизни. Реальность бодрствующей жизни, доверие к реальности и объективности бодрствующей жизни переносятся также на увиденное в сновидении, тем самым формируется неправомерное смешивание двух реальностей.* Картины сновидений воспринимаются в качестве реальных, они принимаются человеком целиком, они трактуются как вполне естественные. Неестественность сновидческих картин для бодрствующего сознания, имеет высокий уровень приемлемости для сновидящего. Бодрственная жизнь, в известном смысле, является противоположностью сновидческой. Логичность противопоставлена алогичности, временность - вневременности. Алогичность сновидческой активности постулируется, исходя из логического миропонимания бодрствующего сознания. Практически, мы имеет только один способ интерпретации собственного психического состояния, это способ осознания, это способ каузальной интерпретации в линейном временном мировидении. «Алогичность» сновидческих картин вовсе не означает отсутствие логичности - сновидения логичны в том смысле, что они позволяют нам видеть себя в свете осмысленности. Сновидения – это попытка психики расширить наше самопознание. Сновидения вовсе не заботятся о логичности и привычности мировосприятия, они несут на себе иную нагрузку. То, что является для мыслящего сознания логически верным, а значит и ценным, - для бессознательного не играет никакой роли. То, что для сознания становится патологическим восприятием, для бессознательного имеет иные значения. Бессознательное не знакомо с патологией, оно вообще не может заболеть, наше бессознательное всегда здорово. Оно функционирует вне времени. Бессознательный уровень психики не здоров и не болен одновременно. Любая болезнь может существовать только в линейном времени, только во временных границах Я-сознания. В личности, как носителе бессознательного, формируется патология и здоровье. Сознание для своего функционирования нуждается в рациональном и последовательном построении картины мира, бессознательное же стремится выразить

богатство и многообразие психических содержаний сразу вне последовательности и каузальности. Содержания сознания должны иметь дифференцированные во времени рациональные значения. Отсутствие таких отчетливых рациональных значений вызывает тревожность у человека. Причинно-следственные отношения столь важные для сознания, в бессознательном имеют совершенно иное содержание. Этому, в свою очередь, существует объяснение. Рациональность сознания, связывая события в жизни в более или менее удачную логическую цепочку и оставляя несвязуемую часть на долю вероятностного объяснения, исходит из линейной временной конкретики человеческой жизни. Вневременность же бессознательного обусловлена также наличием в нем содержаний, не имеющих своевременной для сознания актуальности. Содержания бессознательного актуальны везде и всегда, они не подчинены каузальному принципу. Филогенетические пласты не то, что перемешаны с онтогенетическими, а связаны с ними довольно прочными, алогичными с точки зрения сознания, связями. Филогенетические содержания, по своей сути, неисчерпаемы. *Они структурированы по принципу, который мы бы определили как принцип постепенного обезличивания. Чем глубже мы уходим в бессознательные уровни психики, тем меньше шансов у нас обнаружить в них личность.* В психике человека фиксируется, как бы процесс двустороннего движения, от бессознательного к личности, от личности к бессознательному. По мере приближения к личностному миропониманию формируется линейное временное миропонимание, по мере углубления в бессознательное формируется вневременность и обезличивание. Оба эти направления взаимопроницаемы. Взаимопроницаемость этих направлений проявляется в том, что часто личностные суждения несут на себе нагрузку коллективного мышления. Богатый филогенез этноса, помимо бесспорных психических достоинств, приносит с собой ряд негативных характеристик. В личностном миропонимании и самовосприятии происходит возврат или застревание на адаптивных механизмах прошлого, личность переносит опыт прошедших поколений на новые реалии. То, что было актуально в прошлом механически переносится на настоящее и терпит неминуемый крах. По сути, этот же процесс мы наблюдаем при психических расстройствах личности.

Психическая эволюция требует постоянного обновления адаптационных ресурсов, развития адаптационных способностей и новых эффективных копинг стратегий. На первом этапе эта эволюция требует формирование максимальной дистанцированности от обезличенного состояния психики. Эволюция, так или иначе, повторяет свои пройденные этапы, но уже на качественно другом уровне. В современном психическом развитии наблюдается по направленности тот же процесс обезличивания, но уже на другой качественной основе. Максимальное дистанцирование от личностного развития в современном мире получило название конформизма. Человек не теряет собственные силы и смысл существования, - он растворяет их в общем групповом смысле бытия. С другой стороны, переживание своей единичности и уникальности, своей отличности от других, во многом обуславливает возникновение психических страданий, которые сложно преодолимы именно вследствие отсутствия таких защитных механизмов как идентификация с родом, этносом и социальной общностью. Человек чувствует себя психически защищенным, если он отождествлен с родом и этносом, он будет себя чувствовать лучше в различных стрессогенных ситуациях, которые преодолимы в филогенетическом миропереживании, в филогенетической системе психологических защит. Жизнь, руководимая инстинктивными программами, не способна порождать психических проблем того же одиночества, проблем навязчивости, фобических или тревожных расстройств. «Нормальный человек» определяет границу между тем, что приемлемо и тем, что неприемлемо. Таким является определение нормальности в статистическом критерии. «Но, насколько, же сомнительна, зловеща и немыслима власть специалистов-психиатров, которые продолжают пользоваться правом закапывать больных - живых и вопящих в могилы своих терминов. Их вопли якобы не что иное, как симптомы истерии, их ужас - признак паранойи, их отсутствующий взгляд свидетельствует о пугающей утрате всех нравственных устоев. Кто может сказать, что на самом деле означает симптом, который человек использует как способ выражения своей неприспособленности к миру?»[36,183]

Найденная в одной ограниченной системе закономерность, не может быть механически перенесена на другие. «Хотя все направления считают только собственный образ

мышления научно приемлемым, для того, кто может принять различные точки зрения или мыслить различным образом, очевидно, что каждая модель имеет собственный научный метод. Каждая модель допускает вполне определенные вопросы и дает определенные ответы в пределах границ, очерченных самой моделью или соответствующим научным методом» [36,138] Мы считаем, что проблему норму порождает стереотипное рассмотрение человеческого здоровья и поведения. В динамическом ракурсе рассмотрения эта проблема отпадает. Вопрос не в том, что проблема нормы является надуманной, вопрос в том, что в динамическом рассмотрении проблема нормы не вызовет различных интерпретаций и она может быть окончательно определена. В истории науки, кроме приведенной выше классификации ВОЗ, сформировались следующие модели психической нормы:

- медицинская модель
- психосоциальная модель
- биопсихологическая модель
- многофакторная модель
- психоаналитическая модель
- кризисная модель
- стихийная модель.

Каждая из таких моделей повторяет общую для всех тенденцию: каждая модель претендует на универсальность. «В основе этих моделей лежит неоправданное распространение на все или большинство психических заболеваний частного механизма формирования нарушений. Каждая из них может быть с успехом применена в одних областях психопатологии, но не работает в других» [36, 138] Проблема нормы может быть сведена к индивидуальным критериям. «Необходимо также различать критерии, которыми пользуются другие люди, определяя поведение раздражающего или вызывающего у них недоумение человека как «ненормальное», от тех критериев, которыми при этом пользуется сам человек, характеризуя, например, свое состояние, когда он не способен преодолеть собственное расстройство или даже просто сообщить о нем» [36, 238] Годфруа

Ж. выделяет еще один критерий: «Как правило, чем реже встречается та или иная форма поведения, тем больше вероятность, что ее будут воспринимать как аномальную»[36,126-127] Этот критерий отражает стихийную модель нормы. Однако, несоответствие общепринятому еще не является аномальным, это, скорее всего, паранормально, так как *нетипичное не идентично аномальному. Если мы представим психическое здоровье человека в виде бесконечной прямой, то каждый отдельный отрезок на нем может быть нормой по отношению к последующему и патологией по отношению к предыдущему.*

Восприятие окружающего мира является, по сути, восприятием самого себя в связи с миром. Именно особенности восприятия человека во многом, если не во всем, определяет его психические и соматические состояния. Формируется своеобразный сплав бессознательного архетипического содержания психики с онтогенетическим содержанием, в результате чего формируется некая личностная экзистенциальность миропонимания. Годфруа Ж. говорит также об «изменении уровня сознания» как о симптоме аномального. При таких изменениях уровня сознания у человека возникают зрительные или слуховые галлюцинации. Если Годфруа Ж. имеет в виду процесс бессознательного руководства человеческим поведением, то можно предположить, что чем меньше человеческое поведение подвержено давлению бессознательного уровня психики, то есть чем эффективнее контролирующая функция сознания, тем более оно подпадает под определение нормы и соответственно наоборот. «Но еще сильнее, чем перечисленные симптомы, внимание к человеку могут привлечь эмоциональные нарушения, например, преувеличенные проявления грусти или гнева, безосновательные страхи или депрессия, вызванная травмирующим событием, преодолевать которые человек не в состоянии»[36,128] В конечном итоге Годфруа Ж. приходит к неутешительному выводу: « Таким образом, понятие нормы всегда неоднозначно, и если вдуматься, то можно прийти к выводу, что четкой границы между «приемлемым» и «неприемлемым» нет. Не существует и идеальной нормы. Всякий человек в той или иной степени ненормален». [36, 128] Неприемлемы в конкретном этносоциальном окружении формы поведения обретают ярлык социопатических и становятся экспериментальным

материалом для бесчисленной армии психиатров. «Большинство психиатров считают структуру своего общества настолько самоочевидной, что человек, плохо приспособленный к этой структуре, является для них неполноценным».[102,122]

Психоаналитическая модель понимания психической патологии может быть в общих чертах представлена следующим положением Фрейда З: «Это недооценка реальности, пренебрежение различием между ней и фантазией... Эти фантазии обладают психической реальностью в противоположность материальной, и мы постепенно научаемся понимать, что в мире неврозов решающей является психическая реальность» [100, 235] Исходя из данной мысли Фрейда З., можно предположить, что одним из критериев различения нормы от патологии является факт придания фантазиям статуса психической реальности, наряду с объективной реальностью, или, точнее признание тождественности психической и объективной реальности. Тем не менее, для любого, считающегося нормальным человека, фантазии всегда наделяются статусом психической реальности. Психическая реальность невротика обладает для него статусом объективности. Вопрос тут в том, где для каждого из нас пролегают границы объективной реальности, и какой вид реальности мы считаем психически объективной. Для психоанализа существует определенный порог приемлемости таких фантазий, это так называемый возрастной порог, а это означает, что запороговое допущение фиксируется как невротичность. Центральным здесь становится принцип реальности. Поэтому, один из путей образования невротических симптомов - это конфликт между фантазиями и Я, фантазией и принципом реальности. Выход из этого конфликта дается различными способами, легче всего такой выход дается человеку искусства. «Есть обратный путь от фантазии к реальности, это искусство. В основе своей художник тоже интровертированный, которому недалеко до невроза. В нем теснятся сверхсильные влечения, он хотел бы получать почести, власть, богатство, славу и любовь женщин, но у него нет средств, чтобы добиться их удовлетворения. А потому, как всякий неудовлетворенный человек, он отворачивается от действительности и переносит весь свой интерес, а также свое либидо на желанные образы своей фантазии, откуда мог бы открыться путь к неврозу».[100,240] Фрейду З. принадлежит так много гениальных

открытий в области патологии, что границы нормы у него обрисовались сами по себе. Границы между нормальным и невротичным, согласно Фрейд З., очень пластичны. В реальном психическом развитии человека нет беспримесных понятий нормы и патологии, они и не могут быть как таковые. Фрейд З. прекрасно понимал научную зыбкость категорических понятий. «Но что реально остается от болезни после устранения симптомов, то это лишь способность образовывать новые». [99, 181] Определяя понятия нормы, всегда возникает опасность формулирования одностороннего подхода. Критерии нормы и паранормальности, как мы уже отмечали выше, разнятся от школы к школе. В границах функциональной психологии эти понятия претерпевают кардинальные изменения. «С точки зрения функциональной психологии понятие невротизма обладает сомнительной научной ценностью. Стремление «нормализовать» личность опирается на понятие о некоем усредненном эталоне, который оставляет «за бортом» не только диктатора или маньяка, но и гения, художника, творца. Функциональная психология выдвигает иное понимание нормы - как руководящего идеала. «Нормальность» потому не поддается качественному или количественному подсчету, что она есть идеальный показатель, а не какое-то усредненное значение. У каждого человека есть свои идеалы-руководящие нормы, которые определяют курс движения его личности, ориентирующие средства. И чем последовательнее человек ориентируется на эти идеалы, тем более он нормален».[92, 191]

Имея ввиду уже описанные выше критерии психической нормы, мы хотим несколько сдвинуть ракурс рассмотрения этой проблемы. Все описанные модели нормы, имея безусловные достоинства, тем не менее, не могут избежать одностороннего подхода. Наша попытка рассмотрения нормы также подвержена этому недостатку. Однако, если мы попытаемся рассмотреть перечисленные варианты нормы в динамическом ключе, то сразу же найдем в них один, чрезвычайно важный аспект: все описанные модели отражают определенную грань понимания проблемы и в этом смысле являются необходимыми. Понятие нормы должно включать в себя более расширенное толкование понятия психологического времени. Это значит, что определяя психическую норму, мы должны

исходить также из того, что в деятельности нормальной психики должна иметь место синхронизация категорий времени. Это означает, что нормальным является человек, психологический возраст которого соответствует его хронологическому возрасту. Это сугубо теоретическое положение, так как механизмы экспериментального определения уровней подобного соответствия практически отсутствуют в психологии. Конечно же, существует соблазн подогнать этот механизм под имеющиеся и хорошо зарекомендовавшие себя тесты, однако, как это и понятно, данные тесты не обеспечивают получения валидных данных. Поэтому мы считаем, что психическое здоровье может быть определено как структурированные и синхронизированные во времени мысли и эмоции личности.

2.3. Время в психодинамической, когнитивной и экзистенциальной интерпретации

Бессознательное не знает ни смерти, ни времени.

Лидия Флем

Актуальность проблемы времени в психотерапевтическом процессе впервые была затронута в границах психоаналитического мировидения. И, несмотря на тот очевидный факт, что психоанализ с самого начала был ориентирован на прошлое пациента, на воспроизведение этого прошлого в настоящем, тем не менее, как это не парадоксально, проблеме времени в психоанализе практически уделено второстепенное значение. Тем не менее, очевидным является то, что психоанализ имеет в качестве объекта воздействия именно психологическое время личности, так как психоанализ - это психотерапия прошлого личности и его места в ее психологическом настоящем. Строго говоря, каждая психотерапевтическая модель ориентирована на одно из трех временных категорий, - психоанализ ориентирован на прошлое личности, гештальт психология на настоящее, а аналитическая психотерапия К.Г.Юнга нацелена на будущее. Российский клинический психолог Немировская М.А., в связи с этим парадоксом отмечает, что центральная для психоаналитической практики концепция переноса, которая подразумевает воспроизведение прошлого опыта в настоящем, и вовсе делает время главным действующим лицом на психоаналитической сцене. В психоаналитических исследованиях этой проблеме уделяется сравнительно мало внимания.[68] Странность этой ситуации выразил также другой известный психоаналитик Namnum A. «Мы почти ничего не знаем о психологии времени и, по-видимому, никто не знает, почему это так»[205, 46] Однако данная ситуация обусловлена далеко не тем, что в психоанализе проблема времени не является центральной. Совсем наоборот. Современные психоаналитики (ориентированные на ортодоксальный психоанализ, а не на его вымышленные вычурные отклонения, ничего не имеющие общего с научным и клиническим психоанализом З.

Фрейда), - возвели проблему времени в область приоритетных исследований. Недостаточная разработанность проблемы времени, как мы считаем, обусловлена более прозаическими причинами. По сути, все величайшие открытия учеников З. Фрейда были инспирированы самим родоначальником психоанализа. Уже при жизни З.Фрейда такие «великие отступники» как К.Юнг, О.Ранк, В. Райх и другие прославились тем, что развили идеи отца психоанализа. Что же касается проблемы времени, то, безусловно, она также была бы разносторонне разработана, если бы З.Фрейд указал бы на нее раньше, чем он это сделал. Лишь к концу жизни тяжело больной ученый признался, что загадка времени как-то ускользнула от него. Известно знаменитое суждение Фрейда З. о времени, в связи с определением бессознательного: «Мы установили опытным путем, что бессознательные психические процессы сами по себе не относятся к определенному моменту времени. *Прежде всего, можно сказать следующее: они не располагаются хронологически, время не вносит в них никаких изменений, и к ним не может быть применено понятие времени.*» [165, 23] Таким образом, единственное, по сути, высказывание З. Фрейда о времени сводилось к тому, что в бессознательном времени нет. Этот пробел сегодня пытаются заполнить известные западные аналитики, среди которых особого упоминания достоин Кальвин Коларуссо. При разработке проблемы времени К.Коларуссо исходит из стадильности классического психосексуального развития личности. Начиная с описания оральной стадии развития К.Коларуссо пишет о том, что при рождении у ребенка нет представления о времени, то есть, нет представления об объективном времени вследствие «эмбрионального» состояния его Эго. При рождении ребенок абсолютно лишен представления о времени, категориальность времени для него отсутствует. Прошое, настоящее и будущее являются категориями матери, а не ребенка. Это, так называемое материнское время новорожденного. *Тем не менее, мы считаем, что очевидно некое бессознательное переживание времени должно иметь место, по той простой причине, что до рождения и в процессе самого рождения (в перинатальном состоянии) мы констатируем смену состояний от «райского» наслаждения беззаботностью до переживания смертельной угрозы при самих родах и встречи с социальным миром.* Чувст-

во времени начинает развиваться с первых минут постнатального периода, однако переживания времени имеют свою специфику. Когда мы говорим о сформированном чувстве времени, то имеем в виду, прежде всего способность нашего Эго дифференцировать поток времени на прошлое, настоящее и будущее. Это значит, что в младенчестве, на оральной стадии развития чувство времени еще не сформировано по той простой причине, что Эго младенца не развито. *На оральной стадии развития существует переживание времени, в контексте переживаемых психофизических состояний.* Младенец переживает состояния гомеостаза и фрустрации, он переживает время как смену психофизических состояний. Оральная стадия развития формирует ощущения фрустрации и удовлетворения, но при этой стадии отсутствует дифференцированное чувство времени. Точнее говоря, чувство времени в оральный период является переживанием биологических состояний. *Поэтому на оральной стадии развития мы можем говорить о биологическом переживании времени, о времени – состоянии.* Кроме того, огромное значение имеет переживание цикличности дня и ночи, которое на оральной стадии пока отсутствует. Для новорожденного восприятие дня и ночи слиты в некое сумеречное состояние. Эти циклы не дифференцированы. Дифференциация суточных циклов пробуждается лишь на анальной стадии развития. *На оральной стадии развития биологический способ переживания времени сохраняется в психике человека и, по большому счету, конструирует фундамент субъективного восприятия времени в будущем.* В зрелом возрасте каждый из нас оценивает длительность времени в соответствии со своим психофизическим состоянием. Так, состояния боли (фрустрации) протекают для нас более длительно, а состояния гомеостаза (удовлетворенности), как правило, кратковременны. Очевидно, специфика подобного переживания времени обусловлена характеристиками оральной стадии развития, так как переход от космического чувства беззаботного слияния с материнским организмом к адаптации к жизни «в мучениях» содержит для младенца бесконечную цепь физических и психических фрустраций. Чувство времени, безусловно, субъективно, и эта субъективность формируется в младенчестве. Однако, эти переживаемые состояния не

существуют изолированно. Они включены в отношения «мать-дитя». Поэтому Коларуссо считает, что в контексте этих отношений биологическое восприятие времени трансформируется в психологическое переживание. Наше биологическое переживание времени с развитием переходит в психологическое и не отражает полноценно объективную реальность. Таким образом, уже на оральной стадии развития переживания времени тождественны переживаниям психофизических состояний человека. Именно эта особенность нашего восприятия времени генерируется бессознательным уровнем психического аппарата. В нашем бессознательном мировосприятии мы переживаем временность как психофизические состояния, помещенные во вневременной континуум. Но этому специфическому состоянию младенец не обучается,- это переживание имеет филогенетическое происхождение, оно запрограммировано длительной эволюцией *homo sapiens*. Выражаясь образно, мы можем сказать, что то, что в сознании является временем, то в бессознательном является состоянием. Вполне естественно, что также как в бессознательном в процессе онтогенеза формируется слабо дифференцированное чувство времени, так и сознание подвергается вторжению бессознательной вневременности. По сути, при невротических и психотических расстройствах состояния вневременного бессознательного врываются в сознательное настоящее личности. Таким образом, на оральной стадии развития не то что формируется биологическое переживание времени, а просто активизируются архетипы коллективного бессознательного, так как Эго младенца для своего психического развития, очевидно, нуждается «во власти предков», - в энергии коллективного бессознательного. Эта, так называемая власть предков активизируется в диаде «мать-дитя». Таким образом, в бессознательном царит принцип вневременности. В психическом пространстве вообще не существует временных границ. Между тем материальный объективный мир не может существовать вне временных границ. Взаимоотношения между макрокосмом и микрокосмом структурированы в психическом и физическом пространствах. Это означает, что в Я-сознании индивид принадлежит физическому миру, а в бессознательном – психическому. Мир осмысление и мир переживание индивида осуществляется на пограничной территории, - в психическом

бессознательном мы принадлежим макрокосму, в психическом Я- сознании-микрокосму. При этом макрокосмический резервуар постоянно пополняется за счет существования временной последовательности Я-сознания, за счет постоянного погружения прошлого в бессознательное. Я- сознание постоянно стремится к избавлению от прошлого, оно не в состоянии вмещать в себя постоянно увеличивающийся психический материал, оно не в состоянии поддерживать необходимый уровень адаптации к этому постоянно пополняющемуся содержанию. Пожалуй, хуже всего человек адаптирован к своему прошлому, так как именно прошлое постоянно норовит внедряться в будущее личности. *Именно в будущее, так как настоящее выводит на экран экзистенции именно будущее личности.* Однако, этот процесс нельзя понимать как примитивное перетекание содержаний психического из Я-сознания в бессознательное. Взятые в отдельности уровни здоровой психики не могут функционировать в автономном режиме. При специфических же психических расстройствах, таких как диссоциативное расстройство идентичности, автономное функционирование отдельных или расколотых личностей, автономно по определению. Автономия - это часть целого, стремящегося захватить это целое. То есть при констатации диссоциативного расстройства идентичности, мы обязаны допускать, что этот процесс протекает по отношению к целостной личности, он направлен на формирование новой патологической расщепленности в границах психической реальности. Вне целого понятие автономии не существует. Психологический смысл целостного бессознательного может быть определен в границах Я- сознания. Ценность бессмертия определяется контрастностью со смертностью, ценность вечности определяется конечностью времени. Эти два уровня представлены в психике человека, а точнее психика человека структурирована этими уровнями. Между этими уровнями существуют компенсаторные взаимоотношения, которые могут при поверхностном рассмотрении определяться как конфликтные. По сути, в основе любых конфликтных взаимоотношений может лежать дефицит компенсаторной функции. Во взаимоотношениях Я-сознания и бессознательного постоянно господствует принцип отчуждения. Процесс отчуждения как раз и становится механизмом формирования

диссоциативного расстройства личности. Прошлое отчуждается, переходя в бессознательную вневременность, будущее отчуждается от вневременности, переходя в настоящее, в Я- сознание. Именно в этом ракурсе рассмотрения возможна констатация принципа компенсации. Будущее, по сути, неопределенно, не оформлено. Как наше настоящее имеет свою конечность в оформленном прошлом, так и будущее является лишь отдаленным прошлым. Будущее, переходя в настоящее, становится прошлым. Однако само будущее неопределенно, оно бесконечно. И оно бесконечно за счет конечного прошлого, которое постоянно воссоздается в психике. По иронии судьбы мы всегда определяем наше будущее в связи с прошлым, мы программируем, оцениваем наше будущее в связи с прошлым. Это означает, что наше будущее это преобразованное нами же прошлое. Причем преобразованное бессознательно. Если мы попытаемся переложить взаимоотношения бессознательной вневременности и временной последовательности Я- сознания на процесс психического развития, то получим следующую картину. Ранние взаимоотношения младенца с матерью протекают для младенца в бессознательной вневременности. Младенец психически слит с матерью, он обладает ощущением всемогущества. Переживания тотальной зависимости от матери, по сути, появляются позже. Ощущение всемогущества сродни ощущению вечности и неуязвимости. Младенец переживает симбиотическую связь с матерью как состояние вечного блаженства. Быть может именно это состояние является чистой эмоцией счастья. У младенца состояние макрокосмического океанического блаженства направлено и в будущее и в прошлое, поэтому он совершенно не дифференцирует время, - он его переживает в виде состояний. Благодаря этому состоянию отчуждается травма рождения и, с другой стороны, формируется образ удовлетворяющего будущего. Поэтому будущее изначально переживается вне последовательности во времени - это состояние, которое есть и которое всегда будет. Будущее - это не то, что будет, а то, что есть, то есть сохранение состояния блаженства. Симбиотическое единство с матерью в дальнейшем формирует необходимость идентификации с ней. Поэтому идентификацию можно рассматривать как форму симбиотической связи, с одной стороны, и как защитный механизм, с другой.

Ощущение будущего у младенца - это продолжающееся или сохраняющееся состояние гомеостаза. Именно по этой причине, взрослея, индивид постоянно стремится вновь обрести это состояние блаженства, которое мы называем прошлым. Однако это состояние симбиотического всемогущества не является прошлым, оно как раз отрицает временную последовательность, оно выпадает из времени, или говоря иначе, - это не просто состояние,- это состояние вневременного счастья. Взрослея и попадая в пределы временной последовательности, ощущения гомеостаза приобретают характер временности, они ожидаются с тревогой потери. Именно поэтому в состояниях переживаемого счастья взрослого человека одолевает грусть, вызванная кратковременностью переживаемого блаженства. Приходящая на смену симбиотического всемогущества идентификация с родителями опять-таки обеспечивает определенный уровень защиты от уязвимости, слабости и беспомощности. Идентификация-универсальна и как процесс, и как механизм защиты. Бегство в идентификацию похоже на бегство дикаря в групповое миро переживание, так как здесь также отрицается конечность (тревожность) бытия. Поэтому оральная стадия развития индивида имеет так много общего с психическим миропереживанием первобытного человека. Идентификация с всемогущей матерью является процессом, обеспечивающим нахождение во вневременном блаженстве. Все, что подчинено воздействию времени - смертно - а смертность - это уязвимость и беспомощность. Драматическое переживание будущего формируется, по сути, благодаря фрустрациям анальной стадии развития. Как только в жизни ребенка наступают ограничения, неизбежные для его развития, с этих пор переживания времени начинают носить тревожный характер. Однако самой мощной и интенсивной в жизни ребенка фрустрацией становится отлучение от материнской груди. Это событие является самым драматичным для ребенка. Это событие вносит сильное разрушение в симбиотическую связь ребенка с матерью, в начало начал. Этот процесс разрушения имеет чрезвычайно важную бессознательную сторону. Дело в том, что симбиотические отношения переживаются как вечные, то есть вневременные. Отлучение от груди становится шагом, приближающим к переживанию смертности, шагом, помещающим психику ребенка в

дифференцированное время и одновременно шагом, активизирующим процесс укрепления Эго. Разрушение симбиотических отношений начинается с отлучения от материнского организма, вторым фрустрирующим фактором становится отлучение от груди, в дальнейшем процесс разрушения этих отношений переходит на первую социальную сцену человека, - на семейную реальность. Все эти этапы одновременно отражают процесс выхода психики из состояния вневременности и переход в дифференцированное время, как в онтогенетическом, так и в филогенетическом значении. Одновременно с переживанием смертности – в форме психической, физической, и социальной уязвимости,- формируется чувство ответственности, при этом процесс формирования ответственности постоянно находится под давлением мощного сопротивления со стороны бессознательного. Согласно психоаналитическому пониманию, прошлое вытесняется, отчуждается благодаря функции Супер-Эго, которое подвергает давлению Эдиповы переживания. Однако Эдиповы переживания не становятся прошлым. Желания Эдипа перемещаются в будущее, тем самым обеспечивая их постоянное присутствие в психическом настоящем индивида, даже не столько настоящим, сколько вне контекста временной дифференциации. Интернализированное Супер-Эго вступая в конфликт с Эдиповыми желаниями, по сути, противостоит прошлому индивида. Но тем самым Супер-Эго пытается внести в психику характер временности, Супер-Эго, требуя отказа от принципа наслаждения, пытается сформировать собственные нормы и каноны, Супер-Эго пытается оторвать человека от его психического младенчества и воспитать в нем ответственность. Прошлое, погружаясь в бессознательное, становится вневременным. Эдиповы переживания, погружаясь в бессознательное, перестают быть прошлым, хотя именно на это и полагается Супер-Эго. Однако, быть может, все мы подвержены одной универсальной иллюзии, - нам кажется, что то, что мы изгоняем из настоящего становится прошлым, однако оно становится вечным, если, конечно, вечное может становиться. Вытесненное в бессознательное начинает реализовывать себя во всех временных измерениях, оно приобретает статус "везде и всегда". Поэтому вытеснение является тем механизмом, который, подвергая забыванию

эмоционально значимый материал, перемещает его во вневременность. И именно поэтому психоаналитическое осознание является действенным методом, способным перевести вневременность в последовательность, вечность в смертность. Таким образом, вытеснение может быть определено в качестве защитного механизма достаточно условно в его традиционном понимании. Вытеснение, как мы считаем, является защитным механизмом в несколько ином смысле - оно защищает человека от переживаний смертности. Переживания смертности, вытесняясь в бессознательное, переходят в категорию вневременности или вечности. Тем самым, мы сталкиваемся с интересным механизмом функционирования нашей психики - время и состояние являются взаимозаменяемыми феноменами. Мы возвращаемся в младенческий период переживания времени, тогда когда начинаем переживать нашу смертность.

В латентный период разрушение Эдипова прошлого, по сути, является иллюзией. Ничто не разрушается в бессознательном, так как разрушение и восстановление требуют наличия линейного времени и последовательности. В психическом пространстве вообще не существует временных границ. Личностный мир, в свою очередь, не может существовать вне времени. Но человек вписан в объективный мир, поэтому он структурирует время несколько иначе, чем оно структурировано в объективном мире. Скорее всего, на разности этого структурного понимания формируются различные непонятные индивиду состояния, которые часто генерируют невротичность самовосприятия, а значит и мировосприятия. В классическом психоаналитическом смысле мы постулируем доминантность принципа наслаждения в нашем мировосприятии и миро переживании. Мировосприятие является, по сути, переживанием мира, именно последнее и формирует особенности нашего понимания реальности. Но принцип наслаждения постоянно вытесняется, он должен вытесняться, чтобы не препятствовать психическому развитию человека. В этом процессе решающая роль отводится высшей инстанции - Супер-Эго. По сути, Супер-Эго, ограничивая фантазирование эдиповой стадии, приближает человека к необходимости принятия реальности, то есть к формированию способности дифференцировать время на прошлое, настоящее и будущее. Однако, это требование

Супер-Эго осуществляется с большим трудом, так как на пути этого осуществления стоит мощная преграда – симбиотическая связь с матерью. Ребенок живет в психическом прошлом, прошлое держит его с помощью переживания наслаждения единства с матерью. Ранние отношения с матерью переносятся в будущее, более того, самой вероятной формой протекания будущего становится эдипово прошлое. По сути, Супер - Эго должно обладать эффективными механизмами сдерживания эдиповых желаний и фантазий, оно должно преодолеть свою инфантильность и быть готовым к подавлению принципа наслаждения. Взаимоотношения между эдиповой стадией и Супер - Эго являются, по сути, взаимоотношениями психического настоящего и будущего, при этом над будущим постоянно висит угроза снова стать эдиповым временем. Мы намеренно не употребляем в этом контексте понятие "прошлое" поскольку психическое прошлое не сводится к линейному прошлому. В психологическом ракурсе рассмотрения, прошлым является тот отрезок времени, который утрачивает свое эмоциональное воздействие на будущее личности. Человек постоянно изменяет по своему желанию психологический смысл своего жизненного материала. Объективная реальность, по сути, не обладает константностью в нашей психической реальности. Об этом писал еще Ж. Пиаже. Правда, последний говорит о том, что время становится прошлым тогда, когда воспоминаемое не может быть изменено. Мы несколько иначе интерпретируем данное явление- время становится прошлым тогда, когда мы просто уже не желаем менять наши воспоминания. Человек должен расстаться с воспоминанием, для того, чтоб оно стало прошлым. Пока мы не в состоянии расстаться с нашими воспоминаниями и фантазиями, до тех пор они продолжают оставаться нашим настоящим и будущим. И до тех пор психофизиология наших воспоминаний будет определять наше психическое и физическое состояние, наши отношения с нашим окружением, до тех пор наши воспоминания будут программировать нашу жизнь. Жизнь не может быть сведена к линейности и последовательности событий. Расставание с прошлым не проходит безболезненно, так как нам бы хотелось. Расставание приобретает характер утраты. Поэтому возвращение к прошлому становится для нас чрезвычайно актуальным. Невротические состояния формируются не потому, что человек

не понимает, что прошлое невозможно вернуть, а как раз потому, что он это прекрасно понимает. Человек понимает, что он не может вернуть прошлое в его первоначальном виде, в его психической целостности. Невротичность формируется благодаря тому, что попытки возвращения прошлого в настоящее уже не обеспечивают целостности прошлого и не вписываются в настоящее, то есть это уже не прошлое прошлого, а прошлое настоящего. Психологическая ценность оральное время состоит в том, что оно не ограничивает младенца, не становится для него критерием оценки его жизнедеятельности. Как это блестяще подмечено в работах Коларуссо С.А., переживания времени в латентный период уже начинают носить отчетливо негативный характер. Латентное время-это время оценки возможностей и способностей человека. Этот наглядно проявляется уже в играх детей. Игры латентного периода уже ограничены во времени. За определенный временной отрезок ребенок должен проявить себя с лучшей стороны. Игра уже имеет результат, который становится оценкой способностей ребенка. Временные ограничения игры - это всегда фрустрирующий фактор, который начинает определять самооценку ребенка и характер этой самооценки в дальнейшем формирует психологическую судьбу человека. Страх что-либо не успеть, постоянно сопровождающий жизнедеятельность взрослого человека, закладывается в детских играх латентного периода развития человека. Временные ограничения латентного периода активно программируют тревожность нашего будущего. Жизнь и задачи взрослого человека регламентированы во времени. Временная регламентированность жизни определяет наше психофизическое будущее, так как в социальном сценарии всему свое время - «время любить и время ненавидеть, время разбрасывать камни и время собирать камни». Именно этот сценарий и формирует тревожность понимания нашей конечности и смертности. Интернализированное Супер-Эго приносит способность дифференцировать время, формирует необходимое умение контролировать жизнедеятельность в соответствии с требованиями социального сценария жизни. С другой стороны, интернализированное Супер-Эго несет с собой требование расставания с переживаниями оральное всемогущества и океанического наслаждения вневременностью.

Бессознательное чувство вневременности не принимает требования Супер-Эго о временных ограничениях. Поэтому в латентный период развития мы можем констатировать наличие фундаментального невротического конфликта между Ид и Супер-Эго. Тем не менее, психика человека постоянно стремится к разрешению этого конфликта. Уже в пубертатном возрасте новое пробуждение эдиповой любви, направленное на замещающий родительскую фигуру объект, отличается океанической эмоциональностью. Влюбленность и является таким всепоглощающим чувством. Это чувство отменяет всякое временное ограничение. Поэтому понятие "вечная любовь" впервые становится для человека психологической реальностью именно в этот период. В чувстве влюбленности отчетливо отрицается смертность. Влюбленность оборачивается агрессией по отношению к регламентированному Супер-Эго. Безумства этого состояния, столь знакомые каждому зрелому человеку, вызывают у нас ностальгию. Но эта самая влюбленность постоянно реактивируется в нашей взрослой жизни. Именно поэтому, уже в преклонном возрасте человек начинает влюблять себя и жить в этом океаническом чувстве. Чем ближе мы подходим к порогу смерти, тем интенсивнее наша потребность во влюбленности, которая должна победить смерть. В чувстве влюбленности психологически преодолевается наша смертность. Обретая влюбленность или океаническое всемогущество, человек на распятии побеждает смерть, или освобождается от ее негативных переживаний. Переживания времени в латентный период развития личности отличаются также своей спецификой. Латентный период может быть охарактеризован как время затаенного желания. Новые социальные условия, новый этап социального сценария жизни человека вносит в его жизнь дополнительную эмоциональную нагрузку. Подавленные эдиповые переживания находят иную сферу активизации. Ребенок стремится скорее вырасти, стать взрослым, чтоб вновь выставить свои претензии по отношению к родителю противоположного пола. Это означает, что переживания времени протекают под воздействием власти Эдипа. Практически до глубокой старости власть Эдипа сохраняется актуально в психике человека. Однако, речь не том, что мы вновь и вновь оказываемся в плену у родительского образа. Речь о том,

что, несмотря на вытесненные травмы детства, в бессознательном живет другая мощная сила, которая вновь притягивает нас к прошлому - это сила Нарцисса. Процесс формирования Супер-Эго включает в себя несколько стадий: стадия Идеала Эго, Эго-идеала и Супер Эго. По сути, это последовательные стадии. Идеал Эго идентичен понятию всемогущего нарциссизма, (первичного нарциссизма). Это состояние формируется благодаря идентификации с фигурами родителей, которые для ребенка являются могущественными. Это совершенство родительских фигур в психике ребенка. Но это состояние совершенства не то, которое должно быть достигнуто в будущем, это совершенство в настоящем времени, но в воображаемом, а не в реальном настоящем времени. С течением времени Идеал-Эго переходит в иную плоскость, он становится требованием личного достижения, он ориентирован на будущее, поэтому он переходит в состояние Эго-идеала. На этой стадии формирования Супер-Эго родительские фигуры уже постепенно дифференцируются, ребенок имеет перед собой идеал во-вне, совершенство во вне, к которому он хочет в будущем стремиться. Конечная стадия - само Супер-Эго- это уже конкретное эмпирическое будущее, в котором проявляется желание стать таким же как родители. Идеал становится программой действия. В Супер-Эго мы наблюдаем возможные взаимоотношения между настоящим и будущим. Таким образом, психические структуры Эго и Супер-Эго развиваются во времени, или, говоря точнее, формируются также как этапы развития чувства времени. Супер-Эго, в некотором смысле, вообще структура будущего, это своего рода поощрение за выполнение социального заказа быть таким, каким ребенка хотят видеть родители. В латентный период продолжается развитие Супер-Эго, при этом, этот период отмечается несколькими тревожными ожиданиями в отношении будущего. Средством подавления тревоги становится активизация процесса интеграции Эго-идеала. В подростковый период формируется переживание некоторого давления времени: время идти в школу, время делать уроки, время соответствовать ожиданиям других и Супер-эго. В подростковый период время все более наполняется амбивалентными психоэмоциональными содержаниями. Оно воспринимается как давление, с другой стороны, как контролирующая и необходимая функция в жизни

подростка. Кроме того, время становится все более прошлым, если подросток строит свою настоящую жизнь с помощью материала будущего. Подросток ориентирован на будущее, он пытается максимально быстро прожить настоящее время, он пытается освободиться от эмоциональной и возрастной неопределенности. Подростковый возраст представляет своего рода время завоевания внешнего мира, время разрывания временных границ, недовольства возрастом. В этот период время как бы «вытесняется» подростком, отодвигается на второй план. Главным становится избавление от собственного возраста. Может быть, поэтому мы можем наблюдать среди подростков всплеск творческих способностей: истинные шедевры создаются вне временных границ. Выпадение из времени приводит к развитию творческих способностей в норме, так как воображение не терпит линейного упорядоченного времени, оно покидает пределы Я-сознания. Подростковый возраст – это уход в себя, это медитативный возраст. Именно в этом возрасте более ощутимо сказывается потребность в одиночестве, в осмыслении собственного предназначения. Особенная роль эмоций в этот период выносит психику за границы линейного времени, время вообще в этот возрастной период теряет смысл, жизнь подчинена эмоциям, для которых не может существовать рациональное распределение времени. Подростковый период протекает под эгидой Эона, вытесняя Хроноса.

Проблема диссоциации в аналитической психологии. И в этом случае мы попадаем в некий замкнутый круг, выходом из которого становится принятие той или иной концепции, или той или иной парадигмы формирования психики человека. Тут возможно также обращение к биогенетическому закону Ф.Мюллера и Э.Геккеля, согласно которому в индивидуальном, прежде всего эмбриональном, развитии высших организмов происходит закономерное повторение (рекапитуляция) признаков, свойственных их биологическим предкам. Онтогенез - повторяет в сокращенном варианте филогенез. Эта модель, как известно, была распространена на развитие психики - человека. Психическое развитие индивида повторяет путь исторического развития предшествующих поколений. Дж. Хиллман считает, что «Клиническое состояние, называемое деперсонализацией, как раз и демонстрирует то, что имеет в виду Юнг. То есть, может произойти утрата личной

реальности и идентичности при том, что все другие функции эго — восприятие, ориентация, память, ассоциация и т. д. — остаются в целостном виде. Деперсонализация указывает, что ощущение личности, сама вера и убежденность в собственной реальности как индивида зависят от некоего фактора трансцендентного эго-личности, выходящего за рамки ее чувственной и волевой сферы».[105, 20] Хиллман Дж. отмечает также чрезвычайно важный момент в понимании личности. Он, по сути, комментирует позицию К.Г. Юнга в отношении парциальности в понимании личности и психики в целом. «Понимание любых личностных процессов как взаимодействия и связи между различными парциальными личностями позволяет сразу же установить через саму теорию все психологическое поле, внутреннюю общность. Существуют взаимоотношения. Существуют контрасты и конфликты — не между чертами характера или побуждениями, или отделами мозга, а между индивидуальными лицами, каждое из которых достойно уважения, каждое представляет комплекс и составляет трудность для понимания, каждое обладает известным влиянием на телесную политику целостной психики, как и в случае Я (эго-личности). Юнговская теория — отнюдь не эгопсихология, поскольку эго, по определению, также является (и всегда остается таковым) личностью парциальной».[105,34] Для аналитической психологии состояние множественной личности является естественным для каждой нормальной личности. Всякая личность множественна. «Множественная личность свойственна человеческому проявлению. Поэтому каждая личность является потенциально расщепляемой на парциальные личности. Это одновременно и регрессивная угроза, и прогрессивная дифференциация. Индивидуальность (что, согласно Юнгу, означает нераздельность) есть контраполюсность естественной делимости. Индивидуальная личность означает вмещающее разнообразие, дифференцированное единство, которое не является ни простым, ни единым. Целостность личности означает напряжение между частями высокой сложности. Множественная диссоциабельная личность остается пожизненной юнговской доктриной. Мы наблюдаем ее в ранних работах Юнга о шизофрении, в его интересе к парапсихологии, к галлюцинаторным видениям и диссоциациям, равно как и в его автобиографическом

описании самого себя в терминах личности номер один и личности номер два». [105, 36]

Мы вновь, таким образом, возвращаемся к основному вопросу: как формируются альтер – личности, или парциальные личности в парадигме аналитической психологии? Мы с самого начала предположили, что в психике личности изначально должны существовать потенциальные субличности (альтер – личности или парциальные личности), иначе их появление становится сложно объяснимым. Они могут формироваться как в течение онтогенеза, так как присутствуют в качестве архетипической реальности. Заложенные в бессознательном субличности (альтер – личности) не подконтрольны хронологическому статусу личности. При формировании личности (сознания) формируется время, если в бессознательном субличности наделены различными возрастами, то личность имеет единый возраст. Точка зрения аналитической психологии сводится к следующему: «Парциальные личности собраны под именами тени, персоны, эго (герой), анимы, анимуса, пуэра (вечной юности), сенекса (мудрого старца), трикстера (плута), великой матери, многозначительного животного, целителя, божественного дитя, самости. С одной стороны, это имена архетипов, то есть типичных персонажей мифов, искусства, литературы и религии во всем мире. С другой стороны, это типичные фигуры сновидений, семейных ролей, личных эмоций и патологий, структурирующих наше поведение. Их можно обнаружить повсюду, где человеческое воображение разрабатывает свои собственные продукты от религиозных догм до галлюцинаторных верований, от «сублимированного» искусства до галлюцинирующего психоза. Эти фигуры являются примерами того, как каждая личность может решать, когда та или иная парциальная личность будет доминировать в общем раскладе, и они же представляют точки зрения или позиции, управляющие нашими идеями и чувствами относительно внешнего мира и нас самих. Конечно, все они со своими вариациями сразу не возникают, так что дело не в запоминании самого «состава исполнителей варьете» с тем, чтобы знать психологию личности. Но дело, по мнению Юнга, в признании того, что личность архетипически обусловлена, или, что личность является диалектической сценой, на которой на протяжении всей человеческой жизни многие воображаемые персонажи разыгрывают

свои роли, вступают в связи и договариваются друг с другом».[104, 39] Э.Нойманн прослеживает архетипическую эволюцию сознания. «В ходе онтогенетического развития индивидуальное сознание мыслящей личности должно пройти те же архетипические стадии, которые определяют развитие сознания человечества в целом [69, 2] Сознание человека - продукт длительного развития психики, личность появляется на довольно поздней стадии развития. Поэтому психика отдельного человека включает в себя весь филогенетический опыт эволюции, включает в себя доличностный уровень мировосприятия. «Индивидуализированный сознательный человек нашей эры — это продукт поздний, структура которого выстроена на более ранних доличностных стадиях развития человечества, от которых его индивидуальное сознание отделялось лишь шаг за шагом. Поэтапная эволюция сознания в равной мере касается как человечества в целом, так и отдельного индивида. Поэтому онтогенетическое развитие может рассматриваться как модифицированное повторение филогенетического».[69, 7] В описаниях стадий развития сознания Э.Нойманн выделяет начало, которому соответствует форма круга или мандалы, - это чистая бессознательная сфера, из которой в дальнейшем начнет вырисовываться собственно сознание. Мандала в своей сути - явление сугубо бессознательное, оно отражает понятие космоса или первую ступень оформления сознания. Естественно, эта бессознательная ступень не имеет ни пространства, ни времени. «Окружность, сфера и круг — все они являются аспектами "замкнутого в себе", не имеющего ни начала, ни конца; в своем первоначальном совершенстве оно предшествует любому процессу, оно вечно, так как в своей круговой форме не имеет ни до, ни после, не имеет времени; и в нем нет ни верха, ни низа, ни вообще пространства».[69,5] Окружность, как символ непроявленной божественности, символизирует собой чистое довременное бессознательное. Это единство противоположностей, это синтез, который еще должен быть дифференцирован с формированием сознания, это китайский символ инь-янь, черное и белое, день и ночь, мужское и женское, сознание и бессознательное в единой целостности. Это, по лаконичному определению Лао-цзы, нечто бесформенное, но завершённое, то, что существовало до земли и небес. Эта завершенность и бесформенность

содержит в себе в свернутом виде весь многообразный мир, который формируется из космического бессознательного. Эта абсолютная форма является, по Нойманну Э., местом возникновения и зачаточной клеткой созидания. В древнеегипетской мифологии – это Уроборос, первобытный дракон начала, кусающий свой хвост, и сам себя порождающий. "Draco inter- fecit seipsum, maritat seipsum, empraegnat seipsum". (Дракон рождает самого себя, женится на самом себе, убивает самого себя (лат)). Эта завершенность, имеющая различные символы в различных культурных традициях, представляет собой, согласно Нойманну Э., стадию рассвета, зарю человечества, одновременно, раннюю стадию развития ребенка. Можно часто видеть, как новорожденный пытается укунить свою ножку, воспроизвести бессознательно фигуру Уробороса. «Истинность и реальность уробороса как символа имеют коллективную основу. Он соответствует эволюционной стадии, которая может быть "повторена" в психической структуре каждого человеческого существа. Он функционирует как трансперсональный фактор, который соответствует психической стадии, предшествующей формированию Эго. Более того, его реальность вновь познается каждым в раннем детстве, и личное переживание ребенком этой, предшествующей Эго, стадии восстанавливает старый путь, пройденный человечеством».

[69,18] Символический процесс формирования мирового сознания имеет свое отражение в психической жизни каждого конкретного человека. Космическая завершенность и бесформенность представляет собой коллективное (объективное) бессознательное человека, которое лишено временных и пространственных границ. Это коллективное бессознательное является, по выражению Нойманна Э., «предродовым временем». Прошлое Эго- это не прошлое сознательной личности, это прошлое формирования психики. Поэтому переживания жизни каждой конкретной личностью включает в себя это состояние коллективной или объективной сопричастности к этой вневременной стадии формирования психики. В эзотерике этому универсальному состоянию соответствует духовное существо Архаи, которое свободно от индивидуальной и этнической сопричастности и выражает собой, по сути доличностное начало в человеке, довременность. "Зачаточный и все еще недоразвитый зародыш сознания Эго дремлет в

совершенном круге и просыпается. Не имеет значения, имеем ли мы дело с образом этой психической стадии, представляющей себя как символ, или позже Эго описывает эту предварительную стадию как свое собственное прошлое. Поскольку Эго в зародышевом состоянии не может иметь ни собственных переживаний, ни даже психических ощущений - так как его способное ощущать сознание все еще дремлет в зародыше - позднее Эго опишет это раннее состояние, о котором оно имеет неопределенное, но символически целостное понимание, как "предродовое" время. Это — время существования в раю, обиталище психики, предшествующем миру, время до рождения Эго, время охваченности бессознательным, плавания в океане нерожденного. [69,18] В коллективном бессознательном каждого человека функционирует состояние "сейчас и навсегда", по выражению Э. Нойманна. Это состояние мы обозначаем как состояние «везде и всегда», в противоположность временному состоянию Эго «здесь и сейчас». Это проблема соотношения времени и вечности, проблема несовпадения временных границ сознания и коллективного бессознательного. В личном бессознательном время также не фиксируется, на этом уровне функционирования психики царит тот же закон «везде и всегда». На уровне коллективного бессознательного, не отягощенного вытесненными переживаниями личностного детства, функционирует вневременность и бесконечность. «Все находится еще в вечности бытия; солнце, луна и звезды — эти символы времени, а значит и смертности, еще не созданы; день и ночь, завтра и вчера, генезис и распад, постоянное движение рождения, жизни и смерти еще не пришли в мир. Это доисторическое состояние бытия есть не время, а вечность, также как и время до зачатия, рождения и появления человека есть вечность. И также как не существует времени до рождения человека и Эго, лишь вечность, так нет и пространства — только бесконечность».[70, 18] Аналитическая теория парциальных личностей, или альтер-эго основывается, таким образом, на признании архетипов коллективного бессознательного личности. В основе этих личностей лежат именно эти архетипы, число которых бесконечно. В этой парадигме психологической науки понятие «личность» становится несколько условной, учитывая то, что в поведении человека персонификации

коллективного бессознательного занимают главное место. Парциальные личности, которые время от времени овладевают полем сознания, вытесняя оттуда Эго-комплекс, представляют собой вполне автономные личности, обладающие, как мы уже об этом говорили, своей психофизиологией и своей биографией. Однако, это значит, что при диссоциативном расстройстве идентичности личность представляет собой разрозненные автономные личности, выпавшие из-под контроля Я-сознания и, вследствие этого, не связанные между собой смысловой нитью. В конечном счете, контроль Я-сознания означает формирование и сохранение смысловых связей парциальных личностей. В здоровом психическом состоянии персонификации активизируются в соответствии с социальными требованиями среды. При этом эти персонификации подчинены контролирующей функции сознания. При диссоциативном расстройстве идентичности утрачивается именно эта контролирующая функция. Парциальные личности оказывают непосредственное воздействие на эмоции и поведение личности, они вытесняют интегративную функцию Я-сознания. Активизированная идентичность вступает в межличностные отношения и привносит в эти отношения новый характер, новые эмоциональные и поведенческие модели. Часто мы не узнаем одного и того же человека, по той простой причине, что в нем вместо привычного для нас образа активизирована иная парциальная личность. С этой точки зрения, Эго, как временный центр сознания, также может рассматриваться как парциальная личность. Парциальные личности находятся в постоянном взаимодействии, такая картина присуща здоровой психике. Очень часто тревожные неосознаваемые состояния личности являются следствием конфликтов парциальных личностей между собой. Следствием конфликтов парциальных личностей может считаться как дезадаптивное, так и девиантное поведение личности. Психосоматические заболевания также могут рассматриваться в этом контексте. В нормальном психическом состоянии всегда, в каждый данный момент, активны несколько парциальных личностей. Однако все они нацелены в здоровом состоянии на обеспечение адаптации к внешнему и внутреннему миру. Это значит, что мы можем рассматривать личность как интегративную структуру, вмещающую в себя различные

автономные парциальные личности, объединенные в единый центр и функционирующие в поле единого контроля. Если мы не принимаем эту точку зрения, то мы оказываемся не в состоянии объяснить причины формирования диссоциативного расстройства идентичности. При формировании диссоциативного расстройства идентичности одной из причин часто служит не ассимилированная травма. Особенно часто травмы детства запускают процесс формирования этого расстройства. Вследствие отвержения травматического прошлого возникает психическая необходимость формирования второй парциальной личности, (которую можно назвать и теновой), биография которой уже формируется на основе этого вытесненного травматического опыта. Диссоциативное нарушение памяти, фиксируемое при расстройстве идентичности, можно назвать диссоциативным расширением памяти, если принять в качестве рабочей аналитическую парадигму рассмотрения патогенеза этого расстройства. Проблема психологического времени в аналитической психологии может быть сведена к пониманию такого феномена как «синхроничность». «Синхроничность это описательный термин для обозначения отношений между двумя событиями, связанными общим значением». [17,20]

Сразу скажем, что в аналитической психологии понятия вечного и временного, вневременного и линейного времени получили достаточно интенсивное развитие. Человек рассматривается как носитель этих двух состояний – вечного и временного. «Если нашему западно ориентированному сознанию удастся разглядеть духовную реальность, окажется, в этом случае, что можно также осознать свою личную исключительность, но по отношению к большему целому: жить в линейном времени, но с возможностью ощущать вневременную вечную реальность, частью которой мы являемся: видеть в сиянии дня и при свете звезд. Сознание будет восприниматься как нечто изменчивое и подвижное, а не как целенаправленное и постоянное» [17,15] Постулируя целостность психики, необходимо придерживаться также целостного подхода в психотерапии. Всякая психотерапевтическая модель, которая работает с симптомом, а не с целостной личностью, развивает подспудно развитие множественной личности. Верно и обратное утверждение: всякая психотерапия, которая имеет дело с целостной личностью, включает

в орбиту своего воздействия также отдельные симптомы. Эта проблема целого и части, как нигде, актуальна именно в психотерапевтических техниках. По сути, сама психика требует к себе целостного подхода и для того, чтоб наделить модель психотерапевтического вмешательства эффективностью, необходимо просто исходить из специфики функционирования самой психики. Касательно проблемы восприятия времени также необходимо исходить из этой целостности. В аналитической психологии дифференциация каузальности и акаузальности занимает одно из центральных мест. Исходя из этого, в этой парадигме выделяется линейность и синхроничность. «Причинное объяснение связано с объективным знанием: чтобы объяснить, каким образом одно событие вытекает из другого, мы опираемся на наблюдения и логику. Когда в окно запущен камень и стекло разбивается, мы имеем дело с причинно-следственной связью. Не имеет значения, кто бросил камень, когда и где это происходит, и кто наблюдатель. Причинное объяснение принимает, что камень, брошенный с определенной силой, разобьет стекло. Синхроничность — наоборот — полагается на субъективных переживаниях. Если данный человек неожиданно почувствует, что должен отойти от окна, в которое через мгновение влетает камень, то осознание этого предчувствия делает из разбитого стекла синхроничное событие. Время для такого человека приобретает значение, поскольку его внутренние чувства неким неизвестным образом вошли в контакт с внешними событиями, наступившими потом».[17,23] Эта же модель времени задействована в психических расстройствах. Прежде всего, каждый пациент пытается объяснить свою проблему в линейном времени, в каузальности. Часто и клинический психолог исходит из причинно-следственного принципа интерпретации проблем пациента. Здесь мы сталкиваемся с любопытной закономерностью: психологическое время личности действительно не идентично хронологическому времени, поэтому и процесс психотерапии упирается в расстройство пациента как в непробиваемую стену, если этот процесс не учитывает эту закономерность. Эта закономерность блестяще подмечена такими исследователями, как Головаха Е.Т. и Кроник В.В: «Основной вопрос здесь в следующем: можем ли в психологическом времени нарушаться объективная

хронологическая последовательность событий прошлого?» [33,46] Отвечая на этот вопрос эти исследователи пишут: «Следовательно, порядок событий в психологическом прошлом автоматически не определяется их хронологической последовательностью, но имеет собственные закономерности, объяснить которые в рамках чисто «событийной» концепции временных отношений без учета их содержания невозможно».[33, 47] В этом ракурсе видение проблем пациента в линейном аспекте времени, в каузальности снижает эффективность психотерапии. Тем самым мы нарушаем принцип целостного подхода, вырывая из целостной жизни определенный промежуток и пытаемся именно в нем искать патогенез. Это примерно, то же самое, если в случае головной боли мы отделяем голову от туловища и пытаемся определить причину боли. Между тем, в расстройстве можно наблюдать картину заполнения синхронного мировосприятия сознания личности. В расстройстве человек выпадает как раз из линейного времени. И возможность установить начало формирования расстройства представляется достаточно иллюзорной. Поэтому часто сами пациенты затрудняются определить время начала расстройства. Они предполагают определенное время, которое, однако, не может быть и, как правило, не бывает точным. Каузальность в психическом расстройстве вообще излишняя роскошь. В психическом расстройстве время выходит из линейного мировосприятия. Как пишет Ш. Болен, время наделяется значением, выходя из линейного течения. И в расстройстве центральным становится именно это значение. Не существует психических расстройств без скрытого значения, пожалуй, это положение является азбучным не только в аналитической психологии. В каждом расстройстве, как мы уже отмечали, можно видеть диссоциацию, расщепление целостности единого «Я». В диссоциативном расстройстве идентичности, в частности, активизируются архетипы. По сути, архетипы активизируются не только в расстройствах личности. «В жизни некоторых людей многократно и синхронично появляются определенные типы личностей или — другими словами — представители одного архетипа. Всякий раз «выходит на сцену» один и тот же символический персонаж, чтобы еще раз сыграть ту же известную драму».[17, 61] Вполне естественно, что это персонаж не вписан в линейную структуру жизнедеятельности

личности. Не зафиксированный в линейной структуре мировосприятия, это персонаж порождается коллективным бессознательным, в котором время синхронистично, а события в жизни подчинены акаузальному принципу. В нормальных психических состояниях единое «Я» несет функцию контроля по отношению к проявлениям бессознательного. «Хорошо когда мы можем всякий раз понять, что снова на сцену вступает очередная версия нашего символического образа. Способность распознавать определенные схемы является признаком мудрости, ведь в этом случае мы не позволяем себе бездумно быть втянутыми в эмоционально «взрывоопасные ситуации», а сохраняем позицию наблюдателя».[17,62] Контроль «Я» позволяет личности занимать позицию наблюдателя. Собственно эта позиция и является необходимым условием психического здоровья личности. Контроль над поведением личности всегда существует, однако, не всегда контролируемые инстанции одни и те же. Когда контролирующая функция «Я»-сознания вытесняется, функции контроля переходят к вытеснившим альтер - личностям, и контроль соответственно меняет свое качество и направленность. Альтер - личности и являются, согласно аналитической психологии, архетипами. Множественность психики изначально существует, но в норме она контролируется со стороны сознающего «Я». Тем не менее, социальный мир сам провоцирует развитие этих альтер- личностей, активизирую архетип Персоны. Функционирование Персоны, очевидно, было запрограммировано для обеспечения деятельности подконтрольных парциальных личностей в целостном контексте психической жизни. Так как парциальные личности постоянно претендуют на свою исключительность, то каждая из них получает свой «надел», свою роль. Однако роли, выполняемые личностью, имеют тенденцию сращиваться с ней, замещать собой личность. И если сила контроля Я-сознания начинает ослабевать под воздействием травматического опыта жизни, то тогда эти роли, эти парциальные личности начинают одерживать вверх над Я, они берут на себя функцию контроля. Для формирования ясного понимания положений аналитической психологии, можно сравнить их с ортодоксальным психоаналитическим пониманием. Психоаналитическая терапия придерживается линейного времени, она идет из прошлого

к настоящему. При этом в качестве настоящего акцентируется прошлое. В процессе формирования парциальных личностей (альтер-личностей) часто играет большую роль механизм интроекции. В классическом психоанализе открытие этого механизма приписывается Ш. Ференци. Хотя и в психоанализе уже существовал схожий механизм и процесс идентификации, тем не менее, между ними существует отличие. При интроекции личность становится тем, с кем она себя до этого идентифицирована. Идентифицированный объект вытесняет «Я», занимает место «Я». Знаменитый пример З. Фрейда о ребенке и котенке наглядно демонстрирует отличие идентификации от интроекции. Объект привязанности заменяет «Я» личности. А так как в течение жизни количество объектов привязанности постоянно растет, то можно вполне естественно предположить, что все эти объекты становятся потенциальными носителями «Я», которые и активизируются в процессе формирования диссоциативного расстройства идентичности. Объекты привязанностей, таким образом, становятся еще одним источником, наряду с вытесненными травмами, пополнения парциальных личностей. Архетипический взгляд на природу диссоциативного расстройства предполагает иную картину психической реальности. Формирование психических расстройств не может объясняться с позиций картезианского рационализма, а в частности в причинно-следственном континууме. Если бы «*cogito, ergo sum*» имело бы универсальную ценность, то практически, психические расстройства были бы исключены в жизни личности. Если бы существование определялось бы мышлением, то значит и пониманием, то как были бы возможны отклонения от нормы? Этот процесс синхронистичен и в нем не может быть объективно прослежена причинно-следственная связь между психическим состоянием и внешними событиями. «Причинность- это способ, каким мы объясняем связь между двумя последовательными событиями. Синхронистичность указывает на параллельность времени и смысла между психическими и психофизическими события, которую наука пока что неспособна свести к общему принципу» [118,441] Это наблюдение позволяет Юнгу К.Г. вплотную подойти к идее разности временных и пространственных параметров на разных уровнях психики. «Из этого следует или что психе расположена вне

пространства или что пространство родственно (связано) с психе. То же самое относится к временному (темпоральному) определению психе и психической относительности времени. Нет нужды кого-либо убеждать в том, что подтверждение верности этих открытий не может не иметь далеко идущих последствий».[118, 442] Именно поэтому К.Г. Юнг считает необходимым пересмотр наших концепций времени. Юнг К.Г. исходит из того, что в жизни человека имеет место два типа связи: первая – это объективная каузальная связь природного процесса, второй тип связи сугубо субъективный, который существует только для индивида, для его психического мира. По своему психическому качеству эта связь идентична сновидческой реальности. Что такое синхронистичность, по Юнгу? « С точки зрения этимологии этот термин каким-то образом связан со временем, или, если точнее, с чем-то вроде одновременности. Вместо «одновременности» мы можем также использовать концепцию «смыслового совпадения» двух или более событий, когда речь идет не о вероятности случая, а о чем-то другом». [118, 429] Суть синхронистичности сводится к «совместному вхождению во время», к одновременности. Эта блестящая мысль Юнга К.Г. создает прекрасную возможность для понимания, как формирования психических расстройств, так и техник и моделей их преодоления. Не зная, как формируются расстройства невозможно найти пути их разрешения. Исходя из этой же мысли вхождения во время, можно предположить, что инсайт является как раз этим моментом одновременности вхождения бессознательного и сознательного времени, каузального и акаузального в мировосприятие человека. В той точке, где перекрещиваются эти два потока, формируется интуитивное переживания момента жизни, инсайт. Параллельно существующие типы связей, о которых говорит Юнг К.Г. время от времени перекрещиваются. Строго говоря, только благодаря этим точкам соприкосновения мы можем говорить о параллельности существования двух типов связей. Смысловые совпадения, согласно Юнгу К.Г. основываются на фундаменте архетипов коллективного бессознательного. Юнг К.Г. приводит несколько примеров совпадения во времени или примеры синхронистичности, поражающие своей глубиной. Один из примеров касается птиц и предвестия приближающейся смерти. Если птицы собираются

вблизи какого-либо дома, то это является знаком смерти. Эта закономерность имеет архетипическую основу. Согласно египетской мифологии душа является птицей. У вавилонян в аду души одеты в одеяния из перьев. Синхронистические события, таким образом, формируются тогда, когда мы имеем дело с одновременным существованием двух различных психических состояний. При диссоциативном расстройстве идентичности, впрочем, как и при любом другом психическом расстройстве, мы имеем как раз одновременное существование двух различных актуальных психических временных состояний. При этом одно из этих состояний является каузальным, линейным во временном отношении, второе - акаузальным. Это второе состояние мы могли бы определить как настоящее будущего времени, оно есть, но оно пока не в настоящем. В западной психологии понятие "Я" несмотря на некоторые разногласия, является, бесспорно, реальным. Оно входит как составная часть в более широкое понятие «эго» «...эго опирается на совокупное поле сознания, с другой стороны—на общую сумму бессознательных содержаний».[119, 163] Вместе с тем, в психологии Юнга К.Г. не всегда приводится ясное и недвусмысленное определение этих двух понятий—понятия «эго» и понятия «Я». Сознание является намного глубокой структурой, чем Эго, Эго – центр сознания. Однако, любой архетип вполне может вытеснить Эго из поля сознания. Механизм формирования парциальных личностей или субличностей проявляется, таким образом, в архетипическом континууме. Таким образом, Эго-это достаточно уязвимая часть структуры психического аппарата. Вместе с тем понятие Я не тождественно понятию Эго. Бессознательные (по Юнгу) содержания распадаются на три группы: «...во-первых, это содержания, временно остающиеся подсознательными и могущие быть воспроизведенными в произвольном порядке (память); во-вторых, это содержания бессознательные, не поддающиеся произвольному воспроизведению; в третьих, это содержания, вообще не могущие быть осознанными». [119, 163] Активность бессознательных содержаний зачастую и создает иллюзорный мир, который вытесняет мир реальный. «Результатом проекций является изоляция субъекта от его окружения, ибо на месте реальных отношений с этим окружением теперь оказывается нечто иллюзорное.

Из-за проекций мир для человека превращается в отражение его собственного неведомого лица». [119, 169] Как мы видим, и в западной психологической традиции допускается восприятие мира как иллюзии, однако это далеко не та иллюзия — майя восточного миропонимания. Для Востока сам мир — своего рода иллюзия, для Запада, бессознательное каждого человека создает для него некий иллюзорный мир, в котором можно укрыться от вполне реального, причем, часто враждебного внешнего мира.

Проблема диссоциации, представленная в работах К.Г. Юнга, связывается с теорией комплексов. Понятие «комплекс», введенное, как известно Юнгом К.Г., имеет совершенно иное содержание, чем то, какое мы ему приписывает большинство из нас. У Юнга К.Г. понятие «комплекс» идентично понятию «субличность». «Сейчас всем известно, что люди «обладают комплексами». Не так хорошо известен, хотя намного более важен с точки зрения теории тот факт, что комплексы могут обладать нами». [118, 17] В здоровой психике наличие комплексов является естественным состоянием. В этом смысле, факт наличия комплексов не говорит о психическом расстройстве. Они существуют как у здоровой личности, так и у личности страдающей психическим расстройством. Для того, чтобы составить для себя адекватное представление о природе комплекса, лучше всего обратиться к определению самого Юнга К.Г. «Чем же, наконец, является с научной точки зрения «чувственно-окрашенный комплекс? Это образ определенной психической ситуации, которая сильно эмоционально акцентуирована, и к тому же несовместима с привычной позицией сознания. Этот образ имеет мощное внутреннее соответствие, и присущую только ему целостность, и, вдобавок, относительно высокий уровень автономности, а значит, подлежит только ограниченному контролю сознательной мысли, и ведет себя как одушевленное чужеродное тело в сфере сознания». [118,148] Комплексы, таким образом, это фрагменты психики, обладающие определенным уровнем автономии. «Эти фрагменты сосуществуют относительно независимо друг от друга, и могут взаимозамещаться в любой момент времени, что означает высокую степень автономности каждого комплекса». [118, 148] В концепции Юнга К.Г. психические фрагменты, отколовшиеся от целостной личности и комплексы являются идентичными понятиями.

«Мои изыскания в области комплексов подтверждают эту довольно неутешительную картину возможностей психической дезинтеграции, потому что не существует фундаментальных отличий между фрагментом личности и комплексом». [118,148] Отколовшиеся от целостной личности психические фрагменты, обладают автономией, они не подчиняются больше принципу целостности, они пытаются сами создать свою целостность. Эти психические фрагменты выпадают из каузальности, а значит, из линейного времени. Они становятся государством в государстве. И такое состояние психики полностью подпадает под определение диссоциации. «Мы наблюдаем аналогичный феномен при некоторых психозах, когда комплексы становятся «слышны» и проявляют себя как «голоса», имеющие сугубо личностный характер». [118, 150] Как правило, комплексы или субличности формируются вследствие перенесенных, а точнее не перенесённых, не ассимилированных сознанием эмоциональных травм личности. То, что не ассимилируется сознанием, не включается в линейное время, в цепь последовательности и каузальности, то с легкостью ассимилируется бессознательным. То, что не может жить в линейном времени, легко и закономерно переходит во вневременность. Бессознательное ассимилирует эмоциональную травму, наделяет ее свободой и помещает в поле «везде и всегда». «В средневековье это имело другое название: одержимость». [118,150] Эта одержимость, проявляющаяся в современном понимании в диссоциации, представлена в нашем языке. «Когда кто-нибудь испытывает сильный эмоциональный кризис, мы говорим: «Какой черт вселился в него сегодня? «В него вселился дьявол», «в нее вселилась ведьма» и т.д.». [118, 150] Эти метафоры не только воспринимаются сегодня как вполне естественные, но и прививаются с детства психике ребенка. Мы часто с целью воспитания ребенка говорим ему, что когда он шалит, что это не он, а нем шалит чертенок, плохой ребенок, который им в этот момент руководит. В длительном процессе дифференциации уровней психики, в процессе дифференциации «Я» от «не-Я», человек вместе с обособлением «Я», вместе с развитием самосознания, сохраняет в своей психике остатки древней психики, в виде архетипов коллективного бессознательного. Глубинные пласты психики несут в себе множество персон, каждая из

которых сохраняется в виде погасших источников психической активности. Фиксируемый при диссоциации процесс дробления единого контролирующего «Я», по сути, представляет собой возвращение к архетипическому прошлому психики. И этот процесс обособления, по большому счету, присущ функционированию нормальной психики. В малых, приемлемых для контролирующей функции сознания дозах, этот процесс происходит каждый день. Социальные роли, строго говоря, являются тем же процессом диссоциации личности, однако, носящим контролируемый и временный характер. Отмечаемая при диссоциации утрата чувства единого и контролирующего «Я» означает, что мы имеем дело с возвращением на предыдущие уровни психического развития, мы возвращаемся в то место нашей психике, где Я и Не-Я становятся сутью одним и тем же. При диссоциативном расстройстве идентичности формируется некий психический хаос, многовластие, отсутствие единого целостного центра контроля над психической деятельностью. Парциальные личности, или если угодно, субличности, пытаются оформить собственную целостность, за счет вытеснения других субличностей. Часть пытается взять на себя функцию целого, стать целостным образованием, наделенным властью по отношению к поведению личности. Парциальные личности ждут свой шанс завладеть психикой личности. В норме, эти парциальные личности постоянно проникают в наше сознание в состояниях сновидения, в ошибочных действиях, в приемлемых эмоциональных состояниях, не содержащих опасность патологических изменений личности. Собственно говоря, весь жизненный цикл личности может быть представлен как постоянная замена друг друга парциальных личностей. Этот процесс протекает с переменным успехом каждой из этих личностей. Единый центр психического контроля, Я-сознание, практически постоянно имеет дело с корректировкой поведения парциальных личностей, которые способны вносить изменения, как в наши эмоции, так и в поведение. До тех пор, пока этот контроль осуществляется эффективно, мы находимся в границах психической и социальной нормы.

Развитие представлений о времени в когнитивной науке концентрируется на ракурсе его восприятия, а точнее, актуальным становится вопрос о соотношении различных

категорий времени-прошлого, настоящего и будущего. Кроме того, в когнитивной психологии важное место отводится изучению времени как объекта человеческого познания, как способа протекания психических процессов. В качестве фокуса исследования времени в когнитивной психологии выделяются следующие проблемы: что человек может знать о времени? Какова специфика психологического времени? Каково соотношение психологического времени со временем онтологическим и физическим? В связи с анализом проблемы времени в когнитивной психологии С.А. Аскольдов указывает на определенные сложности, возникающие как следствие путаницы некоторых основных понятий, таких как психологическое, онтологическое и физическое время. [6, 398-402] На становление когнитивной психологии огромное влияние оказала феноменология Гуссерля Э. Основные положения феноменологии, такие как, источником познания может быть лишь рефлексия, каждый познаваемый феномен формируется в результате его конструирования в акте познания, находят свое логическое продолжение в концепции времени Гуссерля Э. Сознание не может существовать вне времени, все, что вообще существует, существует во времени. Любое познание включено в априорную форму времени, между тем все существующее функционирует в апостериорном режиме времени. Гуссерль различает объективное и субъективное время, он «ставит вопрос о строгом различии объективного и субъективного времени». [6, 49] В когнитивной психологии, впрочем, в более широком поле - в когнитивной науке, время рассматривается как субъективный или психологический феномен. Практически всеми, когнитивно ориентированными учеными подчеркивается важность психологического переживания времени. Строго говоря, выделение именно психологического аспекта времени мы наблюдаем от Аристотеля до Гуссерля Э. Идея активного конструирования переживаний во времени становится одной из центральных в когнитивной психологии вследствие длительного развития когнитивной науки вообще. В когнитивно ориентированной науке особое место занимает ракурс биологического времени. Понятие биологического времени («собственного времени организма») — было введено в 1930-31 гг. В.И. Вернадским под влиянием идей А. Бергсона о «живом времени». Наш интерес к этому виду времени основан на

предположении о возможном существовании априорного времени. Основная проблема в понимании биологического времени- это поиск физиологических коррелятов восприятия времени. Как известно, у человека не существует специальных рецепторов для восприятия времени. Учитывая этот факт, в когнитивной науке формируются два закономерных выхода из этой ситуации. Предположение о существовании внутренних часов основывается на эмпирических фактах. Однако характер происхождения этих внутренних часов остается неустановленным. Из двух подходов - экзогенного и эндогенного, строится возможная концепция восприятия времени человеком. При экзогенном подходе, мы постулируем возможность восприятия времени с помощью иных органов чувств, - это позиция эмпиризма. При эндогенном подходе мы должны признать априорность времени, его данность от рождения. При втором подходе, мы вновь приходим к идее Эона, к существующему архетипу времени. При таком подходе функционирование субъективного времени также становится обоснованным. Архетип времени, как первоначальная форма, в течение онтогенеза наполняется индивидуальным содержанием. Когнитивный подход к пониманию психологического времени обращает внимание на время протекания психических процессов. Эта сторона проблемы, являясь, безусловно, важной составляет фокус когнитивной психологии. На эту важную сторону проблемы указал еще Гуссерль Э, который указывал на необходимость различения времени существования воспринятого образа и осознания этого времени. Строго говоря, речь идет о различении субъективного и объективного времени. При этом, объективное время-это время физическое, то есть время протекания физических процессов, между тем, время субъективным становится временем осознания этих процессов. При этом на передний план, так или иначе, выдвигается психофизическая проблема. Мы сталкиваемся с вопросом о том, какое время мы можем называть воспринятым. Время переработки информации в мозговых структурах становится воспринятым временем. То есть, до тех пор, пока течение психических процессов не прошло физической переработки, до тех пор их осознание невозможно. Синхронность физического и психического становится критерием воспринятого времени. По сути, это положение восходит к Г. Лейбницу, а

конкретнее к его концепции предустановленной гармонии. В когнитивном понимании психологическое время представлено в двух измерениях: во-первых, это временная перспектива, которая включает в себя категории времени- прошлое, настоящее и будущее и, во- вторых, процесс формирования психологического настоящего времени. Временная перспектива, включающая категории времени, восходит к понятию субъективного времени Э.Гуссерля. В этом ракурсе рассмотрения, временная перспектива не тождественна физическому времени. В прошлое, настоящее и будущее личности вклиниваются, так называемые, «сквозные» психические процессы-память, воображение и внимание. Это означает, что психологическое прошлое личности, точнее, ее онтогенетическое прошлое может включать в себя события, реально не имевшие место в жизни человека. Это, так называемые, филогенетические пласты, нашедшие свое место в коллективном бессознательном личности. Правда, в когнитивной психологии понятие коллективного бессознательного не фигурирует, однако мы считаем, что если в границах этой психологии допускается существование в психике психических содержаний, не имеющих отношения к личностной истории, то в этом случае речь идет именно о филогенетическом наследии. Согласно когнитивной ориентации, память, внимание и воображение образуют ось психологического времени, эти процессы структурируют психологическое время личности. [32, 12-21]Для полноценного понимания психологического времени в когнитивной психологии отводится доминантная роль настоящему времени. Мы можем судить о переживании времени благодаря существованию психологического настоящего. «Факт существования психологического настоящего является для психолога ключевым в раскрытии механизмов переживания времени». [42, 207] В когнитивной психологии прочно удерживается понятие «кванта психологического времени». Суть этого понятия в так называемых временных «шагах» личности. У каждой личности этот шаг индивидуален. Различные авторы, анализируя понимание психологического времени в когнитивной психологии, отмечают, что в этом направлении происходит смешение физического и психологического времени, и, что понимание психологического времени носит механистический характер. Очевидным

слабым звеном в понимании психологического времени в когнитивной ориентации становится, таким образом, попытка моделирования творческой и психической активности личности, явлений, принципиально не поддающихся моделированию. В когнитивной психотерапии также имеет место акцент на психологическом времени. В классическом труде А. Бека указывается на то наличие у пациентов, так называемого дисфункционального мышления, на остаток этого мышления уже после преодоления депрессии и тревоги. Это дисфункциональное мышление не изменяется стандартными когнитивными и поведенческими методами. Поэтому, в целях обеспечения эффективности психотерапии, формируется необходимость анализа детского опыта пациента. «Использование детского опыта при лечении острой стадии депрессии или тревоги не так важно, как при лечении хронического расстройства личности. Нередко мы обнаруживаем, что, после того как депрессия и тревога прошли, у пациентов сохраняется остаточное дисфункциональное мышление, которое не изменяется стандартными когнитивными и поведенческими методами. Анализ детского опыта дает возможность понять происхождение дезадаптивных паттернов. Этот подход может расширять перспективу и увеличивать объективность». [140, 62] Как видно, в когнитивной психотерапии происходит переосмысление феномена психологического времени. Во всяком случае, при анализе невротических расстройств, огромное значение уделяется возврату прошлых «схем» мировосприятия в настоящее время личности. Из многочисленных примеров, приводимых А.Беком, можно ясно вывести эту закономерность. Схемы прошлого врываются в психологическое настоящее личности, формируя психические расстройства. Схемы убеждений, сформированных в детские годы, механически переносятся человеком в его зрелую жизнь. Тем самым происходит, так называемое перемещение «схем». К примеру, человек может считать себя неудачником, так как родители с детства внушали ему эту мысль. Несмотря на то, что в зрелом возрасте этот человек вполне успешен, его успешность не воспринимается им как его личное достижение. Это не может быть так, так как мои родители считали, что это не может быть так. Именно в переходе «схемы прошлого» в настоящую жизнь пациента, мы

наблюдаем перемещение психологического времени. Соответственно этому, терапия строится на ролевой игре, в результате которой пациент формирует другие схемы. Часто, при этом, у пациента формируется сочувствие по отношению к тем референтам, которые заложили фундамент его расстройства. Смена схем самовосприятия приводит к смягчению негативных установок по отношению к себе. Было бы недопустимым и научно некорректным предположение о том, что психотерапия когнитивного и поведенческого направления не имеет дела с глубинными психическими процессами. Во всяком случае, когнитивный подход не противоречит психодинамической терапии, этот подход в целом, имеет дело с теми продуктами психики, которые сформировались благодаря бессознательным процессам. Односторонность, которая часто просматривается в когнитивном подходе, обусловлена как раз отрицанием глубинных бессознательных процессов. Каждое психотерапевтическое направление имеет свой смысл, однако значимость и эффективность каждого подхода не может определяться отрицанием других подходов. Именно поэтому в психотерапии не может существовать единого универсального метода, подходящего для всех видов психических расстройств.

В экзистенциальной психологии психика, а точнее её два основных уровня, отражают именно представленность и переживаемость времени, вне психики мы не можем судить о существовании времени, мы не можем судить ни о чем вообще. В бессознательном мы переживаем вневременность, в сознании длительность и последовательность времени. Бессознательная довременность означает отсутствие конкретного времени, последовательности, и кроме того отрицание личностного уровня переживания времени. Бессознательная довременность является вечностью, отсутствием личностного мировосприятия, а значит здесь, на этом уровне переживания функционирует принцип «везде и всегда». По сути, бегство в невроз - это уход в бессознательное, отказ от личностного миропереживания, от каузальности мировосприятия, это уход туда, где нет времени, как последовательности жизненных событий. В психическом расстройстве очевидная попытка выхода из временной последовательности означает бегство от разрушительной функции времени, то есть это бегство от невыносимых переживаний

страха смерти. В феноменологии при рассмотрении психического используется категориальная схема. «Это означает, что феноменолог пытается реконструировать внутренний мир пациентов с помощью анализа их способа переживания времени, пространства, причинности, материальности и других категорий (в философском смысле этого слова). Считается, что двумя основными категориями внутреннего мира являются время (темпоральность) и пространство (пространственность)». [117, 210-211] Таким образом, в феноменологии время рассматривается как форма более широкого понятия-темпоральности, точно также как пространство-пространственности. Понятие времени, глубоко анализируемое в естественных науках, остается недостаточно разработанным в клинической психологии. Тем не менее, в экзистенциальной психологии собраны достаточно перспективные и обнадеживающие исследования, способные существенно обогатить область клинической психологии. Вновь обращаясь к экзистенциальному наследству, отметим, что именно в этом направлении богато и всесторонне представлены особенности феномена психологического времени. «Главная проблема состоит в том, что психологическое время не подходит к жестким образцам физического времени, хотя они и связаны друг с другом». [117, 212] Как известно, еще П.Жане предложил дифференцировать психологическое время на последовательное и непоследовательное. «Последовательное время происходит не из памяти, а из особой формы действия - устного отчета и её продуктов - описания, повествования, истории. Из этого феномена появляются понятия временной последовательности и хронологического порядка. Непоследовательное время возникает тогда, когда повествование отделяется от своего первоначального источника и цели и становится игрой. Это происходит в поэзии, легендах и баснях.»[117, 212] Выделение последовательного и непоследовательного видов времени имеет для нас несколько иной смысл. Мы рассматриваем последовательность времени в границах его сознательного восприятия, то есть то, как человек хронологически распределяет и вносит прогнозируемый порядок в свою каждодневную деятельность. Жить в последовательном распределении событий во времени означает жить сознательно. Непоследовательное время-это по существу алогичное для нашего сознания понятие, так

как время для нашего сознания-это длительность и последовательность. В нашем сознании мы констатируем алогичный факт, то есть факт не совместимый с нашим сознательным миропониманием, но констатируем этот факт сознательно. В констатации непоследовательного времени мы имеем дело с бессознательным уровнем психики, мы имеем дело с феноменом довременности или категорией «везде и всегда». Именно в этой категории и существует мифология, в этой категории функционирует коллективное бессознательное. Феноменологическое исследование времени Г. Элленбергер и другие экзистенциалисты правомерно переносят в область психопатологии. И для того, чтоб понять роль и функции времени в контексте психических расстройств необходимо представить себе как различные люди обращаются со временем. «Многообразие вариантов поразительно. Вот перед нами активист, он озабочен тем, чтобы заполнить каждую минуту каждого дня как можно большей активностью... Напротив, есть мечтатели-итальянский Лацарони, Обломов, герой известного романа Гончарова. Между этими крайностями лежит созерцательный тип, поглощенный спокойным созерцанием Вселенной. Еще есть псевдомистики. Они стремятся выйти за пределы привычного времени посредством наркотиков... Для некоторых невротических или психопатических личностей время-это скука. Они должны «убивать время» (возможно, это способ убить себя). Компульсивные невротики используют время совершенно иным образом: они тратят его на бесконечные откладывания на потом... Очевидно, что такие явные различия в поведении индивидов, касающемся времени, должны быть связаны с различными способами субъективного переживания времени». [117, 212-213] Люди различаются по тому, как они переживают время, это означает, что они различаются так же по тому, как они организуют свой внутренний психический опыт. А формирование психических и функциональных расстройств, в свою очередь, является по сути следствием организации того же самого внутреннего психического опыта. Человек организует свой внутренний опыт совсем иначе, чем свою повседневную жизнедеятельность. Во внутреннем опыте, переживание времени может быть охарактеризовано как тот же поток сознания (У.Джеймс), как некая чистая разнонаправленная энергия, как жизненный порыв

(Бергсон) или становящееся время (фон Гебсаттель). « Это течение непрерывно, оно существует само по себе, то есть независимо от последовательности событий, которые могут происходить в одно и то же время». Ю. Минковски приводит блестящий анализ шизофренической депрессии, акцентируя внимание на особенности восприятия времени больным, тем самым рассматривая понятие времени в структуре болезни. «Наше мышление по своей сути эмпирично, нас интересуют факты только постольку, поскольку мы можем использовать их в качестве основы для наших планов на будущее, у нашего же пациента полностью отсутствовал этот переход из прошлого и настоящего в будущее, у него не было ни малейшего намека на обобщение или применение эмпирических правил».[117, 242-243] Восприятие времени у анализируемого больного имело, одну существенную особенность- оно не обладало целостностью, оно было расчленено, по словам Ю.Минковского, на изолированные фрагменты. Восприятие времени утратило свою прогрессивную последовательность, или последовательность выпала из восприятия времени. По существу, восприятие времени лишилось своей эмпиричности, ведь последовательность является для нормальной психики материализацией времени. Последовательность является, пожалуй, единственной категорией, с помощью которой мы воспринимаем в сознании земное время. В психике больного отсутствует именно этот важнейший момент. Он не воспринимает время в последовательности, а это означает, что восприятие времени перешло с уровня сознательного психического на бессознательный уровень. Для больного: « Не было никакого действия, или желания, которое, исходя из настоящего, достигало бы будущего, занимая скучные, однообразные дни. Каждый день сохранял свою независимость, не попадая в непрерывность жизни. Каждый день жизнь начиналась заново, она была похожа на одинокий остров в сером море уходящего времени». [117,243] В восприятии времени выпадение связующей последовательности вносит естественную разорванность и фрагментарность. Отсутствие последовательности - это отрицание будущего. В психопатологическом поле исследования отрицание будущего является бегством от запрограммированных и внушенных страданий будущего. «Будущее все равно заблокировано, как и прежде. Его жизненный импульс не может быть направлен

из настоящего к такому искаженному будущему». [117,244] Однако жизнь требует определенной временной ориентации. В случае патологии человек не просто убегает от будущего, он выпадает из последовательности времени, из его материализации. Человек непроизвольно уходит в бессознательное переживание вневременности, где нет последовательности и временных причинно- следственных связей, где вневременность представлена как постоянное и неизменяющееся «настоящее». А самое главное: в этом вневременном восприятии реальности нет угрожающего будущего. Собственно последнее и является главным запускающим механизмом перехода в бессознательную вневременность. Ю.Минковски определяет психическое здоровье термином «индивидуальный жизненный импульс» и соответственно этому, формирование психического расстройства означает ослабление этого импульса, распад синтеза личности. При этом: «Чувство времени нарушается и сводится к восприятию череды однообразных дней» [117, 249] Достаточно глубокое исследование времени М.Мерло-Понти подводит к необходимости рассматривать данный феномен лишь в связи с субъектом восприятия. Феномен времени (временности) не может быть определен вне наблюдателя или субъекта. « Когда я говорю, что текущая в настоящее время вода позавчера получилась из льда, я подразумеваю некоего свидетеля, находящегося в определенном месте в мире, и я сравниваю его последовательные видения: он или присутствовал при таянии снега и следовал за спуском воды, или же с берега реки он после двух дней ожидания увидел проплывающие куски дерева, брошенные им у истока. События выкраиваются конечным наблюдателем в пространственно-временной целостности объективного мира».[65,519-520] Вне человека время не может быть фиксировано, более того, вне субъекта восприятия время не обладает статусом реальности. «Время, стало быть, не есть какой-то реальный процесс, действительная последовательность, которую мне достаточно регистрировать. Оно рождается из моей связи с вещами». [65, 520].Констатируемая субъектность времени приводит к дальнейшим интересным положениям. Время, согласно М. Мерло-Понти, не может иметь прошлого и будущего, так как именно эти измерения постоянно находятся в настоящем. «В самих вещах будущее и прошлое пребывают в своего рода вечном

предсуществовании и в вечном постсуществовании: вода, которая будет проходить завтра, в настоящий момент уже есть чуть ниже, в долине». [65, 520] По сути, мы можем судить о прошлом и будущем лишь в настоящем. Психологический анализ понятия «время» М.Мерло-Понти носит философско-психологический характер. В данной концепции одним из основных положений является то, что время не может мыслиться вне субъекта. Понятие «несубъектное время» не обладает эмпиричностью. « Нам предстоит создать такую концепцию субъекта и времени, где они внутренне сообщаются». [65,520] Смысл данного положения заключается в том, что изучая время в связи с субъективностью, мы получаем возможность непосредственно проникнуть в структуру психики, в структуру субъектной психики. Время является субъектом в том смысле, что для его фиксации необходим, по словам М.Мерло-Понти, свидетель. «Если я рассматриваю этот мир сам по себе, то остается, лишь единое неделимое бытие, которое не изменяется. Изменение предполагает какую-то позицию, которую Я занимаю и откуда вижу, как идет ход вещей: нет событий, если нет кого-то, с кем они происходят и чья конечная перспектива обосновывает их индивидуальность». [65, 520]. Отмечая безусловную правоту вышеприведенного утверждения, мы хотим указать на его явное слабое место - человек не может судить о времени как о неделимом бытии, он может эту идею переживать интуитивно или в голой абстракции. В сознательном мировосприятии время субъектно и выйти за его границы в этом срезе невозможно. Я не могу эмпирически и абстрактно мыслить «чистое время»- мои абстракции также исходят из моей субъективности. Мои абстракции - субъективны, мое же интуитивное переживание выводит меня за рамки личностного сознания. Это значит, что для того, чтобы я мог мыслить «чистое» вне субъектное время, я должен выйти за границы субъектного, я должен переступить границу, где кончается моя личностная субъективность и начинается коллективное бессознательное восприятие мироздания, а значит и времени. Но с другой стороны, я, как субъект, могу предположить, что если время существует для меня в определенной форме, скажем в форме последовательности событий и вещей, то должно предсуществовать время вообще, иначе, без признания субстанции времени, невозможно констатировать само

субъектное время. Однако, говоря о чистом времени или его вне субъектном состоянии, необходимо различать понимание этого факта от его интуитивной переживаемости. Несколько смешивая понятия, М.Мерло-Понти, все же находит способ разрешения своего противоречия. «Время, стало быть, не есть какой-то реальный процесс, действительная последовательность, которую мне достаточно регистрировать. Оно рождается из моей связи с вещами. В самих вещах будущее и прошлое пребывают в своего рода вечном предсуществовании и вечном постсуществовании.» [65, 520] Вне субъектное время не имеет признака дифференциации, это значит, что прошлое, настоящее и будущее слиты воедино. В субъектном времени активен как раз признак дифференциации, поэтому субъектное время конечно, как конечен человек. Или несколько иначе, бесконечность времени обретается за счет конечности и смертности человека. Именно благодаря этому и возможна бесконечность, по той простой причине, что конечность чего-либо указывает на бесконечность того же самого. Без явления субъектного (личностного) времени мы не могли бы существовать вообще. Но: «То, что для меня прошлое и будущее, присутствует в мире в настоящем». [65, 521] Объективный мир как воплощение истории космоса являет собой сотворенное время в отличие от времени космического, которое является «несотворенным». Человеческое коллективное бессознательное как воплощение истории развития *homo sapiens* также является чистым временем, то есть вневременьем. Точно так же как в несубъектном времени не существует дифференциации на прошлое, настоящее и будущее, точно также в коллективном бессознательном не существует подобных уровней, в нем собрана история человечества в едином одновременном континууме. В объективном мире (вне субъектном) время, согласно М.Мерло-Понти, может быть определено как «теперь», как исключительно настоящее, которое не может иметь последовательности. «Если освободить объективный мир от открытых на него конечных перспектив и полагать его как бытие в себе, в нем не останется ничего, кроме «теперь» Более того, эти «теперь» не присутствуя ни для кого, лишены всякого временного характера и не могли бы образовывать последовательности» Настоящее, не имеющее последовательности, уже перестает быть настоящим, оно трансформируется в вечность и вечность, в свою очередь, можно

представить в виде постоянного настоящего. [65,520-521] Концепция времени или временности М.Мерло-Понти, выделяясь некоторой неопределенностью, судя по всему идентифицирует понятия «субъектное и объективное время». Как и в объективном мире время имеет лишь один статус-статус «теперь», так и, по сути, в субъектном времени всё сконцентрировано на понятии настоящего. Прошлое, согласно этой концепции, не существует, точно так же как и будущее, они могут быть лишь мыслительными категориями. Человек просто обладает смыслом прошлого, он обладает значением прошлого. Критерием существования времени служит, для М.Мерло-Понти, прямой контакт. Если у человека нет такого контакта с прошлым, то, следовательно, прошлого нет. Субъектность времени, таким образом, для М. Мерло - Понти, заключается лишь в том, что время зависимо от субъекта. «Рассматривая долгий ряд моих прошлых состояний, я вижу, что мое настоящее всегда проходит, я могу определить этот период, трактовать свое ближайшее прошлое как отдаленное, а мое действительное настоящее - как прошлое, будущее тогда - это провал, который образуется перед настоящим». [65, 523] Суть вышеприведенных рассуждений в том, что дифференциация времени - процесс достаточно условный. Время воспринимается человеком в чистом виде, без последовательности, как недифференцированный феномен. «Время мыслится нами прежде составляющих его частей, временные отношения делают возможными события во времени....Так что не будем говорить о времени, что это «данность сознания», скажем точнее, что сознание разворачивает или конституирует время. В силу идеальности времени сознание перестает наконец быть заключенным в настоящем». [65, 523] М. Мерло-Понти пытается осмыслить феномен времени в его целостности и исходя из цели исследования он постулирует настоящее как «теперь», будущее - как последующее «теперь». Что же касается прошлого, то оно вне воспоминания не существует, а как только воспоминания всплывают в сознании, то они становятся настоящим. Однако, мы считаем, что при этом само настоящее выпадает из поля зрения. В содержательном смысле настоящее пусто, оно заполняется прошлым и будущим. «Сети» настоящего постоянно пополняются прошлым и будущим. Более конкретно - настоящее-это именно «сети»,

которые постоянно пополняются событиями прошлого и будущего. Все, что находится в бессознательном психическом имеет статус настоящего, то есть, здесь нет последовательности, здесь господствует принцип вневременности по той простой причине, что на этом уровне психического мы не в состоянии судить о явлениях в ракурсе последовательности. Именно в сознательной последовательности времени мы домысливаем прошлое, настоящее и будущее. В бессознательном же психическом прошлое, как и будущее, являются настоящим, то есть мы можем говорить о настоящем-прошлом и настоящем будущем. Психологическое исследование времени имеет одну примечательную особенность - оно полностью основывается на субъективных представлениях и достаточно далеко отстоит от объективной проверки. С одной стороны этот факт вызывает некоторую озадаченность в плане методологического понимания проблемы, с другой исследования психологического времени раскрывают перед человеком немислимо огромные перспективы в изучении самых различных сторон его жизнедеятельности. Поэтому любые попытки научного анализа психологического времени имеют экзистенциальный характер. Актуальность исследования феномена психологического времени для нас раскрывается в поле клинической психологии. Феномен времени, как в научном, так и в чисто прикладном клиническом аспектах имеет доминантное значение в понимании структуры, характера и динамики психического расстройства. Этот общепризнанный факт не вызывает сомнений даже у глубоких скептиков. Самым простым аргументом актуальности изучения данного феномена является тот очевидный факт, что расстройство протекает во временном психическом поле, зарождается во временной психике (а определенные уровни психики не могут функционировать иначе) и продолжает оставаться во времени. Время формирования расстройства, время его протекания-эти основные положения практически всегда оговариваются в клинической практике, однако выпадают из области осмысления. Обычно практикующие психологи устанавливают время формирования расстройства у человека, фиксируют субъективное время формирования расстройства, периодичность протекания тревожных или иных негативных состояний, пытаются выявить причинно –

следственные связи между травматическими ситуациями и формированием проблемы. То есть, так или иначе, рассматривают временной аспект расстройства. Изучение структуры расстройства подводит нас к мысли о том, что время всегда имеет субъективный характер, во всяком случае, его нельзя уловить вне переживаний личности. Несмотря на некоторую некорректность данного утверждения, сводящего феномен времени лишь к субъективному переживанию или ощущению, мы, практически, в консультационной и психотерапевтической практике не можем иначе определить соотношение «время-человек». Время для нас всегда очеловечено, а для лиц страдающих невротическими расстройствами время всегда сопряжено с тревогой. Время для нас является всегда временем-состоянием. Переживание времени – это переживание наших психоэмоциональных состояний. Заметим, что данное утверждение не означает, что мы отрицаем существование несубъектного времени, мы всего лишь говорим о времени как переживаемом субъектом феномене. Субъективность времени, таким образом, приемлема не только в психотерапевтическом процессе. Однако рассмотренный даже в этом аспекте феномен времени, тем не менее, нуждается в дополнительном осмыслении с точки зрения объективного вне субъектного бытия. Расширение поля рассмотрения времени не предполагает его противопоставления на субъектное и объективное. Мы исходим из предположения о едином понимании данного феномена, точнее из того факта, что объективное время может быть определено и материализовано лишь в его носителе - в человеческой психике, в человеческих психических состояниях. При попытках понять особенности психологического времени, человека часто охватывает уверенность, что он может в каждый данный момент времени судить о времени вообще. Но человек о времени не судит, он его констатирует в возрастных переживаниях, он наполняет время своим жизненным смыслом или его отсутствием. Однако, мы все же полагаем, что концепция времени М. Мерло-Понти, несмотря на кажущуюся неопределенность, может быть понята и несколько иначе, учитывая тот факт, что данная работа в переводе на русский язык могла утратить много существенных моментов. Гарри Эллиенбергер, пожалуй, ближе и охотнее других прикасается к феномену времени. Он считает, что темпоральность (время)

и пространство (пространственность) являются основными категориями внутреннего мира личности. Именно так характеризует Г.Элленбергер наши состояния постоянного ожидания и томления в поисках смысла жизни или экзистенциального самоосуществления. Наш внутренний мир, наше переживание внешнего мира, это, прежде всего переживание психического во времени, внешний мир вложил в наше существо время, мы были созданы не только по подобию, мы созданы также по принципу полярности с Божественным. Организация нашего психологического времени является для нас кульминацией иррационального. Но сначала о другом. В анализе феномена времени Г. Элленбергера приводится достаточно интересный историко - научный материал.

«Что такое время? В житейском смысле, в нашем повседневном опыте, время-это одна из форм более широкого понятия темпоральности, что можно легко продемонстрировать, сделав краткий обзор многочисленных концепций времени».[117, 211] Для различных научных подходов феномен времени имеет различный смысл и различное содержание. Время понятие многогранное и вполне естественно, что ему присущи различные характеристики. Для философов - время является отражением вечности, для физика – время, всего лишь проекция пространственных характеристик, время может быть интерпретировано как форма чувствительности и т.п. Общее, что объединяет эти подходы - это абстрактное понимание феномена времени. Но время далеко не абстракция. Оно более чем ощутимо и осязаемо, более того и прежде всего, время насквозь психологизировано. Мы все и обыкновенные и необыкновенные смертные относимся ко времени трепетно, с надеждой и отчаянием. Часто осознание скоротечности нашей жизни становится механизмом, запускающим развитие психопатических изменений. «Исследуя пациентов меланхоликов и Минковски, и фон Гебсаттель обнаружили одинаковый основной симптом: время не переживалось ими как движущая вперед энергия. Последовательность развивалась в направлении противоположном течению времени, подобно реке, на которой построили преграду: будущее воспринималось заблокированным, внимание пациента было привлечено к прошлому, а настоящее

переживалось как застывшее. Из этого основного нарушения могли быть выведены многие другие симптомы в переживании времени». [117, 210] В приведенном описании мы хотим выделить несколько важных для нашего исследования моментов. Во-первых, переживание времени в обратном порядке. По сути, это означает, что человек пытается выйти из последовательности временного потока. Если при прямой последовательности мы переживаем время из прошлого в будущее, то при обратной последовательности уходим из настоящего в прошлое. Именно таким способом, для нас открывается завеса будущего. Можно предположить, что способность к пророчеству основывалась именно на этом механизме. Но обратная последовательность означает отрицание времени, выход из прямой последовательности, а значит, попытку выхода из границ времени, отрицание разрушительного свойства времени, переход в бессознательную довременность, в которой будущее уже содержится в свернутом виде. Легко понять, что мы имеем дело с проявлением бессознательной защиты, по той простой причине, что отрицание времени, есть прямое отрицание смертности. Это и есть бегство от реальности, а единственное место в нашей психике, где реальность реальна психологически - это бессознательное. Выход из временной последовательности означает, по сути, отрицанием возможности болезни, то есть методом психотерапевтического вмешательства. Попытка отрицания реальности, наблюдающаяся при шизофрении, является отрицанием жизненного личностного времени-прошлого, настоящего и будущего, так как именно в этой плоскости формируется личностная патология. По сути, в диссоциативном расстройстве идентичности, вследствие выпадения личности из границ линейного времени, формируется ощущение бессмертия. Уровень бессознательного не обладает чувством времени, поэтому на этом уровне и ощущается иллюзорное освобождение от переживаний тревоги. Я-сознание целиком, или в своей большей части функционирует в границах линейного, хронологического времени, иначе говоря, в границах смертности. Поэтому освобождение от контроля Я-сознания, видится в переходе на бессознательный уровень функционирования. Парциальные личности, по сути, и не желают стать целостным Я, так как став таковым человек вновь попадает в границы смертности. Диссоциативный

процесс, таким образом, приходит как панацея от переживаний смертности. Парциальные личности наделяются энергией, чтобы свергнуть с престола Я-личности, так как именно Я-личности заставляет принять идею о неизбежности смерти. Поэтому диссоциативное расстройство идентичности-это прежде всего выпадение из времени Я-сознания. Парциальные личности дробят время, они спутывают время презентациями различных возрастов. По сути, это реальный процесс возрастного временного дробления: каждый из нас несет в себе временные, возрастные этапы развития, и в состояниях нормы эти возрастные этапы подчинены единому временному контролю Я. При диссоциативном процессе парциальные личности стремятся приобрести автономию, вырвав свой возраст из единой временной цепи. Тем самым разрушается единое восприятие жизненного времени, тем самым происходит выпадение из времени. Каждая парциальная личность забирает свою временную (возрастную) долю психического наследства и пытается приостановить процесс формирования целостного Я. Практически, этот процесс протекает постоянно у каждого человека. Однако, этот процесс также постоянно наталкивается на сопротивление Я-сознания. Парциальная личность разрушает последовательность времени, она формирует брешь во временной целостности, так как последовательность рано или поздно приводит к смерти. Разрушая эту последовательность бессознательное стремится уничтожить смертность личности. Можно на гипотетическом уровне предположить, что продолжительность жизни человека определяется возрастом его доминирующей парциальной личности. Психологический возраст определяет продолжительность жизни личности. Время от времени в психическом пространстве личности доминирует какая-то конкретная парциальная личность, но в норме все они обладают ситуативной властью, к примеру, при расстройствах настроения. Однако, при диссоциативном расстройстве идентичности все парциальные личности пытаются доминировать одновременно. Это, то же самое, если в конкретном возрасте у нас, в течение дня попеременно активизировались бы и ситуативно доминировали различные возрастные этапы. Это допущение, возможно, не было чуждо и Э.Эриксону, который вводит в психическую актуальную жизнь личности

три возрастных эго-состояния, функционирование которых не разрушает, в принципе, психическое здоровье личности.

Выводы по второй главе исследования:

1. На оральной стадии развития существует переживание времени, в контексте переживаемых психофизических состояний. Младенец переживает состояния гомеостаза и фрустрации, он переживает время как смену психофизических состояний.
2. Психическое здоровье может быть определено как структурированные во времени и соответствующие возрастному статусу мысли и эмоции личности.
3. Содержания бессознательного актуальны везде и всегда, они не подчинены каузальному принципу. Филогенетические пласты не то, что перемешаны с онтогенетическими, а связаны с ними довольно прочными, алогичными с точки зрения сознания, связями. Филогенетические содержания, по своей сути, неисчерпаемы. Они структурированы по принципу, который мы бы определили как принцип постепенного обезличивания. Чем глубже мы уходим в бессознательные уровни психики, тем меньше шансов у нас обнаружить в них личность.
4. При диссоциативном расстройстве идентичности личность представляет собой разрозненные автономные личности, выпавшие из-под контроля Я-сознания и, вследствие этого, не связанные между собой смысловой нитью. В конечном счете, контроль Я-сознания означает формирование и сохранение смысловых связей парциальных личностей.
5. Парциальные личности, по сути, и не желают стать целостным Я, так как став таковым человек вновь попадает в границы смертности.

ГЛАВА 3 ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ В СВЕТЕ ДИС- СОЦИАТИВНОГО РАССТРОЙСТВА ИДЕНТИЧНОСТИ.

3.1 Измерение времени в сознательном и бессознательном.

Я – сознание и бессознательное формируют свои концепции психического здоровья и при этом концепции каждого уровня могут рассматриваться и как противоположности и как взаимодополняющие структуры. Очевидно, некоторая односторонность понимания состояний здоровья и болезни обусловлена тем, что человек рассматривает или переживает эти уровни функционирования психического как противоположные. Психическая реальность бессознательного обуславливается фактом реальности Я – сознания, как и наоборот. Это означает, что психика человека представляет собой целостное образование и ее различные уровни функционируют исходя из принципа взаимообусловленности. Последовательность и линейность (необратимость) времени привносит в психосоматический организм состояния здоровья и болезни. И эта дифференциация времени является эволюционной необходимостью. Рациональность и иррациональность переплетены в психике человека, одна на уровне мыслительной деятельности, вторая на эмоциональном уровне. Таким образом, мы изначально помещаем категорию времени в две плоскости психического аппарата - в бессознательное и в Я - сознание. Болезнь и здоровье возможны и необходимы вследствие того, что концепции времени в бессознательном и в Я- сознании не идентичны. В зависимости от того, в каком психологическом времени находится " здесь и сейчас" человек, зависит его эмоциональное отношение к себе и к миру. Хронологическое «сейчас» очень редко совпадает с психологическим настоящим. Поэтому психика и сома функционируют в различных временных измерениях. Время обратимо в человеческой психике в том смысле, что прошлое формирует будущее, как и будущее способно изменить психологическое прошлое личности. Травматические эпизоды жизни не вытесняются, а перебрасываются в будущее,- по сути, вытеснение всегда нацелено на будущее, вытесненное постоянно

возвращается в будущем. Человек вытесняет не в прошлое, а в будущее. Смысл заболевания всегда в будущем времени. Однако, переживания болезни не позволяют искать в нем смысл, человек озабочен желанием вернуть свое здоровье, при этом не обременяя себя поисками смысла заболевания. Однако, без осмысления назначения и цели заболевания последнее не исчезает, оно может быть подавлено мощным медикаментозным вмешательством. Но, долго оставаться вытесненным заболевание не может. Отсюда и появление рецидива. И весь парадокс как раз в этом: терапия становится эффективной лишь в том случае, если выясняется смысл заболевания или расстройства для данного конкретного человека. У каждого человека расстройство формируется по личностным «каналам», по своей индивидуальной схеме, между тем лечение мы предлагаем общее для всех. Каждый человек приходит к своему расстройству своим индивидуальным путем, а это значит, что и терапия должна быть найдена в контексте индивидуальной жизни. «Конвейерная модель» психотерапии способна лишь на такую же «конвейерную» эффективность. Немаловажным фактором понимания расстройств личности является фактор психологического времени. Каждый человек живет в своем времени и для каждого человека время его жизни является далеко не пустым или абстрактным понятием. Поэтому в контексте индивидуального подхода крайне важно определять границы психологического времени человека. Время, прежде всего, психологическая категория, иначе прошлое личности всегда бы оставалось в прошлом, между тем в будущем нас всегда поджидает прошлое. Травмы детства всегда сидят в психологическом и хронологическом будущем. На бессознательном уровне психики травмам не отведен конкретный возрастной промежуток. Они находятся в границах принципа «везде и всегда». В линейном, хронологическом времени они должны быть в прошлом. Прожитые и пережитые годы станут прошлым только в том случае, если они будут ассимилированы сознанием. До тех пор наши переживания травм всегда в будущем. Прошлое личности постоянно нуждается в том, чтоб стать действительно прошлым. Психологическое время подвергается изменению лишь при условии, что оно станет достоянием сознания, тем самым расширив последнее. Травмы прошлого зависят

над прошлым и будущим, тем самым они выпадают из линейного времени. Если нечто постоянно возвращается в нашу жизнь, то тем самым это нечто является всегда настоящим в контексте психологического времени и будущим в контексте линейного времени. В диссоциативном расстройстве идентичности мы наблюдаем попытку восстановления последовательности жизненного времени вне контроля Я-сознания личности, - то есть каждая личность берет на себя обязанность вывезти из жизненного времени личности наиболее травматические события, определенные отрезки жизни человека, которые Я-сознание отвергает, в силу их запредельного травматического характера. Диссоциативное расстройство идентичности нацелено на то, чтоб вывести из жизненного времени личности запредельные переживания травм и одновременно сохранить их в безопасном резервуаре. Способ, которым пользуется бессознательное является выведение из линейного времени личности ее травматического прошлого и распределение этого прошлого по отдельным субличностям. Обезопасить себя от переживания травм возможно выведением этих травм из последовательной цепи жизненных событий, создавая одновременно парциальную последовательность. Уровень адаптации личности к травматическим жизненным событиям непосредственно определяет возможность диссоциативного распределения этого опыта на соответствующие парциальные личности (субличности) Для каждого человека этот уровень адаптации индивидуален и процесс формирования диссоциации не определяется глубиной травматического события. В диссоциативном расстройстве идентичности мы видим попытку выведения переживаний травматического опыта за пределы Я-сознания личности, выведением из потока последовательности жизненного функционирования. Так как выведение из жизненного временного потока (вытеснение) обеспечивает более или менее адаптивное функционирование личности. Жизнедеятельность личности начинает делиться на до и после. Однако, человек не может жить вне временных границ. Это значит, что на месте поврежденных временных границ, должна будет сформироваться новая темпоральная реальность уже в виде парциальных личностей. Поэтому мы называем это состояние парциальной последовательностью. Травмирующие эпизоды,

вытесняясь, сохраняют свое значение и место в психике в виде парциальных личностей. Выпадая из сознательной линейной временной последовательности эти парциальные личности, имея определенные возрастные характеристики, получившие теперь статус настоящего. Выведение из линейного времени означает формирование новой темпоральности. Каждая парциальная личность обладает конкретным возрастом (соответственно времени вытесненного травматического события), но с другой стороны, для каждой такой личности эта дата зарождения является одновременно датой рождения самой личности. А это значит, что сформировавшись вследствие травматического события, к примеру, в 15-летнем возрасте парциальная личность остается навсегда в этом возрасте, то есть опять-таки выпадает из последовательности времени. Имея дату формирования, эта личность выводит себя из цикла возрастного развития. Потому для психотерапевтического процесса является существенным время травматического события, носитель этого события выпал из времени, чтоб обезопасить психику от более негативного разворачивания событий. Вытеснить означает передать во владение бессознательному, само же бессознательное уже следуя своей логике, распределяет вытесненный материал в соответствие с принципом оптимального контроля. Бессознательное наделяет травматический эпизод конкретикой, оно облачает его в форму парциальной личности, так как в неопределенном недифференцированном состоянии эти переживания травмы могут стать практически неконтролируемыми. Это означает, что формирование парциальных личностей – это попытка бессознательного справиться с психической травмой с помощью наделения ее определенным статусом. Формирование парциальных личностей –это способ контроля над травматическими переживаниями со стороны бессознательного. Логика формирования парциальных личностей становится в этом контексте рассмотрения достаточно понятной: для того, чтоб освободиться от переживаний травмирующих событий жизни, по отношению к которым адаптивная система личности становится бессильной, они должны быть вытеснены, то есть, изгнаны из последовательности линейного времени. Попадая вследствие подобного вытеснения в сферу бессознательного, эти переживания подпадают под контроль уже иного уровня

психики. Бессознательный уровень психики должен освоить эти переживания, он должен каким – либо, ему свойственным образом, структурировать эти переживания, так как последние не могут быть стерты из жизненного цикла человека, – они должны быть сохранены в более или менее приемлемой форме. С целью погашения опасности разворачивания негативных переживаний, попавших (вытесненных) в бессознательное, последнее распределяет их по отдельным «ячейкам», по различным парциальным личностям, которые должны стать оформленными, структурированными носителями этих переживаний. Таким образом достигается удаление травмирующих переживаний от зоны Я-сознания личности. Одновременно с этим процессом удаления (вытеснения) формируется защитная амнезия этих травматических эпизодов. Сформированные парциальные личности также предположительно, должны иметь некий барьер адаптации. Если этот барьер не нарушается в течение определенного периода жизни, личность не испытывает диссоциацию. Однако, если травматический опыт повторяется с определенной периодичностью, то защитная функция парциальных личностей уже не срабатывает. Когда в сфере психического мы наблюдаем дезадаптивные процессы как в сфере Я-сознания, так и в границах бессознательного, тогда мы имеем дело уже с диссоциативным расстройством идентичности, с кризисом идентичности. Вытесненные ранее из Я-сознания травматические переживания, структурируются в парциальные личности. Опасность функционирования парциальной личности (субличности) в ее оторванности от целостного психического аппарата, в ее автономности. Парциальная личность развивается односторонне в соответствии с, заданным травмой, сценарием. Она не может не развиваться, так как целостная психика подлежит развитию.

Прерывность психических процессов вообще невозможна с точки зрения функциональной непрерывности психики. Если в сознании человек привязывает расстройство к какому-то конкретному времени, то в бессознательном это расстройство привязано к жизни вообще, так как оно выпало из последовательности линейного времени. Строго говоря, если травматические эпизоды не вытеснялись из сознания, то возможность формирования расстройства вообще сводилась бы к минимуму. Если наши

травматические эпизоды подвергались бы шлифовке рационального объяснения, то есть если бы они проходили успешную адаптацию, то расстройства были бы невозможны. Одним из смыслов психотерапии является доведение до осознания бессознательных переживаний. Терапия тем самым принимает реальность не сознания, а бессознательного. События человеческой жизни должны, прежде всего, быть "переварены" эмоционально. Критерии группировки событий жизни для бессознательного несколько иные, чем для сознания. И это далеко не случайно. Последовательность-прерогатива хронологического времени, которого бессознательное лишено в своем функциональном мире. И в связи с этим мы бы хотели высказать следующую гипотезу: человеческое болезненное переживание прошлых физических и психологических травм, формирование различных психических расстройств и психосоматических заболеваний обусловлено разрывом, несовпадением временных (темпоральных) характеристик сознания и бессознательного, ослаблением контролирующей функции Я-сознания. Для сознания какая-либо физическая болезнь появляется конкретно в определенное время, в конкретном возрасте, - для бессознательного - эта болезнь появляется всегда, как только в восприятии человека попадает хотя бы один элемент процесса прошлого переживания болезни. Время существует для сознания в его линейности, в последовательности и в каузальности, и это же самое время выражается в бессознательном принципом постоянства настоящего, принципом «везде и всегда». Бессознательные психические содержания не имеют тех временно-пространственных координат, от которых отправляется актуальное сознание. Для сознания мир существует "здесь и сейчас", для бессознательного - «всегда и везде». Человеческая болезнь для сознания имеет свое начало, и конец во времени, для бессознательного же эта болезнь существует всегда и везде, так как она однажды уже проявилась. Так мыслепереживания хронологического детства переходят в психологическое настоящее время, фиксируются и оцениваются в психологическом настоящем, вызывают эмоции детства, когда они были сформированы, а не настоящего времени, или того времени, которое человек воспринимает как "здесь и сейчас". Для нашего сознания приемлемость мира состоит в его определенности и конкретике. Для

сознания события в жизни очерчивают и конкретизируют биографию человека, бессознательное же, рассматривает не события в жизни человека, а человека в связи с событиями. Именно поэтому любое происшествие, любой факт биографии человека, становясь собственностью бессознательного, фиксируется вместе с психическим переживанием этого факта во всей целостности. Так факты жизни становятся переживаемой реальностью. Если исходить из рациональности уровня сознания, то можно исключить тревожные переживания при процессе воспоминания. Однако, целостность психической деятельности не может быть сведена только к рациональному мировосприятию. Сознание пытается дистанцироваться от тревожного осмысления фактов жизни, бессознательное же пытается подогнать факты жизни под их переживаемость. В этом и кроется трагикомедия человеческого мироосмысления: человек в своем сознании противопоставляет себя миру, в бессознательном он размывает границы этого противопоставления. В нашем сознании наше Я не равно миру или не-Я, в бессознательном «Я» и мир суть одно и то же. В бессознательном отсутствуют границы психического пространства личности, - сознание же для своего функционирования нуждается в конкретике, в логичности и временной определенности. В сознании мы "изгнаны из Эдема", в бессознательном мы по-прежнему в нем, потому что мы когда-то там были. Как человеческая, так и психическая эволюция начинается с "изгнания из рая", но это изгнание необходимо для психической эволюции человека. Человек проходит эту эволюцию начиная от пункта, где он является "сыном человеческим" и проходит путь до "индивидуального этнического Каина", - это путь постепенного отхода от обезличенного состояния, от вневременного к конкретной социальной, этнической, национальной и индивидуальной сущности. «Наиболее глубоко лежащий слой, в который мы можем проникнуть в исследовании бессознательного, - это то место, где человек уже не является отчетливо выраженной индивидуальностью, но где его разум смешивается и расширяется до сферы общечеловеческого разума, не сознательного, а бессознательного, в котором мы все одни и те же».[121,35] Именно это бессознательное переживание единства со всем родом человеческим и позволяет нам согласиться с тем, что ничто человеческое нам не

чуждо. Процесс рождения человека — это и обретение и утрата. Именно с разрезания пуповины начинается процесс приобщения к совершенно новой среде и в этом заключается трагедия свободы человека. "Человек сможет обходиться без природных корней, только если он находит новые человеческие корни, и, лишь найдя их, он может вновь почувствовать себя дома в этом мире. А раз так, то стоит ли удивляться, что мы находим в человеке глубокое и сильное стремление не разрывать природные узы, бороться против отторжения от природы, от матери, от уз крови и земли?" [79, 305]

Щадящая мудрость космоса, не позволяющая новорожденному осознавать свою беспомощность и неполноценность, спасла от сумасшествия миллионы людей. "Чтобы родиться и развиваться, человек должен разорвать пуповину: ему надо преодолеть в себе стремление сохранить связь с матерью". [79,305.] Однако ни один психически нормальный человек не может абсолютно преодолеть в себе бессознательные стремления вернуться во внутриутробную райскую жизнь. Именно поэтому органическая пуповина заменяется социальной, как компенсацией утраченной внутриутробной переживаемой полноценности. "Социальная пуповина", социально значимые связи и взаимоотношения становятся гарантами нормального психического существования вообще. В нашем повседневном поведении преобладают психические защитные механизмы, которые по существу, являются попыткой обретения пошатнувшегося чувства самоидентичности, стремлением к психической целостности и защищенности. Своего рода, это психическая оборона против нежелательных и неконтролируемых эмоций, или страх перед бессознательной активностью. Вторичные психоэмоциональные узы часто носят иррациональный характер, являются своеобразными иллюзорными, желательными представлениями и желаниями возврата в зону психической защищенности, безопасную среду первичных уз, в конечном итоге в желанное психологическое время. Чем больше психоэмоциональная зависимость от матери тормозит индивидуальную эволюцию человека, тем более узки границы его психического пространства. Наверно, эмоциональная зависимость от первичных психических фундаментальных уз имеет свою филогенетическую предысторию. Согласно Библии, человеческая история начинается с

изгнания человека из рая, то есть оттуда, где человек ощущал себя в полной безопасности и где можно было бы найти движущие силы для его психической эволюции. Как это видно, речь идет о внутриутробном существовании. Или же еврейская история начинается с повеления Аврааму оставить страну, где он родился, и идти в землю ему неведомую. (Социальный мир для новорожденного и является "землей неведомой"). Из Палестины евреи направляются в Египет (в социальный мир), а оттуда возвращаются обратно в Палестину (к первичным безопасным узам). Но новое поселение не становится окончательным. Учения пророков Ветхого Завета осуждают кровосмешительство. "Они провозгласили, что народ, вернувшийся от законов разума - (индивидуального психического развития) и справедливости назад к кровосмесительной привязанности, к земле, будет изгнан с нее и будет скитаться по миру не имея дома и родины, до тех пор, пока не разовьет в полной мере законы разума и не разорвет кровосмесительных уз, связывающих его с землей и природой".[79, 316] Не есть ли это путь избавления от зависимости и обретения возможности индивидуальной психической эволюции? Не есть ли это тот путь, ведущий от состояния "сына человеческого" к раскрытию индивидуальности человека? Судя по всему, так оно и есть и что самое интересное и важное, на наш взгляд ни один этап этого длительного пути не стирается в человеческой психике, каждый из этих этапов становится пройденным, но сохраненным в психологическом времени человека. В истории психологии, пожалуй, один из немногих мыслителей, - Герхард Адлер, очень верно оценил наше бессознательное, стартовая цена которого, представленная Г.Адлером на аукционе психических состояний наиболее адекватна. Невротические состояния и расстройства, согласно Г.Адлеру, представляют собой попытку бессознательного "хотя и безуспешную, компенсировать ту самую однобокость сознания, которая и привела к этому неврозу, поскольку сознательное мышление никогда не содержит в себе всех возможностей данного индивидуума. В этом смысле каждый невроз—это бессознательная попытка новой адаптации." [4,31-32] Невротические расстройства представляют собой попытку бессознательного компенсировать временную, личностную однобокость сознания, это попытка несколько повысить

адаптивные способности личности, которая не в состоянии "переварить" некоторые проявления внутриличностных или межличностных конфликтов. Хотя невроз и не является наиболее оптимальным выходом из сложившейся внутриличностной борьбы, но он является необходимым и, быть может, на определенном этапе психического мировосприятия, незаменимым решением, способствующим сохранению более важных функций, как психики, так и организма. Для полноценного психического развития человека совершенно недостаточен сознательный уровень мировосприятия. Бессознательное миропереживание обладает огромными возможностями для стимулирования индивидуально-психического развития человека. Наше бессознательное стремится вывести нас из плена сознательной и временной ограниченности, оно пытается открыть в нас творческие способности восприятия и понимания мира и самих себя, однако, при этом оно не включено во временную последовательность, периодичность и цикличность не вписываются в смысловую модель этого уровня психики. То, что для «нормированного сознания» представляется психической проблемой, для бессознательного обладает потенциалом развития. Бессознательное пытается в одночасье, сразу одарить сознание тем богатым наследством, которым оно владеет. Поэтому, мы считаем, что психические расстройства личности являются не рассчитанной, в ракурсе линейного времени, попыткой бессознательного поднять человека на более высокую ступень психического развития. Г.Адлер говорит о различном подходе к пониманию неврозов аналитической и психоаналитической психологии. "Если подойти к каждому пациенту, страдающему неврозом, с оторванным от жизни набором определенных догматических концепций, представляющих каждый невроз провалом, неудачей в сексуальной адаптации или безуспешным выражением желания властвовать, повелевать, то действующий таким образом специалист с самого начала обречен на неудачу в своей попытке выявить индивидуальность личности пациента." [4,32] Нельзя рассматривать невроз как попытку бессознательного причинить вред человеку, - для бессознательного — это единственный способ (если не считать сновидческую активность человека) вывести человека из ограничивающей его предметной и временной

ограниченности. Наше стремление относить невротические расстройства к патологическим проявлениям психики строится на одностороннем противопоставлении норме, то есть, то, что не вписывается для нас в границы нормы, должно быть отнесено к патологии. Давайте, при этом, просто допустим, что границы нормы не обладают характером стабильности, и попытаемся взглянуть при этом на положение вещей с позиции целостного динамического процесса. При таком подходе мы, буквально, придем к выводу, что невроз-это, несколько предвосхищенный негативный вариант более высокой ступени психического развития. Как бы это не звучало парадоксально, - шизофрения — это неудавшаяся гениальность. Психические силы, направленные на достижение высочайших полноценных уровней развития, вследствие ограниченной вместимости сознания и его неспособности выходить за пределы временной последовательности, - начинают действовать во вред психике. В результате мы приобретаем болезни и расстройства как следствие соматизации и невротизации внутриличностных конфликтов. Если я начинаю чего - либо опасаться, если у меня возникла тревога по поводу чего-либо, то она возникла из моего прошлого, заполнила мое сознание в настоящем и программирует мои негативные переживания в будущем. Наше восприятие мира является всегда постфактическим. Категория психологического настоящего допускается условно. Жизнь, как таковая, является перетеканием будущих событий в прошлое, а настоящее может быть очень условно включено во временной континуум. Каждое данное мгновение нашей жизни, событие, не став настоящим, переходит в прошлое. Настоящее может интерпретироваться не только как категория времени, но и как категория сознания. В каждый данный отрезок времени человек далек от настоящего хронологического времени, оно допускается им сознательно. Человек присутствует в каждом акте мировосприятия и в прошлом, и в будущем, и его представленность в каждом из них имеет различную эмоциональную насыщенность. Именно эта эмоциональная насыщенность и является той необходимой точкой отсчета или тем признаком, благодаря которому мы можем каждое мгновение нашей жизни отнести к нашему психологическому прошлому, настоящему или будущему. Сильное

эмоциональное переживание фактов жизни наделяет эти факты психологическим настоящим временем, даже если эти факты относятся к хронологическому прошлому или к будущему. Психологическим настоящим для меня является то, что вызывает у меня сильные эмоциональные переживания. Но как раз хронологически этих переживаний в настоящем нет, они в прошлом или в будущем. До тех пор, пока факты моей жизни вызывают во мне желания, чувства или переживания, - они воспринимаются мной в моем психологическом настоящем, то есть в бессознательном. Мы не в состоянии смотреть на мир эмоционально "нейтральным" взглядом, наши эмоции лишены той гибкости, которая позволила бы нам каждый новый день избавляться от негативных переживаний прошлого. Эти прошлые впечатления обретают статус настоящего психологического времени. Тот уровень психоэмоциональной интенсивности, который проявляется у нас по отношению к фактам нашей биографии указывает на наше настоящее психологическое время. Бессознательное миропереживание иррационально с позиций сознательной интерпретации мира. Однако, на самом деле, оно представляет собой полноту и целостность, которая может быть выражена лишь во вневременности, вне линейной последовательности. Вневременность как целостное состояние теряет свой смысл и свое предназначение во временной определенности мира, наше бессознательное нами переживается, а не осознается. Именно поэтому смысл и цель человеческого психического развития должны состоять в достижении осознанности бессознательных содержаний, которые непрерывно стучатся в двери сознания и, за неимением лучшего пути, просачиваются в поведение человека, минуя порог проработанного сознания. Безусловно, в понимании и раскрытии тайн человеческой психики психоанализ занимает ведущее место. Однако, школе аналитической психологии К.Г.Юнга принадлежит пальма первенства в формировании принципиально новых подходов и взглядов относительно природы психического бессознательного. В этом смысле очень примечателен различный подход в интерпретации сна и сновидений в психоанализе и в аналитической психологии. Как известно, в психоанализе сновидения рассматриваются как «патологический продукт», включающий как истерические симптомы, так и навязчивые состояния.

Согласно аналитической психологии "Фрейд смотрит на сновидения как на патологический продукт, из которого возможно выделить комплекс пациента, но который не обладает своим собственным значением. Юнг, со своей стороны, рассматривает сон как полностью натуральную и нормальную психическую функцию, которая, следовательно, действует как чрезвычайно позитивная и компенсирующая сила со значительной потенциальной ценностью. Таким образом, сон не является симптомом патологического комплекса, а скорее попыткой психики освободить видящего сон от комплексов. Аналитическая психология усматривает в сновидениях не просто более или менее частное желание выполнения или "разрешения" комплекса", а отражение до сих пор не признанных возможностей, первоначально пренебрегаемых за счет слишком одностороннего развития личности." [4,42] Мы можем допустить, что основные положения аналитической психологии, как впрочем, и психоанализа, с трудом принимаются людьми, потому, что как в психологическом научном мире, так и на уровне обыденного сознания, все еще крепко сидит предрассудок, согласно которому сознательные механизмы адаптации более приемлемы, чем бессознательные. И это не случайно. Психологическая культура мышления отдает предпочтение конкретным сознательным механизмам и при этом старается отмахнуться от неопределенных, бессознательных. Человек хочет иметь дело с конкретной и определенной картиной мира и самого себя. Хотя, при этом, в строго научном смысле слова, понятия «сознательное» и «бессознательное» не имеют четкого разграничительного характера. Все, что неопределенно и расплывчато, все, что не вписывается в прямолинейность и конкретику вызывает у человека как минимум раздражение и как максимум —страх. Каждый новый день мы хотим воспринимать мир таким, каким он был для нас всегда, - в его конкретике, мы предпочитаем плохую стабильность лучшей неопределенности, воробья в руках, а не голубя в небе. Неопределенность чего-либо становится для нас проблематичной,- мы не знаем, как к ней относиться, а то, что мы не можем объяснить обычно вызывает тревогу. По большому счету умение жить - это умение объяснять. Однако, когда мы говорим, что предпочитаем сознательное видение мира неопределенной бессознательной

переживаемости, мы забываем, что не существует "чистых" сознательных механизмов восприятия и адаптации, не вытекающих из бессознательных и независимых от последних. Существует единое психическое поле мировосприятия с различными уровнями осознанности. Мы можем реально допустить, что существует отдельное сновидческое сознание и такое же отдельное бодрствующее, также мы можем считать не лишним основания предположение о существовании трансового телесного сознания. Однако, как в сновидческом, так и в бодрствующем состоянии не существует "чистого" сознательного или бессознательного содержания. Одно возможно благодаря другому, и в каждом из них существуют элементы другого. Благодаря великой мудрости творения эти два состояния не сливаются друг с другом, иначе здоровая психическая жизнь стала бы, практически невозможной. Автономность психических структур возможна благодаря различным уровням осознанности их содержаний. Если мы станем исходить из динамического принципа рассмотрения различных уровней функционирования психики, то мы придем к следующим выводам:

1. образование невротических комплексов (субличностей) можно и нужно рассматривать как не вписывающуюся в линейное время бессознательную активность человека, направленную на достижение полноценной психической адаптации в тех случаях, когда актуальное сознание не может подвести внутриличностную психическую ситуацию, ставшую проблематичной, под приемлемое для себя объяснение.

2. Невротическое поведение в своей основе подспудно направлено на расширение и сохранение чувства самоидентичности, а также такое поведение может рассматриваться как психическая компенсаторная активность, направленная на подавление чувства неполноценности человека.

«Но всё же, спросите вы удивленно, что за прок от невроза? Чего можно им достигнуть? Но тот, кто сам в окружении своих близких имел ярко выраженные приступы невроза, хорошо знает: чего только не «достигнешь» с его помощью! Нет вообще лучшего средства, чем невроз, для того, чтоб тиранить весь дом».[118, 44] Невротические модели поведения имеют, таким образом, саногенные характеристики. Как раз целью

аналитической психологии является как выяснение причин возникновения невротических расстройств, так и акцентирование внимания на их позитивных и целевых характеристиках для человека.

3. Причины заболеваний всегда лежат в прошлом, смысл же болезни раскрывается в будущем. "Это возможно сделать, только если принять к рассмотрению актуальную теперешнюю ситуацию, в которой находится пациент, и посмотреть в будущее и спросить себя: "Каким эффектом обладает этот симптом? От чего он оберегает, а что вызывает?" — тогда можно обнаружить, что этот симптом является попыткой втиснуть пациента в рамки, адаптирующие к новому отношению к жизни." [4, 53] Невротическое расстройство, согласно Г. Адлеру, является своего рода посланием бессознательного, которое сигнализирует о несоответствии внешней активной деятельности внутренней необходимости. Этот же теоретический принцип заложен в нейролингвистическом программировании (НЛП), согласно которому (в общих чертах), возникающие психические расстройства являются следствием несоответствия намерений бессознательного, (которые всегда носят позитивный характер) его поведению, или внешней активности, что и приводит к нежелательным негативным психическим и психосоматическим последствиям. Можно допустить, что вследствие давления на бессознательную активность (с помощью вытеснения или иных защит), человеку приходится иметь дело с деформированными состояниями этой активности, что и именуется невротическим расстройством. Согласно аналитической психологии бессознательное является самым мудрым уровнем нашей психической активности, так как оно не испытывает на себе негативные эмоциональные переживания страха и тревожности. Совсем наоборот, оно пытается избавить человека от них. Именно поэтому, быть может, К. Юнг назвал бессознательное "объективным психэ". Бессознательное в ее безличных слоях, где размываются границы между Я и не-Я, не подвержено страху и не страдает амбициями и привязанностями, оно не подвержено старению, а значит лишено негативных переживаний. Страх и иные негативные переживания всегда привязаны к «Я». Благодаря безличности глубинных пластов бессознательного становится вообще возможной пси-

хотерапевтическая деятельность. Чем более мы отдаляемся от безличных пластов психики в сторону социализированной субъективности человека, тем больше мы наталкиваемся на негативные переживания эмоциональной реальности человека. Человек сам строит свою субъективность и свою субъективную реальность и при этом умудряется свою же психическую активность направлять против себя и во вред себе. Конечно же, такая картина взаимоотношений не универсальна, однако, волею судьбы, мы намного эффективнее осваиваем искусство вредить себе, чем способность самосовершенствования. И в том и в другом случае мы достигаем конкретных психических состояний, и в том и в другом случае мы обретаем или здоровье, или болезнь. В целом наше бессознательное выделяет для нас, в наше распоряжение необходимое количество психической энергии, которая используется нами или с пользой, или во вред себе. Бессознательное психическое - это как раз " тот камень, который презрели строители и который встал во главу угла. На протяжении долгих столетий человек пытается осветить "авгиевы конюшни" своей психики, пытается понять тот предел возможного, за которым начинает просвечиваться возможное невозможного. Человек старается понять самого себя,- при этом сначала приписывая себе те или иные способности и возможности. Если что-либо помыслено,- то оно уже существует,- верно, это или нет, но мы так хотим думать. Хотя и такое убеждение представляется абсурдным с точки зрения критического разума, тем не менее, в мировосприятии ребенка это убеждение не подвергается сомнению. Мысль порождает материю, вера в чудеса не имеет возрастных ограничений. Эта вера не подвластна времени, она вне времени. Психическая реальность детских лет не уходит с возрастом, не уничтожается, она как бы предвосхищает некую новую ступень развития человека. Конечно же, в теоретическом допущении. В реальной повседневной жизни человек срастается со своими эмоциями и со своим мышлением. По мере взросления все, что имело смысл в детстве оборачивается фантазией в зрелой жизни. По мере постепенного внедрения линейного времени в психическую деятельность личности, вытесняется реальность вневременного мировосприятия. Личность формируется благодаря вхождению линейного времени в жизнедеятельность человека. Это означает, что

формирование Я-сознания непосредственно связано с вхождением во временные границы существования. Для нашего бессознательного не существует временной последовательности событий, оно считает единственно реальной ассоциативную смысловую необходимость. Именно этот важнейший фактор уловил психоанализ, сделав свободные ассоциации методом терапии. Если когда-либо с вами произошло неприятное событие в том же метро, скажем, вследствие высокой температуры вы почувствовали небольшое удушье, то для нашего бессознательного после этого события - находиться в метро означает испытывать удушье. Поэтому мы и считаем, что мучительные переживания, связанные с той или иной фобией, с тем или иным расстройством, обусловлены несоответствием временных характеристик сознания и бессознательного. Этот конфликт между временной последовательностью сознания и довременной сущностью бессознательного. Это конфликт между двумя принципами: «здесь и сейчас» и «везде и всегда». Человек мучается от того, что он сознательно, в своем сознании ясно видит всю нелепость возникающего страха в замкнутых пространствах, а между тем это его понимание не избавляет его от этого, навязанного смысловой необходимостью бессознательного, переживания. То, что для нашего сознания совершенно неприемлемо и непонятно - для бессознательного является более чем правильным, - оно так воспринимает мир и человека в связи с событиями этого мира. Безусловно, для того, чтобы научиться избавляться от негативных психических состояний, - необходимо, прежде всего, прояснить принципы и закономерности образования этих состояний. Любое психическое расстройство имеет какое-то, неизвестное для сознания человека, значение. Каждый человек прячется за свою болезнь. Что-то иное в его жизни, более тревожное и тяжелое, заставляет человека прятаться. Что же это? Для каждого у нас - это всегда индивидуальная причина. Всякий страх, всякий невроз имеет свои корни или свое основание в бессознательных представлениях - эту истину преподнес миру психоанализ. Мы пытаемся понять, как зарождаются эти расстройства, и каким способом можно от них избавиться, то есть переосмыслить их. В идеальном понимании быть здоровым означает быть сознательным, в более широком смысле, чем мы обычно понимаем, но возможно ли

такое состояние для человека - остается тайной за семью печатями. Быть сознательным, очевидно, предполагает, что человек знает свою психику и полностью владеет своими психическими силами. Способен ли человек контролировать и направлять свои психические способности на осуществление своих высших целей, если он является ярко выраженной и уникальной индивидуальностью?

«В психологии примитивных существ (и детей тоже), у которых, например, существуют основы веры в духов, особенно достойны внимания такие психические явления, как страхи или желания, которые не испытываются и не познаются примитивным человеком как часть его собственной психе, но спроецированы на его окружение и объектифицированы в виде демонов или злых духов. Таким образом, примитивное существо (и ребенок) отождествляет себя с окружающей средой, поскольку она содержит значительную часть их собственной психологии. Что верно для примитивного человека, то верно, хотя и в меньшей степени, для человека цивилизованного, до тех пор, пока он « не осознает» своей собственной психе». [4,19] То, что для примитивного мышления объективировано в образах демонов, в современной психики дифференцируется на парциальные личности. Если для примитивного человека духи и демоны действуют во внешнем мире, то, в процессе психической эволюции эти существа переселились в область бессознательного и стали психической собственностью человека. Для примитивного мышления не существует границы между Я и не-Я. Духи и демоны живут не отдельно от человека, они живут в одном мире с ним. Процесс психической эволюции, процесс дифференциации Я от не-Я привел к тому, что эти существа стали жить не с человеком, а уже внутри человека, в его психике. Примитивный человек не проецирует свой внутренний мир на окружающую действительность он просто, в силу своего группового и магического мышления видит свое внутреннее во внешнем в виде различных существ, он слит с окружающим миром. Психическая эволюция, процесс дифференциации Я от не-Я отозвал этих существ в свой внутренний мир. Боги и духи стали парциальными личностями. Клиническая практика уже длительное время подтверждает тот факт, что в бредовых образованиях больных

шизофренией фигурируют картины древних религий и мифологий. Об этом писал еще Е. Блейлер, а К. Юнг во многих своих работах доказал существование этого феномена. «Главнейшие мифологические мотивы всех рас и эпох являются общими; я мог бы указать ряд мотивов греческой мифологии в сновидениях и фантазиях душевно больных чистокровных негров» [119, .92] Таким образом при психических расстройствах человек вновь оказывается в границах филогенетического времени. Дифференциация Я от не-Я требует функционирования фактора времени, активизации онтогенетического времени личности. Именно поэтому процесс формирования «Я» связан со временем, с внедрением линейного времени в психическую деятельность человека.

До тех пор, пока мы психически отождествляем себя с мирозданием, пока наше «Я» равно не-Я, - до тех пор мы психически растворены в едином филогенезе. Для примитивного, магического мышления не существует отдельный человек, индивидуальность вне окружающего космоса. Как только я начинаю дифференцировать свои бессознательные психические содержания от сознательных представлений, и начинаю противопоставлять себя остальному миру,- я обретаю индивидуальность, а значит личностную смерть. В нашем филогенетическом миропереживании состояние смерти является универсальным, смерть не личностная категория, она не воспринимается как прекращение всего, для примитивного мышления смерть – это переход в иную форму жизни. Но уже в личностной истории каждого из нас смерть — это уже не переходное состояние, а явление, вызывающее тревогу и ужас. Для нас она наделена индивидуальным трагизмом, то есть эмоциональной насыщенностью и именно вследствие этой насыщенности человек заболевает и умирает намного раньше, чем биологически может наступить его смерть. Наша внутренняя потенциальность наше бессознательное бессмертие не дает нам покоя, - мы интуитивно переживаем состояние бессмертия, мы ищем и находим это состояние в нашей социальной жизни, в нашем художественном, научном и социальном творчестве. Наши памятники литературы и искусства мы называем бессмертными творениями. Именно таким образом наше бессознательное пытается компенсировать однобокость сознания.

Прежде всего, попытаемся выдвинуть недоказуемую с точки зрения эмпирической психологии, гипотезу: человек бессознательно продлевает время своей жизни, актуализируя ряд парциальных личностей (субличностей), каждая из которых наделяется собственным жизненным временем. С этой точки зрения, диссоциативное расстройство идентичности является отрицанием конечности жизни, попытка избежать мучительных переживаний смерти. Человек, наделенный Я-сознанием, не в силах адаптироваться к мысли о смерти. Он осознает ограниченность жизненного цикла и это осознание привносит драматизм в повседневную жизнь личности. Время для человека всегда психологично. Поэтому говорить о хронологическом времени в отношении психического развития личности представляется несколько навязанным или искусственным. Если бы человек мог жить в соответствии с хронологическим временем, то очевидно, он был бы застрахован от любых психических отклонений. Реальность же оборачивается к нам совсем другой стороной. Человек вносит свою эмоциональность в так называемое хронологическое время, полностью нарушая последовательность своего жизненного времени. Временем становится то, что востребовано психоэмоциональными состояниями личности. Все, что представляется нам тревожным или неопределенным не ассимилируется сознанием, не становится его собственностью, отвергается им и в тоже время оседает в нашем бессознательном, обрывает в нем смысл и физиологией. Любая тревожная для нас мысль, переживание становятся для нас психически реальными в том случае, если они обосновываются бессознательным. Поэтому всякое психическое расстройство является обоснованным для нашего бессознательного, но оно обосновано не как расстройство, а как необходимость. При этом сознание человека не принимает и не понимает обоснованность бессознательного, оно исходит из совершенно иных критериев необходимости. Таким способом в нашей психике формируются автономные структуры, каждая из которых считает свою стратегию поведения единственно правильной. Парциальные личности являются носителями жизненного времени. Для бессознательного уровня нашего психического аппарата формирование парциальных личностей обусловлено не только, как мы уже об этом писали, способом ассимиляции

травматических событий. Психологическая выгода парциальных личностей в их разобщенности, в нарушенной целостности, так как лишь при наличии целостного подконтрольного психического аппарата начинает осознаваться конечность жизни. В парциальных личностях отсутствует переживание смерти, так как в них отсутствует целостность и контроль Я-сознания. Таким образом, структурируется диссоциативное расстройство идентичности. Именно при диссоциативном расстройстве личности динамика и трансформация психологического времени приобретает рельефность. Дробление единого психического аппарата на несколько автономных частей или субличностей представляет собой процесс потери контролирующей функции Я-сознания личности. Обособившиеся субличности представляют собой грани психического аппарата, обладающие собственной психофизиологией. В формировании ДРИ происходит своеобразный взрыв психологического времени, психологическое время (возрасты личности и их содержания) дробится на отдельных носителей. Каждая субличность, как автономное образование, функционирует в отдельном психологическом времени, в отдельном возрасте. Разрушение контролирующей функции сознания является отражением процесса выхода из границ линейного времени. Мы сталкиваемся с процессом дробления единого целостного возраста личности на субвозрастные автономные части. Возраст личности является смысловой, целостной, ценностной и психоэмоциональной категорией. Актуальные психические содержания, не получившие своего разрешения и развития, выделяются из общей психической структуры и образуют субличности. Когда мысли и переживания личности лишаются необходимого уровня психической защищенности, на одном уровне функционирования психического аппарата, на уровне Я-сознания, тогда эти мыслепереживания обособляются в автономные личности на другом функциональном уровне. Отторгнутые мыслепереживания формируют субличности. Именно таким путем в нашем психическом мире "плодотворно осуществляют свою "деятельность" структуры порождающие фобии (иррациональные страхи), тревожность, депрессивные и различные невротические состояния. Создается своеобразная ситуация самоуничтожения, когда правая рука не только не знает, что

делает левая, но при этом и не желает этого знать. В пределах временных и пространственных реалий автономность психических структур приобретает функциональную самостоятельность, то есть условная структура, порождающая страхи или невротические состояния начинает действовать сама по себе, совершенно не считаясь с целесообразностью подобных действий для сознания. По большому счету, всякий невроз, всякое расстройство представляет собой функционирование автономных субличностей, то есть каждое расстройство является, строго говоря, диссоциацией идентичности. По той простой причине, что всякое расстройство вносит неопределенность в восприятие идентичности. Невротические расстройства не могут сформироваться, если «Я» обладает функцией контроля над мыслями и переживаниями личности. Если эти мысли и переживания включены в единое поле линейного, хронологического времени. По сути, формирование любого психического расстройства представляет собой процесс выхода из линейного времени. В нашей норме все мы потенциально больны, но наши латентные расстройства контролируются Я- сознанием, Я- сознание контролирует наше состояние в линейном, сознательном времени. В то же случае, когда этот контроль теряется, запускается процесс формирования автономных носителей «Я», и разрушения единой, целостной идентичности. Таким образом, всякое психическое расстройство - это нарушение целостности «Я», а это значит, что в каждом расстройстве всегда под ударом оказывается идентичность личности. Формирование психических расстройств становится процессом заполнения структуры «Я» бессознательными содержаниями, с одновременной утратой контролирующей функции «Я», или с ослаблением этой функции. Бессознательная вневременность внедряется в сознательную линейность времени. И это внедрение осуществляется с помощью сформированных автономных, парциальных личностей. Впрочем, это процесс взаимообусловленный. Расстройство формируются, когда мы в нашей психической деятельности переходим в область бессознательного измерения времени. Я-сознание утрачивает функцию контроля за обеспечением линейности, последовательности и целостности психических процессов (как в сновидческом состоянии). Разрушается именно

целостность сознательного мировосприятия. Личность оказывается на границе двух временных измерений. Диссоциация становится негативным способом преодоления страданий личности. При психических расстройствах мы наблюдаем переход в сознательную сферу вневременных, не соответствующих хронологическому жизненному циклу личности, бессознательных содержаний. Недифференцированная во времени полнота бессознательного пытается вытеснить сознательную линейность. Всякое переживание имеет нераскрытый смысл. Смысл, отвергнутый или вытесненный сознанием. Я - сознание личности не способно, в виду своей ограниченности, мгновенно всесторонне интерпретировать и принимать содержания бессознательного, оно дистанцируется от этих содержаний в силу их тревожного и неопределенного характера, поэтому вместо осознания формируется переживание. Переживание становится, таким образом, выражением отторгнутой Я-сознанием активности бессознательного. Эмоции формируются во спасение целостного психического аппарата, они становятся трансформированной формой активности бессознательного уровня психики. Эта бессознательная активность не может быть в одночасье включена в хронологическую, смысловую последовательность жизненного цикла личности. Она должна сначала пройти стадию переработки, стадию эмоциональной адаптации. Содержания бессознательного вначале передаются с помощью неосознаваемых эмоций, до тех пор, пока они не находят свое место в целостном хронологическом жизненном времени личности. Бессознательный смысл выражается не форме интерпретированной и интерпретируемой мысли, а в форме отношения к этому смыслу, то есть в форме эмоций. Эмоция становится, таким образом, попыткой бессознательного передать Я-сознанию смысл собственной истины. Бессознательное манифестирует себя также с помощью эмоций. Поэтому эмоции обладают адаптационным потенциалом, ведь эмоции - это средство для адаптации к среде, как внутриличностной, так и межличностной. По отношению к внутриличностной среде эмоции должны отражать более или менее адекватно бессознательные смыслы психики, адаптировать эти смыслы к целостному психическому аппарату. Эмоциональные реакции не обладают достаточной гибкостью и высоким

уровнем дифференциации. Поэтому эмоциональное отреагирование всегда неполноценно. Однако, до тех пор пока эмоции способны так или иначе адаптировать бессознательные содержания к целостному психическому аппарату, то тех пор процесс формирования расстройства сдерживается. При утрате этой адаптивной функции эмоций мы стоим перед угрозой формирования психического расстройства. Этот же процесс мы интерпретировали выше с точки зрения временных отношений прошлого и настоящего. В границах нашего исследования мы сконцентрировали интерес на диссоциативном расстройстве идентичности. Обобщая, имеющиеся в клинической психологии и психиатрии данные, мы можем сказать, что в целом диссоциативное расстройство включает в себя пять основных видов: 1) амнезия, при которой личность не может вспомнить важные сведения или информацию о себе. При этом трудность в запоминании выходит за границы простой забывчивости. Необходимо отметить, что забывается в основном информация, содержащая травматический опыт личности, 2) диссоциативная fuga. Часто ее путают с бродяжничеством. В этом случае, вследствие провалов памяти о прошлом, человек выходит из дома и уходит или уезжает на большие расстояния, 3) диссоциативное расстройство идентичности, при котором личность находится в плену нескольких идентичностей, 4) деперсонализация, и наконец, 5) дереализация.

Хотя и диссоциативные расстройства включают в себя пять основных видов, тем не менее, мы не вправе их отграничивать по смысловому регистру. Практически все виды расстройств имеют между собой много общих симптомов, именно поэтому и объединяются в единый кластер. При всех видах диссоциативных расстройств мы, так или иначе, видим проблему идентичности, будь то при диссоциативной фуге, деперсонализации или диссоциативной амнезии. При деперсонализации, классически выделяются два вида: чувство нарушения Я и нарушение чувства Я, то есть деперсонализация в узком и широком смысле. При нарушении чувства Я мы как раз сталкиваемся с феноменом нарушения или изменения идентичности, при чувстве нарушения Я личность испытывает интрапсихические изменения восприятия мира и

себя. Все эти виды могут сочетаться. Открытые К.Вернике три сферы психического проливают свет на диссоциативные процессы: аллосфера, соматосфера, аутосфера. Соответственно этой дифференциации выделяется аллопсихическая деперсонализация или дереализация, соматопсихическая деперсонализация отчуждение тела (деперсонализация) и аутопсихическая деперсонализация, то есть чувство потери Я. Во всех этих подвидах нельзя не обнаружить нарушение идентичности.

3.2 Развитие представлений о диссоциативном расстройстве идентичности

Хронология развития представлений о диссоциативном расстройстве личности восходит к Парацельсу (Paracelsus) (настоящее имя Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенхайм (Гогенгейм) Парацельс-это псевдоним, подобранный для себя самим врачом, означает, «превосходящий Цельса», одного из авторитетов и основоположников медицины Авла Корнелия Цельса. Парацельс, конечно же, был достаточно противоречивой фигурой, однако многие его идеи эффективно послужили для развития медицины. Психические заболевания Парацельс объяснял активностью «воспаленного воображения» и еще в свое время предложил методику их лечения с помощью восковых фигур. По сути, Парацельс может считаться основоположником современной арттерапии. В своей терапевтической деятельности он ставил во главу угла перенос эмоциональных проблем человека на другой материальный предмет, «прегрешения личности». С этой целью больной лепил свое изображение с помощью воска, а потом проецировал на это изображение мучавшие его эмоции. Согласно F.H. Garrison, Парацельс описывал в 1646 году очень интересный случай воровства. Женщина воровала у самой себя, но при этом не помнила этого. Это показательный случай диссоциативной амнезии. Вором оказалась её вторая личность, действия которой у первой амнезировались.[180] Феномен множественной личности или вернее диссоциативного расстройства идентичности на протяжении длительного времени вызывал с одной стороны крайнее любопытство, с другой - сомнение. Вместе с тем этот феномен длительное время находится в центре внимания и обсуждения, как специалистов, так и людей, далеко отстоящих от психиатрии. Как известно, в 1954 году врачи Корбетт Х. Тигпен и Харвей М. Клекли описали случай множественной личности, который лег в основу нашумевшего фильма «Три лица Евы», мировая премьера которого состоялась 23 сентября 1957 года в США. Случай Евы стал поворотным моментом в современной истории изучения множественной личности. Знаменитая книга психиатров и снятый фильм возбудили интерес социального мира к этому феномену. Загадочность расстройства породила самые нелепые предположения. Однако иначе и не могло быть.

Часто именно общественный интерес к проблеме запускает процесс ее глубокого исследования. Эволюция человеческих представлений о множественной личности, или в современной терминологии, личности с альтернативной парадигмой сознания, особенно выделяет 1791 год. Считается, что это дата первого научного доклада по проблеме множественной личности. Автор доклада Эберхард Гмелин. Однако, до этого доклада история хранит сведения о том, как этот доклад стал возможным вообще. [180,70-74]

Собственно говоря, проблема множественной личности первоначально оказалась в центре внимания благодаря Ф.А.Месмеру с его знаменитой теорией магнетизма. Длительное время, благодаря опытам Ф. А. Месмера, множественная личность как психический феномен, фигурировал в качестве сенсации, при этом научное изучение проблемы оставляло желать лучшего. Первые догадки о существовании множественной личности принадлежат уже знакомому нам маркизу де Пюисегюр. Весной 1784 года он возвращается в свое имение во Франции после уроков по животному магнетизму у Ф. Месмера. Находясь под впечатлением увиденного, маркиз Puységur принялся лечить зубную боль у жены своего сторожа. После нескольких удачных опытов, он решил вылечить отек легких у одного из своих работников, по имени Виктор. После воздействия, к всеобщему удивлению, Виктор заснул. Однако при этом, Виктор одновременно бодрствовал, он, по сути, не спал. Он впал в необычное состояние сознания и стал говорить от другого лица. Будучи от природы глупым человеком, Виктор в состоянии транса стал демонстрировать необычные способности, мог диагностировать людей, высказывал глубокие научные идеи. После выхода из транса, Виктор ничего не помнил. Маркиз де Пюисегюр решил назвать это состояние «магнитным сном», или «магнитным лунатизмом». Согласно де Пюисегюр «магнитные сны» демонстрируют автономный психический мир, который не идентичен сознанию. Он считал, что существует альтернативное сознание, которое обладает своими личностными качествами и своей памятью. Строго говоря, «открытие» французского маркиза указывали на существование области бессознательной психической деятельности. Вклад маркиза де Пюисегюр невозможно переоценить: до его «открытия», причины психических заболеваний сводились либо к органической парадигме, либо к

одержимости злыми силами. Теперь же наука получила беспрецедентную возможность исследования бессознательного уровня психики, а это означало, что психические заболевания уже могли интерпретироваться с новых, более продуктивных позиций. Парадигма альтернативного сознания открыло возможности, как для построения теории, так и способствовало в дальнейшем формированию эффективных психотерапевтических систем. Иронией судьбы вдохновителем этого открытия стал именно Ф.Месмер. Спустя семь лет после знаменитого «магнитного сна» Виктора, появился первый научный доклад о множественной личности. Доклад содержал подробный отчет об истории 21-летней женщины страдающей расстройством множественной личности. Она жила в Германии, в Штутгарте. Неожиданно в ней стала проявляться «некая француженка». Она чувствовала себя француженкой, эмигрировавшей в Штутгарт из-за Великой французской революции. Время от времени в ней просыпалась француженка, в этом состоянии она демонстрировала блестящие знания французского. [149]

Понятие «магнитный сон» недолго «прожило» в науке, на смену ему пришел термин, навсегда закрепившийся в психиатрии и в клинической психологии. В 1842 году с легкой руки английского хирурга Джеймса Брейда в науку перекочевал более адекватный термин «гипноз». Новый термин по своему мифологическому значению более соответствовал известному психическому феномену, который уже занял прочное место в науке как предмет исследования. Гипноз-брат близнец Танатоса, бога смерти, сыновья Никты (Ночи). Танатос и Гипноз - неразлучны, их мать Никта традиционно изображается с распростертыми крыльями, на каждом крыле она держит по одному младенцу: в одной руке белый младенец, символизирующий сон, в другой руке черный младенец, символизирующий смерть. Кроме бога сна, существует также бог сновидений - Морфей. Объективности ради следует сказать, что явление гипноза очень давно известно человечеству. В знаменитой книге Э.Шюре описываются процедуры наведения транса и исцеления. По сути, все знаменитые предсказания античности обретались с помощью трансовых состояний, которые, скорее всего, были гипнотическими. Известна история, связанная с «экспериментатором древности Апулеем, использовавшим, судя по ис-

торическим описаниям, гипнотические техники со своими рабами, для получения предсказаний на будущее. Так как толчком для развития знаний о феномене множественной личности послужило открытие трансовых состояний и различных форм гипноза, то мы посчитали уместным чуть подробнее остановиться на этой теме. Г. Эллиенбергер в своих чрезвычайно глубоких и интересных исследованиях прослеживает развитие представлений о бессознательном уровне психики, затрагивая, естественно, вопрос о трансовых состояниях. Несмотря на знания людей о трансовых состояниях в глубокой древности, их повторное открытие становится научным фактом. Если в древние культурно-исторические эпохи психологические знания были собственностью особых посвященных - жрецов и шаманов, то открытие гипноза в 18-19 веках освободило его от эзотерического «плена». Рассматривая развитие знаний о трансовых состояниях в русле становления динамической психиатрии, Г.Эллиенбергер описывает интеллектуальную и социальную борьбу двух известных личностей, конфликт между врачом Ф.Месмером и экзорсистом Гасснером. Личность Гасснера, достаточно загадочная, вызывала трепет и благоговейный ужас толпы. Он был знаменитым целителем, владеющим техникой наведения транса. При этом Гассен пользовался покровительством церкви, он выступал от имени церкви, по этой причине его принимало общество. Ф.Месмер был человеком Просвещения и науки, а это значит, что его путь пролегал не столь гладко. Тем не менее, именно Ф. Месмеру судьба отвела роль победителя в этом конфликте, науки против церкви, ученого против священника. О жизненном пути Иоганна Йозефа Гасснера (1727 — 1779) кроме сугубо биографических фактов, известно немного. Сведения о его профессиональной деятельности крайне скудны. Согласно Г. Эллиенбергеру, И. Гасснер различал два рода заболеваний: естественные, которые подлежали медицинскому лечению, и болезни, имеющие сверхъестественные причины, подразделенные им на три категории: *circumsessio* (имитация дьяволом естественных заболеваний), *obsessio* (результат колдовства) и *possessio* (одержимость дьяволом), наименее часто встречающееся. Диагноз «*possession*» и является, собственно говоря, диссоциативным расстройством идентичности. И Гасснер, судя по всему, обладал очевидными

гипнотическими способностями. Прежде всего, он формировал у больного необходимую суггестивную установку. Условием излечения была вера в Иисуса Христа. Лишь после этого он спрашивал его согласия на применение испытательного экзорсизма. Затем происходило то, что должно было произойти: больной демонстрировал явные признаки «одержимости», а И. Гасснер ловко демонстрировал свои парапсихологические способности. Если симптомы появлялись, И.Гасснер считал это доказательством того, что болезнь вызвана дьяволом, и продолжал изгонять из больного демонов, но если никаких симптомов не проявлялось, он отправлял пациента к врачу. Таким образом, он считал, что его позиция неоспорима как с точки зрения католической ортодоксальной религии, так и с точки зрения медицины. Все вышеописанные процедуры «исцеления» содержат мощный суггестивный элемент, что нетрудно заметить даже неспециалисту. Конечно же, «изгнание дьявола» обладало определенным терапевтическим эффектом, однако прибавляло значительно больше психологических проблем человеку. Вследствие «процедуры» испытательного экзорсизма чувство вины навсегда закреплялось в психике человека и могло проявиться в дальнейшем в непредсказуемо трагических формах. Раз уж, вследствие этой процедуры дьявол изгонялся, значит, человек был греховен уже в том, что он в него вселился, значит, он не был искренним христианином и на нем сидела эта непростительная вина. Кроме того, тело захваченное дьяволом уже не могло быть здоровым, оно было ранее носителем дьявольской силы. Поэтому выходом из этой ситуации, способом избавления от греховности и вины становится суицид. Интересно, вела ли церковь учет лиц, покончивших собой, вследствие избавления от нечистой силы? Или лиц, живущих с нечистой силой в душе, но проживших долгую жизнь и умерших своей смертью? Постепенно на смену экзорсизму приходит век Просвещения. Несмотря на то, что Ф. Месмер также не проложил гладкую общепризнанную дорогу, тем не менее, век И.Гасснера подошел к своему концу и сама церковь запретила ему опыты экзорсизма. В 1773 году был распущен орден Иезуитов, времени печально известной охоты на ведьм пришел конец: последняя «ведьма» - Анна Гелди, была казнена в 1782 году, в Швейцарии. Вместе с формированием негативного отношения к процедурам изгнания дьявола,

научный мир Европы стал отрицать существование одержимости вообще. Вместе с водой общество выплеснуло из ванны и ребенка: феномен множественной личности так же на длительное время отошел в тень. И все же на смену религиозного восприятия психических заболеваний постепенно приходила наука и это, безусловно, было важнейшим завоеванием просвещенной мысли человечества. И, прежде всего, этот перелом начался с Ф. Месмера. Несмотря на противоречивость и экстраординарность этой личности, все же Месмер был тем самым лицом, который противопоставил науку религии. Он не был шарлатаном, в чем его постоянно обвиняли, он был пионером гипнотерапии. Кроме того, именно Ф. Месмер высказал ряд блестящих идей, которые в дальнейшем стали, краеугольными в психоанализе. Элленбергер Г. приводит описание случая лечения Месмером Ф. слепой 18летней девочки Марии-Терезии Парадиз, которая ослепла в 3 года. С тех пор она неимоверными усилиями получила прекрасное образование, причем имела блестящие музыкальные способности. В результате лечения больная стала видеть, однако венские врачи отказывались принимать этот факт, несмотря на то, что сама больная говорила об этом. К тому же они установили, что больная видит лишь в присутствии самого Ф. Месмера. В результате разгорелся конфликт между Месмером Ф. и семьей Парадиз. Месмер Ф. прекратил лечение, и больная вновь ослепла. Причины этого Месмер Ф. объяснил тем, что сама больная не была заинтересована в своем излечении, так как она была знаменитой слепой музыканткой, а после выздоровления она бы утратила свою славу. А родители девушки крайне были заинтересованы в щедрой финансовой поддержке семьи со стороны императрицы, то есть косвенно были заинтересованы в слепоте дочери. Эти мысли о вторичной выгоде болезни впервые были блестяще подмечены именно Месмером Ф., а не З. Фрейдом. Несмотря на то, что Месмер Ф. так и не получил признания в научном мире, что было связано не только с отсутствием в его мировоззрении объективной научной базы, но также и с его негативными личностными чертами, все же гипноз продолжал оставаться в центре внимания врачей. Проблема гипнотизма и дуальной личности глубоко разрабатывалась во Франции в 18 веке. Гипноз вообще начал интенсивно произрастать на благодатной

спиритуальной французской почве. Исследования гипноза, трансовых состояний невольно оказались в введении спиритуализма и философии. Это можно понять, учитывая то, что философия во Франции 18 века являлась реально психологией. Неудивительно, что П. Жане имел первоначальное философское образование и его открытия в области психиатрии приходятся на то время его жизни, когда он еще не имел второго, медицинского образования. Являясь носителем передовых идей своего времени П.Жане концентрирует внимание на изучение человеческого сознания, на исследование «Я». Не имея представлений о сущности «Я», невозможно было понять, каким образом формируется раздвоение личности. Целый ряд одаренных философов или спиритуалистов ставили перед собою цель исследования сознания и самосознания личности. Среди этой блестящей плеяды следует выделить Мен де Бирана. Он считал, что философия должна заниматься не поиском первопричин, так как источник знаний о вселенной содержится в человеческом сознании. А изучение сознания может осуществляться с помощью интроспективного метода. Самонаблюдение-это единственный метод изучения сознания. Таким образом, предметом философского анализа является активное «Я» личности. Из этого следует, что сознание Биран рассматривал в двух проявлениях-активном и пассивном. Биран выделяет критерий различения пассивного от активного. Сознание имеет свои степени, из которых философ выделяет четыре: аффективная, сензитивная, степень восприятия, рефлексивная. Рефлексивная степень сознания обеспечивает его единство. При душевных заболеваниях происходит распад «Я», и психика переходит на уровень автоматического управления, без контроля воли. Несложно догадаться, что в этой идее легко обнаруживается генезис диссоциативного расстройства идентичности, или «Я». Дробление единого «Я» приводит к утрате контролирующей функции и переводит психику на уровень автоматического управления. Следуя размышлениям Бирана, можно сделать вывод, что чувство единого «Я» формируется волей, а разрушение этого чувства можно назвать патологией воли. [58, 31-43]

Для Теодора Жюффруа (1796-1842) единство «Я» обеспечивается непосредственной интуицией личности. В различных состояниях «Я» необходимо его переживание, это является основанием для здорового функционирования психики.

Однако огромный вклад в развитие наших представлений о множественной личности внес, безусловно, П. Жане. К удивлению и, к сожалению, имя этого талантливого ученого на длительное время было несколько вытеснено из истории психиатрии. Между тем целый ряд блестящих идей П. Жане в дальнейшем был подхвачен психоанализом, при этом без упоминания имени их автора. К сожалению, в этой истории много темных сторон. Однако, в редко встречающихся высказываниях З.Фрейда о Жане, просачивается небольшая информация об их взаимоотношениях. Так, З. Фрейд, как известно, стажировался у Шарко в клинике Сальпетриер, в которой в это же время работал П. Жане. Несмотря на это, З.Фрейд утверждал, что ни разу не встречался с П.Жане. Тем не менее, в другом месте, в "Очерке истории психоаналитического движения", З. Фрейд пишет о том, что у него вызывает недовольство бытующее мнение, что психоанализ повторяет научные открытия П. Жане. П. Жане изучал истерию, так называемую, «Илиаду страданий». Его наблюдения над истерическими больными подвели к формированию любопытной гипотезы о связи состояния чувствительности и состояния памяти. Память и эмоции, чувствительность и память, - что определяет наши эмоциональные состояния? Именно эти проблемы в центре внимания Пьера Жане. Согласно П.Жане, наша память непосредственно обусловлена нашим эмоциональным состоянием. Это значит, что тот или иной эпизод нашей жизни может быть воспроизведен в том случае, если мы испытываем то же эмоциональное состояние, в котором находились во время эпизода. То есть память подчиняется эмоциональному состоянию человека. П.Жане различает чувствительную память и интеллектуальную память. Воспроизведение ранее испытанной эмоции и ощущения является элементом чувствительной памяти. Эмоциональные образы вызывают воспоминания конкретных эпизодов. То есть каждый эпизод пронизан эмоциями или ощущениями. Как только появляется ощущение или эмоция, то сразу появляется воспоминание. Устойчивость чувствительности определяет

устойчивость памяти. Огромное место в наследии П.Жане занимает проблема множественной личности. Он говорит о единстве «Я», о том, что это единство может разрушаться, в результате чего образуются новые психические центры, вокруг которых группируются мысли и чувства. П.Жане отмечает, что эти новые образования, или новые центры формируют собственную идею «Я», то есть совершенно новую личность, обладающую собственным характером, памятью, темпераментом и своими личностными особенностями. Историк психологии Г.Элленбергер отмечает, что П. Жане был одним из первых ученых, предпринявший изучение множественных гипнотических подличностей. П.Жане описывает случай существования различных альтер - эго у одной из пациенток, Леонии, которая одновременно кому-то грозила сложенной в кулак правой рукой, а левую руку держала в молитвенной позе. При этом лицо Леонии также было разделено на две части в своей экспрессии, одна половина выражала гнев, другая - раскаяние. Диссоциативное расстройство обладает также различными вариантами соотношения личностей. Сосуществующие альтер - личности могут иметь различные границы разделения. Согласно П. Жане, разделение может быть полным и неполным. При неполном разделении вторая личность повторяет и развивает мысли и поведение первой. При полном разделении, или при независимом сосуществовании, несколько личностей функционируют в различных психологических и социальных мирах, в различных направлениях. Однако взаимоотношения между альтер-личностями могут носить и другой характер: вторая личность может стать доминантной и диктовать первой свое мировоззрение, свои паттерны поведения и эмоционального отреагирования. В процессе формирования диссоциации генерирующими факторами становятся травматические переживания личности. Когда психическая активность личности не ассимилирует травматические эпизоды жизни, последние образуют собственные центры психической активности. Несложно увидеть в этом положении классическую психоаналитическую схему формирования множественной личности. Именно эта модель формирования диссоциативного расстройства, однозначно была предложена П.Жане. П. Жане считал, что диссоциативные расстройства часто наблюдаются у больных истерией. Поэтому

истерию П.Жане определял как «психическую дезинтеграцию». При диссоциации, согласно П.Жане, система мыслей и эмоций эмансипируется, при этом формируется независимый самостоятельный психический центр, который развивается вне контроля единого «Я». П. Жане очень образно описывает этот процесс формирования альтерличностей, которые развиваются слишком пышно, а с другой стороны, за счет одностороннего автономного развития в сознании образуется незаполненная ниша, то есть амнезия или бессознательность. Кроме того, в наследии П.Жане есть одна очень примечательная сторона, о которой мы вскользь говорили выше: именно у П.Жане впервые появились догадки о трансфере, причем как позитивном, так и негативном. П.Жане отмечал, что пациенты часто относятся к терапевту, то, как к родителю, то, как к брату или мужу. При этом П.Жане считал, что проявления трансферентных эмоций часто бывают смешанными, состоящими из позитивных и негативных эмоций. На своем терапевтическом опыте он понял, что пациенты испытывают сильную ревность к терапевту, требуют, чтоб терапевт ни с кем более не работал. Смысл терапии, по П. Жане, состоял в том, чтоб активизировать ментальный процесс пациента, который не был способен к синтетическому мышлению, или который страдал психической дезинтеграцией. Цель терапии в формировании психического синтеза, или психической целостности пациента. В лечении истерии необходимо добиваться минимальных психических затрат для приспособления к жизни. Богатое научное наследие П. Жане нашло свое дальнейшее развитие в исследованиях современных ученых. В качестве таких исследователей мы хотим выделить Vander Kolk B. A, BoonS., Fonagy P., Kiziltan E, Bakim B.

Современное состояние проблемы диссоциативных расстройств. В современной психиатрии выделяется отдельная нозология - «Диссоциативные расстройства», которая включает пять основных видов. «Существует 5 основных видов диссоциативных расстройств: 1) диссоциативная амнезия; 2) диссоциативная fuga; 3) диссоциативное расстройство идентификации (расстройство в виде множественной личности);

4. деперсонализационное расстройство; 5) диссоциативное расстройство неуточненное. Общим диагностическим признаком этих расстройств является психогенно обусловленная утрата нормальной интеграции сознания, идентификации и восприятия окружающего» [45, 195] Прежде всего, приведем психиатрические характеристики видов диссоциативных расстройств. В психиатрии точно так же допускается положение о формировании автономных бесконтрольных субличностей. «Сужение поля сознания допускает диссоциацию некоторых психических функций, т.е. выпадение из - под контроля личности, благодаря чему они становятся эмансипированными и управляют поведением индивида». [45, 195] Это положение явно приближается к теории автономных комплексов К.Г. Юнга. Диагностическим критерием диссоциативной амнезии является следующее: «Преобладает один или несколько эпизодов больного вспомнить важную информацию, касающуюся лично его, обычно связанную с травмирующим или стрессовым событием в жизни. Нарушение столь выражено, что его нельзя объяснить простой забывчивостью». [45, 196] При этом не отмечается какое-либо нарушение сознания. Диссоциативная амнезия, согласно Каплан, считается наиболее распространенным среди диссоциативных расстройств. Оно формируется часто вследствие пережитых эмоциональных травм Мы бы хотели отметить, что травмы как раз не были пережиты, их переживание осталось незавершенным, поэтому они постоянно врываются в настоящее время личности. Диссоциативная fuga выражается в симптомах передвижения без всякой необходимой причины, часто на дальние расстояния. Вследствие того, что у личности уже имеет место амнезия, то такие передвижения не воспринимаются ею как нечто из ряда вон выходящее. Мы тут наблюдаем явный разрыв временных категорий-прошлое подверглось вытеснению, решение о передвижении основывается на настоящем и предвидении будущего, но оно не обусловлено прошлым. Может быть, это решение передвижения вполне вписывается в логические объяснения с точки зрения настоящего и будущего личности, однако это решение совершенно алогично с точки зрения прошлого. Это можно расценивать как своего рода дистанцирование от прошлого в патологической форме активности. Человек пытается

освободиться от травмирующего прошлого не способом осознания, а способом бегства от него. Тем более, что: « В период фуги поведение не отличается от поведения психически здорового человека» [45, 197] Мы считаем, что в этом случае, как и диссоциативном расстройстве вообще, имеет место разрыв в линейном времени, выход из линейного времени. Полноценно психически здоровый человек живет в осознанной временной последовательности, между тем в диссоциативных расстройствах (впрочем, как и практически в любой патологии) нарушается осознание себя в во временном континууме прошлого-настоящего и будущего. Поведение личности подчинено бессознательной парадигме темпоральности.

Диссоциативное расстройство идентификации (идентичности) определено как: «Сосуществование двух или более личностей в одном человеке, каждая из которых периодически определяет его поведение и образ мыслей». [45, 197] В этом виде расстройства налицо амнестические барьеры: человек не помнит о других личностях, которые направляли и программировали его поведение. Как отмечают Г.Каплан и Б. Сэдок: «Встречается не столь редко как считалось раньше. Определяется у 5 % всех пациентов с психическими расстройствами». [45, 197] Деперсонализационное расстройство: «Устойчивое переживание нереальности своего тела и собственной личности. Оценка внешней реальности не страдает».[45, 197] Если личность переживает чувство нереальности своего тела, то мы можем поставить перед собой вопрос: а на что нацелена эта психическая защита? Судя по всему, так как человек дистанцируется от переживания собственного тела, он имеет травматический телесный опыт, это может быть насилие по отношению к телу, не только сексуального характера. Так, человек может потерять чувствительность лица вследствие пощечин, нанесенных в какой - то период жизни. Бессознательное стремление вытеснить память тела о травмирующих событиях может выражаться также в действиях компульсивного характера, в навязчивом стремлении постоянно мыть лицо, «смыть с лица травму». В симптомах деперсонализации: «Часто наблюдаются искажения в ощущении времени и пространства,- (выделено мной -Вл. Микаелян) кажущаяся несоразмерность конечностей и дереализация (ощущение

нереальности окружающего мира)»[45,197]. При искажениях ощущения времени и пространства естественно формирование дереализации, так как внешний мир воспринимается нами в линейном времени. Деперсонализационное расстройство имеет сходство с диссоциацией идентичности. «Деперсонализация-нарушение самосознания личности, сопровождающееся отчуждением некоторых или всех психических процессов: чувство изменения, утраты, отчуждения или раздвоения своего «я»». [45, 203] Коркина М. В., Лакосина Н. Д. и Личко А. Е. диссоциативные расстройства рассматривают в контексте нарушений самосознания личности, в котором они выделяют деперсонализацию с ее несколькими видами: витальная деперсонализация, аутопсихическая деперсонализация, соматопсихическая деперсонализация.

«Витальная деперсонализация — клинически наиболее тяжелая, когда у больного исчезает само чувство жизни: "я как мертвая", "не пойму, живу я или нет", "я вроде бы и не существую совсем». Что касается аутопсихической деперсонализации, то: «К кругу аутопсихических деперсонализационных расстройств относится и *anaesthesia dolorosapsychica* — болезненная психическая нечувствительность (чувство мучительного бесчувствия), когда больного ничто не радует, не печалит, его не трогают страдания близких, их успехи и это для него очень тягостно, мучительно». И наконец: «Соматопсихическая деперсонализация — выражается в виде чувства чуждости собственного тела либо отдельных его частей или даже их исчезновении. Этот вид деперсонализации необходимо дифференцировать от патологии в виде "расстройства схемы тела». [50, 146-147]

Диссоциативное расстройство неуточненное: «Диссоциативные симптомы выражены, но клиническая картина расстройства полностью не отвечает диагностическим критериям специфического диссоциативного расстройства». [45,204]

Все виды диссоциативных расстройств переплетены друг с другом, они органически связаны друг с другом. К примеру, при диссоциативном расстройстве идентичности имеет место, как эпизодическая амнезия, так и диссоциативная фуга. Когда одна из парциальных личностей завладевает сознанием, вытесняя контролирующее Я, то в данном

случае поведение личности полностью определяется этой доминирующей парциальной личностью, или подличностью, по терминологии П.Жане. В этом состоянии человек действует в соответствии с характером доминирующей парциальной личности, при этом формируется чувство реального Я. Объясняя свое поведение, человек считает, что он действует в границах нормы. Вопрос тут, конечно же, не в том, нормальны ли действия парциальной личности, они вполне могут вписываться в границы социально приемлемого поведения, поведение парциальной личности полностью адекватно в границах нового социального статуса и в соответствии с характером доминирующей личности, - вопрос в том, что поведение парциальной личности не соответствует ни объективному возрасту, ни социальному статусу, а часто и полу человека. Речь идет, таким образом, не о патологии поведения парциальной личности, а о нарушении идентичности личности, целостной подконтрольной Я- сознанию личности, о разрыве временных параметров личности. В контексте бессознательной реальности, поведение парциальной личности вполне нормально, так как она живет в своем психологическом и хронологическом времени, она живет в том возрасте, в котором была вытеснена травма. Возраст парциальной личности определяется хронологическими границами вытеснения травмы.

Kluft R.P. предлагает четырехфакторную теорию этиологии множественной личности, согласно которой склонный к диссоциации индивид, одарен способностью к аутогипнозу, во -вторых, несет с собой травматический эпизод(ы), в третьих, диссоциация в детстве подкреплялась со стороны семьи и в-четвертых, жизнь после травмы не отличалась особыми теплыми эмоциональными отношениями. [190, 161-188] Tudor, T.G. в своей статье о лечении множественной личности приводит глубокие характеристики расстройства. В частности, то, что «Я» множественной личности фрагментировано на несколько частичных «Я», каждое из которых имеет собственную функцию. [216, 197-213] Согласно Tudor T.G. частичные «я» бывают, как правило, нескольких видов: это альтер-личность «хозяин», которая как раз и представляет собой, так называемую, ответственную субличность, так как именно она обращается за профессиональной помощью, личность-хозяин отличается тревожностью и подавленностью, далее фрагменты «Я»

делятся на инфантильные и детские субличности, внутренние преследователи, жертвы, защитники и помощники. При этом «хозяин» может быть осведомленным о них, а может и вовсе ничего не знать о других субличностях.

В 80-х годах XX столетия Эрнст Хилгард вносит на рассмотрение несколько иной аспект проблемы. Хотя и трудно сказать, что это новый ракурс рассмотрения диссоциативного расстройства идентичности, тем не менее, он заслуживает внимания. Эрнст Хилгард, основываясь на идеях П.Жане, вводит понятие «когнитивного контроля». А сама концепция стала носить название «неодиссоцианистской». Известно, что Эрнст Хилгард проводил эксперименты с автоматическим письмом и гипнотической анальгезией. Насколько эксперименты такого рода могут считаться научными является большим вопросом. Тем не менее, вследствие своих экспериментов Э. Хилгард вывел представление о существовании структур когнитивного контроля над поведением личности. Эти когнитивные структуры обладают определенной степенью стабильности (что также непонятно), кроме того, эти схемы автономны, но при этом находятся в иерархических отношениях.

Э.Хилгард высказывает мнение, что в при нормальной психической деятельности функционирование этих структур согласованно, однако при смене психических состояний, к примеру, при переживаний последствий психических травм или при гипнотических состояниях эта согласованность расстраивается. И тогда эти когнитивные структуры начинают функционировать автономно, то есть формируется диссоциативное расстройство идентичности личности. Так называемый новый подход к проблеме, (как нам кажется) повторяет уже известные теории, с единственной разницей, что тут фигурирует новый термин. Согласно Э.Хилгарду, между этими когнитивными структурами должна существовать функция контроля. При здоровом состоянии психики эту функцию берет на себя, так называемый, «скрытый наблюдатель». Как это видно, в этом положении также повторяются уже имеющиеся ранее представления. При норме протекания психических процессов, функция контроля над различными субличностями осуществляется Я-сознанием. Утрата этой функции как раз и оборачивается

расстройством идентичности. Поэтому, мы можем определить наше Я-сознание также как полноценную идентичность. [203, 849-875] Понимание этого процесса позволило Людвигу выделить определенные характеристики диссоциативных состояний личности, среди которых он выделяет в качестве основных потерю чувства времени, чувства потери контроля над поведением, нарушение восприятия и образа тела, чувство омоложения или возрастной регрессии. Это чувство омоложения или возрастной регрессии представляет собой достаточно любопытный феномен. Скорее всего, появившееся чувство принадлежит конкретному носителю, оно исходит из конкретной парциальной личности. Так как в процессе диссоциативного расстройства идентичности формируются парциальные личности, то появляющееся чувство омоложения отражает их возраст. И это не возрастная регрессия в классическом понимании, это новая парциальная личность, обладающая иным возрастом, чем личность. Из современных исследователей диссоциации Браун Б.Г. выводит, так называемую модель BASK (Behavior, Affect, Sensation, Knowledge) (Поведение, аффект, ощущение, знание). В этой модели подвергаются любопытному анализу уровни ментальной активности личности. Общий смысл модели Брауна Б.Г. сводится к тому, что диссоциация формируется вследствие разрыва в протекании ментальной активности во временном континууме. Как видно и в этой концепции фактору времени уделяется соответствующее значение. [139] Браун Б.Г. выделяет следующие особенности ДРИ:

- 1) в структуре личности с ДРИ существует несколько отдельных личностей;
- 2) каждая субличность обладает полным спектром психологических характеристик, часто противоположных основной личности;
- 3) переход от одной личности к другой происходит либо внезапно, либо постепенно;
- 4) между различными субличностями существуют амнестические барьеры;
- 5) характер появления субличностей может иметь определенную периодичность и последовательность.

Кроме того, он говорит о симптомах РМЛ, среди которых выделяются:

- 1) Психические усилия личности, направленные на подавление мыслей и чувств, связанных с пережитой травмой.
- 2) Поведение, ориентированное на избегание действий или ситуаций, вызывающих воспоминания о травме.
- 3) Психогенная амнезия.
- 4) Чувство отчужденности от окружающего мира.
- 5) Скудость аффекта.
- 6) Чувство укороченного будущего. [139]

Из современных исследователей диссоциативного расстройства идентичности мы бы хотели выделить также Элизабет А. Карлсон и Алана Сруф из университета Миннесоты, США. Эти исследователи отмечают различные стороны процесса, в частности, психофизиологический аспект и проблему интеграции поведения личности. Интересным подходом становится выделение в качестве единицы анализа, так называемого «чувства собственного «Я». Согласно этим исследователям в понимании этого расстройства мало внимания уделяется возможной связи между травмой и диссоциацией. С одной стороны, благодаря И.Брейеру и З.Фрейду, мы знаем, что диссоциация может рассматриваться как следствие травмы, однако, с другой стороны, процессы, приводящие к формированию диссоциативного расстройства, практически не изучены. Мы рассматриваем два факта - травму и диссоциацию, однако сам процесс трансформации травмы в диссоциативное расстройство остается малоизученным. Э.Карлсон считает, что для понимания этиологии диссоциативного расстройства важное место занимает процесс организации «Я» личности. То есть диссоциация может рассматриваться как следствие сбоя в процессе самоорганизации личности. Психическое развитие личности предполагает успешное формирование чувства «Я». И если в этом процессе мы наблюдаем отклонения, то это возможно приведет к формированию неадекватного чувства «Я», а в дальнейшем и к диссоциации. Диссоциативные процессы очень обширны по спектру своего развития. Здесь мы наблюдаем нарушения эмоциональной регуляции, такие как перепады настроения, депрессии, чувство изоляции от внешней среды; нарушения идентичности -

расщепление и дробление Я-сознания, искажения ориентации во времени; дисфункции памяти-психогенная амнезия и фуга; манифестация травматического прошлого, а также поведенческие нарушения-слабый контроль импульсов, причинение себе вреда (так называемое локальное самоубийство, по определению К.Меннингера). Диссоциативное расстройство в целом можно определить как патологию интегративности психических процессов. Это, прежде всего, нарушения развития личности, которое характеризуется доминированием дискретных поведенческих состояний. Каждое подобное дискретное состояние содержит в себе, так называемое, чувство «Я», или чувство индивидуальности. Несмотря на то, что при диссоциативном расстройстве идентичности мы часто говорим о процессе обезличивания, тем не менее, мы считаем, что это не совсем корректно в научном мировидении. При диссоциативном расстройстве идентичности мы наблюдаем не процесс обезличивания, а расщепления единого контролирующего Я, в результате которого проявляются в активной позиции различные парциальные личности или субличности. То есть обезличивания, как такового не происходит, происходит замена Я на различные носители Я, на парциальные личности. При диагностировании диссоциативных процессов у детей и подростков Э. Карлсон отмечает важную деталь: диссоциативные процессы в этом случае схожи с теми же процессами у взрослых. Однако, при диагностировании детей и подростков необходимо учитывать особенности их психического развития, в частности то, что в указанных возрастных категориях можно спутать фантазирование с диссоциативными процессами. В случаях диагностирования детей необходимо дифференцировать спектр нормальных возрастных проявлений от реальных нарушений. Нормативный континуум необходимо различать от психопатологического поведения. В современных теориях диссоциативного расстройства идентичности так или иначе признается в качестве запускающего фактора психоаналитическая теория травмы. В современных исследованиях диссоциация рассматривается часто как следствие индивидуальной защиты от негативного опыта и опасности его повторения. В частности Zlotnick, C., Shea, M. C., Pearlstein, T., Begin, A., Simpson, E. в своем исследовании формирования диссоциативного расстройства акценти-

руют внимание на явление инцеста в детском возрасте. [221] Современные исследователи отмечают заслугу П.Жане в понимании диссоциативного расстройства и считают его пионером в этой области. Perry B.D. опубликовал исследование о том, какие механизмы в физиологической структуре ответственны за воспоминания о пережитых травмах. То есть мы, опять имеем дело с той же проблемой-проблемой травмы как причины формирования диссоциативного расстройства идентичности.

В совместном исследовании с Pollard, R.A., Blakely, T.L., Baker, W.L. Perry B.D. акцентирует внимание на связь между травмой и нейробиологией адаптации. [205]

В современной западной клинической психологии при определении диссоциативных расстройств часто исходят из сравнительного контекста. Вопрос в том, что психике присущи также нормативные диссоциативные процессы, которые противопоставляются патологическим процессам. Нормативные диссоциативные процессы предполагают, способность к интеграции и носят фрагментарный характер. К примеру, сценическое искусство, игра ролей также подпадает под определение диссоциативных процессов. При патологической диссоциации процесс интеграции нарушен. Интеграция и диссоциация, таким образом, рассматриваются как антагонистические варианты развития в границах текущего опыта личности. При нормальном психическом развитии диссоциативные процессы имеют место, однако они подавляются интегративными процессами. Патологическая диссоциация искажает самосознание личности, при этом чувство «Я» имеет несколько расплывчатый, не фиксируемый характер. Это чувство «Я» начинает подвергаться фрагментации, человек начинает испытывать сложности в определении себя, в ориентации в окружающем мире. Вместо стабильного чувства «Я», формируется фрагментация этого чувства. Нормативные диссоциативные процессы имеют место в детстве и в подростковом возрасте. Однако в процессе развития личность все более приобретает способность к интегративным процессам. Для когнитивных структур детства, таким образом, нормативная диссоциация представляет собой закономерное явление. В частности эту точку зрения высказывает Breger L. в своей работе об инстинкте идентичности. [140] Большинство исследователей диссоциативного

расстройства подчеркивают актуальность травм детства для формирования данной патологии. Этот процесс трансформации нормативной диссоциации в структуру патологической протекает в общем негативном эмоциональном контексте. Эмоции личности не подчиняются линейному времени, они существуют везде и всегда, сформировавшись однажды. При этом эмоции всегда привязаны не только к внешнему опыту, они привязаны к Я-организации личности. Если попытаться внести ясность в понятие Я-организации, то, прежде всего, необходимо отметить совокупность когнитивных и эмоциональных структур самовосприятия и проявления последних в поведении личности. Я-организация личности находится в постоянном развитии, поэтому мы вправе считать ее динамическим образованием. Это развитие Я-организации (или согласно западной терминологии развития Self) берет начало в семейной жизни, в которой актуальным являются эмоциональные отношения между родителями и ребенком. Я-организация личности проходит процесс внутренне противоречивого развития и всегда несет в себе опасность дезинтеграции. При диссоциативном расстройстве мы имеем дело с изменением концепции реальности, а значит и возрастных параметров Я-концепции. Диссоциация-это своего рода отрицание объективной социальной реальности, в частности, этот процесс очевиден при диссоциативной амнезии и расстройстве идентичности. Так как объективная социальная реальность не может быть изменена по воле человека, то образ этой реальности меняется на уровне Я-концепции. Разрушается Я-концепция, которая является носителем травматического прошлого личности. Способом избавления от травматического прошлого становится интрапсихическое разрушение реальности, то есть отказ от функционирующей Я-концепции. Бегство от социальной реальности выражается в отказе от Я- концепции. Диссоциация затрагивает не только сферу Я- концепции, но также телесность, то есть физическое Я личности. Как известно при деперсонализации формируется ощущение отделения от собственного тела. И это далеко не случайно,- тело является носителем травмы. И деперсонализация становится способом избавления от травматического прошлого вплоть до физического уровня. С психоаналитических позиций Эго человека телесно, Эго «привязано» к телу. Восприятие

тела - это бессознательное восприятие прошлого личности. Прошлое нашей психики формирует настоящее нашего тела. П. Палларо отмечает универсальную роль телесного образа в субъективном опыте ребенка. Согласно этому исследователю, субъективный опыт проживается, прежде всего, в теле. [77] О телесной природе «Я» впервые заявил психоанализ. Однако, эта гениальная догадка З.Фрейда при его жизни не стала предметом научного анализа. И это более чем странно. Теория травмы, в частности, сексуальной, должна была перерасти в концепцию Я-телесности. Современный психоанализ, как известно, развил эту догадку его основоположника. Первые ощущения «Я» безусловно, телесны. Человек вообще начинает процесс самопознания с собственного тела. Если мы проигнорируем это важнейшее психоаналитическое положение, то тем самым, мы, во - первых, разделим тело и психику и, во - вторых, припишем изначально нашему телу функции контейнера. А это значит, что тем самым мы включаемся в диссоциативный процесс. Индивидуальные ощущения «Я» телесны с самого начала. Эти ощущения «Я» формируют фундамент для развития сначала чувства «Я», а затем и самосознания. Однако, в дальнейшем, в ходе онтогенеза и социогенеза этот телесный опыт переживания «Я» сохраняется в психической структуре личности. Так формируется наш субъективный опыт. Согласно П.Палларо, наш детский субъективный опыт строится на ощущениях «Я». Эти ощущения трансформируются, переоцениваются и интегрируются. Это ядерное «Я» включает ощущения действия и эмоциональности и каждое из этих ощущений имеет основу в теле. И, что самое важное, этот процесс формирования личной идентичности определяется телесными ощущениями. Формирование интегрированного «Я» происходит в детстве благодаря тактильным, визуальным, слуховым и кинестетическим ощущениям. Это опыт вхождения в тело. И когда этот процесс завершается, кожа становится границей между Я и не-Я. И как отмечает П.Палларо, с этих пор душа переживается в единстве с телом. Таким образом, наша эмоциональность зарождается в теле и благодаря телу, выражается с помощью тела и в этом процессе мы фиксируем единство Я-соматического и Я-психического, а точнее единство психосоматического Я. В ракурсе нашего исследования нам представляется актуальным подчеркивание телесной идентичности,

так как расстройство идентичности - это патологический процесс, затрагивающий как психику, так и тело. Проблеме телесной идентичности в клинической психологии уделяется первостепенное значение. Е.Т. Соколова в своем исследовании самосознания и самооценки при аномалиях личности приводит интересную классификацию Р.Шонца, в которой телесное Я является этапом в развитии самосознания ребенка в целостном процессе формирования самоидентичности. В классификации Р.Шонца образ тела рассматривается на четырех уровнях: схема тела, телесное Я, телесное представление и концепция тела. [91,22-23] Бескова Д.А. отмечает феноменологический характер телесности. Она считает, что телесность является высшей психической функцией. [12, 133-148]

Понятие телесности для Т.С. Леви фокусируется в единстве онтогенетического и индивидуального, социокультурного и исторического развития. Тем самым Леви Т.С. расширяет границы интерпретации телесности. Для него, понятие телесности, скорее всего, сводится к понятию «одухотворенности тела», которое включает в себя индивидуально-психологический и смысловой компоненты человеческого существа. Эта точка зрения о одухотворенности тела представляется перспективной в психологии. Учитывая бессознательный характер телесного «Я», введение параметра одухотворенности позволяет теоретически вывести схему телесного развития в границах осознания. Очень интересным представляется исследование О.В. Лавровой, которая вводит новое понятие телесности - «интернальное тело». Лаврова О.В. в своем исследовании исходит из юнгианской парадигмы рассмотрения психического. Согласно Лавровой О.В., интернальное тело представляет собой архетипическое образование. Это значит, что физическая телесность опирается на бессознательную телесность и является, по сути, бессознательным образованием. В качестве архетипа интернальное тело не связано непосредственно с сенсорным телом. Это внутренний образ тела. Автор считает, что реальное «Я» ощущает себя внутри тела, при этом «Я» не отождествляет себя с телом. Таким образом, за пределами телесного бытия существует телесное бессознательное. [60] Концепция Лавровой О.В. могла бы считаться достаточно оригинальной, если бы она была опубликована до фун-

даментальных исследований психодинамической психологии, в которых, как известно, тело изначально является бессознательным. Именно бессознательный характер тела становится основанием для создания психоаналитической концепции травмы и ее воздействия на формирование диссоциативных расстройств. Значение телесной идентичности в процессе формирования диссоциативных расстройств более чем очевидно. На это значение указывал еще Ж. Пиаже, говоря о сенсорно-моторной стадии развития ребенка. Ребенок действительно мыслит и постигает мир телом. Поэтому история жизни личности одновременно является историей ее тела. В этом же смысле процесс формирования идентичности включает в себя уровень телесности. В понимании диссоциативного расстройства идентичности в современной клинической психологии сформировалось более или менее полное представление, разделяемое в целом различными школами и учеными. Основные подходы к проблеме едины в признании основных критериев, позволяющих диагностировать данное расстройство.

«Диагноз нарушения идентичности в DSM-III-R учитывал наличие двух критериев.

1. Критерий А включал в себя наличие двух или более отдельных идентичностей или личностных состояний.

2. Критерий В характеризовал личностные состояния, которые рекуррентно контролируют поведение.

ЭБМ-1У характеризует нарушения идентичности в связи с добавлением к критериям А и В критериев С и D.

3. Критерий С - неспособность человека вспомнить определенную личностную информацию, содержание которой слишком велико, чтобы это можно было бы объяснить обычной забывчивостью. Речь идет о том, что пациент не может сообщить о себе важных сведений, несмотря на отсутствие у него какой-либо патологии интеллектуально-мнестической сферы. Специалистами выявляется несоответствие между неспособностью пациента вспомнить необходимую информацию и отсутствием у него органических изменений, выраженных настолько, чтобы до такой степени амнезировать события своей жизни.

4. Критерий D -нарушения идентичности не являются следствием прямого физиологического воздействия какого-то вещества, их невозможно объяснить наличием у пациента какой-либо болезни, например, повышением температуры, связанной с инфекционным заболеванием». [50, 132] В современной психиатрии и клинической психологии существует важнейшая дифференциация нарушений идентичности и диссоциативных расстройств. Короленко Ц.П. отмечает, что нарушения идентичности часто встречаются в детском возрасте и связаны с развитием воображения ребенка. Это связано с идентификацией ребенка с героями сказок. Однако, нарушения идентичности не являются диссоциативными нарушениями, так как они не отражаются на поведении ребенка, то есть поведение ребенка им контролируется в различных ситуациях. Диссоциативное нарушение или расстройство идентичности включает в себя формирование и функционирование различных личностных состояний, не контролируемых со стороны единого «Я». Каждое из личностных состояний: «...выражается уникальностью, присущей только этому состоянию, со своей историей, захватывающей разные сферы пациента-идентичность, собственный имидж, отдельное имя, фамилию, отличные от настоящей. Человек обозначает себя в этом состоянии как вполне обособленную личность». [53, 132] Многообразие поведения личности также не может считаться диссоциативным нарушением (расстройством). Рассматривая варианты типичного и атипичного поведения личности мы, волей - неволей вступаем во владения социальной психологии, а конкретнее, затрагиваем проблематику социальных ролей. Глубокая идентификация с социальной ролью активизирует альтер - личности, однако при этом, в отличие от диссоциативных расстройств, поведение личности подчинено контролю первичной идентичности. Однако при слишком высокой эмоциональной включенности в социальную роль, часто первичная идентичность становится пассивной и уступает функции контроля второй альтер- идентичности. Тем не менее, даже в этом случае мы не можем говорить о диссоциативном расстройстве, так как эмоциональная включенность в роль носит более или менее фрагментарный характер. При этом, контроль первичной идентичности, в качестве некоего цензора, сохраняется. В этом случае мы можем говорить

о манипулировании второй альтер - личностью, при сохранении контрольной функции первичной идентичности. Кроме того, существует один очень существенный критерий различения нарушений идентичности от диссоциативных расстройств - это, согласно Короленко Ц.П., контрастирующие характеристики альтер личности. «Альтернативное личностное состояние, появляющееся у пациента, проявляется характеристиками, контрастирующими по своему характеру с первичной идентичностью... Человек в этих личностных состояниях может иметь разный возраст и пол».[53, 132] И не только. Альтер-личность (парциальная личность) обладает своей индивидуальностью, своими паттернами поведения, своим словарным запасом, своими интересами и предпочтениями. В ракурсе нашего исследования особый интерес представляет то, что парциальные личности, как правило, имеют иной возраст, живут в ином временном поле. Как правило, это тот возраст, который не был ассимилирован общей жизненной философией, он выпал из единой цепи жизнедеятельности личности, он психически переживается как незавершенный. «Альтернирующие идентичности обычно отрицают знание друг друга, так человек, пребывающий в одном личностном состоянии, отрицает свою принадлежность к предшествующему другому личностному состоянию. Возможны случаи, когда пациент, находящийся в одном личностном состоянии, фрагментарно помнит характерное для него другое личностное состояние и находится с ним в ситуации открытого конфликта. Обычно одна или более сравнительно мощных по выраженности идентичности могут захватывать время, принадлежащее другим идентичностям».[53, 132] Таким образом, единая психическая структура дробится на несколько автономных подструктур и человек находится в состоянии проживания двойной или тройной жизни. Каждая парциальная личность, обладая собственным возрастом, имеет свою продолжительность жизни. Именно в этом вопросе мы сталкиваемся с удивительным феноменом: живя в одной идентичности, человек может прожить жить совершенно иначе, чем, если бы он жил в другой альтернирующей идентичности. И наоборот. В такой ситуации напрашивается гипотеза об обусловленности продолжительности жизни различными идентичностями. И эта сторона проблемы представляется очень

перспективной для практического изучения. Кроме того, заслуживает также внимания вопрос о том, обусловлены ли заболевания личности ее идентичностью. Хотя и этот вопрос предполагает однозначно положительный ответ, тем не менее, в случае диссоциативного расстройства идентичности этот вопрос не имеет однозначного ответа. Конечно же, в таком случае появляется искушение предположить, что продолжительность жизни личности обусловлена всегда доминантной идентичностью, однако этот вопрос не решается таким примитивным способом. К сожалению, до сих пор этот вопрос не исследовался в психологии должным образом. Эта проблема должна быть поставлена в центр исследований клинической психологии и психиатрии. Диссоциативное расстройство личности, определяемое как нарушение интегрированных функций сознания, идентичности и поведения, несмотря на многочисленные исследования, до сих пор остается самым загадочным состоянием личности. В последнее время появляются мнения о том, что диссоциативное расстройство личности нельзя рассматривать как амнезию. В истории психиатрии, согласно Смудевичу А.Б., появились другие описания благоприятных форм, соответствующих понятию вялотекущей шизофрении. Появился целый ряд названий заболевания: «мягкая шизофрения», «микросихотическая», «рудиментарная», «санаторная», «абортивная», «предфаза шизофрении», «медленнотекущая», «субклиническая», «предшизофрения», «нерегрессивная», «латентная», «псевдоневротическая шизофрения», «шизофрения с обсессивно-компульсивными расстройствами». [89, 437] Эта форма шизофрении «без шизофренических симптомов» (Ж. Гаррабе), известна в современной психиатрии как шизотипическое расстройство. Насколько верно считать, так называемую, аутоперсонамнезию следствием шизотипического расстройства личности, если учесть то, то при диссоциативном расстройстве памяти, как правило, задействованы в качестве причин травмы и негативные переживания личности. Кроме того, представляется довольно спорным, что при амнезии обязательно наличие шизотипического расстройства личности. Диссоциативное расстройство идентичности занимает свое место в современных классификациях МКБ-10 и DSM-4. Как мы уже упоминали, ДРИ часто

называют расстройством множественной личности. Попробуем несколько подробнее остановиться на современных концепциях этого расстройства. Небольшая путаница понятий, приводит к тому, что чаще всего в научной литературе исследуется феномен множественной личности, очень редкие авторы употребляют термин «диссоциативное расстройство», да и то, употребляют в качестве синонима РМН. В целом все концепции расстройства множественной личности выдвигают практически те же самые исходные положения, которые могут быть сведены к следующим:

1. В основе данного расстройства, как правило, лежит психическая травма, (в психоаналитических концепциях - это травма детства сексуального содержания), физическое насилие со стороны взрослых.
2. Это также событие, травмирующее психику, но не обязательного сексуального содержания. Это вытесненный эпизод (эпизоды), содержание которых невыносимо для ребенка.
3. Всякая вытесненная травма начинает генерировать (рано или поздно) симптомообразование.
4. Возвращение вытесненного материала избавляет человека от формирования расстройства множественной личности (это однозначное психоаналитическое положение, получившее статус универсального).

На самом деле возвращение воспоминания и осознание травмы не приводит к ее исчезновению, поэтому это положение представляется достаточно сомнительным. В расстройстве множественной личности, как правило, обязательно присутствие как минимум двух альтер-личностей, причем каждая из них обладает автономностью и лишена информации о второй личности. Человек не осознает наличие в нем двух или нескольких альтер-личностей, так как они часто диаметрально противоположны другу, они обладают собственными характерологическими, личностными особенностями, более того, своей психофизиологией. Человек в каждый данный момент может осознавать присутствие одной из двух личностей попеременно, однако осознавать их двоих в целостном контексте он не в состоянии. Эти альтер-личности имеют различный возраст, а часто и пол, другое

имя, переживают по-разному этническую принадлежность, а часто относят себя к различным этносам. Все эти характеристики наводят на мысль о том, что парциальные или альтер-личности реальны в психической структуре личности. Забегая несколько вперед, отметим, что часто некоторые виды психотерапии как раз пробуждают эти самые альтер-личности в пациенте, которые должны выполнять по замыслу позитивные функции: на этом принципе построен знаменитый рефрейминг в НЛП. Это означает, что как при патологии, так и при психотерапии мы имплицитно имеем дело с различными альтер-личностями пациента. Мы не подвергаем, таким образом, сомнению наличие различных альтер-личностей в психике человека, мы всего лишь говорим о норме и патологии функционирования последних. Поэтому, при самом общем подходе мы можем считать, что диссоциативное расстройство идентичности - это потеря контроля Я над остальными парциальными личностями, которые в норме, как раз подчиняются этому контролю. Это проблема нормы и патологии парциальных личностей или контроля и целостности их функционирования. В состоянии нормы каждый человек подвергается попеременному захвату парциальными личностями поля сознания, однако эта оккупация в норме носит фрагментарный характер и не выпадает полностью из - под контроля самосознания. То, что мы называем временным помрачением сознания и является, по сути, атака какой-либо субличности и попытка захвата территории контролирующего сознания. Это во-первых. Во-вторых, мы предполагаем на уровне теоретического допущения, что формирование парциальных личностей является патологическим способом интеграции или сохранения целостности психосоматического организма личности. Вытесненные травмы-это временные эпизоды жизни, эти эпизоды выпадают из хронологического времени личности, из жизненного цикла. Они не были ассимилированы Я-сознанием, вследствие своего запредельного травматического характера. А это значит, что они не вписаны в жизненный цикл личности. В этот жизненный цикл личности вписываются лишь то, что ассимилируется Я-сознанием, исходя из принципа психосоматической безопасности личности. Между тем психосоматический организм подчинен принципу интеграции. Я-сознание личности вытесняет травматические эпизоды в виду их опасности для

психосоматического организма. Тем самым, вытеснение способствует формированию парциальных личностей, которые не могут быть подконтрольными этому Я-сознанию, так как Я-сознание их не принимает. Парциальные личности становятся, таким образом, психическими беспризорниками, постоянно стремящимися попасть в отчий дом. Так как они не подконтрольны Я-сознанию, они формируют свои собственные Я, со всей психосоматической атрибутикой. Парциальные личности должны заполнить образовавшуюся вследствие вытеснения хронологическую нишу, поэтому их автономная деятельность может быть объяснена как попытка восстановления психосоматической целостности, которая с точки зрения Я-сознания является неприемлемой и патологической. Выпадение эпизодов жизни из хронологической цепи жизненных ситуаций- это выпадение из времени, это нарушение целостной картины развития личности. Таким образом, формирование парциальных личностей – это попытка заменить объективную социальную реальность психической бессознательной реальностью. В третьих, если придерживаться описанному выше психогенезу формирования расстройства множественной личности, в частности травматической обусловленности РМЛ, то становится вполне понятным бессознательная защита, выражающаяся в форме амнезии или отчуждения от основной идентичности. Вытесненная идентичность заполняется альтер - личностью, обладающей собственной биографией.

Таким образом, формирование парциальных личностей (субличностей) можно рассматривать как попытку ассимиляции пережитых травматических эпизодов жизни, включения их в единое психологическое поле личности, но в автономном режиме. Это своеобразная попытка интеграции методом дистанцирования. Диссоциативные расстройства идентичности мы определяем как нарушения временного (возрастного) ракурса психического функционирования личности. Различные субличности - это параллельно функционирующие психические реальности, обладающие различными возрастными и психофизиологическими параметрами. Прошлое личности в ракурсе психологического анализа является изменяющейся категорией. Проблеме изменчивости прошлого посвящено очень интересное исследование В. В. Нурковой. В частности, она

выводит следующие положения: 1) прошлое всегда неоднозначно, 2) то, что мы помним о себе, не равно тому, что с нами произошло в реальности, 3) память о прошлом всегда конструируется, но это конструирование может быть как защитным, неосознаваемым и деструктивным, так и личностно прогрессивным. [70] Настоящее и будущее личности определяются ее прошлым,- этот общеразделяемый факт подвергается серьезному пересмотру в диссоциативном расстройстве идентичности. Однако не сама обусловленность настоящего прошлым вызывает споры, проблема в ином: что именно личность считает своим прошлым: то, что прожито фактически и объективно реально, или то, что сама личность воспринимает в качестве своего прошлого. Причем последнее утверждение относится не только к лицам с явной патологией, но к лицам, считающимся психически нормальными. Фактическое прошлое личности не идентично ее психологическому прошлому. Это подводит к мысли о том, что прошлое неоднозначно и может вмещать в себя различный биографический материал, не всегда поддающийся верификации. Психика человека содержит в себе потенциальные биографии, о которых основная идентичность не имеет информации. Однако в этом процессе «включения» новой идентичности остается один очень существенный невыясненный вопрос: как и каким образом формируются новые биографии личности? Каким образом вообще возможно формирование новых личностей? Если периоды амнезии заполняются некими воспоминаниями, некой новой биографией, новым возрастом, а также, часто и новым полом, то, следовательно, все эти альтер - личности потенциально существуют, или тлеют в психике личности. Тем не менее, это допущение также не освещает полноценно ситуацию. Вопрос остается без окончательного ответа и, судя по всему, усложняется уже некими эзотерическими интерпретациями. Это с одной стороны. С другой же, если мы обратимся к концепции коллективного бессознательного К.Г.Юнга, то проблема потенциала альтер-личностей получает свое объяснение, в границах концепции коллективного бессознательного, а в частности в теории комплексов. Конечно же, вопрос не том, что в психике существуют в конкретном биографическом контексте определенные парциальные личности. Скорее всего, вытесненные переживания, травмы личности,

образующие комплексы, формируют свои представления о новых биографических данных, придают этим представлениям статус психической реальности. По сути, это становится возможным вследствие того, что парциальная личность имеет автономный характер, она выпадает из целостной временной линии жизни личности, тем самым выпадая из - под ее контроля. Поэтому такая парциальная личность формирует свою биографию, не имеющую сходства с основной идентичностью личности. Это, сугубо, бессознательный процесс. Наряду с биографией основной идентичности в психике формируются новые биографии парциальных личностей. Диссоциация рассматривается также в качестве патогенетического механизма развития ПТСР. «Сторонники этой точки зрения считают все психические последствия травматического стресса диссоциативными по своей природе и предлагают отнести ПТСР к группе диссоциативных расстройств» [94, 76] Понимание феномена диссоциации не является общепринятым как в психиатрии, так и в клинической психологии. Проблема заключается в том, к какому полюсу этот феномен может быть отнесен. Можно ли определенное состояние диссоциации относить к норме? И где пролегает граница, разделяющая, так называемые «нормальные диссоциативные состояния» от патологических. «Изначально диссоциация представляла собой описательный конструкт, в который вошли психологические феномены, имеющие сходные признаки и расположения на континууме норма-патология». [94,77] Н.В. Тарабрина отмечает, что существует, так называемый диссоциативный континуум, на котором размещаются диссоциативные феномены, такие как рассеянность и абсорбция, между тем на противоположном полюсе расположены диссоциативной психопатологии или собственно диссоциативные расстройства. Однако такой подход к пониманию диссоциативных феноменов часто подвергается критике.«Так, Валлер и Патнем (WallerN.G., PutnamF. W., 1996), проанализировав довольно значительный массив данных, собранных при помощи *DES (DissociationExperienceScale)* как на клинических, так и на нормальной популяциях, при помощи процедур таксонометрического анализа показали, что так называемая патологическая диссоциация является таксоном, тогда как «нормальная» диссоциация представляет собой континуальную переменную. Другими

словами, они показали, что механизмы патологической диссоциации отличны от механизмов «нормальной» диссоциации».[94, 77] Тем не менее, мы считаем, что научная позиция Патнема Ф. не противоречит концепции диссоциативного континуума. Вопрос в том, что диссоциативный континуум- это целостное понятие, в котором, естественны качественные переходы и различные механизмы диссоциации. В различных определениях диссоциации, приводимых нами в нашем исследовании, сохранен единый семантический подход: все определения сходятся на том, что при диссоциации мы имеем дело с разобщением связей в психических процессах. Этот процесс разведения связей носит бессознательный характер. По сути, все определения подчеркивают нарушение интегративной функции психики. Однако, наряду с этим происходит также иной психический процесс, процесс утраты контроля «Я» личности над психическими процессами. В норме процесс контроля «Я» обеспечивает целостность и единство психических процессов. Однако, практически при всяком невротическом расстройстве мы фиксируем сужение или ослабление именно этой функции контроля со стороны Я. Уже в психоаналитическом понимании функция «Я» состоит в способности дифференциации внешнего и внутреннего мира. При диссоциативном процессе эта функция утрачивается на короткое или продолжительное время. Наиболее полноценные характеристики диссоциативных состояний все же даны А.Людвигом, среди которых важными, с точки зрения специфики нашего исследования, являются появление архаических форм мышления (что приводит нас к концепции К.Юнга о коллективном бессознательном), нарушение чувства времени, потеря контролирующей функции «Я», чувство «омоложения» или возрастной регрессии, что напрямую указывает на фактор времени. Н.Тарабрина указывает на важный фактор, несколько усложняющий понимание феномена диссоциации. «Необходимо отметить, что термин «диссоциация» описывает круг феноменов, который до некоторой степени перекрывается с семантическими полями терминов, принятых в других областях психологии и психиатрии, Например, термины «диссоциация», «схизм» и «сплиттинг» имеют почти одинаковый эквивалент в русском языке и переводятся как «расщепление, разделение», что не может не приводить

к определенным трудностям в употреблении и различении этих понятий»[94,79] Эти термины действительно пересекаются, так схизм- раскол (термин взят из церковного лексикона) и сплиттинг, согласно психоаналитику Ч.Райкрофту, означает расщепление. При этом, раскрывая смысл этого термина, Ч.Райкрофт описывает именно диссоциацию. Как известно, П. Жане понятия «расщепление» и «диссоциация» употреблял в качестве синонимов. «Что же касается понятия «схизм», то этот термин из области психиатрии описывает механизм шизофрении. Так, говоря о расщеплении личности при шизофрении, можно сказать, что «схизм» выражается, прежде всего, в потере единства, цельности личности, ее распаде на отдельные фрагменты вследствие отсутствия координации между отдельными функциями, переживаниями и, наконец, в нарушении ядра личности-самосознания» [94,79] В психиатрии, а также в клинической психологии выделяется ряд диссоциативных феноменов: рассеянность, абсорбция, деперсонализация, дереализация, диссоциация идентичности, амнезии. Рассеянность выражается в контексте диссоциации как в состоянии грез наяву, в мечтательности, так и в феномене блуждающей мысли или «пустого взора», абсорбция, как известно-это восприимчивость личности к особым состояниям сознания, гипнозу, медитации, то есть, так или иначе, это состояние характеризуется уменьшением контролирующей функции «Я». «Концентрация является сознанием будничным, абсорбция же – необыкновенным. Концентрация-это работа, абсорбция-игра и развлечение. Концентрация включает в себя интенсивную умственную деятельность, когнитивную переработку, анализ и размышление. Абсорбция означает временное прекращение любой внутренне иницируемой деятельности» [94, 80]Деперсонализация-этот процесс обезличивания, то есть состояние психики, при котором человек переживает чувство потери реальности своего тела. Утрата чувства реальности внешнего мира известна под названием «дереализация». Тяжесть переживания обусловлена сохранностью когнитивных функций личности. К.Ясперс следующим образом описывает деперсонализацию: « Сознание «Я» наличествует во всех событиях психической жизни. В форме «я мыслю» оно сопровождает все восприятия, представления и мысли. Вся психическая жизнь включает в себя переживание единственной и

фундаментальной активности. Любое проявление психического несет в себе этот особый аспект принадлежности «мне», данное качество психики мы называем «персонализацией». Когда проявления психического сопровождаются осознанием того, что они не принадлежат мне, чужды, автоматичны, существуют сами по себе, приходят извне, мы имеем дело с феноменом деперсонализации» [130,159-160] Диссоциативные изменения идентичности также могут быть рассмотрены в границах континуума «норма-патология».

Н. Тарабрина отмечает, что такие изменения выражаются как в транзиторных, скоропереходящих состояниях, в контексте нормы, так и в тяжелых формах психопатологии, в частности, в диссоциативном расстройстве идентичности. Диссоциативные изменения идентичности, наблюдаемые в границах «нормы-патологии» описываются также К. Ясперсом: «Переживания фундаментального единства «я» может подвергаться заметным изменениям. Например, иногда во время разговора, мы замечаем, что говорим словно автоматически, мы можем наблюдать за самими собой и слушать себя как бы со стороны. Если такое раздвоение длится достаточно долго, обычное течение мыслей нарушается, то за короткий промежуток времени мы переживаем «раздвоенность» собственной личности без каких бы то ни было расстройств. ...Переживание раздвоенности возникает, когда характер развертывания двух рядов событий психической жизни позволяет говорить о двух отдельных, абсолютно независимых друг от друга личностях, каждой из которых свойственны свои переживания и ассоциации в сфере чувств». [130,163] Из диссоциативных феноменов отметим также амнезию. Амнезия означает, по сути, отказ от определенной парциальной или альтер – личности. Расстройства памяти нельзя рассматривать лишь в их классическом значении. Эти расстройства всегда запускаются желанием человека отмежеваться от определенной альтер-личности, которую он в себе отвергает. В классическом понимании расстройства памяти относятся к какому-то конкретному, определенному отрезку времени, о котором не удастся вспомнить. Уже в ортодоксальном психоанализе понятие «вытеснение» прекрасно объясняет этот процесс, о котором мы упоминаем в нашей работе. Тем не менее, приведем определение амнезии в ее классическом понимании: «Этим термином

обозначаются расстройства памяти, относящиеся к определенному ограниченному отрезку времени, о котором ничего (или почти ничего) не удастся вспомнить; кроме того, под амнезией понимаются менее жестко привязанные к определенному времени переживания». [94, 83] Кроме того, как отмечает Н.Тарабрина, существуют случаи, когда мы вообще не можем говорить о расстройстве памяти, несмотря на невозможность вспомнить определенный промежуток нашей жизни. Это могут быть случаи расстроенного сознания, не способного к апперцепции. А также: « Индивиды не могут вспомнить некоторые переживания (систематическая амнезия) или какие-то определенные периоды своей жизни (локализованная амнезия), или свою жизнь в целом (общая амнезия)». [94, 83] При травматическом прошлом, человек отворачивается от внешней реальности, он бессознательно чувствует, что его «Я» не способно жить гармонично в этом мире при травматическом прошлом, поэтому он дробит действительность на уровне психики, он отчуждает себя, с одной стороны, от внешней реальности, а с другой пытается на уровне психического осмысления создать свою реальность, в которой эта внешняя реальность будет расчленена, так как в ее целостности, она для человека слишком тяжела, наполнена слишком негативными переживаниями. Однако внешняя реальность необходима личности. Поэтому он ее сохраняет в принципе, но расчленяет ее на отдельные составляющие, при этом каждой части реальности отводит отдельную личность для ее восприятия и адаптации. Так формируется диссоциативное видение мира. [94]

Феномен расстройства множественной личности. McHugh P. пишет: «... перестаньте обращать внимание на множественные личности. Прекратите общаться с ними, делать о них записи, обсуждать на конференциях. Обращайте внимание на реально существующие проблемы и конфликты, а не на фантазии. Если следовать этим простым, знакомым правилам, множественные личности вскоре исчезнут». [204, 5-6] Конечно же, такая позиция также должна иметь место при анализе РМЛ. Она не может быть отброшена просто так. Однако, в этой позиции отчетливо просматривается односторонность подхода исследователя. McHugh P отмечает лишь одну сторону проблемы и при этом отмечает

достаточно правильно. Часто именно психотерапевты активизируют функционирование множественных личностей пациента. *Однако, суть в том, что раз они активизируются, то, значит, они существуют. Невозможно пробудить то, чего нет.* Иной вопрос - насколько эффективно или даже этично пробуждать субличности пациента? Насколько этот подход безопасен и насколько он является эффективным. Однако с другой стороны, процесс пробуждения или формирования субличностей начинается не с психотерапевтического кабинета, этот процесс начинается с раннего детства, в семье, когда мы внушаем ребенку, что за его плохое поведение ответственен не он, а дурной ребенок, сидящий в нем. Именно в этом смысле РМЛ является также проблемой социальной педагогики. Апологеты РМЛ, в частности, Kluft, исходят из принципиально противоположных позиций. Последний утверждает, что психотерапевт, отрицающий множественные личности, не способен на детальный анализ психических проблем. [190, 198] За последние сто с лишним лет, как в науке, так и в литературе описано более 170-ти случаев множественной личности. Всякий раз эта проблема вызывает как живой научный интерес, так и повод для спиритуалистических фантазий. Строго научный интерес к проблеме множественной личности сформировался, наверно, с 16 века, со знаменитого случая «женщины-воровки», воровавшей у самой себя. Этот, описанный Парацельсом случай, вызвал огромный интерес в научном мире. Женщина жаловалась на то, что у нее постоянно пропадают вещи, что кто-то у нее крадет ценности. Позже выяснилось, что она крада сама у себя, однако ничего не помнила об этом. Из известных случаев мы бы хотели также упомянуть случай множественной личности, описал в 1915 году Мортон Генри Принс. [208] Кристина Бошам и Дорис Фишер-эти две женщины стали известными науки благодаря описанию их диссоциации Принсом Мортоном. Случай с Кристиной интересен тем, что у нее развилась диссоциация вследствие как раз травмы, пережитой в пубертатный период. Принс Мортон назвал это состояние вторым сознанием и для более всестороннего изучения этого расстройства он стал употреблять метод «автоматического письма». Тем не менее, в отношении диссоциации существует немало теорий, указывающих на ее адаптивную функцию. Одна из таких теорий принадлежит Ludwig A.

М., который выделяет семь основных защитных функций диссоциации. [203,225-234]

Остановимся на некоторых из них, представляющих интерес в контексте нашего исследования. Кроме функций автоматизации поведения, экономичности деятельности, этот ученый выделяет функцию разрешения непереносимых конфликтов, ухода от повседневной реальности, изоляции катастрофических переживаний, катарсической разрядки некоторых эмоций и аффектов, и функцию усиления стадных чувств. Функция ухода от повседневной реальности отчетливо проявляется в религиозных практиках. В этом отношении любопытной представляется церемония изгнания нечистой силы. Для понимания феномена диссоциации недостаточно рассматривать ее лишь в границах современной клинической психологии и психиатрии. В контексте эволюции психики то, что мы сегодня называем диссоциацией составляло суть магического мышления и религиозных практик. По сути, диссоциативный процесс в контексте психической целесообразности нацелен на изоляцию психотравмирующих переживаний от осознания. Именно с этой целью психотравмирующие ситуации подвергаются дроблению. Фрагментация травматического опыта приводит к уменьшению эмоциональных переживаний. Диссоциативные состояния - это амнестические эпизоды, фуги, реактивные преходящие диссоциативные эпизоды. Все эти состояния служат цели изоляции травматических переживаний. В единое поле психического восприятия внедряется принцип «разделяй и властвуй». Процесс диссоциации можно наблюдать в примитивных культурах, в частности, в виде санкционированных ритуалов и обрядов. Как механизм психологической защиты, диссоциация помогает индивиду справиться с интенсивными негативными эмоциями, вызванными воздействием факторов психотравмирующей ситуации или события. В медицинской психологии часто можно найти несколько понятий, обозначающих расщепление личности. Это, конечно же, не означает, что мы вправе употреблять одно понятие, пренебрегая другими. Тем более, что часто эти понятия просто идентичны. Одним из таких понятий является, как раз понятие множественной личности. В описании множественной личности отличительной чертой становится наличие в человеческом поведении двух или более альтер- личностей или эго-состояний,

обладающей психофизической автономией и собственной шкалой ценностных ориентаций. Понятие множественной личности тождественно диссоциативному расстройству идентичности (dissociative identity disorder, или DID). Это уже психиатрический диагноз, принятый в DSM-IV, который и описывает феномен множественной личности. Критериями диагностирования диссоциативного расстройства или расстройства множественной личности становятся следующие факторы: наличие двух или более альтер - личностей, которые попеременно контролируют поведение личности, потеря памяти. Эти симптомы должны наблюдаться у личности вне зависимости от наркотического или алкогольного воздействия. Кроме того, диссоциативное расстройство идентичности также известно как расстройство множественных личностей (multiple personality disorder, или MPD). Длительное время в науке прослеживается некоторая неопределенность в отношении того, какую природу имеет диссоциативное расстройство личности. Придерживаясь психогенной природы диссоциативного расстройства, мы обосновываем это расстройство вытеснением травматических событий или даже целого периода жизни личности. Это объяснение, известное как расщепление «Я», очень близко стоит к психодинамической точке зрения. Различные альтер-личности обладают различными характеристиками, они, как правило, имеют разный возраст, могут иметь также разный психологический пол, разное состояние здоровья, разные интеллектуальные способности, а также разный почерк, разный лексикон. Идентификация различных альтер-личностей часто возможна с помощью идентификации почерка или словарного состава личности. Так как при диссоциативном расстройстве часто наблюдаются детские альтер-личности, то это позволяет судить о пережитых и вытесненных детских травмах личности. Как правило, в качестве характерных черт диссоциативного расстройства многие ученые выделяют деперсонализацию и дереализацию. Ф.В. Патнем считает, что: «В отличие от преходящих и ограниченных по времени диссоциативных расстройств, таких, как психогенная амнезия или психогенное состояние фуги, РМЛ представляет собой хроническое диссоциативное расстройство.» [72, 44] Ф.В. Патнем, анализируя расстройство множественной личности, в частности

проблему диагностирования этого расстройства, приходит к выводу о чрезвычайной сложности этого процесса. Записывая рассказы пациентов, он не мог подвести услышанное под определенную хронологическую систему. Проблемы с пониманием хронологической последовательности рассказанного пациентами объяснялись тем фактом, что воспоминания о различных эпизодах жизни распределены между разными альтер - личностями. Как правило, в структуре психики формируются альтер-личности, поведение которых не контролируется со стороны целостного «Я» личности. Среди нескольких личностей обычно выделяется, так называемая главная личность, которая и пытается понять, что происходит в психике. Эта главная личность, по сути, является не информированной частью психики, у которой наблюдается нарушение континуальности своего существования. Как правило, эта главная личность постоянно сталкивается с фактами, о которых она не знает, или знает частично. Патнем Ф. описывает эту ситуацию следующим образом: главная личность попадает в ситуации, созданные другими альтер-личностями, и при этом о формировании этих ситуаций она практически ничего не знает. Пример, приводимый исследователем, ясно демонстрирует такую ситуацию: главная личность может оказаться в реанимационном отделении из-за передозировки лекарства, но при этом она ничего не помнит о том, как она попала туда. В таких ситуациях человек говорит, что наверно он был в состоянии депрессии и наверно выпил много лекарства. Одним из основных факторов при РМЛ является, по Патнему Ф., является фактор нарушения или отсутствия хронологии в личных воспоминаниях. Ф. Патнем отмечает, что при РМЛ часто наблюдаются жалобы на отсутствие хронологии в личных воспоминаниях. Больные теряют ориентацию во времени, утрачивают способность к последовательному (прошлое-настоящее-будущее) воспроизведению событий. Они выпадают, образно говоря, из времени. В подобной ситуации правильно говорить о включении бессознательного уровня восприятия темпорального, в котором не существует цикличности и последовательности. Ф. Патнем отмечает, что большинство людей переживают состояния микродиссоциативных эпизодов, однако при этом не страдают психическими расстройствами. Это означает, что и в состоянии нормы каждый человек, время от времени

выпадает из последовательности линейного времени и подпадает под воздействие бессознательной темпоральности. Как известно, в клиническую картину РМЛ входят так называемые состояния флэшбек, своего рода вторжение в психику воспоминаний, кошмаров и сноподобных воспоминаний. По сути, при клинической картине ПТСР отмечается такое же явление. Поэтому, часто исследователи отождествляют эти нозологии. На эту особенность указывает также Ф.Патнем. Однако, РМЛ и ПТСР, безусловно, различные нозологии, несмотря на наличие некоторого сходства. В частности, одним из различий является то, что при РМЛ пациенты часто жалуются на голоса, спорящие друг с другом, поддерживающие и осуждающие. Часто эти голоса комментируют мысли и поступки личности. Ф. Патнем считает, что психолог клиницист должен видеть за резкими сменами настроения, переключения альтер-личностей. И только в этом случае процесс психотерапии может быть успешным, при наличии прочих необходимых условий. Более того, Ф.Патнем считает, что РМЛ не может считаться ятрогенным расстройством, так как диагностическая процедура на определение РМЛ не может сформировать эту нозологию. При диагностировании РМЛ практически невозможно ошибиться: во - первых при РМЛ происходит физическое переключение одной альтер-личности на другую, это значит, что можно в физическом облике больного видеть явные изменения, во-вторых, признаком перехода к другой личности является амнезия, которая появляется сразу же при активации другой личности. Вновь появившаяся личность не знает, что происходило до ее появления, поэтому она не помнит этого. Третьим признаком может служить явное изменение голоса и образа мыслей больного. Особым признаком становится различие возрастов альтер - личностей. *Таким образом, в диагностической процедуре должны учитываться следующие параметры: изменения внешнего вида при переключении альтер-личностей (изменения черт лица, осанки манер; речь (изменения в темпе речи, высоте голоса, акценте, громкости, словарном словаре); моторика (быстрое моргание, дрожание век, тики, судороги, реакции ориентировочного рефлекса, дрожание лица или гримасы, которые часто сопровождают переключение альтер-личностей; процессы мышления (иногда мышление*

характеризуется непоследовательностью и нелогичностью. Возможны странные ассоциации, блокировки мысли и разрывы последовательности в мыслях; галлюцинации (слуховые или зрительные); интеллект (долговременная память может демонстрировать мозаичную дефицитарность). Ф. Патнем отмечает, что в современной клинической психологии и психиатрии пока отсутствуют достоверные методики обнаружения РМЛ. Наиболее эффективными признаны лишь две из них - это ММПІ и тест Роршаха. Тем не менее, абсолютно эффективной методики для диагностирования РМЛ до сих пор в психиатрии и клинической психологии не существует. В психотерапевтической работе с РМЛ специалист в основном полагается на интуитивное познание, он исходит из того, как считает Ф.Патнем, что в терапию включается, как правило, главная личность, так как именно эта главная личность подавлена и угнетена обстоятельствами своей жизни. И именно эта личность решительно отвергает существование других альтер личностей. Tudor T.G. в своей статье о лечении множественной личности приводит глубокие характеристики расстройства. В частности, то, что «Я» множественной личности фрагментировано на несколько частичных «Я», каждое из которых имеет собственную функцию. В этом положении заложена достаточно продуктивная мысль о том, что генезис субличностей подчинен принципу распределения функций, то есть каждая субличность является, судя по всему, определенным периодом прошлой жизни личности, тем периодом, который не мог стать частью единого Я-сознания, в силу травматического характера. Поэтому те травматические эпизоды жизни человека, которые были отвергнуты единым Я-сознанием, должны были сформировать автономные структуры. По сути, это отторжение обладает функцией психической защиты, но за счет формирования более патологичной структуры отреагирования. [216, 197-213]

Анализ картины диссоциативного расстройства идентичности закономерно подводит нас к необходимости его дифференциации от других личностных расстройств. Подобная дифференциация позволяет несколько сузить и конкретизировать границы диссоциативных нарушений и внести некоторую ясность в анализируемую проблематику. При пограничных личностных расстройствах часто наблюдаются феномены

деперсонализации и дереализации, то есть диссоциативные нарушения. Больные часто жалуются на ощущения нереальности и нарушения самовосприятия, или как принято называть в психиатрии это состояние, больные видят мир «через стекло». Признаки деперсонализации выражаются искажением восприятия тела, сомнением в принадлежности тела и ощущений носителю. В целом, при пограничных расстройствах имеет место феномен дезинтегративности в самовосприятии больного. Тот же феномен пожчеркнуто проявляется в случаях диссоциативных нарушений. При анализе пограничных расстройств прослеживается некоторая похожесть на шизофренический процесс, в частности высокий уровень подозрительности больных можно принять за параноидную форму шизофрении. Кроме того, известен эффект ролевого поведения при пограничных расстройствах. Для нас особый интерес представляет факт нарушения идентичности при пограничных расстройствах. Ц.Короленко обращает внимание на очень существенную и любопытную деталь при анализе пограничных нарушений: такие больные предпочитают избегать зеркал и фотографироваться. Конечно же, описание пограничных нарушений во многом напоминает диссоциативные нарушения. Однако, мы считаем, что в сравнении этих расстройств можно выделить один существенный дифференцирующий признак: при пограничных расстройствах речь идет о неприятии идентичности, не сопровождающимся амнезией. Между тем, при ДРИ амнестические барьеры между различными эго-состояниями являются основным признаком. При дифференциальном анализе диссоциативных нарушений с гистрионическим расстройством личности также могут быть обнаружены схожие черты и признаки. Эгоцентризм и экстравертированность, свойственные гистрионическим расстройствам могут незначительно наблюдаться также в картине диссоциативных нарушений. Склонность больных к драматизации, к выражению интенсивных эмоций, часто можно приписать диссоциативному поведению. Однако, самое, пожалуй, поражающее сходство состоит во вживании в роль. Для гистрионического больного часто исчезают границы «Я» при вживании в конкретную роль, их поведение в новой идентичности не вызывает ощущения наигранности.] Ролевое театральное поведение гистрионических личностей

вызывает раздражение у близких родственников, между тем, посторонние люди легко принимают ролевое исполнение за «чистую монету». Театрализованность поведения, конечно же, имеет цель постоянно находиться в центре внимания, что сильно сближает картину расстройства с нарциссическим сценарием. Такие признаки поведения совершенно чужды для диссоциативных лиц, в этом случае мы не фиксируем нарциссические тенденции в поведении. В отличие от диссоциативных нарушений, с присущими им периодами активности различных эго-состояний, гистрионическая личность нацелена на привлечение к себе внимания и легко может менять роли, прекрасно осознавая свою игру. Существуют и другие отличия этих расстройств. При гистрионических расстройствах, как правило, личность остается в пределах своего возраста и пола, кроме того, если при диссоциативных нарушениях мы имеем дело с переключением на различные эго-состояния, то в случаях гистрионического расстройства мы имеем дело с размытостью границ «Я», а не с отдельными парциальными личностями. Немалый интерес представляет собой сходство диссоциативных нарушений с параноидной формой шизофрении. Ц.Короленко отмечает, что при параноидной форме шизофрении мы можем наблюдать также расстройства идентичности и деперсонализацию. Все выделенные признаки в качестве стержневых присутствуют, как это видно, при диссоциативных нарушениях. Единственным отличием в этом контексте может служить отсутствие при диссоциативных расстройствах бредовых идей. Тем не менее, до сих пор в психиатрии не существует отчетливого водораздела между бредовыми идеями и поведением личности в различных эго-состояниях. Мы считаем, что этот вопрос пока что не получил своего приемлемого разрешения. Вызывает интерес также некоторое сходство клинической картины панических и диссоциативных расстройств. Среди симптомов, наблюдающихся при панических расстройствах, выделяются, наравне со страхом потери контроля над собой, также деперсонализация и дереализация, что вполне закономерно при анализе этого расстройства. Деперсонализация представляет собой процесс самоотчуждения, это состояние неприятие собственного «Я», или эго – состояния. Строго говоря, диссоциативные нарушения структурируются по одному

существенному признаку- отвержению собственных эго-состояний. Мы имеем дело с процессом, который можно охарактеризовать как снижение уровня толерантности к собственному «Я». Процесс отчуждения от собственного «Я», то есть диссоциативный процесс может проявляться в различных формах, - в форме агрессии и депрессивных эпизодов. Диссоциативный процесс представляет собой результат разрешения внутриличностного конфликта «принятия- отвержения» собственного «Я». При негативном разрешении конфликта формируется диссоциация, как бегство от необходимости разрешения конфликта. Активизация различных эго- состояний представляет собой негативный психический процесс неспособности личности разрешить назревший конфликт. При сформированной диссоциации обеспечивается разгрузка негативного эмоционального фона конфликта. Райнер Телле, по сути, описывает процесс формирования диссоциативного расстройства идентичности. Каждая новая эго-личность имеет свою «побочную реальность», ту реальность, при которой личность чувствует себя в эмоциональной безопасности. Таким образом, мы можем интерпретировать диссоциативное расстройство идентичности в качестве негативного разрешения внутриличностного конфликта, при этом, согласно Р.Телле, конфликт должен носить антиномный характер, то есть представляться личности как абсолютно неразрешимый. Анализ причин формирования диссоциативных нарушений подводит нас к принятию идеи конфликта, в качестве фактора, запускающего невротическое развитие личности. Прежде всего, необходимо внести некоторые уточнения. Конфликты присущи всем людям, однако в одних случаях мы сталкиваемся с невротической направленностью развития и разрешения конфликта, в других случаях мы фиксируем разрешение конфликта в границах нормы. При невротическом разрешении конфликта должен существовать определенный фактор или группа факторов, препятствующая сохранению интегративных функций психики. Одним из таких факторов, по мнению Р.Телле, может быть фактор непереносимости конфликта. На первый взгляд такой фактор может восприниматься как сугубо субъективный, лишенный доказательной базы. Однако, на наш взгляд, он прекрасно объясняет суть процесса. Интерпретация в данном случае

включает в себя понятие защитной системы личности, и, следовательно, вывод, который напрашивается в этом случае может быть сформулирован достаточно ясно и основательно: невротическое разрешение конфликта мы наблюдаем у лиц, страдающих дефицитом защитной стратегии. Когда защитная система личности не срабатывает, то вытесненный патогенный материал, в основном, травмы, возвращаются вновь и в этом случае, психика может просто раздробить травматический опыт, диссоциировать его, распределить на различные носители сознания, на эго-состояния. Бессознательное вторгается в разрешение конфликта и вносит свои, несовместимые с сознанием коррективы. Диссоциативное расстройство идентичности мы можем охарактеризовать также как структурное расстройство Я, - именно такое определение можно встретить в психиатрии, и именно такое понимание максимально приближает нас к пониманию диссоциативных нарушений. Диссоциативное расстройство практически в подавляющем большинстве случаев генерируется имевшими в детстве место вредностями (травмами или ранними расстройствами). Эти неврозы характера или расстройства, прежде всего, ослабляют возможности психологической защиты, а, следовательно, нацелены непосредственно на «Я» личности. Хотя и концепция структурного расстройства «Я» имеет достаточно убедительность, тем не менее, она может быть применима также и к другим расстройствам невротического круга. При диагнозе невротических расстройств, впрочем, как и при постановке диагнозов иных нарушений важным является двойной подход: клинический и динамический. Расстройства и неврозы могут и должны диагностироваться по симптоматическим критериям и по генезу. Клинический (симптоматический) и динамический диагноз позволяют более или менее точно отнести нарушения к той или иной нозологии. Тем более, что часто вообще сложно провести грань между расстройствами личности и неврозами, так как расстройства личности в психиатрии часто описываются как неврозы характера. В проблеме дифференциации диссоциативного расстройства идентичности от других расстройств существует один сложно разрешимый фактор. Однако диссоциативное расстройство идентичности уже семантически предполагает дезинтеграцию Я. Если принимается этот критерий, то ДРИ

не может считаться расстройством невротического круга и должно быть отнесено к психозам. Или же мы должны рассматривать ДРИ как начинающийся шизофренический процесс, который скрывается за невротическими симптомами, то есть так называемый псевдоневротический этап шизофренического процесса. Или же возможно диссоциативные расстройства определять в качестве психотических эпизодов. Однако, продолжительность диссоциативного расстройства скорее всего сводит на нет такую возможность рассмотрения. Поэтому мы склонны считать, что диагноз «диссоциативное расстройство идентичности» понятийно несколько размыт и не всегда четко определен. Проблема дифференциации диссоциативного расстройства идентичности от эндогенных заболеваний шизофренического спектра, в целом, отчетливо разрешима. В этом случае мы имеем конкретный признак, позволяющий различать эти нарушения. Некоторые виды диссоциативных нарушений можно встретить в описании расстройств сенсорного синтеза, включающие в себя расстройства восприятия окружающего мира (дереализацию) и собственной личности (деперсонализацию). С.Г. Обухов определяет деперсонализацию как нарушение восприятия собственной личности. В частности, при деперсонализации личность воспринимает себя искусственной, играющей роль, между тем при расстройстве идентичности, активное эго-состояние воспринимается как истинная личность. Разрешение проблемы нами видится в подчеркивании функции Я в процессе самовосприятия. Или, несколько иначе, в различении истинного Я. Но парадоксальность состоит именно в самовосприятии,- каковы критерии различения истинного Я, от иных эго-состояний. При деперсонализации личность ощущает некую искусственность в своем образе, однако при диссоциации идентичности эта позитивная функция теряется,- эго-состояния также реальны и истинны, как и основная личность. Диссоциативные нарушения различными авторами классифицируются по-разному. К приведенным выше классификациям мы бы хотели добавить еще одну, предложенную немецким психиатром Р. Телле. Этот ученый описывает следующие виды диссоциативных нарушений. Первая форма - псевдодеменция или синдром Ганзера. Диссоциативная утрата памяти- вторая форма диссоциативных нарушений. Третья форма нарушений- Психогенные сумеречные

состояния. Они характеризуются дезориентацией пациента во времени и в пространстве. Четвертая форма- диссоциативная фуга или пориомания. При этом виде нарушений фиксируется частичная и необратимая амнезия. Пятая форма – диссоциативный ступор. При диссоциативном ступоре можно наблюдать бузучастность больного, демонстрируемую потерю интереса к жизни. Эту форму диссоциации можно легко спутать с кататонией, однако, как отмечает немецкий психиатр Р.Телле, при диссоциативном ступоре налицо отчетливая выразительность демонстрируемых эмоциональных состояний. Диссоциативное идентификационное расстройство (множественная личность) является наиболее драматичным и в известном смысле, загадочным феноменом. Крайне сложно отличить это расстройство от истероидного демонстративного поведения. Пожалуй, мы можем уверенно говорить об этом расстройстве при его сочетании с диссоциативной фугой и наличием амнестических барьеров. В любом случае расстройство идентичности может быть достоверно установлено на основании его ведущих симптомов. К месту сказать, что диссоциативные расстройства часто рассматриваются совместно с соматоформными и считались в недавнем прошлом “функциональными” психическими заболеваниями. Кроме вышеприведенных дифференциаций диссоциативных нарушений необходимо также выделить их различия с делирием и деменцией. Общность протекания этих расстройств состоит в состояниях амнезии и спутанности сознания. В целом, диссоциативные расстройства угрожают памяти и самоознанию личности. В психиатрии можно встретить описание острой и преходящей форм диссоциативных расстройств. Истерическая (диссоциативная) фуга и расстройство идентичности представляют собой острые формы. Диссоциативная (истерическая) амнезия имеет отчетливый антероградный характер и, как правило, формируется вследствие травмы, часто сексуального характера. Однако в качестве травмы могут выступать угроза жизни, боевые действия, аморальный поступок. Все эти факторы вполне способны запустить процесс отчуждения от основной идентичности и активизацию иных эго-состояний. При диссоциативной (психогенной или истерической фуге) мы практически имеем дело с уже развитым расстройством

идентичности, так как больные, покидая места своего постоянного проживания и совершающие поездки на дальние расстояния, практически не помнят своего прошлого, а это означает, что в действие вступает новая личность. В символическом смысле, при психогенной фуге больной пытается убежать из своего обычного Я-состояния как можно дальше. Вопрос в том, что психогенная фуга не идентична бродяжничеству, так как бродяжничество бесцельно. В интерпретации причин формирования диссоциативных нарушений, практически всеми исследователями выделяется травма в преморбиде.

3.3 Возможные механизмы формирования диссоциативного расстройства идентичности личности

Диссоциативное расстройство идентичности в клинической психологии объясняется в ракурсе основных классических подходов. Множество теорий, пытающихся объяснить патогенез этого расстройства исходят из собственных парадигмальных подходов. В психоаналитической традиции диссоциативное расстройство объясняется действием вездесущего механизма вытеснения или репрессии. Но процесс вытеснения существует постольку, поскольку существует нечто, подлежащее вытеснению. З.Фрейд пишет: «Благодаря изучению гипнотических явлений мы привыкли к тому пониманию, которое сначала казалось нам крайне чуждым, а именно, что в одном и том же индивиде возможно несколько душевных группировок, которые могут существовать в одном индивидууме довольно независимо друг от друга, могут ничего не знать друг о друге и которые попеременно захватывают сознание. Случаи такого рода, называемые раздвоением сознания, иногда возникают самопроизвольно. Если при таком расщеплении личности сознание постоянно присуще одному из двух состояний, то это последнее называют сознательным душевным состоянием, а отделенное от нее - бессознательным». [101,14]

На эту особенность психоаналитического подхода указывает большинство ученых. Вытеснение способствует избавлению от тревоги, этот механизм обеспечивает не только забывание, но также препятствует проникновению в сознание тревожных переживаний личности (вспомним знаменитый пример Зигмунда Фрейда о вытеснении). При этом, в ситуациях диссоциативного расстройства вытеснение действует в чрезмерной степени. Психоаналитическая интерпретация страдает очевидной неопределенностью, и, если можно так выразиться, размытостью границ в интерпретации механизма формирования диссоциативного расстройства. Эта неопределенность проявляется, в частности в том, что диссоциативная амнезия и фуга рассматриваются как одиночные эпизоды интенсивного вытеснения, а диссоциативное расстройство объясняется вытеснением более интенсивным или избыточным. При этом совершенно непонятно, каким образом

измеряется избыточность или оптимальность вытеснения, в какой системе отсчета можно проследить динамику этой интенсивности? Такой неопределенно количественный подход не только не проясняет ситуацию, но напротив, делает ее более неопределенной. Механизм вытеснения не объясняет полностью феномен формирования альтер личностей. Хотя и следуя психоаналитическому толкованию можно добавить от себя, что вытесненные тревожные эпизоды имеют склонность оформляться в отдельные субличности, однако даже при этом сложно объяснить какие механизмы задействованы в этом процессе. Классический психоанализ исходит из того, что непрерывное вытеснение вызывается травматическими эпизодами детства, носящими, как правило, сексуальный характер. Кроме того, вытесняются аморальные желания эдипова периода, которые так же должны (по сценарию) сформировать автономные личности. Таким образом, функция вытеснения теряет свою позитивную направленность, она избавляет сознание от травматических эпизодов, превращая эти эпизоды в некие целостные образования, в новые психические альтер - личности. Несмотря на то, что механизм вытеснения действительно может быть признан универсальным, однако при диссоциативном расстройстве идентичности, он не может объяснить весь процесс формирования данного расстройства. В современной психоаналитической среде роль вытеснения постепенно пересматривается. При этом, в современном психоанализе все чаще слышится призыв «назад к Жане». И это не случайно. П.Жане в свое время блестяще подметил и описал диссоциативное расстройство. В формировании диссоциативного расстройства идентичности с психоаналитической точки зрения можно выделить несколько стадий: психическая травма, чаще всего сексуального характера, вытеснение травмы из сознания, формирование симптома. При этом, конечно же, пациент не может самостоятельно вспомнить психотравму. По сути, сформировавшаяся диссоциация или синдром множественной личности является результатом вытеснения. В целом такая интерпретация могла бы быть принята, если бы указывала на сам механизм и бессознательную цель формирования альтер - личностей. Учитывая то, что при расстройстве идентичности мы имеем дело как минимум с двумя альтер - личностями, которые могут обладать

различным возрастом, полом, социальным статусом, можно предположить, что для объяснения формирования этих парциальных личностей одного механизма вытеснения явно недостаточно. В психоаналитической парадигме проблеме диссоциативных расстройств личности уделялось мало внимания. Хотя и эта проблема рассматривается в психоаналитическом направлении, тем не менее, она не приобрела, так называемого, «анализируемого статуса». Хорошим исключением из этого правила стала известная работа Н. Мак-Вильямс. Эта известная исследовательница рассматривает диссоциацию в качестве типа структуры характера. Н. Мак-Вильямс также отмечает тот факт, что диссоциативное расстройство вплоть до 80-х годов XX века считалось крайне редким явлением. Она считает, что если бы множественная личность не была бы «патологией утаивания», то в современной клинической психологии и психотерапии уже сформировались бы определенные модели эффективной терапии. Она также отмечает заслугу П.Жане в изучении диссоциации. При этом она отмечает, что П.Жане отвергал фрейдовскую репрессию в объяснении истерии и склонялся видеть в этой симптоматике диссоциативные процессы. Н.Мак- Вильямс считает, что множественная личность является вполне реальным расстройством, в котором мы имеем дело с одним человеком с его субъективным опытом различных «Я». И при этом страдания этих различных «Я» совершенно реальны. Однако, при множественной личности неверно признавать функционирование различных личностей. На самом деле мы имеем дело с одной личностью с субъективным чувством множественности. Любопытной представляется мысль Н.Мак-Вильямс о том, что знаменитая Берта Паппенгейм страдала именно диссоциативным расстройством, а не истерией. Или, согласно определению этой исследовательницы, Берта Паппенгейм это случай успешно функционирующей множественной личности. Н.Мак-Вильямс также исходит из травматической этиологии диссоциативного расстройства. Расщепление личности происходит вследствие травматического абьюза. Правда, в психоаналитической парадигме термин «расщепление» (сплиттинг) имеет несколько иное значение, он относится к механизмам защиты, а не к диссоциации, так таковой. Возможность формирования диссоциативных расстройств

непосредственно обусловлена интенсивностью конфликтующих эмоциональных состояний личности. При большой интенсивности этих состояний иные защитные модели не срабатывают и, образно говоря, «на помощь» приходит диссоциация. Диссоциация приходит в качестве способа ассимиляции конфликтующих переживаний. Согласно Н.Мак Вильямс, диссоциативные защиты обладают адаптационным потенциалом, суть которого в снижении негативных переживаний путем распределении переживаний в различные «ячейки» Я - состояний. О диссоциативном расстройстве неуточненном (DDNOS Dissociative Disorder Not Otherwise Specified) говорит также Н.Мак Вильямс. Отличительной чертой этих расстройств является то, что ни одна из альтер-личностей не захватывает контроля над телом личности. Несмотря на то, что термин «диссоциация» прочно вошел в область клинической психологии и психиатрии, ему присуща некоторая неопределенность. Часто диссоциацию понимают дословно как обезличивание (деперсонализация), утрату собственного «Я». Достаточно распространенным является понятие «раздвоение личности». Кроме того, к диссоциации часто относят нарушение схемы тела. Такая неопределенность в понимании диссоциации привела к тому, что этот феномен чаще трактуется с философских позиций, а также в психоаналитических понятиях. Однако, как известно, диссоциативные расстройства наблюдаются практически при всех психических заболеваниях, на этот факт указывает большинство исследователей. Известно, что явление диссоциации часто формируется в, так называемый, период постродовой депрессии. Как правило, диссоциации подвержены более всего лица, у которых в преморбиде фиксировались гиперэмоциональные проявления, высокая тревожность, ранимая чувствительность. Любопытным представляется тот факт, что больные в детстве всегда мучились единым переживанием, страхом смерти родителей. Инфантильная зависимость от родителей приводит к дроблению «Я», или чувства «Я» на обособившиеся субличности. Человек испытывает ощущение утраты жизненно важных объектов. Так как при инфантильной зависимости контролирующая функция Я-сознания часто принадлежит родителям, а не самой личности, то при смерти родителей формируется ощущение потери Я. Вместе с утратой

родителя, человек утрачивает свое «Я». Кроме того, часть больных жалуется на утрату чувства времени. Чувство утраты времени при диссоциации становится вполне закономерным. Так как мы признаем то, что диссоциация - это, прежде всего расстройство сознания и самосознания, то тем самым мы подтверждаем, что линейное время является прерогативой сознания. При расстройствах сознания практически во всех случаях, или в подавляющем большинстве случаев, мы наблюдаем потерю ориентации во времени, больные жалуются на прошлое и будущее, при этом им сложно ощущать себя в настоящем. Итак, с точки зрения психической эволюции, мы имеем два основных направления функционирования нашей психики, или два процесса — первый представлен как процесс дифференциации "Я" от не-Я, и, который на определенном этапе развития начинает порождать психические проблемы. Формирование "Я" сопряжено с формированием личностной свободы и личностной позиции. Этот процесс становится достаточно болезненным для личности, так как она должна отказаться от группового мироощущения и сформировать личностную ответственность и личностное мышление. Процесс формирования личностного мировоззрения является достаточно уязвимым. Он протекает в сложном контексте внутриличностных конфликтов и переживаний. В этом контексте и формируются альтер личности, которые, по сути, выполняют функции группового мышления, но на этот раз в разрозненном виде. Диссоциативное расстройство идентичности, таким образом, может быть рассмотрено как попытка разрешения внутриличностных переживаний и травм с помощью регрессии на ранние ступени формирования психики. Это, в каком - то смысле, промежуточный процесс: психика вышла из-под контроля группового мышления, но еще не сформировало его личностный уровень. От группового уровня мышления сохранились альтер-личности, а в результате начавшегося процесса дифференциации Я из не-Я, между этими альтер-личностями уже разорвались целостные связи. Поэтому личностное психическое развитие всегда сопряжено с необходимостью периодичной регрессии к прежним уровням. Этот процесс вполне вписывается в понимание нормы психического развития. Однако, в том случае, когда мы имеем дело с невозможностью адекватного отреагирования травматического прошлого,

этот процесс регрессии принимает иной вид: наряду с закономерным процессом дифференциации Я от не-Я, мы наблюдаем, в этом случае перенос процесса дифференциации на само Я. Начинается дифференциация внутри Я. Точно так же как личностное Я пытается добиться автономии от группового Я, точно также субличности пытаются получить эту же автономию по отношению к Я-сознанию. Это, по сути, процесс неправомерного распространения психической дифференциации на поле Я - сознания. Таким мы видим один из механизмов формирования диссоциативного расстройства идентичности личности. *Второй процесс* связан с необходимостью формирования интеграции: однако, на этот раз, в отличие от состояния группового мышления, здесь необходима осознанная интеграция, осознание сторон своей психической жизни, попытка перевода альтер - личностей в осознанное личностное поле психики. Вторым возможным механизмом формирования диссоциативного расстройства идентичности личности может быть представлен следующим образом: дробление единого интегрирующего Я на отдельные грани самосознания может быть обусловлено также тем фактом, что чувство «Я» не было полноценно сформировано у личности. Как мы это уже отмечали, в большинстве своем такие пациенты отличаются высоким уровнем тревожности, и которые с детства опасались остаться одни без родителей. «Я» личности формируется благодаря его дифференциации от «Я» родителей. Когда этот процесс происходит полноценно, человек становится обладателем самосознания. Однако если процесс дифференциации Я ребенка от Я-родителей затягивается, тогда мы имеем дело с фиксацией психического развития на ранних ступенях онтогенеза. Диссоциация несет в себе скрытое требование-формирование собственного «Я». Точно так же, как в филогенезе, точнее в истории психической эволюции, происходит процесс дифференциации «Я» от макрокосмического единого «не-Я», что проявляется в особенностях миропонимания различных культурно - исторических эпох, точно так же в онтогенезе становится необходимым процесс дифференциации «Я» ребенка от «Я» родителей, семьи, рода, этноса. Это, практически, тот же исторический процесс, повторенный в миниатюре. Человеческая жизнь протекает в сложной психологической

атмосфере самопознания и самореализации. При этом в нашем поведении, в наших психических состояниях очень часто отсутствует осознанная целостность миропереживания. Как будто части нашей психики живут автономной жизнью, не прислушиваясь, друг к другу. Когда целостность психологической жизни человека начинает постепенно дробиться, - именно тогда автономность нашей психики начинает высвечиваться более или менее отчетливо. Каждая часть нашего психического существа начинает присваивать себе какую-то часть жизненной энергии, и, при этом, часто захватывает определенную часть соматической территории. Это «психическое мародерство» становится все более опасным и приводящим, в конечном итоге, к серьезным заболеваниям. По мере того, как наши психические части начинают откалываться от целостности, у человека начинают формироваться различные невротические расстройства, которые мы бы назвали дефицитом целостности «Я», а также различные психосоматические заболевания. Каждая наша психическая часть пытается захватить ту территорию, которая, как ей кажется, является ее смысловой собственностью. Возьмем, к примеру, любой иррациональный страх или фобию, которая овладела человеком. Если человек страдает какой-либо фобией, то это значит, что некоторая часть его сознательного временного миропонимания уже захвачена вневременной частью бессознательного, то есть и в этом случае мы можем видеть диссоциативный процесс. Для нашего бессознательного не существует календарного времяисчисления, оно привязывает ситуацию в жизни человека к его состоянию. Если кто-то из нас один раз почувствовал удушье в лифте, то это состояние удушья мгновенно привязывается бессознательным ко всем замкнутым пространствам. Цельность и целостность нашей психической жизни нарушается именно вследствие «темпорального взрыва» мировосприятия. Интенсивность психических страданий определяется не картиной болезни, а неопределенностью или непрогнозируемостью ее течения. Человек страшится не столько того, что имеет, а того, что может за этим последовать. Мы попытаемся ввести новый термин-«цепь прогнозируемости жизненных событий». Быть нормальным в контексте психического и соматического здоровья, означает уметь прогнозировать дальнейшую жизнь на какой-то

определенный промежуток времени. То есть каждый из нас формирует для себя цепь прогнозируемости жизненных событий. И до тех пор, пока эта наша способность прогнозирования будущего оправдывается, до тех пор эта цепь остается целой. Однако в тех случаях, когда, в силу тех или иных жизненных событий, носящих для нас, как правило, экстремальный характер, мы оказываемся не в состоянии предсказать свое ближайшее будущее, цепь прогнозируемости жизненного цикла разрывается, нарушается функционирование нашего целостного «Я». В этом случае мы частично выпадаем из хронологического времени, так как жить во времени для нас является способностью, имея прошлое и настоящее, прогнозировать будущее.

Выводы по третьей главе исследования:

- 1 При психических расстройствах нарушается способность мыслить во временном континууме, в прогнозируемой цепи жизненных ситуаций. Сознание включено в этот прогнозируемый временной континуум. Вне временного континуума сознание не может функционировать, оно возможно в границах хронологического времени. Это вполне объяснимо: заболевает личность, носитель Я-сознания, психика не может быть больной или здоровой. Быть больным или здоровым означает находится в границах линейного времени. Развитие сознания в процессе психической эволюции привнесло эту закономерность: развитие «Я» протекает в границах континуума «норма-патология».
- 2 Психическое расстройство знаменует собой выпадение из времени, выпадение из – под контроля Я-сознания. Когда страдания слишком интенсивны, человек выпадает из времени Я-сознания. Суть терапии в этом случае сводится к восстановлению континуума «норма-патология», в необходимости вернуться во временной континуум «прошлое настоящее-будущее». Смысл терапии может быть сведен к парадоксальному выводу: здоровье бессознательного должно стать здоровьем в Я- сознании, без расщепления психики, на основе интеграционного процесса.

- 3 Дробление психического аппарата на соответствующие инстанции-это следствие диссоциативного процесса, который начался вследствие психической эволюции и тем самым завоевал себе право называться нормальным. Абсолютная идентификация психики с мирозданием претерпела процесс дробления или расщепления. Боги древности переходят извне вовнутрь.
- 4 Диссоциация объективного мира древнего человека переходит в диссоциацию психического мира. Если боги древности выполняли каждый отдельную функцию, то теперь в психике человека эти боги стали парциальными личностями, которые раскрываются в диссоциативном расстройстве идентичности. Эволютивная диссоциация сродни психическому здоровью. Чем более отдалены друг от друга психические инстанции, чем больше непроницаемы границы между ними, тем более человек соответствует норме. Это означает, что в норме, в психической норме мы должны обладать пассивной диссоциацией. Это способ сохранения психического здоровья без понимания самой психики. При пассивной диссоциации мы удаляемся от сознательной интеграции психики. В норме все мы пассивно диссоциированы. В случае диссоциативного расстройства идентичности мы имеем попытку психического аппарата активизировать парциальные личности, каждая из которых несет на себе определенные функции. Эти парциальные личности не включены в единый, целостный линейный временной процесс, они не нашли своего места в целостном жизненном цикле личности. Поэтому диссоциативное расстройство идентичности можно рассматривать в качестве патологического процесса восстановления психической целостности личности с помощью расщепления.
- 5 Психотерапия в данном случае начинает выполнять уже функцию сознательной интеграции расщепленных частей. Эта функция психотерапии приводит к расширению поля сознания, путем сознательного включения в него, ранее отколовшихся парциальных личностей. При этом мы считаем, что понятие контроля Я-сознания личности является несколько надуманным. Вопрос в том, что

если бы в психической деятельности существовал бы подобный феномен (контроль Я-сознания), то в этом случае, мы бы не наблюдали диссоциативного расстройства личности. Но, так как это расстройство существует, то это означает, что в норме мы имеем пассивную диссоциацию, между тем в диссоциативном расстройстве идентичности наступает фаза активной диссоциации. Человек является психически нормальным до тех пор, пока парциальные личности пассивны, то есть контроль Я-сознания распространяется на пассивную сторону парциальных личностей. Однако, если вследствие травмы и вытеснения формируется диссоциативный процесс, то это, в первую очередь означает, что Я-сознание как раз не в состоянии контролировать деятельность парциальных личностей.

ГЛАВА 4. МОДЕЛЬ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОГО РАЗРЕШЕНИЯ ДИССОЦИАТИВНОГО РАССТРОЙСТВА ИДЕНТИЧНОСТИ.

4.1 Теоретические предпосылки построения психотерапевтической модели

Диссоциативное расстройство идентичности является одним из сложно интерпретируемых понятий, как в психиатрии, так и в клинической психологии. Актуальность диссоциативной проблематики определяется уже тем, что различные психологические школы, так или иначе, обращаются к этому феномену. Развитие психотерапевтического направления клинической психологии привело как к обогащению наших знаний о ДРИ, так и внесло в наше понимание больше неопределенности. Понятие «диссоциация», строго говоря, метафорично, оно подходит для объяснения всех процессов, в которых имеет место разделение (дробление) целого на автономные части. Мы уже отмечали, что в различных классификациях определение диссоциативного расстройства идентичности может принимать различные формы, однако при этом содержание этого расстройства для большинства ученых идентично. Диссоциативное расстройство идентичности всегда находилось в центре внимания клинических психологов и психиатров, вопрос в том, что интерес к этой нозологии претерпевал определенные спады и подъемы. Само по себе это расстройство как притягивает своей загадочностью, так и вызывает, мягко говоря, бессознательный страх даже у специалистов. По сути, это вполне совместимые подходы, так как, как правило, человека притягивает то, что вызывает бессознательный ужас. Этим подходом и объясняется мрачность целой эпохи «охоты на ведьм», на «одержимость». В современном научном мире этот бессознательный страх перед диссоциативным расстройством компенсируется его активным изучением. Диссоциативное расстройство идентичности с одной стороны может быть рассмотрено в качестве негативного защитного процесса, с другой стороны как неполноценная попытка формирования осознанной психической целостности личности. О защитной функции диссоциации много написано в рамках психоаналитической

парадигмы, однако рассмотрение диссоциативного процесса в качестве неполноценной попытки формирования целостности представляется нам также актуальным. Диссоциативный процесс - это, по сути, отчуждение от единого «Я», от контролирующего единого центра. Этот процесс происходит всякий раз, когда вследствие травматизации опыта единое «Я» не может ассимилировать травматические переживания, когда эти переживания не помещаются в границы возможной ассимиляции. Эти переживания запредельны. Вследствие несостоятельности эмоционального иммунитета «Я», переживания сбрасываются, вытесняются в бессознательное, однако при этом, процесс вытеснения не удается. Поэтому травматическое переживание должно быть отреагировано иным способом, - способом разрушения психической целостности личности. Если процесс вытеснения удастся, то, как правило, расстройство не формируется. Расстройство всегда формируется вследствие неудавшегося вытеснения. Это принципиальное положение психоанализа, как правило, часто просто игнорируется. «Пожалуйста, отметьте - не вытеснение, а неудавшееся вытеснение продуцирует симптомы». [20, 53] Неудавшееся вытеснение включает в себя такую характеристику как искажение чувства времени. По сути, если вытеснение травматического эпизода не удалось, то этот эпизод застывает в том времени, в котором произошел. Он выпадает из последовательности линейного времени. Тем самым нарушается последовательность и целостность линейного времени, то есть утрачивается определенный уровень контроля Я-сознания над психическими переживаниями. Это может означать, что контроль Я-сознания также перемещается во времени, это контроль по-прежнему существует, но уже в темпорально смещенном состоянии. Все травматические эпизоды личности, оставшиеся неотреагированными, освобождаются от контролирующей функции доминантной личности, доминантного Я-сознания. Именно таким образом формируется тенденция к автономному функционированию парциальных личностей. Диссоциативные расстройства личности, как известно, включают в себя 5 основных видов. Каждый из них рассматривается в функциональной целостности. Каждый из видов диссоциативных расстройств раскрывается в связи с другими видами. Психологический анализ подводит

нас к принятию идеи о том, что основной функцией диссоциативных расстройств личности становится изоляция от негативных переживаний, связанных с пережитыми травмами. Потребность вытеснения негативных травмирующих эмоций из сферы сознания личности запускает диссоциативный процесс. Диссоциация, как проблема идентификации с собственной личностью, является естественным состоянием при измененных состояниях сознания. В таких состояниях также формируется нарушение восприятия линейного времени, кроме того, человек ощущает себя в различных автономных состояниях, или, в нем начинают функционировать различные психофизиологические парциальные личности. Воздействие настоящего и будущего на прошлое личности связано с изменением личностной истории человека, с привнесением в фактическое прошлое нового психологического содержания. Когда эти процессы становятся активными, то есть когда активизируется у личности двустороннее взаимодействие, тогда мы можем судить об эффективности и целостности психотерапевтического вмешательства. В психотерапевтической практике, как правило, прошлое личности, факторы и составляющие компоненты патогенеза в некотором смысле отсекаются от ее настоящего и будущего. Часто многие терапевты просто провоцируют такой подход, советуя человеку забыть прошлое и попытаться в ином ракурсе оценить свою жизнь. Тем самым прошлое личности отсекается от его настоящего и с течением времени обрывает собственную автономию. Таким способом формируются новые парциальные личности, ранее отсеченные от целостной психики человека. Каждая новая парциальная личность - это психическая проблема, не ассимилированная адаптационной системой личности. Выпадая из хронологической последовательности жизнедеятельности, из адаптационной системы личности, психическая проблема перебрасывается в бессознательную единовременность. Здесь она обретает свое место. И, что самое главное, - здесь она развивается, на бессознательном уровне психике, проблема начинает находить для себя смысловые ассоциации в прошлом человеческой жизни. Таким образом, вытесненная проблема (травма) не отмирает в бессознательном, напротив, она начинает активный процесс формирования смысловых ассоциаций. По сути, именно

так и формируются новые биографии парциальных личностей. Вытесненная в бессознательное травма, становясь субличностью, или парциальной личностью, обрывает новым смыслом и переходит порог Я-сознания в виде расстройства. В бессознательном травма не отмирает, а обрывает новым активным содержанием, она приобретает новую смысловую форму, она латентно развивается. Поэтому определенное время (а для каждого человека это время индивидуально), человек не испытывает негативных состояний. *Говоря образно, тот промежуток времени, за который в бессознательном формируется расстройство, является временем здорового состояния Я-сознания. Психическое здоровье Я-сознания наблюдается до тех пор, пока в бессознательном формируется патология.* Травма уходит вглубь, она попадает на благодатное поле латентного развития вне контроля Я-сознания. Поэтому те или иные стрессогенные ситуации в жизни человека приобретают совершенно различные формы негативных состояний у различных людей. Так как в бессознательном функционирует принцип одновременности, то здесь не работает логика прошлого и настоящего, здесь не работает логика, как таковая, здесь все вытесненное подлежит смысловому развитию вне временных рамок. Именно поэтому травмы детства формируют субличности зрелого возраста. Негативные переживания травмы выпадают из сферы линейного времени, так как в этой сфере они несут в себе крайне разрушительную функцию. Высокий уровень негативных переживаний не может быть ассимилирован адаптационной системой человека, основной идентичностью в данном, конкретном возрасте. Поэтому, всякое психическое расстройство является расстройством возраста, выпадением психологического возраста из хронологической последовательности жизни. Диссоциативный процесс, таким образом, может быть рассмотрен как не ассимилированный аспект возраста личности. В психологическом смысле, в человеке заболевает возраст личности. В диссоциативном расстройстве идентичности, формируются отдельные части «я», которые выпадают из - под контроля Я-сознания, то есть выпадают из границ хронологического времени, так как Я-сознание функционирует в его границах. Части я, или субличности (альтер - личности) функционируют благодаря переходу психической деятельности за границы

хронологического времени. Как только мы попадаем в область бессознательного психического, мы попадаем в поле функционирования альтер-личностей. В хронологическом времени задействована основная личность, то есть Я-сознание. Выход за пределы этого времени, за пределы границ Я-сознания, активизирует бессознательный защитный процесс, направленный на изоляцию переживаний травматического прошлого от Я-сознания. Я - сознание неспособно ассимилировать травму, поэтому оно расщепляется, и травма выводится из последовательности линейного времени. По сути это один из способов ассимиляции травмы. Для того, чтоб избавиться от травмирующих переживаний, необходимо их вывести из жизненной последовательности, из линейного времени. Поэтому неминуемым становится процесс формирования альтер-личностей, которые функционируют латентно, в сфере бессознательного психического. Этот процесс можно определить как активизацию латентно функционирующих альтер-личностей. Процесс формирования альтер - личностей не является самоцелью для психики личности. По сути, этот сложный процесс не формируется без определенной цели и цель эта направлена на достижение эффективной психической деятельности, на психическое здоровье вообще. Сформированные альтер-личности берут на себя разрешение травматического прошлого личности, поэтому они и формируются. А так как в своей автономной психической реальности травматическое прошлое получает свое разрешение, перестает быть привязанной к основной личности, выпадает из временной линейности, то пациент не желает интегрировать эту альтер - личность в единое психическое поле жизнедеятельности. Сопротивление интеграции альтер-личности в единое психическое поле выражается в амнезии, личность не помнит о существовании и активности альтер-личности. По сути, эта ситуация и показывает причины существования между различными альтер-личностями амнестических барьеров.

Способом разрешения травматического прошлого становится отказ от основной идентичности и формирование новой личности. Травма запускает процесс формирования или актуализации новой личности, тем самым освобождая основную личность (идентичность) от негативных переживаний. Формирование диссоциации-это, по сути,

выпадение из линейного последовательного жизненного времени. Формируется картина дробления биографического последовательного времени. Травматический опыт выносится за границы основной идентичности и формирует параллельную биографию личности. И для того, чтоб обеспечить вытеснение и жизнеспособность травматической альтер-личности формируются амнестические барьеры. Поэтому этот способ разрешения травмы становится панацеей и поэтому новая альтер-личность сразу же получает защитную оболочку, которую мы часто называем сопротивлением, что является, по сути, тем же самым амнестическим барьером. Прекращается доступ основной идентичности в пределы травматической альтер - личности. Последняя, отколовшись от единого психического поля, начинает обрывать собственную биографию и психофизиологией. Если в единой целостной психической жизни травматическое прошлое вытесняется и, следовательно, не ассимилируется в психическую целостность, то в такой ситуации формируются альтер - личности, смысл формирования которых состоит в том, чтоб стать единственными носителями прошлого, в частности, травм прошлого, что не допустить проникновения этого травматического прошлого в сферу Я-сознания личности. Поэтому самым «эффективным» способом разрешения травматического прошлого личности, становится отказ от основной идентичности. Новая альтер - личность освобождает от травматических переживаний прошлого основную идентичность. Формируется новая биография, новая личностная история. А так как в бессознательном время как таковое отсутствует, то есть отсутствует возрастная конкретика, то новая альтер-личность может иметь возраст отличный от реального, то же самое касается и половой принадлежности, которая в бессознательном не дифференцирована. Бессознательное андрогинно или трансгендерно по своей природе. Что касается имени, которое также меняется то, то исследуя этот вопрос, следует обратиться к медицине доисторических примитивных обществ. Практика сохранившихся примитивных народов позволяет сделать вывод о том, что болезни человека воспринимались как имеющие сверхъестественную причину, они являются следствием воздействия злых духов или как минимум колдунов. В соответствии с этим суть лечения сводилась к определенным лечебным мантрам, заклинаниям, то есть

парапсихологическому воздействию, говоря современным языком. Злых духов нужно было или отогнать или обмануть, чтоб болезнь человека прошла. С этой целью использовались маски, которые одевали на лицо больного, чтоб злые силы не узнали его. Другим способом была смена имени больного. Больному давалось другое имя и все обращались к нему по новому имени. Здесь мы сталкиваемся с процессом идентификации человека с новым именем, с новой личностной историей, с новой идентичностью, с новым организмом. По сути, эти процедуры являются целенаправленным формированием диссоциации, с целью уберечь человека от психических и психосоматических страданий. То, что раньше, в отдаленные исторические времена считалось терапией, сегодня перешло в область патологии. Сила идентификации способна реально повлиять на состояние больного человека. Эта магическая медицина до сих пор является практикуемой на островах Полинезии и в Австралии. Новое имя - это новая идентичность с новой биографией. Новая биография, новая идентичность личности максимально дистанцирована от основной идентичности. Мир становится для нас психической собственностью, когда он вплетается в наши эмоции и знания, когда он становится для нас эмоционально и рационально значимым, когда наши эмоции начинают привязываться к событиям нашей жизни и находят свое место в трех категориях времени, а значит, и в душе, в теле и в духе. Эмоции человека детерминированы также внешней средой и поэтому все мы эмоционально зависимы от нее, наши радости в жизни и наши страдания, наше понимание смысла жизни должны хоть что - либо в нас менять, они должны делать нас совершенней. Иначе человеческая жизнь станет подобием театра абсурда. В этом мире все, (а не только страдания, как считает В. Франкл) имеет смысл в той мере, в какой мы становимся другими. Человек вписан в мир, он несет на себе некоторую психическую обязанность наделять этот мир смыслом и значением. Каждый раз, воспринимая что-либо из окружающего, мы одновременно адаптируемся к воспринятому, не столько объективно существующему, сколько к нашему представлению этого объективного. Каждая единица воспринятой информации диктует определенный уровень адаптированности к ней и требует безопасной для нашей психики ассимиляции, подгонки под имеющуюся

психоэмоциональную структуру нашего миропонимания. Воспринятые явления внешнего мира ассимилируются человеческой психикой исходя из принципа психофизической безопасности человека. Внешний мир становится для нас нашей психической желанной собственностью в том случае, если он не представляет угрозы для нашего существования. Именно в этих случаях мир наделяется нами личностно-эмоциональным смыслом. Привыкание и адаптация не идентичные понятия. Для привыкания к чему-либо мы не анализируем и не сопоставляем, мы привыкаем, потому что ощущаем потребность, часто или в основном потребность неосознаваемую. Для адаптации мы используем наши мыслительные и эмоциональные способности, мы пытаемся анализировать и программировать, мы пытаемся предугадывать возможные последствия наших моделей поведения и мысленно адаптируемся к возможному будущему. Для нас будущее—это не время, а то, что может произойти. Именно в этом русле, очевидно надо попытаться понять парадигму бессознательного уровня психики. Наше бессознательное, строго говоря, не хочет создавать для нас неразрешимых проблем, - это мы сами в течение всей жизни учимся вредить сами себе. Но стоит нам отнестись к нашему бессознательному с доверием и принять его как свою самую мудрую ипостась - как сразу перед каждым из нас откроется совершенно немыслимое богатство миропонимания. Мы в течение всей жизни ставим перед собой цели, прилагаем огромные усилия для их достижения, а затем по прошествии некоторого времени начинаем сомневаться в правильности своих действий. Наше сознание страдает неминуемой однобокостью, оно зависимо от многочисленных эмоций и иных психологических факторов, - а это значит, что оно не свободно. В отличие от сознания, бессознательное независимо, - оно не впадает в рабскую зависимость от эмоций, хотя бы потому, что производителем этих эмоций является оно само. Но эмоции, произведенные бессознательным, вовсе не таковы, какими их видит сознание, - сознание впадает в зависимость от них, вместо того, чтоб постараться понять, - а что собственно хочет сделать для меня бессознательное, вызывая те или иные мыслепереживания? Мы специально говорим о мыслепереживаниях, а не о мыслях и переживаниях отдельно. Всякая мысль окружена эмоцией, как плацентой, - чистая мысль — сфера бессознательного

психического, которая переходя порог сознания, трансформируется в «мысль - эмоцию». Бессознательные содержания нашей психики, переходя порог сознания, неминуемо теряют свое объективное значение и смысловую специфику. Сознание современного человека пока еще не способно воспринимать бессознательные откровения такими, какими они являются в действительности. Поэтому бессознательные содержания становятся для нас мыслепереживаниями, мы смутно переживаем мысль, но не воспринимаем ее в своей первоначальной целостности. Как новорожденный начинает плакать тогда, когда он голоден, так как он еще не владеет языком, точно также мы начинаем переживать эмоции, когда интуитивно воспринимаем бессознательные откровения, - мы пока не владеем его языком. На уровне сугубо теоретического допущения, можно сказать, что эмоции испытываемые личностью, прежде были мыслью в бессознательном психическом. Мысль в бессознательном, переходя порог сознания, становится образом или эмоцией, или тем и другим одновременно. Смысловая деятельность бессознательного не может быть целостно ассимилирована сознательным уровнем психики. Эта смысловая деятельность должна пройти причинно-следственную фильтрацию, она должна попасть в линейную интерпретацию времени. А точнее образ мысли бессознательного, переходя порог сознания, дробится на эмоции и мысли. Единовременное, бессознательное трансформируется в линейность Я-сознания. Именно поэтому мы, не понимая посланий бессознательного, испытываем тревожные и невротические состояния, обретаем многочисленные психические и психосоматические расстройства. Предчувствия человека – это еще не осознанная мысль. Сознательное мышление человека приносит многочисленные субъективные искажения, когда пытается понять бессознательные содержания. Смысловая активность бессознательного, практически никогда не воспринимается сознанием объективно. Человек в своем сознательном миропонимании, в понимании самого себя, в психических переживаниях очень часто не видит за «пресловутыми деревьями леса». Психические симптомы остаются лишь деревьями, а мы часто и не пытаемся задуматься над тем, а что, собственно, за ними скрывается. Выводы, к которым приходит человек сознательным путем и которые он

считает единственно верными, могут быть психологически ущербными. Бессознательные содержания психики не ассимилируются сознательным мышлением адекватно и целостно, они просто подгоняются в рамки возможной социально-психической адаптации. Территория сознания не позволяет вместить в себя те содержания, которые не соответствуют его «ландшафту». Мысль и осознание мысли, (мышление о мышлении) по сути, не идентичны. Мысль может существовать, оставаясь неосознанной. Именно на этом предположении строится психоанализ. Тут нет ничего нового и сомнительного. Вопрос в ином. Мышление и знание о мышлении не идентичны. Мы не осознаем самого мыслительного процесса, которой протекает на бессознательном уровне психики.

4.2 Время как основной компонент построения психотерапевтической модели

Мыслительный процесс, строго говоря, находится вне времени, попытки осознания продукта мышления становится делом сознания. Но так как мыслительный процесс в чистом виде свободен от линейности и последовательности, то сам он не осознается сознанием. Мысль, «образ мысли», порожденный бессознательным уровнем психики, переходит на уровень сознания уже в ином виде, в виде мыслепереживания. Активность сознания состоит уже в том, чтоб оформить мысль, но не мыслительный процесс. Оформление мысли - это наделение ее темпоральными характеристиками. Но попадая в границы линейного времени, мысль сужается и теряет свою суть. Она переходит в состояние линейного времени и утрачивает свою целостность, она становится мыслепереживанием. Мысль, покидая сферу вневременности, оборачивается мыслью - переживанием в сознании. Вневременность (мысль) переходит в линейность (чувство мысли). Мысль, облаченная в эмоцию, неминуемо порождает тревожность. Таким образом, временные статусы сознания и бессознательного не являются идентичными. Для обретения полноценного восприятия времени необходимо воспринимать его как мыслительный процесс, то есть необходимо отказаться от идеи материализовывать время, привязывать его к событиям жизни. То есть, необходим выход за границы дифференцированного времени, которое мы называем также событийным временем, так как время привязывается нами к событиям нашей жизни. Дифференцированность времени является процессом расщепления единой психической жизни, поэтому и в границах событийной психики всегда не хватает объединяющего принципа-принципа целостного вневременного восприятия жизни. Деление времени на прошлое, настоящее и будущее являясь достаточно очевидным фактом, одновременно вызывает недоразумения. Мы не совсем воспринимаем дифференцированность времени, мы просто признаем эту дифференцированность. По сути, никто из смертных так и не научается жить в соответствии с временной дифференциацией. Если бы обратное было бы верным, то каждый из нас навсегда оставлял бы прошлое в прошлом, жил бы настоящим и верно воспринимал

бы будущее. Человеку же свойственно постоянно смешивать эти понятия в реальной жизни. Прошлое в человеческом обществе становится достоянием датированной истории. Мы говорим о дифференцированном прошлом в историческом контексте. На самом деле наши мыслепереживания прошлого резко отличаются от его хронологического понимания. Эту мысль можно выразить и несколько иначе, а именно: рациональное понимание времени не адекватно его эмоциональному переживанию. Для нас прошлое - это событийное время, - это эмоции, переживания, мысли, которые никак не становятся прошлым, которые продолжают вклиниваться в настоящее и будущее, и, в конечном итоге, которые формируют последние. Это может означать, что время для каждого из нас - это будущее, собранное на материале прошлого. Может быть, иначе и невозможно переживание времени человеческой психикой. Безусловно, мы обязаны осветить проблему возрастного восприятия времени. Достаточно банально звучит утверждение о том, что в разном возрасте человек различно воспринимает и переживает время. Однако даже в этом банальном утверждении много спорного. Принято считать, что молодые, ориентированные на будущее, люди преклонного возраста чаще устремлены в прошлое. В молодом возрасте, к примеру, до психоэмоциональной зрелости, до 21 года (условно), прошлое как будто не существует. Юноша живет будущим, его прошлая жизнь является для него своеобразной прелюдией будущего. Но именно в этом возрасте переживания вечности или бессмертия являются достаточно интенсивными в бессознательной психике. Это означает, что для юноши понятие «вечная любовь» является эмпирическим фактом, а не абстракцией. В этом возрасте бессознательная активность занимает доминирующее положение в психическом развитии человека. При этом, мы просто обязаны отметить одно существенное противоречие, сформированное в нашем миропонимании, - мы называем психоэмоционально зрелым возраст, в котором рациональное мировосприятие существенно уступает иррациональному. В человеческом, считающемся нормальным мировосприятии, иррациональное часто отождествляется с патологией, или, во всяком случае, не считается нормальным явлением. Следуя данной логике, мы обязаны несколько отодвинуть границы психоэмоциональной зрелости, если хотим, чтоб наши

представления о нормальной психике имели бы объективные критерии. Однако, мы хотели бы предложить несколько иную трактовку всего этого процесса- человеческую жизнь можно представить как процесс постепенного перехода из состояния вневременности во временную дифференцированность, процесс перехода бессознательного в сознательное. И весь этот громоздкий и неопиcуемый процесс в миниатюре повторяется в неврозах, в психических расстройствах человека. При психических расстройствах мы вновь уходим в спасительную иррациональность, и все усилия психотерапии направлены именно на возвращение человеческой психики в сознательное миропереживание, от которого он и укрывается в иррациональном. Формирование новых субличностей, неконтролируемых единым центром Я- сознания, является процессом обратного перехода из состояния «Я» в состояние «Мы», то есть в состояние недифференцированности психического мировосприятия, в состояние отсутствия личной ответственности. Человек заболевает в своем сознании, в бессознательном он здоров, а точнее, в бессознательном процессы здоровья и болезни не дифференцированы. Феномен психологического времени, казалось бы, находясь практически всегда в центре внимания, был некоторым образом обделен глубоким изучением. Судя по существующим исследованиям, изучение феномена психологического времени в контексте психических расстройств, охватывает небольшой, для науки, отрезок времени-около 50 лет. Отдавая должное справедливости, мы хотим отметить, что на территории советской и постсоветской науки особое место занимает теория психологического времени, разработанная украинскими исследователями Головахой Е.И. и Кроником В.В. По сути, это единственное полноценное исследование времени именно в психологическом контексте. Несмотря на тот факт, что сам феномен времени исследуется со времен древних цивилизаций, научные изыскания чаще всего группировались вокруг мистического значения времени, его смысла с точки зрения Творения. Не повторяя уже приведенные в первой главе сведения о динамике развития знаний о времени, мы хотим отметить, что уже с конца 19 века интерес науки концентрируется именно на психологической стороне феномена времени. А современная

наука, в частности клиническая психология достаточно глубоко изучает взаимообусловленность психических и психосоматических расстройств особенностями эмоционального переживания возрастных изменений. Собственно именно эта проблематика представлена в определении психологического времени Мухиной В.С. «Психологическое время личности - индивидуальное переживание своего физического и духовного изменения в течение времени, представленного прошлым, настоящим и будущим в отрезке объективного времени жизни». [63, 69] Несколько расширяя аспект рассмотрения, мы бы определили психологическое время как психобиологический и психосоциальный феномен, со своим отлаженным «организмом», со своей «физиологией», со своей концепцией реальности. Бытие времени обусловлено материализацией мысли, то есть творением физического мира. Только в этом физическом мире возможно время, вне него время-это состояние. В психике человека именно так и представлен макрокосм - в бессознательном - состояние, в сознательном-время. Без становления времени невозможно становление физического мира, более того, становление и развитие физического мира - это становление времени. Так как психика человека функционирует на границе двух реальностей - макрокосмической и физической, то восприятие времени в сознании несет бессознательную нагрузку. Именно поэтому мы в нашем субъективном сознании не воспринимаем время объективно. Поэтому время для каждого из нас течет по особенному сценарию, по особому графику. Ведь иначе, если бы мы воспринимали время исключительно сознательно, то восприятие времени каждого из нас было бы универсальным. Но люди неодинаково воспринимают время. Каждому из нас свойственны определенные индивидуальные особенности восприятия времени, и эти особенности являются особенностями нашего индивидуального бессознательного. В отношении восприятия времени каждый из нас индивидуален, мы говорим о времени в материальных терминах, - к примеру, для одних из нас время растянуто, для других время воспринимается более сжато или протекает рывками. В процессе формирования диссоциативного расстройства мы имеем, таким образом, обратный процесс, - возвращение к состоянию недифференцированной психики, мы возвращаемся в то

состояние психики, в котором, образно говоря, древние боги еще составляли нашу психическую сущность. Мы возвращаемся в архетипический мир коллективного бессознательного, в котором отсутствует единый контроль Я- сознания над протекающими психическими процессами, в котором единый контроль осуществляется «Мы- сознанием». На место «Мы-сознания» в течение эволюции заступает «Я-сознание», в современном человеке функционирует «доминирование «я» по отношению к «мы», а в недифференцированной психике, в диссоциативном расстройстве идентичности, картина прямо противоположная: тут «больше мы, чем я». Психическое расстройство является следствием не ассимилированной травмы, неассимилированным состоянием личности, поэтому человек в этом состоянии выпадает из границ хронологического времени. Травма становится не материализованной (нереализованной, неассимилированной) мыслью, поэтому мыслительный процесс, анализ травмы освобождает человека от переживаний. Мысль реализованная становится гарантией здоровой психики. В травме заложена нереализованная мысль, точно также в психосоматическом заболевании сидит непонятая мысль, то есть мысль занимает не свое место - психосоматика, по сути, означает - неуместную экспансию организма неосознанной мыслительной деятельностью. В психосоматическом заболевании в организм неправомерно внедряется неосознанное мыслепереживание и если мысли и переживания не находят реализации или ассимиляции в психической деятельности человека, то они переходят в организм и трансформируются в физическое заболевание. *Процесс терапии становится, таким образом, процессом творения времени, возвращением выпавших из линейной темпоральности переживаний в последовательность.* Терапия становится процессом выведения мысли из организма, с помощью механизма ее осознания, а также раскрытием этой мысли в психической травме, то есть интеграцией автономного «Я» в единое психическое пространство личности. *Неотреагированные травмы находят разрешение или в диссоциативном процессе (психологический путь разрешения) или в психосоматическом (соматический путь разрешения травмы).* Тело концентрирует в себе прошлое настоящее и будущее, и, по сути, именно тело является бессознательным

носителем времени. Поэтому смерть является выходом из границ времени вообще. В субъективной психике объективное (хронологическое) время трансформируется в психологическое время. Психика человека не может безопасно для себя функционировать постоянно в хронологической последовательности, в линейном времени. Я-сознание пока не развило в себе необходимые способности для ассимиляции травм личности. Психика человека уязвима для травматических переживаний. И диссоциативный процесс является в этом смысле неизбежным для функционирования психической деятельности человека. Говоря иначе, время всегда психологично. В контексте психической реальности объективное время вообще не существует. Время, по сути, всегда психологическая категория. Психика, а точнее её два основных уровня отражают именно представленность и переживаемость времени, вне психики мы не можем судить о существовании времени, мы не можем судить ни о чем вообще. В бессознательном мы переживаем единовременность, в сознании - длительность и последовательность времени. Бессознательная единовременность означает отсутствие конкретного времени, последовательности, отрицание жизненной длительности, и кроме того отрицание личностного уровня миропереживания. Бессознательное также нелично. И это становится психологическим фактом, исходя из того, что бессознательное не учитывает мучения личности, переживаемой расстройством. Бессознательная единовременность является, по сути, единовременным настоящим, отсутствием последовательности личностной жизни, а значит здесь, на этом уровне переживания функционирует принцип «везде и всегда». Для бессознательного уровня психики то, что произошло однажды существует всегда в статусе настоящего, то есть вне линейной последовательности. По сути, бегство в диссоциацию это уход в бессознательное, отказ от личностного миропереживания, это уход туда, где нет времени, как последовательности жизненных событий, которая и запускает невротические переживания. Последовательность жизненных событий, фиксируемая благодаря Я-сознанию личности, по сути, наделено латентной бессознательной направленностью. Если бы мы могли безопасно мыслить в плоскости причинно-следственной реальности, в границах последовательности событий, в континууме трех

измерений времени (в прошлом, настоящем и будущем), то мы бы не были подвержены психическим расстройствам, переживаниям травматических событий прошлого. В Я-сознании эта последовательность времени должна иметь место, человек должен иметь временные ориентиры в своей жизнедеятельности. Именно благодаря восприятию хронологического времени и существует сознательное мироощущение. Сознание рационально, для сознания мир должен иметь каузальность и обоснованность. Иррациональность бессознательного уровня психики представляет собой в известном смысле противоположность сознательному самовосприятию. Но, по сути, это не совсем так. Это противопоставление достаточно условно. Если бы два уровня психики находились бы в абсолютном противостоянии, то прошлые травмы не становились бы настоящим переживанием. Эти уровни взаимосвязаны и взаимообусловлены. Эмоциональная жизнь личности не может быть дифференцирована на временные отрезки, точно также как невозможно разрезать воду на отдельные куски, точно так же невозможно в психической жизни отделить эмоции прошлого от переживаний настоящего. Таким образом, в психологическом времени, а точнее в диссоциации мы фиксируем единое временное измерение, - это настоящее время, или точнее темпоральное настоящее, «везде и всегда». Настоящее время может иметь место, когда существует прошлое и будущее, когда налицо темпоральная последовательность и линейность. Когда же настоящее является единственной формой темпоральности, то мы не можем говорить о последовательном времени, мы говорим о единовременье, о существовании единого времени. Эта темпоральная разница может быть прослежена далее в границах контроля Я-сознания в отношении психической деятельности личности. Я – контроль сознания имеет место в темпоральной хронологической последовательности, в линейном времени, в рациональности, в каузальной картине мира. В случае же диссоциативного распада, Я-контроль ослабевает, так как автономные личности дистанцируются от основного Я, от основной Я-идентичности, они функционируют в режиме бессознательного темпорального настоящего, то есть в иррациональной акаузальной психической реальности. То, что для каузального сознания время, то для

акаузального бессознательного - состояние. В бессознательном происходит трансформация времени в состояние, утратившее временную логическую последовательность. В психическом расстройстве эмоциональная жизнь выпадает из - под контроля границ Я-сознания, так как подпадает под воздействия бессознательного уровня психики. Переживания мира в границах Я-сознания, по сути, должны быть защищены от травм прошлого. Это в идеальном состоянии и в схематической интерпретации психической деятельности. Между тем в психическом расстройстве человек практически выходит из границ Я-сознания, и с другой стороны, он стремится с помощью того же Я-сознания отделить свое прошлое от настоящего. В этом суть схемы психотерапевтического процесса. В психотерапевтическом процессе мы наблюдаем активность Я-сознания, которое стремится восстановить объективную последовательность времени. В расстройстве, таким образом мы наблюдаем движение вспять,- от Я-сознания к бессознательному. Если при прямой последовательности мы переживаем время из прошлого в будущее, то при темпоральном настоящем бессознательного мы имеем время в качестве состояния, которое сформировавшись однажды, сохраняется в своем первозданном виде. Последовательность линейной темпоральности трансформируется на уровне бессознательного в психоэмоциональные состояния. И эти состояния становятся носителями психологического, а не линейного, времени личности. Порог допустимости травматических эпизодов, или уровень сопротивляемости травмирующим событиям - следующая психологическая переменная, нуждающаяся в интерпретации. Уровень сопротивляемости травмирующим переживаниям можно представить, как способность идентичности сохранять свою позитивную позицию. Идентичность рассматривается в двух основных формах - негативной и позитивной. По определению Ц.Короленко, позитивная идентичность представляет собой когезивную (спаянную) личность. Эта тот вид идентичности, который позволяет преодолевать кризисы, в том числе и травмирующие события в жизни личности. При травмирующем событии происходит трансформация идентичности, эта трансформация может иметь характер позитивного приспособления, но также и негативного отреагирования в виде

расщепления. Клиническими проявлениями негативной трансформации, по Ц.Короленко, являются ПТСР и пограничное личностное расстройство. И, согласно классике, также диссоциативное расстройство идентичности. Травмирующие события, прежде всего, представляют угрозу для Я личности, для ее идентичности. Эго становится со временем все более уязвимым и ранимым. Следствием негативной трансформации идентичности становится утрата интегральности Я личности. Это означает, что вместе с процессом постепенной утраты интегральности Эго, изменяется уровень сопротивляемости травмирующим ситуациям или уровень толерантности к психическим травмам. Уязвимая идентичность, таким образом, становится фактором развития психических расстройств личности. При такой картине формирования расстройства в известной степени оттесняется концепция генетического развития когнитивных схем Ж.Пиаже и вообще подход когнитивистов. Несмотря на то, что когнитивисты считают, что новый опыт в жизни личности не является абсолютно новым и всегда привязан к уже имеющимся схемам, тем не менее, это далеко не так. Если мы станем ориентироваться в когнитивной карте существования схем, то мы вообще не объясним формирование расстройств в объективном смысле. Ж.Пиаже исходил из того, что всякий новый опыт так или иначе привязывается к существующим когнитивным схемам личности, а значит должен быть ассимилирован. При воздействии травмы, психика должна подключить новый опыт к существующим схемам, то есть ассимилировать травму. И если этого не происходит, то включается механизм аккомодации, то есть обновление этих схем, что может обеспечить повторную ассимиляцию. К сожалению, такое объяснение может объяснить формирование расстройств, если уж процессы ассимиляции и аккомодации обеспечивают психическое здоровье личности. Реакции личности на травматизацию не могут быть полностью охвачены процессами ассимиляции-аккомодации. Более того, в многочисленных исследованиях современных ученых (Moore, Boehnlein, Westermeyer) подчеркивается положительная корреляция между психической травмой и развитием различных психических патологий. Ц. Короленко тонко подмечает мысль о том, что запредельность психической травмы несовместима с той концепцией реальности, которая

сложилась у личности до переживания травмы. Реакции личности на травмы часто носят характер диссоциации, переживания диссоциируются, распределяются на новые парциальные личности. Очень интересной представляется мысль Ц.Короленко о том, что, прежде чем формируются новые личности, образуется некая структурированная диссоциация в психике. То есть диссоциация становится структурным элементом в постоянно в рекуррентно травмируемой психике и вследствие этого формирует новые парциальные личности- носители травматического опыта. Как при ПТСР и пограничном личностном расстройстве, так и при диссоциативном процессе осевым симптомом является нарушение идентичности. Но идентичность сохраняется в позитивном режиме функционирования в темпоральной последовательности. При формировании диссоциативного процесса, при нарушении идентичности происходит закономерное выпадение из хронологического времени. Таким образом формируется бессознательная защита. Легко понять, что мы имеем дело с проявлением бессознательной защиты, по той простой причине, что отрицание времени, есть прямое отрицание реальности, отрицание Я- сознания, то есть отрицание возможности заболеваний. Бегство в фантазии - это бегство в символическую и мифологическую реальность, это бегство в бессознательное, а значит бегство во вневременность. Выход из временной последовательности означает, по сути, отрицанием болезни, то есть методом негативного аутопсихотерапевтического вмешательства. Попытка отрицания реальности, наблюдающаяся при различных психических расстройствах является отрицанием жизненного личностного времени- прошлого, настоящего и будущего, так как именно в этой плоскости формируется личностная патология. В психическом расстройстве очевидная попытка выхода из временной последовательности означает бегство от разрушительной функции времени, то есть это бегство от невыносимых переживаний страха смерти. Человек непроизвольно уходит в бессознательное переживание вневременности, где нет последовательности и временных причинно-следственных связей, где вневременность представлена как постоянное и неизменяющееся «настоящее». А самое главное - в этом вневременном восприятии реальности нет угрожающего будущего. Объективный мир как воплощение

истории космоса являет собой сотворенное время в отличие от времени космического, которое является «несотворенным». Человеческое коллективное бессознательное как воплощение истории развития homo sapiens также является чистым временем. Точно так же как во внесубъектном времени не существует дифференциации на прошлое, настоящее и будущее, точно также в коллективном бессознательном не существует подобных уровней, в нем собрана история человечества в едином одновременном континууме. И лишь в сотворенном времени - в Я-сознании недифференцированность перетекает в конкретную событийную временную последовательность. Однако, мы считаем, что при этом само настоящее выпадает из поля зрения. В содержательном смысле настоящее пусто, оно заполняется прошлым и будущим. «Сети» настоящего постоянно пополняются прошлым и будущим. Более конкретно - настоящее-это именно «сети», которые постоянно пополняются событиями прошлого и будущего. Все, что находится в бессознательном психическом имеет статус настоящего, то есть, здесь нет последовательности, здесь господствует принцип вневременности по той простой причине, что на этом уровне психического мы не в состоянии судить о явлениях в поле последовательности. Настоящее время существует лишь на уровне бессознательного психического и на этом уровне это настоящее является вневременностью, единовременностью. Настоящее время - несубъектно. В сознательной последовательности времени мы доммысливаем прошлое, настоящее и будущее. В бессознательном же психическом прошлое, как и будущее, являются настоящим, то есть мы можем говорить о настоящем-прошлом и настоящем будущем. А так как на уровне бессознательного психического не существует дифференциации времен, то мы можем фиксировать тут настоящее как единовременное, здесь господствует принцип вневременности. Признавая же эти измерения времени, мы вновь переходим на сознательный уровень восприятия времени. Психологическое исследование времени имеет одну примечательную особенность - оно полностью основывается на субъективных представлениях и достаточно далеко отстоит от объективной проверки. С одной стороны этот факт вызывает некоторую озадаченность в плане методологического понимания проблемы, с другой -

исследования психологического времени раскрывают перед человеком немислимо огромные перспективы в изучении самых различных сторон его жизнедеятельности. Поэтому любые попытки научного анализа психологического времени имеют экзистенциальный характер. Актуальность исследования феномена психологического времени для нас раскрывается в поле клинической психологии. Феномен времени, как в научном, так и в чисто прикладном клиническом аспектах имеет доминантное значение в понимании структуры, характера и динамики психического расстройства. Этот общепризнанный факт не вызывает сомнений даже у глубоких скептиков. Самым простым аргументом актуальности изучения данного феномена является тот очевидный факт, что расстройство переживается во временном психическом поле, зарождаюсь в бессознательном. Время формирования расстройства, время его протекания—эти основные положения практически всегда оговариваются в клинической практике, однако выпадают из области осмысления. Обычно практикующие психологи устанавливают время формирования расстройства у человека, фиксируют субъективное время формирования расстройства, периодичность протекания тревожных или иных негативных состояний, пытаются выявить причинно - следственные связи между травматическими ситуациями и формированием проблемы. То есть, так или иначе, рассматривают временной аспект расстройства. Изучение структуры расстройства подводит нас к мысли о том, что время всегда имеет субъективный характер, во всяком случае, его нельзя уловить вне переживаний личности. Несмотря на некоторую некорректность данного утверждения, сводящего феномен времени лишь к субъективному переживанию или ощущению, мы, практически, в консультационной и психотерапевтической практике не можем иначе определить соотношение «время-человек». Время для нас всегда очеловечено, а для лиц страдающих невротическими расстройствами время всегда сопряжено с тревогой. Заметим, что данное утверждение не означает, что мы отрицаем существование несубъектного времени, мы всего лишь говорим о времени как переживаемом субъектом феномене. Субъективность времени, таким образом, приемлема не только в психотерапевтическом процессе. Однако, рассмотренный даже в этом аспекте феномен

времени, тем не менее нуждается в дополнительном осмыслении с точки зрения объективного внесубъектного бытия. Расширение поля рассмотрения времени не предполагает его противопоставления на субъектное и объективное. Мы исходим из предположения о едином понимании данного феномена, точнее из того факта, что объективное время может быть определено и материализовано лишь в его носителе - в человеческой психике. При попытках понять особенности психологического времени, человека часто охватывает уверенность, что он может в каждый данный момент времени судить о времени вообще. Но человек о времени не судит, он его констатирует в возрастных переживаниях, он наполняет время своим жизненным смыслом или его отсутствием. Время обратимо в психике человека, особенно наглядно обратимо в психических расстройствах. Признаком психологического времени является его обратимость, точно также как это проявляется в архаическом времени. Обратимость психологического времени обеспечивает целостность психической жизни личности, поэтому любое расстройство - это, прежде всего, неудачная попытка восстановить эту целостность, это способ формирования сакрального времени. В психологическом времени обратимость является естественным состоянием, более того, линейное время является чем-то неестественным для психической деятельности личности. Если бы психика действовала бы в режиме линейного времени, то в этом случае возможность расстройств, практически, сводилась бы к нулю. В психотерапевтическом процессе, мы, так или иначе, пытаемся внести в психическое переживание личности линейный принцип времени. Архаическое(бессознательное) время активизируется в трех, как минимум случаях: в период раннего детства, в символических формах ритуальных действий и в психических расстройствах личности, не говоря уже о сновидческой жизни личности. Настоящее является в психологическом времени категорией вечного, так как оно постоянно воспроизводит прошлое личности и прошлое человечества. Мы затрудняемся говорить о настоящем времени просто потому, что оно является по своему содержанию бессознательным феноменом, оно не вписывается в линейность. Оно существует и не существует одновременно. Формирование психических расстройств-это своего рода

возвращение в пределы архаического времени, реактивизация ритуала и мифической истории человека, драма прошлого, разыгрываемая на сцене онтогенетического настоящего.

4.3 Модель разрешения диссоциативного расстройства идентичности

Мир души не живет ни по логическим, ни по хронологическим законам, здесь господствует синхронность и аналогия, как это нам каждую ночь показывают сны.

Рудигер Дальке

В течение 17 лет в процессе практической консультативной и теоретической работы мы формировали модель психотерапевтического разрешения диссоциативного расстройства идентичности. В течение этого времени она постоянно подвергалась изменениям, диктуемым объективным ходом работы. В теоретическом ракурсе данная модель была построена в границах аналитической психологии и психотерапии К. Г. Юнга. Поэтому, прежде чем приступить к иллюстративному описанию модели, мы считаем необходимым привести описание ее теоретических принципов и закономерностей. Идея о применении метода активного воображения и кататимно - имажинативной терапии сформировалась, строго говоря, при анализе многочисленных сновидений клиентов, имеющих идентичную смысловую нагрузку. Работа с клиентами, имеющими официально поставленный диагноз «Диссоциативного расстройства идентичности», или «Расстройства множественной личности» сначала концентрировалась на анализе их сновидений. Анализ данных сновидений позволил выявить определенную сюжетную линию, повторяющуюся в сновидениях разных людей. Прежде всего, практически во всех анализируемых сновидениях мы наблюдали картины отчуждения, дробления, разделения на части каких - либо целостных структур. В частности, эти сюжеты рисовали картины отделения головы от туловища, появление близнецов, обладающих при этом различными возрастами и различными половыми и социальными признаками. Подобная закономерность блестяще описана в аналитической психологии. При диссоциативном расстройстве идентичности, прежде всего, подчеркивается как раз принцип разделения и отчуждения. Целостная структура подвергается разрушению изнутри, дробится на отдельные автономные единицы, которые обозначаются как

парциальные личности, субличности или альтер - личности. Понимание и интерпретация диссоциативного расстройства идентичности необходимо отслеживать в филогенетической истории человека. Эволюция психики несет в себе необходимость отчуждения Я от не-Я. Я-сознание личности формируется на протяжении тысячелетий благодаря этому процессу отчуждения Я от Мы-сознания. Тот же самый процесс мы наблюдаем в онтогенетическом развитии личности. Филогенетическое богатство психики содержит в себе множество парциальных личностей, подчиняющихся групповой сопричастности, групповому Мы - сознанию. Однако, та же самая психическая эволюция требует дифференциации Я от не-Я. «Элементы переживания "не-я" должны быть отделены от "я" (Me) элементов, агрессивно отторгнуты (во внешнем мире) и безусловно подавлены (во внутреннем мире)». [44,19] «Чем более бессознателен человек, тем больше он будет соответствовать общим канонам психического поведения. Однако чем больше он осознает свою индивидуальность, тем более явным будет его отличие от других субъектов и тем меньше он будет отвечать общепринятым ожиданиям. Более того, его реакции становятся гораздо менее предсказуемыми. Это следствие того, что индивидуальное сознание всегда более высоко дифференцировано и обладает большей широтой. Но чем шире раздвигаются рамки сознания, тем более дифференцировано восприятие и тем более оно свободно от коллективных правил, так как эмпирическая свобода воли растет пропорционально расширению рамок сознания».[123, 10] Этот процесс дифференциации является ключевым для психической эволюции, благодаря ему формируется или вычленяется индивидуальное Я личности, однако при этом множественность парциальных личностей переходят в сферу бессознательного и продолжают свое функционирование уже на других «частотах» психического аппарата - в сновидениях, в невротических и психотических расстройствах, в пограничных состояниях психики. Они приобретают вневременный характер, они покидают территорию линейного времени и поэтому становятся вездесущими, тем самым опасными для нормальной психической деятельности. Для человека то же значение имеет смерть, она вездесуща так как вневременна. Все что помещается для нас в линейные временные границы, имеет

характер предсказуемости, а значит и психического комфорта. Выпадение из границ времени несет в себе угрозу формирования патологии. В линейном мировосприятии психическая структура наделена адаптивными способностями как к собственной деятельности, так и к социальному миру. В травматическом переживании нарушается именно эта временная линейность, травма не ассимилируется Я - сознанием. В такой ситуации формируется диссоциативная активность как механизм ассимиляции травмы. Если психическая эволюция - это выведение множественных личностей из структуры Я, то диссоциация-это реанимация этих самых парциальных личностей. Диссоциативность психики, как таковая, становится вполне понятным явлением, учитывая ее длительное филогенетическое развитие. Кроме того, психические процессы не отличаются устойчивой связанностью. «Как показывает множественность психических компонентов на примитивном уровне в изначальном состоянии психические процессы очень слабо связаны и отнюдь не образуют самодостаточное единство. Более того, психиатрический опыт свидетельствует, что нередко требуется совсем немного, чтобы разрушить единство сознания, столь многотрудно возводившееся в ходе развития и разложить его снова до первоначальных элементов». [123, 23] Многовековая эволюция выводила из структуры «Я» внешний мир, собирала воедино в целостную структуру отдельные фрагменты психики. «Этот многовековой опыт человечества, нашедший отражение в универсальном представлении о присутствии множества душ в одном и том же индивиду». [123, 23] Представления о существовании в одном индивиду множества душ, которые длительное время воспринимались в качестве аксиоматических истин, наделены символическими характеристиками. Однако символические представления являются закодированным знанием, а не беспочвенной фантазией. Психология вообще, строго говоря, представляет собой трансформированное мифологическое и символическое знание и поле исследования. Не говоря уже о том, что символичностью насквозь пропитаны наши обыденные представления. Представления о множестве душ формируются с раннего детства, они не только формируются объективно, они программируются. Мы часто говорим друг другу о том, что в нас вселился бес, мы часто воспитываем ребенка,

указывая на существование в нем плохого и хорошего ребенка. «Мы должны принять, что во внутреннем мире маленьких детей боль, возбуждение или дискомфортные чувственные состояния быстро сменяются чувством комфорта, удовлетворения и безопасности таким образом, что постепенно выстраиваются два образа самого себя и внешнего объекта. Эти разные репрезентации себя и объекта заключают в себе противоположные аффекты и имеют тенденцию образовывать полярные структуры. Один является «хорошим», другой - «плохим», один любящим, другой ненавидящим и так далее». [44, 21] Отношение родителей к ребенку формируют как диссоциацию, так и интеграцию его психики. При этом фрагментацию психики запускает негативное отношение родителей, агрессия и причинение травм. Эмоционально позитивное отношение способствует интеграции психики ребенка. «Негативные аффекты, связанные с агрессией ведут к фрагментации психики (диссоциации), в то время как позитивные аффекты и состояние покоя, возникающие, когда мать адекватна в исполнении своей роли посредника между ребенком и внешним миром, интегрируют фрагменты психики и восстанавливают гомеостатический баланс».[44, 21] Уровень обыденных представлений является, конечно же, производным от более сложной системы человекознания. Диссоциативный процесс не появляется внезапно из ничего,- он постоянно присутствует латентно в нашей психической организации и активизируется при необходимых соответствующих условиях. Но, прежде всего, отметим, что этот диссоциативный процесс имеет сугубо бессознательную природу. Несмотря на это, вполне закономерно в этой ситуации возникают два вопроса. Во-первых, почему парциальные личности, или второе сознание, не может перейти порога «первичного, контролирующего» сознания и, во-вторых, откуда мы можем знать вообще об этом втором сознании? В парадигме аналитической психологии эти вопросы получают свои ответы. Второе сознание не является продуктом вытеснения. «Существование такого субъекта обусловлено не подавлением, а подсознательными процессами, которые сами по себе никогда не были осознанными». [123, 24] Эта часть бессознательного уровня психики является уровнем коллективного бессознательного, или объективным психе. Строго говоря, термин «объ-

ективное психе» представляется более полноценным и адекватным, так как в психике единственным объективным уровнем является тот, который свободен от субъективных переживаний и не был сформирован непосредственно личностью. Память предков никем из нас не была субъективно ассимилирована, но этот пласт, безусловно, вызывает своеобразные эмоции в каждом из нас. Это архетипическое наследие нами не осознается, но переживается, поэтому эти переживания столь нумерозны. «В большинстве случаев, это вовсе не подавляемые содержания, а просто те, что еще не осознаны, то есть не были субъективно осмыслены, подобно демонам и богам первобытных народов, или всяческим «измам», в которые столь фанатично верит современный человек» [123, 24] Хотя и эта память предков относится к филогенетическому прошлому, в личности она приобретает статус онтогенетического настоящего в форме диссоциативного процесса. Объективное психе просачивается в сознание, в настоящее время личности в виде симптомов. «Суть в том, что содержания, возникающие в сознании, прежде всего, симптоматичны» [123, 24] Юнг К.Г. исходит из того, что единство и целостность сознания является целью психического развития. Процесс же достижения этой целостности может получить также и патологическое развитие, переходя в свою противоположность. Множественность, или точнее диссоциативность психики не является чем-то из ряда вон выходящим, - это нормальное состояние и изначальная форма. «Такое состояние ни в коей степени не является ни патологичным, ни даже в чем-то особенным: напротив, это - изначальная форма, так как психическая целостность постигаемая в единстве сознания, представляет собой идеальную цель, еще никем и никогда не достигнутую». [123, 24] Таким образом, изначально мы исходим из понятия «нормальной множественности» личности, которая имеет единый центр контроля и управления, несмотря на то, что временами этот контроль «Я», находится далеко не на адекватном уровне. В психике личности вследствие травмированного прошлого формируется тревога. Эта тревога в парадигме аналитической психологии носит название «угрозы фрагментации личности». Вообще переживания тревоги интенсифицируются по мере возвращения диссоциированного содержания в сознание. Это, конечно же, не значит, что в подобных случаях переживания

тревоги мы всегда фиксируем диссоциативное расстройство идентичности. Вытесненный материал может быть ассимилирован сознанием и тогда он будет интегрирован в целостную структуру личности. Однако: «С людьми, перенесшими травму, дело обстоит иначе. Что касается этих пациентов, отторгнутый материал не имеет у них психической репрезентации, а отсылается на соматический уровень или переводится в дискретные психические фрагменты, между которыми возводятся амнестические барьеры». [44, 34] По сути, Д.Калшед описывает механизм формирования диссоциативного расстройства идентичности или феномен множественной личности. Вытесненные фрагменты психики, исключенные из целостной цепи личностного развития, представляют собой психическую незавершенность, гештальт переживаний не был включен в последовательность хронологического времени, в психическую деятельность целостной личности. Энергия парциальных личностей не переместилась в общую целостную психическую динамику личности. Парциальные личности, лишённые возможности интеграции в единую целостную структуру личности, начинают паразитировать, односторонне развиваясь. При переходе энергии этой парциальной личности в соматическую, мы получаем непропорциональный рост органов. Этот феномен, в свою очередь приводит к предположению о том, что каждое соматическое заболевание скрывает некую парциальную личность. В линейном времени энергия парциальной личности, принадлежащей функции контроля Я-сознания, погашается, в бессознательной вневременности энергии испытывают потребность реализации, однако уже вне этой личностной целостности и цельности. Процесс развития, протекающий вне целостной психической деятельности трансформируется в болезненную психосоматическую противоположность. В диссоциативном процессе личность «соскальзывает» в недифференцированную психическую реальность, выпадает из линейного времени, единое Я расщепляется на части автономных парциальных личностей. Диссоциация пытается уберечь личность от эмоциональной травмы, буквально расщепляя переживания на части и изолируя их друг от друга с помощью амнестических барьеров. Поэтому сосуществующие парциальные личности не обладают знаниями друг о друге. Вопрос в

том, что амнестические барьеры обеспечивают автономность парциальных личностей, если эти барьеры разрушаться, то травматические переживания вновь сольются в единое целое и в этом статусе обернуться настоящей угрозой для психического здоровья личности. Однако, психологическая ценность этой диссоциативной защиты равноценна процессу вытягивания себя за волосы из болота. Точка опоры заключена в Я-сознании, между тем, именно она утрачивается вследствие процесса расщепления. В процессе диссоциативного расстройства к одному пространству личности добавляется второе: «Одной из этих областей является переходное пространство между эго и внешним реальным миром. Вторая область - внутреннее символическое пространство, разделяющее части внутреннего мира» [44, 45] В формировании этого второго пространства и состоит как раз функция диссоциативной защиты. Этим способом достигается не удаление (вытеснение) травматического переживания, а дробление переживания на части, ценой утраты контролирующей функции Я-сознания. «В этом и состоит одна из важных функций диссоциативной защиты - временное разделение переживания на части, внутреннее отделение Эго или де-катексис его функции контакта с реальностью, в интересах психического оцепенения». [44, 47] Однако при подобной защите ущерб становится равноценным приостановке психического развития личности. «В итоге переживание лишается смысла, связанные переживания дезинтегрируются, процесс индивидуации прерван». [44, 47] Переживания травмы, по сути, угрожают личностной целостности, поэтому диссоциативный процесс однобоко направлен на обеспечение безопасности личностной идентичности. Диссоциативный процесс, «спасая» идентичность личности, не позволяет интегрировать в ее структуру травматические переживания, которые представляют угрозу для Я-сознания. Тем самым, диссоциативные защиты выводят личность из линейного времени, из переживаний мира в контексте Я-сознания. «Они гарантируют выживание личности за счет ее развития. Насколько мне удалось понять, их основной задачей является сохранение личностного духа в безопасности, но развоплощенным, инкапсулированным или каким - либо другим образом удаленным из единой структуры душа/тело, лишенным возможности пребывания в

реальном мире пространства и времени». [44, 49) Выход из границ линейного времени является, по сути, выходом из Я-организации или Я-сознания (различные авторы употребляют различные термины). Попав в линейную последовательность времени, человек сформировал в себе Я- сознание. В среде современных аналитических психологов, исследующих диссоциативный процесс личности, желательным отметить Jean Кнох, в частности его исследование «Trauma and defences: their roots» [191, 207-233] Согласно Jean Кнох, травма приводит к активизации архетипических защит. Травма приносит в жизнь личности, в структуру ее «внутренних рабочих моделей» раскол. Эти рабочие модели являются своеобразными коппинг- стратегиями личности, нарушение в структуре которых приводит к их расколу, к утрате их временной и смысловой взаимосвязи. Модели коппинг-поведения или внутренние рабочие модели являются своего рода архетипами.

Травма угрожает разрушить эти рабочие модели, тем самым, ставя под удар поддержание положительного чувства идентичности. Особенно тяжело переживаются жестокое отношение родных и близких и безразличие тех лиц, которых человек любит. Защиты личности нацелены, таким образом, на сохранение позитивной идентичности. В отличие от Калшеда, считающего, что травма активизирует архетипическую защитную структуру, Jean Кнох считает, что в этом случае мы имеем дело скорее с активизацией творческих конструкций, которые формируют у личности новые паттерны поведения и общения с окружением. Тем не менее, мы считаем, что архетипическая защитная активность не может быть противопоставлена той же самой творческой активности, так как выполняет идентичную функцию-функцию формирования новых защит. Эффективность психологических защит вообще может определяться успешностью сохранения идентичности личности. Диссоциативные защиты фрагментируют травматический опыт, растворяют его или распределяют на отдельные носители. Эти отдельные носители несут в себе потребность к объединению. Автономия субличностей несет в себе самоотрицание. Всякое психическое явление содержит в себе свою противоположность. Это чрезвычайно актуальное положение аналитической психологии послужило основанием и неким разрешением для построения психотерапевтической

модели. Действенность любой психотерапевтической и консультативной модели основывается именно на способности психики формировать позитивные состояния. Всякая болезнь несет с собой потенциал здоровья и психотерапия, очевидно, должна быть нацелена не на углубление в генезис заболевания (так как об этом уже позаботилась сама болезнь), а на поиск противоположного потенциала. Проблема диссоциативного расстройства идентичности представляет собой, по сути, заостренную форму нормального состояния. Личность несет в себе различные «Я», но эти различные «Я» в целом подконтрольны единому центру. Всякое расстройство обнажает эту множественность субличностей, во всяком расстройстве происходит конфликт субличностей. Но это подконтрольный конфликт. Строго говоря, все методы психотерапевтической работы имплицитно признают наличие множественных субличностей. И психотерапия направляется так или иначе на восстановление баланса между уровнями активности этих субличностей. Парциальные личности - это автономные части психики, не прошедшие стадии осознания. Поэтому эффективная психотерапевтическая модель должна быть нацелена на формирование осознанности этих парциальных личностей, она должна осуществить то, что не успело завершить расстройство. Признание существования субличностей содержится как в психодинамической ориентации, так и в поведенческих моделях психотерапии. А гештальт - терапия прямо указывает на наличие множественных «Я», которые делятся на два основных вида: основные «Я» и элементарные «Я». «Говоря языком "я", не существует такого настоящего, реального "я", спрятанного под внешним обликом. Скорее существует скопление "я", которые соперничают в борьбе за господство. Например, ученый, интеллектуальная личность, чувствует себя несчастным. Он страдает, запертый в четырех стенах своего кабинета, и приходит к выводу, что его настоящее "я" — это страдалец. Но в действительности это не так. Он только выбирает из двух своих "я" - "интеллектуального" и "страдальческого", и каждое из них имеет свой характер. [80, 20-21]

Более того, в гештальт-психотерапии огромное место уделяется процессу интроекции, как механизму формирования различных субличностей. В этом смысле достаточно интересным становится то, что интроекты поглощенные личностью в определенные годы

жизни формируют субличности, которые выпадают из линейного хронологического времени. «Действительно, многие искаженные представления о собственном "я" создаются с помощью интроекции. Например, пациент, который обладал "беззащитным я", так как в детстве его постоянно избивал отец, был так поглощен интроективной силой своей беззащитности, что она и в самом деле овладела им». [80, 56] Беззащитное «я» личности в данном случае, функционирует в настоящем личности, в хронологическом линейном времени, между тем возраст этого «я» не соответствует паспортному возрасту личности. Возрастное несоответствие различных «я» объективно должно приводить к психическим страданиям. Возрастное несоответствие различных «я» не просто каприз психики. Человек признает все свои возрасты, однако он не признает связи между ними в диссоциативном процессе. Человек признает факты своей жизни, но он не признает их связи между собой, последовательности, - в диссоциативном расстройстве первым, что бросается в глаза-это выход из последовательности, то есть из целостности единого Я-сознания. Человек признает факты своей жизни вне их связи друг с другом в контексте единого «Я», а это означает, что он разрушает это чувство единого «Я», дробит его на множество субличностей. Так как причинно-следственная цепь предполагает функционирование единого «Я», активность и связность личности в прошлом и настоящем, то разрывом этой каузальности человек обеспечивает себе дистанцирование от травматического прошлого. Травмы жизни беспокоят человека, если они находятся друг по отношению к другу в причинно-следственной связи, в целостности психической жизни. *Строго говоря, разрушая причинно-следственную связь событий жизни, человек выпадает из линейного времени, он разрушает возрастную непрерывность, тем самым попадая в акаузальную область бессознательного.*

Говоря о последовательности жизненного цикла, мы хотим привести блестящее положение гештальт-терапии по этому поводу: «На вершине мастерства терапия может продемонстрировать выдающиеся примеры последовательной неизбежности и чувство вовлеченности в текучесть настоящего времени. Возникающие переживания плавно и неизбежно следуют одно за другим. Чувство соответствия происходящему и ощущение

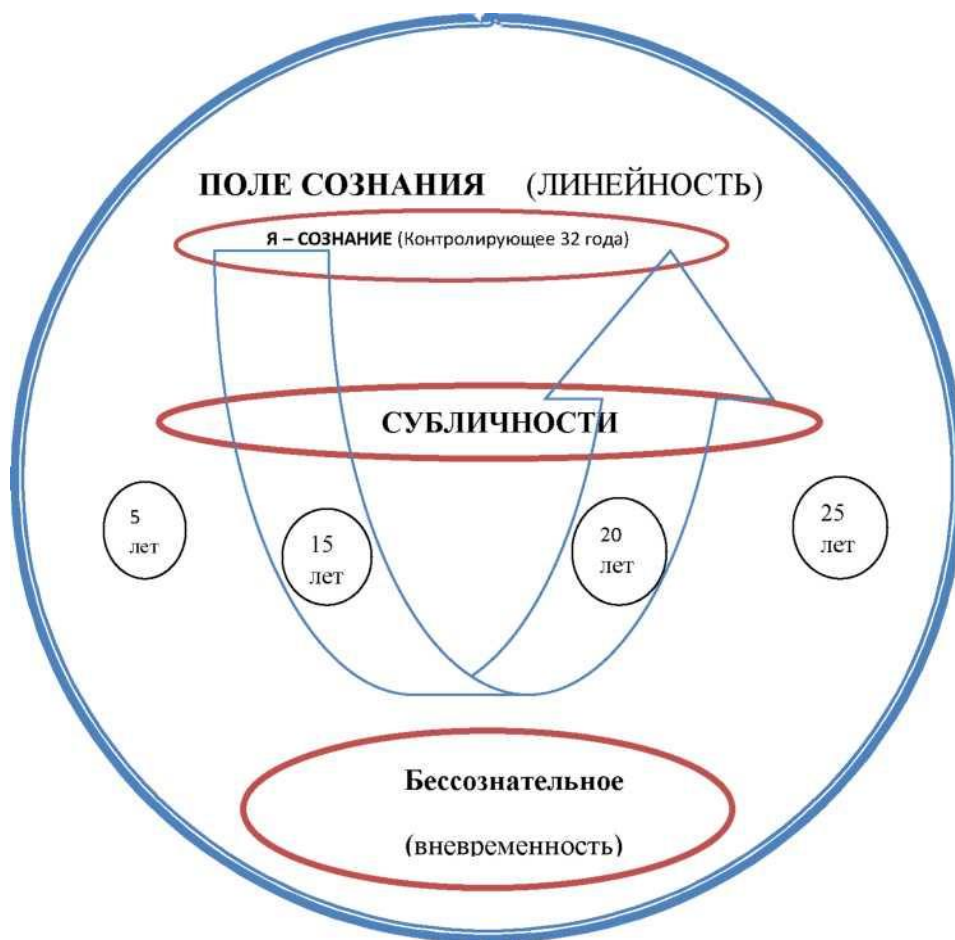
неизбежности событий, оказывают сверхгипнотическое воздействие и предлагают освобождение от досаждающих проблем и противоречий, которые вызывают у человека внутренний разлад и расхолаживают разум».[80, 142] Таким образом, в гештальт-терапии основным техническим механизмом становится возвращение личности в последовательность собственной жизни, принятие своего прошлого, настоящего и будущего. Диссоциативный процесс-это прерывистое состояние функционирования психики.

«Если терапевт помогает пациенту выйти из такого "прерывистого" существования и вступить в поток чувств и ощущений, где одно переживание плавно перетекает в другое, пациент вскоре втянется в этот поток. Чередование каждого последующего момента покажется ему неизбежным, он будет захвачен происходящим и открыт для новых мыслей и чувств. Когда терапевт чутко направляет последовательность таких моментов, пациент плавно скользит по колее разума и приветливо встречает те мысли и чувства, которые прежде были неприемлемы».[80, 142-143] Интеграция психической деятельности становится, таким образом, целью психотерапевтического вмешательства. В психотерапии разработаны некоторые модели работы с диссоциативными расстройствами личности. Отметим сразу, что работа психолога с диссоциативным расстройством идентичности становится более эффективной при консультации специалиста психиатра. Ниже мы приводим иллюстративный пример психотерапевтической модели разрешения диссоциативного расстройства идентичности. Кратковременный захват территории Я-сознания психологически разрешен со стороны последнего. Субличности, несколько вытесняя контролирующее Я, выполняют определенную защитную функцию. В нашем случае женщина 32 лет, (условно станем ее называть М. А) время от времени демонстрирует поведение 15-летней. Особенно в тех случаях, когда она чувствует, что назревает конфликт между ею и мужем. 15 -летняя М.О приходит на помощь, как бы говоря «Не требуй от меня большего, мне всего лишь 15 лет». Новая субличность действительно не способна начать диалог. Она не готова к таким отношениям по причине возрастной инфантильности. В данном случае негативные эмоции, переживаемые М.О

относятся к ее 15-летнему возрасту, это тот «класс» эмоций, который обладал защитной функцией в прошлом. Однако в новой ситуации защитная функция эмоций прошлого не обладает той же эффективностью, которой обладала в 15-ти летнем возрасте. Подростковая одежда оказалась не впору 32 летней М.О.

Схема функционирования различных "Я" у М.О.

М.О. выросла в конфликтной семье, в которой имели место постоянные конфликты родителей, во время которых мать всегда прибегала к помощи дочери. В ситуации несоответствия проблемы возрастным возможностям разрешения, сформировалась отдельная автономная 15 – ти летняя субличность, которая не могла разрешить конфликт родителей. Эта субличность сформировалась вследствие того, что в данной ситуации сформировался конфликт между возможностями и долженствованием, между «я должна помочь матери, но не знаю как».

Основной паттерн поведения всегда сводился к признанию собственного бессилия, что особенно тягостно переживалось М.О. Она как бы говорила матери: «не требуй от меня многого я еще ребенок». Только таким образом мать оставляла дочку в покое. Однако, время от времени мать пыталась обвинять дочь в ее конфликтах с мужем. Она считала, что во всем виновна дочь и до ее рождения у нее с мужем были очень теплые отношения. Конечно же, в подобной ситуации так и хочется прибегнуть к психоаналитическому толкованию, поставив в фокус терапии чувство ревности матери по отношению к дочери и ненависть дочери к матери как к своей сопернице. Тем не менее, мы воздержимся от банального хода рассуждений, так как основные усилия были направлены на выявление процесса формирования субличности. Любопытным и закономерным являлось то, что М.О. не помнила о том, как она вела себя в конфликте с мужем, не помнила того, как она забиралась под кровать и просила ее не бить. В процессе психотерапевтической работы сразу были обнаружены провалы в памяти, в частности М.О. не помнила себя с 14 лет до 17-ти летнего возраста. Память об этих годах хранила ее субличность. И, конечно же, всякие попытки восстановить последовательность событий были обречены на провал. Она практически не помнила эти годы своей жизни и сама мучилась из-за этого. В терапию ее привели переживания, связанные с конфликтной ситуацией в собственной семье. Отношения с мужем у М.О. протекали в некой непредсказуемости. По сути, именно муж обратился за психологической помощью, так как был заинтересован в сохранении семьи. Он был уверен, что жена разыгрывает какие-то роли, с целью достижения своих целей. Он не мог понять и принять, мысль о том, что жена не помнит своего поведения. Он считал, что его жена дурачит не только его, но и психолога. Единственное, что его удерживало от этих мыслей было то, что он не мог понять, а зачем собственно она так делает, если этим ничего не добивается. М.О. жаловалась на то, что часто ощущает себя как бы другим человеком, ей кажется, что ее эмоции время от времени принадлежат не ей. К примеру, она говорит о своей любви к ребенку и вдруг замечает, что называет имя другого ребенка и что чувства ее относятся к другому. Вследствие этого она вдруг думает, что не любит своего ребенка, и это ее сильно

беспокоит. Ей иногда кажется, что она не существует реально в этом мире. Поэтому она часто употребляет выражение «как бы я, но вроде не я». Фиксируемая амнезия собственного поведения в конфликтной ситуации выражает защитную функцию, М.О. ничего не помнит о конкретных эпизодах конфликта, она помнит конфликт, помнит тему конфликта и его разрешение: «Он сказал, ладно потом поговорим, ты видно опять впала в детство. Но я не понимаю, почему? Почему он так мне говорит, то ли намекает на мои умственные способности? То ли просто считает меня дурой. Рассказывает какие-то сказки, будто я забираюсь под кровать и начинаю плакать... По - моему он издевается надо мной». «Изучение происхождения данного вида амнезии с использованием психоаналитических подходов показывает, что диссоциативные нарушения возникают у человека как защитная реакция, связанная, во-первых, с необходимостью вытеснения психотравмирующих событий, а во-вторых, с имеющим место в данной ситуации одновременным «рождением» другого человека, с новым поведенческим паттерном, противопоставляющим себя прежней, незащищенной личности».[53, 133] На вопрос о том, в каких ситуациях М.О. действительно может залезть под кровать, она отвечала « Ни при каких! Что за глупые вопросы! Что мне 10 или 15 лет?!» Не трудно догадаться, что этот паттерн поведения наблюдался как в эти годы, однако категорическое утверждение этого факта нам представлялось неверным в этой ситуации. Однако, проблемы М.О. этим не ограничивались, в ее поведении проглядывала также иная идентичность - 20 летняя влюбленная романтическая девушка, которая время от времени называла своего возлюбленного именем отца. Муж М.О. не обращал внимания на этот факт. Он был вообще очень далек от психологии и считал, что женщины сами не понимают, чего хотят. В ситуациях, когда его жена называла именем отца, он реагировал смехом. Однако именно в этих ситуациях между ними начинал созревать конфликт, так как жена вела себя как чужая женщина, становилась холодной и избегала интимных отношений, объясняя свое поведение головной болью. Тут, безусловно, классическая психоаналитическая ситуация, связанная с комплексом Электры, с невротическим конфликтом с вовлечением Супер - эго. С другой стороны, надо было корректно уточнить, а что лежит в основании пробуждения 20-

летней М.О. в ситуациях интимной близости с мужем. Конечно же, вывод в этой ситуации напрашивался сам по себе: в эти годы могли иметь место сексуальные претензии отца по отношению к дочери, тем не менее, необходимо было все-таки знать реальную картину. Учитывая традиционные этнокультурные стандарты, мы должны были искать иные объяснения формирования второй идентичности. В армянской среде факты сексуального насилия отца по отношению к дочери крайне редки, если не сказать, практически отсутствуют. Таким образом, 20-ти летняя М.О. выходила на поведенческую сцену в ситуациях интимной близости с мужем. Описания поведения М.О., наблюдаемое в таких ситуациях, мы передаем со слов мужа. С наступлением ночи, М.О. лихорадочно искала лекарства от головной боли, иногда просила мужа вызвать скорую помощь. Такая картина наблюдалась очень часто, хотя, конечно же, не всегда. Как правило, врачи вводили ей снотворное, так как артериальное давление было в норме. Кстати, именно врачи скорой помощи посоветовали мужу обратиться за помощью психолога. Учитывая тот факт, что поведение М.О. резко отличалось в таких ситуациях от поведения основной идентичности, и то, что М.О. практически не помнила об этом, считая, что ее муж наговаривает на нее, у нас сформировалось убеждение о существовании анамнестических барьеров в психике М.О. Муж М.О. считал, что его жена блестящая артистка и не страдает никакими расстройствами. Поэтому он стал чаще думать о поисках половых связей на стороне. Но мы в данном случае имели отчетливо выраженное диссоциативное расстройство личности, тем более, что наши догадки подтверждались также психиатрическим диагнозом. Пациентка находилась под наблюдением психиатра, который считал, что она не представляет угрозы как для себя, так и для окружения и поэтому ее госпитализация была бы преждевременной. В то же время психиатр считал, что работа с такой больной должна была вестись совместно с психологом. Психотерапевтическая работа с М.О основывалась на аналитической модели, а точнее на методе кататимно-имагинативной терапии и активного воображения. В процессе длительной практической работы и теоретического осмысления проблемы психологического времени, нами была разработана авторская модель работы на основе

принципов активного воображения. Более конкретно в авторской модели были совмещены определенные подходы, действующие в парадигме аналитической психотерапии. В частности, в известный сюжет «Дом», мы ввели свои параметры. Дом как символическое выражение психики личности, со всеми ее уровнями, представлял собой идеальный вариант для работы с диссоциативным расстройством личности. Кроме того, опираясь на метод активного воображения, мы также внесли ряд изменений в конкретную работу, делая акцент на переживании личностью времени и собственного возраста. Суть психотерапевтической модели заключалась в синхронизации временных переживаний сознательного и бессознательного уровней психики личности. Модель синхронизации временных переживаний получила название «Возрастные зеркала». Сама модель заключала в себе как диагностические, так и психотерапевтические возможности. В процессе психотерапевтической работы нам удалось идентифицировать различные парциальные личности М.О. О первой личности 15-ти летней М.О. мы уже говорили. Что касается парциальной личности 20-летней М.О., которую мы вместе с ней обозначили как «эротически тревожную личность», то в этом случае эта личность была сформирована травмой увиденного сексуального акта между родителями. Вытеснение, а точнее, неудавшееся вытеснение собственных сексуальных желаний сформировало парциальную личность, которая должна была быть максимально дистанцированной от памяти основной идентичности. Просыпаясь по утрам, М.О. с удивлением спрашивала: «что за шприц лежит на тумбочке?» Она действительно не понимала, что творится, и, вследствие этого ее поведение стало принимать неопределенный и непредсказуемый характер. Она часто спрашивала мужа: «Может я ненормальная?» Иногда ей казалось, что муж придумывает все это, чтоб свести ее с ума. Однако, лишь после того, как ее дочь подтверждала происходившее, она начинала в это верить. Больше всего ее беспокоило то, что она этого не помнит, и что может она совершала какие-то поступки, о которых ей не говорят. Мы оставляем за рамками описания интерпретацию психических проблем М.О., так как она достаточно ясна в психодинамической парадигме. Посмотрим на проблему в контексте наших теоретических предположений. Поведение М.О. однозначно подтверждало

психиатрический диагноз, мы видели отчетливое диссоциативное расстройство личности. Для сознания личности жизнедеятельность является нормальной, если она протекает в прогнозируемости причинно-следственных отношений и событий. Все, что не может быть ассимилировано сознанием, как представляющее собой повышенную эмоциональную угрозу (угрозу для психического здоровья), дистанцируется психическим аппаратом, перемещаясь в бессознательную сферу психики. Для этой цели приводится в действие механизм вытеснения или репрессии. Тем не менее, вследствие неудавшегося вытеснения, эмоциональная угроза остается в функционально деятельном состоянии и продолжает свое одностороннее развитие вне целостной структуры. Вследствие этого формируется новая парциальная личность, которая и образуется из этих травмирующих эмоций. Травма становится неким психическим телом, обрастающим своими психическими особенностями, своим собственным поведением, своей психофизиологией. Травма становится субличностью, или если угодно, парциальной личностью. Попадая в сферу бессознательного, то есть, выпадая из сферы линейного времени, эта парциальная личность наделяется вневременными характеристиками. Она существует уже всегда, а не в каком либо возрасте. В этой ситуации возраст не может играть роли, так как он является продуктом линейного, хронологического времени. Эта парциальная личность может быть определена как состояние, но никак не как возраст. Как только в жизни личности формируется ситуация непосредственно или опосредовано напоминающая о травме, эта парциальная личность вытесняет Я-сознание и начинает управлять поведением человека. Если и где-либо процесс вытеснения удастся, то это именно в этом случае - парциальная личность успешно вытесняет основную идентичность, формируя одновременно амнестические барьеры, так как в этом случае она просто не вписывается в границы реального хронологического возраста. На уровне бессознательного психического она также не наделена возрастом, парциальная личность - это состояние. И это состояние будет активизироваться всякий раз, когда внешние условия жизни личности в чем - либо повторят элементы травмирующей ситуации. Состояния эмоциональной жизни личности не имеют возрастной определенности, - они существуют всегда, в любом возрасте.

Поэтому задачей психотерапевтического вмешательства становится осмысление травматического опыта, ассимиляция этого опыта и внедрения этой парциальной личности в целостную структуру личности, где она уже занимает свое место в качестве биографического хронологического факта жизни. Этот процесс, безусловно, сложен. *В основе этого процесса лежит цель прерывания бессознательного процесса дифференциации «я» от «я». По сути, психическое развитие требует продолжения дифференциации также внутри Я-сознания личности, однако этот процесс должен протекать в контексте осознания и лишь в этом случае мы можем говорить о норме психического развития личности. Сама же возможность осознания заложена в психотерапевтических возможностях. Поэтому именно психотерапевтическая деятельность служит цели развития психики личности в первую очередь. Нельзя сводить психотерапевтическую деятельность лишь к определенным моделям регуляции состояний личности или избавления личности от негативных переживаний. В первую очередь, это деятельность, направленная на реорганизацию мировосприятия, деятельность, нацеленная на развитие личности. В этом ее ценность.* Иначе, мы можем просто овладеть какой-либо техникой воздействия и считать при этом, что занимаемся психотерапией. Развитие психотерапии, основные направленности ее развития программируются характером психических расстройств. Рассуждая в этом контексте, мы можем понять смысл и назначение диссоциативного расстройства личности в парадигме психологической модели психотерапии. В модели «Возрастные зеркала» происходит синхронизация временных параметров сознания и бессознательного. Так как кататимное переживание образов представляет собой модель работы на символическом уровне бессознательного, то изменения, происходящие на этом уровне, влекут за собой соответствующие преобразования на уровне сознания личности. В принципе на этом предположении и построено КПО Х. Лейнера. Для разных людей время перехода на уровень сознания символических преобразований разное. Как правило, этот переход в среднем, осуществляется в течение месяца. В сюжете «Дом» каждое помещение символизирует определенный уровень или область психики. При этом целостную

личность характеризуют помещения, отделенные друг от друга перегородочной стеной. В нашем случае, между гостиной и комнатой М.О. не было этой разделяющей стены. Ее комната ей служила до 21 года, то есть до тех пор, когда она вышла замуж. Прошрое М.О. не осталось в прошлом, оно постоянно заполняло ее будущее вне контроля основной идентичности. Однако, вследствие того, что у М.О. отсутствовал контроль над ее парциальными личностями, она не помнила о своем поведении. В каждой из комнат Дома нами были установлены зеркала во весь рост. В гостиной, на уровне сознания М.О. ее зеркало показывало отображение 15-ти летней девочки, а зеркало в спальне отображало 20-ти летнюю М.О. Конечно же, решение проблемы не сводилось к перемещению зеркал. Зеркала служили для нас диагностическим инструментом, прежде всего. После установления парциальных личностей с помощью зеркальных отражений была проделана работа по установлению с ними продуктивной коммуникации. Этот диалог включал две основные стороны: определение целей и задач парциальной личности и формирование возможного единства с основной идентичностью. Лишь после того, как выяснились эти две стороны, мы каждому зеркалу отводили его место в надлежащей комнате. В процессе психотерапевтической работы мы ставили зеркала напротив друг друга. Примечательным было то, что отображенная фигура одного зеркала не видела отображений двух других зеркал. Между ними существовал некое препятствие, или, по словам М.О. некий туман. Это было тем, что мы определяем в качестве амнестических барьеров. По мере достижения согласия туман между зеркалами постепенно рассеивался. Конечно же, этот процесс не проходил столь гладко, как мы его описываем. Практически на каждой встрече отображаемые зеркальные образы претерпевали трансформацию, выделяя в каждом отображении некий существенный компонент. К примеру, в отображенной фигуре десятилетней М.О. выделялась одежда матери, в двадцатилетнем зеркале отображение сочеталось с фигурой отца. Процесс диалога с отображенными личностями имеет цель интеграции субличностей в единое психическое поле. Знаменательным является то, что по мере высвобождения отображенных субличностей, между основной идентичностью М.О. и ими сокращалась также физическая дистанция. После того как мы просили

отображенную субличность выйти из зеркала, она занимала отдаленную позицию, не хотела приближаться. По мере того, как мы раскрывали мотивацию субличности, историю ее жизни, физическая дистанция сокращалась. В то же время прояснялась также видимость между напротив размещенными зеркалами. В работе с субличностью мы придерживались важнейших принципов метода Активного Воображения, мы не стремились навязывать свое понимание ситуации, мы исходили из необходимости терпеливого ожидания перемен. Мы полностью принимали каждую парциальную личность и терпеливо ждали того времени, когда каждая из них сочтет нужным проявить активность. Вильям Стюарт в своем практическом руководстве по работе с образами и символами в психологическом консультировании непосредственно указывает на неприемлемость и неуместность форсирования глубоких проблем пациента. Кроме того, он отводит важное место проблеме психологического времени в консультировании. В частности он считает, что каждому образу требуется время для ориентации в психическом поле личности.

«Время, как мы его знаем, это не то, что понимает психика; у психики нет часов, отмеряющих время кусками по двадцать четыре часа. Я полагаю, психика подобна вечности, где время *не* имеет значения. Когда что-то готово случиться, оно случится». [94, 30] Вместе со сформированной новой идентичностью в действие вступает новая память, освобождающая основную идентичность от травматического опыта. Так дистанцируется травма от основной идентичности. Нашей задачей становится интеграция парциальной личности, с помощью выяснения ее смысла и мотивации. Если в каждом конкретном случае находится конкретный смысл и назначение парциальной личности, то мы имеем основание предполагать, что эта парциальная личность утратит свою автономность и займет свое место в психическом целостном мире личности. В границах функционирования нормальной психики мы помещены в процесс линейного времени, в последовательность и цикличность. Психическая деятельность с одной стороны направлена от прошлого к будущему, с другой стороны - от будущего к прошлому. Если в первом случае мы наблюдаем процесс последовательной смены возрастных периодов

жизни, то во втором случае, мы признаем, что будущее личности, так или иначе, вносит изменения в осмысление ее прошлого, второй процесс сугубо экзистенциальный. Психическая жизнь личности не может быть ограничена лишь поступательным движением, она должна сопровождаться осмыслением прожитых лет, иначе мы не можем судить ни о какой психической эволюции. В этой схеме настоящее время имеет сквозной характер, это своего рода экран экзистенции, фиксирующий перетекание потоков будущего и прошлого. Три аспекта времени на уровне архетипического бессознательного представляют собой единство, то есть вечность. Этот аспект и выражен в знаменитом изречении- "Я есть Тот, Кто был, есть и будет".

ТЕЧЕНИЕ ЛИНЕЙНОГО ВРЕМЕНИ

Процесс диссоциации протекает во временном континууме. Этот процесс предполагает выход из границ линейности и последовательности. Схематично он может быть выражен следующим образом:

ВЫХОД ИЗ ГРАНИЦ ЛИНЕЙНОГО ВРЕМЕНИ

Настоящее время личности становится центром столкновения прошлого и будущего, Я-сознание попадает под угрозу срыва последовательности мировосприятия и самовосприятия. Настоящее время становится благодатной почвой для формирования альтер-личностей. Сформированный хаос становится возможным вследствие смешения временных потоков. Таким образом, диссоциативное расстройство идентичности может быть определено как разрушение временной последовательности мировосприятия и

самовосприятия личности. В точке совпадения трех времен формируется диссоциативное расстройство.

Случай 2

Пациент К.Л. 1967 г.р. , гражданин РА, по профессии – строитель, женат, имеет жену и двух дочерей. В 2002 году уехал на заработки в РФ. В 2009 году в связи с жалобами на психическое состояние проходил лечение в психиатрическом отделении городской больницы по месту жительства. В 2010 году вернулся в Армению. Диагноз: Расстройства множественной личности (МКБ-10 F-44.81) Основанием для госпитализации послужили, по словам пациента, провалы памяти, сложность с ориентацией в пространстве и времени. Согласно критериям по DSM-4 (критерий С) при диссоциативном расстройстве идентичности должны наблюдаться отсутствие способности у больного помнить личностную информацию, что невозможно объяснить простой забывчивостью, при отсутствии у больного патологии интеллектуально-мнестической сферы. У больного не наблюдаются выраженные органические изменения, способные вызывать амнезию важных жизненных событий. Именно такая картина наблюдается у пациента К.Л. Далее, несколько раз К.Л., по непонятным для него причинам, оказывался в незнакомых местах, просыпался в гостинице, при этом не помнил, как он туда попал и с какой целью. Вместе с диссоциативной фугой, у пациента стали проявляться состояния амнезии. Несколько раз пациент пытался своровать велосипед соседского мальчика, объясняя это тем, что он катается на велосипеде лучше этого мальчика. Соседский мальчик- подросток, 13-ти лет. Время от времени пациенту кажется, что он не армянин, а русский, что ему 15 лет и что он стал чемпионом региона по велосипедному спорту. Отметим, что К.Л. не отличается хорошим владением русским языком, однако, в ситуациях его 15-летней русской идентификации, он умеет достаточно грамотно строить свою речь. Несколько раз он был задержан полицией за преследование 20-летней девушки. Судя по всему, в полиции он подвергался оскорблениям и издевательствам, так как эта тема вызывала у него дрожь и

обильное потовыделение. В полиции он заявлял, что эта девушка его невеста, что ему 25 лет и что они должны пожениться. Эти эпизоды его жизни описаны в истории болезни, он же сам не помнит ничего подобного. Тем не менее, описания могут считаться вполне достоверными, так как в процессе психотерапевтической работы, К.Л. действительно видел себя в зеркале то 25-летним молодым человеком, то 15-летним подростком. Таким образом, у пациента были выявлены 2 субличности: 15-ти летнего подростка и 25 летнего жениха. «Альтернативное личностное состояние, появляющееся у пациента, проявляется характеристиками, контрастирующими по своему характеру с первичной идентичностью. К таким характеристикам относятся враждебность, стремление к контролю, агрессивность и аутодеструкция. Человек в этих личностных состояниях может иметь разный возраст и пол. Эти личностные состояния отличаются от первичной идентичности такими характеристиками как, специфичность словарного запаса, тематика обсуждаемых вопросов, особенности манеры обращения, стиль разговора, общий набор знаний, уровень образования и преобладающий аффект. Новая идентичность, временно сменяющая первичную, может характеризоваться враждебностью, агрессией, обидой, обвинениями, возрастанием сексуальности». [53, 132] Поведение К.Л полностью подпадает под вышеописанные характеристики.

При формировании и развитии диссоциативного расстройства идентичности внешние социальные факторы не могут стать причиной развития расстройства. На это обстоятельство указывает Р.Телле: «Внешние перегрузки, в том числе в виде служебных проблем, хозяйственных забот, семейных неурядиц, не могут стать причиной неврозов. Все они могут иметь значение для возникновения неврозов лишь постольку, поскольку существующие душевные конфликты способствуют актуализации раннедетских конфликтных ситуаций». [106,70]

В преморбиде К.Л. отличался замкнутостью, некоторой аутичностью, проявлял часто желание дистанцироваться от окружающих, не имел близких друзей. Запуском расстройства мог служить травматический эпизод, происшедший с ним в 2008 году на строительной площадке. Вечером, уходя домой, к нему приблизилась группа подростков,

пригрозила расправой, отобрала деньги и золотое кольцо. Он пытался сопротивляться, однако был сильно избит. После этого эпизода, он стал испытывать страх темноты, старался по всякому поводу уходить со стройки засветло. Однако по прошествии 3-4 месяцев К.Л. стал испытывать затруднения с памятью. Стало проявляться расщепление «Я» на субличности. Первоначально у К.Л. было диагностировано шизотипическое расстройство личности, однако в дальнейшем диагноз был пересмотрен, исходя из того, что диссоциативные расстройства примыкают к истерическому, а не шизоидному континууму. Прежде всего, представлял интерес выбор субличностей, какими факторами этот выбор был вызван к жизни. Процесс работы с К.Л. позволил несколько прояснить для нас этот выбор субличностей. В 25-летнем возрасте К.Л. опять жил в РФ, в г. Ярославле. В это время он встречался с русской девушкой, был в нее влюблен и хотел на ней жениться. Однако, семья этой девушки была против этого брака. С годами этот эпизод жизни был вытеснен, но практически не отреагирован. Известно, что вытеснение не обеспечивает избавление от проблемы. А вот рождение 15-летнего подростка русской идентификации можно объяснить тем, что брат этой девушки 15 летний подросток вместе со своим друзьями несколько раз избивали его. Брат имел велосипед и при этом занимался спортом. Травматические эпизоды, таким образом, привели к расщеплению и распределению ролей между субличностями. А тот факт, что его опять уже в 47-летнем возрасте вновь избивали подростки и отобрали обручальное кольцо, вполне мог вызвать в бессознательном ассоциации с тем, что у него «отобрали» брак с любимой девушкой. Уровень адаптации личности к травматическим жизненным событиям непосредственно определяет возможность диссоциативного распределения этого опыта на соответствующие парциальные личности (субличности) Для каждого человека этот уровень адаптации индивидуален и процесс формирования диссоциации не определяется глубиной травматического события. В диссоциативном расстройстве идентичности мы видим попытку выведения переживаний травматического опыта за пределы Я-сознания личности, выведением из потока последовательности жизненного функционирования. Это означает, что формирование парциальных личностей – это попытка бессознательного

справится с психической травмой с помощью надления ее определенным статусом. Формирование парциальных личностей –это способ контроля над травматическими переживаниями со стороны бессознательного. Кажется бы здесь работает принцип «разделяй и властвуй». Логика формирования парциальных личностей становится в этом контексте рассмотрения достаточно понятной: для того, чтоб освободиться от переживаний травмирующих событий жизни, по отношению к которым адаптивная система личности становится бессильной, они должны быть вытеснены, то есть, изгнаны из последовательности линейного времени. Человек вносит свою эмоциональность в так называемое хронологическое время, полностью нарушая последовательность своего жизненного времени. Временем становится то, что востребовано эмоциями личности.

Случай 2

Случай 3

Диссоциативное расстройство идентичности мы можем охарактеризовать также как структурное расстройство Я, - именно такое определение можно встретить в психиатрии, и именно такое понимание максимально приближает нас к пониманию диссоциативных нарушений. Диссоциативное расстройство практически в подавляющем большинстве случаев генерируется имевшими в детстве место вредностями (травмами или ранними расстройствами). Эти невроты характера или расстройства, прежде всего, ослабляют возможности психологической защиты, а, следовательно, нацелены непосредственно на «Я» личности. «Эта концепция так называемого структурного расстройства Я применима и к тяжелым симптоматическим невротам и к пограничным расстройствам личности». [106,74] Концепция структурного расстройства Я достаточно эффективна при интерпретации диссоциативных нарушений.

Н.С. мужчина 1975 года рождения. Живет в Украине, г. Запорожье. Женат, имеет сына, армянин. Пол года проходил лечение в городской больнице, в психиатрическом отделении. Первичные жалобы: не помнит, что делает, плохо ориентируется в пространстве и времени, выходит из дома на работу, однако оказывается в другом месте. Путается в определении возраста, часто называет неправильный возраст, иногда не помнит своего места работы. Диагноз психиатра «Расстройства множественной личности». Решение о госпитализации приняла семья, когда Н.С. вдруг перестал узнавать жену и сына, стал утверждать, что он не женат. Такие состояния носили эпизодический характер. Н.С. приписывает себе другую личностную историю: время от времени считает, что ему 30 лет, что он не женат. С 22 –х лет переехал с семьей жить в Украину, после службы в армии. В Запорожье семья стала заниматься бизнесом на городской ярмарке. До 32 –х лет Н.С. и его близкие не замечали никаких отклонений. После смерти отца, Н.С. стал замыкаться в себе, сторонился семьи. Стал жаловаться на плохое самочувствие, при этом не мог конкретизировать свое состояние. Утверждал, что ему плохо, что ему непонятно,

что с ним происходит. Смерть отца произошла, когда ему было 32 года. Отец умер на глазах Н.С. и его брата. Находясь на лечении в психиатрическом отделении не мог объяснить лечащему врачу свое состояние, так как плохо владел русским языком. Тем не менее, через 6 месяцев состояние Н.С. несколько стабилизировалось. Он стал узнавать близких, однако ощущение тревоги не проходило, ему все время казалось, что в нем живут другие личности, которые ему не подчиняются. Часто задает вопрос «Кто я?» Выписавшись из больницы Н.С. в целом чувствовал себя нормально, однако на работу ходить отказывался, утверждая, что не знает, где окажется, когда выйдет из дома. Н.С. утверждал, что не может прогнозировать свое поведение и боится сам себя. Дома вместе с женой и сыном он чувствовал себя спокойно. Оставаясь дома, он подолгу смотрел мультфильмы или какие-то сериалы, часто напевал детские песенки. Зарегистрировался на сайте знакомств, общался с девушками. Представлялся холостым. Делал это совершенно открыто. На упреки жены и матери он отвечал, что не женат и имеет право обзавестись семьей. Однако в минуты просветления, когда возвращалась основная идентичность, он забывал об этом и удивлялся, когда ему об этом говорили. Семья была уверена, что он симулирует. Однако, когда ему показывали его регистрацию и общение с девушками, он уверял, что это его братья подшучивают над ним. При включении второй идентичности, он становился холостым, пытался найти себе жену на 5 лет моложе. Заводил знакомства исключительно с девушками по имени Олеся. Однако, этим не ограничивалось количество субличностей. Во время просмотров военных фильмов, он внезапно выходил из дому, ложился перед металлической оградой перед домом (дом был частным), и отчетливо демонстрировал поведение постового, внимательно наблюдая за прохожими на улице. Брат подходил к нему и просил вернуться в дом. Однако Н.С. сопротивлялся, будучи уверенным, что он его сменяет на посту. После того, как брат говорил ему, что пришел его сменить, Н.С. поднимался с земли, спокойно шел домой, поднимался в свою спальню и ложился спать. Судя по поведению, он соскальзывал в 20-ти летний возраст и считал, что служит в армии. На следующий день Н.С. ничего не помнил о происшедшем, более того, был уверен, что его семья подшучивает над ним. Дело стало доходить до

конфликтов с семьей. Каждая субличность Н.С. время от времени активизировалась по непонятным для него причинам. Однако каждая из этих субличностей несла в себе некий травматический эпизод, держа тем самым эти травмы на дистанции от основной идентичности. Субличность холостяка, как и субличность солдата имели свои истории. В первом случае, это был эпизод, связанный с отношениями с девушкой Олесей, с которой Н.С. хотел пожениться, однако которая внезапно погибла при автомобильной аварии. Вторая субличность несла на себе травматический эпизод из службы в армии, когда Н.С. ночью заснул на посту и был разбужен автоматной очередью. Пробудившись, он стал метаться в разные стороны и чуть было не попал под пули. . Все, что представляется нам тревожным или неопределенным не ассимилируется сознанием, не становится его собственностью, отвергается им и в тоже время оседает в нашем бессознательном, обрастает в нем смыслом и физиологией. Любая тревожная для нас мысль, переживание становятся для нас психически реальными в том случае, если они обосновываются бессознательным. Поэтому всякое психическое расстройство является обоснованным для нашего бессознательного, но оно обосновано не как расстройство, а как необходимость. При этом сознание человека не принимает и не понимает обоснованность бессознательного, оно исходит из совершенно иных критериев необходимости. Таким способом в нашей психике формируются автономные структуры, каждая из которых считает свою стратегию поведения единственно правильной. Парциальные личности являются носителями жизненного времени. С Н.С. была проведена длительная психотерапевтическая работа, в результате которой у пациента стала наблюдаться положительная динамика.

Случай 3

Случай 4

Пациент А.Г. 1979 г.р. женат 8 лет, детей не имеет. Живет в деревне, занят фермерским хозяйством. По делам часто выезжает в Ереван. Несколько раз его знакомые замечали его одетым в ковбойский костюм, в сапогах с ремешками на высоком каблуке, с широкой шляпой. В таком обличье он заходил в кафе. Проведя 1-2 дня в Ереване А.Г. возвращался в свою деревню. Поведение А.Г. вызывало интерес, в его родном селе все знали о его пристрастии к ковбойским костюмам, однако никто не мог понять, почему он

специально для того, чтоб пощеголять в этом костюме едет в Ереван. При этом сам больной возвращаясь в деревню в своей обычной одежде не помнил происшедшего и сильно удивлялся, когда его спрашивали об этом. Ситуация прояснилась после того, как брат больного специально проследил за ним. Дело в том, что будучи студентом в сельскохозяйственной академии, А.Г. дружил с ребятами из театрального института, которые иногда использовали ролевые костюмы для разного рода подшучиваний. Нашему больному всегда нравилась ковбойская одежда. Уже после окончания института А.Г. приезжая в Ереван, встречался с друзьями и просил этот ковбойский костюм. Оставался он у друзей. После 2-х дней прогулок по городу, А.Г. вновь менял костюм на свою одежду и возвращался в деревню. Брат А.Г. видя все это, спросил у брата для чего он одевается в этот костюм и для чего он вообще приезжает в Ереван? А.Г. недоумевал, он считал, что над ним подшучивают. Странности поведения А.Г. подвели его семью к решению о его госпитализации. Вторая субличность А.Г. была, таким образом, ковбоем. Чем было вызвана подобная метаморфоза? Еще будучи студентом А.Г. несколько раз попадал в драку и его часто избивали. Причем это всегда была одна группа ребят из близлежащих от его местоживания домов. И вот один раз А.Г. вместе со своими друзьями-театралами, решили отомстить обидчикам, переодевшись в различные костюмы, так сказать для неузнаваемости и избили соперников. А.Г. говорил, что только в этом костюме ковбоя он чувствовал себя уверенным в себе. Попадая в Ереван, действительно по своим делам, он обязательно наряжался в костюм ковбоя. Тут, как говорится, комментарии излишни. Дробление единого психического аппарата на несколько автономных частей или субличностей представляет собой процесс потери контролирующей функции Я-сознания личности. Обособившиеся субличности представляют собой грани психического аппарата, обладающие собственной психофизиологией. В формировании ДРИ происходит своеобразный взрыв психологического времени, психологическое время (возрасты личности и их содержания) дробится на отдельных носителей. Каждая субличность, как автономное образование, функционирует в отдельном психологическом времени, в отдельном возрасте. Разрушение

контролирующей функции сознания является отражением процесса выхода из границ линейного времени. Мы сталкиваемся с процессом дробления единого целостного возраста личности на субвозрастные автономные части. Отторгнутые мыслепереживания формируют субличности. Именно таким путем в нашем психическом мире "плодотворно осуществляют свою "деятельность" структуры порождающие фобии (иррациональные страхи), тревожность, депрессивные и различные невротические состояния. По большому счету, всякий невроз, всякое расстройство представляет собой функционирование автономных субличностей, то есть каждое расстройство является, строго говоря, диссоциацией идентичности. По той простой причине, что всякое расстройство вносит неопределенность в восприятие идентичности. По сути, формирование любого психического расстройства представляет собой процесс выхода из линейного времени. В нашей норме все мы потенциально больны, но наши латентные расстройства контролируются Я- сознанием, Я-сознание контролирует наше состояние в линейном, сознательном времени. В то же случае, когда этот контроль теряется, запускается процесс формирования автономных носителей «Я», и разрушения единой, целостной идентичности. Таким образом, всякое психическое расстройство - это нарушение целостности «Я», а это значит, что в каждом расстройстве всегда под ударом оказывается идентичность личности.

Случай 4

Случай 5.

Мужчина Р.Б. 1973 г.р., гражданин РА. Поступил на лечение по настоянию семьи. Женат имеет сына. Диагноз- Расстройства множественной личности. Первичные жалобы: мучают сновидения, главной темой которых является расчлененное тело. Сны повторяющиеся. Кроме этой тематики в сновидениях Р.Б. часто видит себя с различными незнакомыми лицами. Во сне он знает, что это он сам, но лица у него разные. Кроме сновидений его беспокоит амнезия, не помнит, что он делал день назад. Часто не помнит, как оказывается в разных местах. Не понимает, с какой целью уходит из дома и

оказывается в незнакомой деревне. Род занятий – скотоводство. Иногда одевается не сообразно. Выводит стадо на пастбище в костюме, непременно надевая галстук. Семья указывает ему на несоответствие одежды роду занятий. Однако он оправдывается тем, что у него намечены важные встречи. На недоумение семьи, о каких важных встречах в горах, на пастбище он говорит, Р.А. отвечает, что это пока секрет. В те дни, когда он одевается столь официально, он забывает вечером перегнать стадо обратно в деревню. Домочадцы находят его в соседней деревне. Несколько раз его находили в городе Дилижане, сидящем в кафе. По его словам он ожидал важной встречи со своим деловыми партнерами. На вопрос о том, о каких партнерах идет речь, Р.А. отвечал, что это Совет директоров большого предприятия, в котором он занимает пост генерального директора. Однако, просыпаясь в 5 утра у себя дома, он абсолютно не помнит о происходящем. Жизненная история Р.А. содержала одно любопытное событие: будучи 20-летним юношей, он встретился с группой людей, приехавших на пикник в Дилижан. Среди них была красивая девушка, дочь богатого предпринимателя. Он попытался предложить девушке дружбу. На это предложение девушка рассмеялась и сказала, что если он станет президентом большой компании, то она обязательно выйдет за него замуж, без всякой дружбы. В этом случае, как и в других, мы фиксируем амнестические барьеры, разделяющие поведение двух личностей. О третьей личности, время от времени оказывающейся в незнакомой деревне, к сожалению, ничего выяснить не удалось. Как и в других случаях, мы видим как травма уходит вглубь, как попадает на благодатное поле латентного развития вне контроля Я-сознания. Поэтому те или иные стрессогенные ситуации в жизни человека приобретают совершенно различные формы негативных состояний у различных людей. Так как в бессознательном функционирует принцип вневременности, то здесь не работает логика прошлого и настоящего, здесь не работает логика, как таковая, здесь все вытесненное подлежит смысловому развитию вне временных рамок.

Случай 5

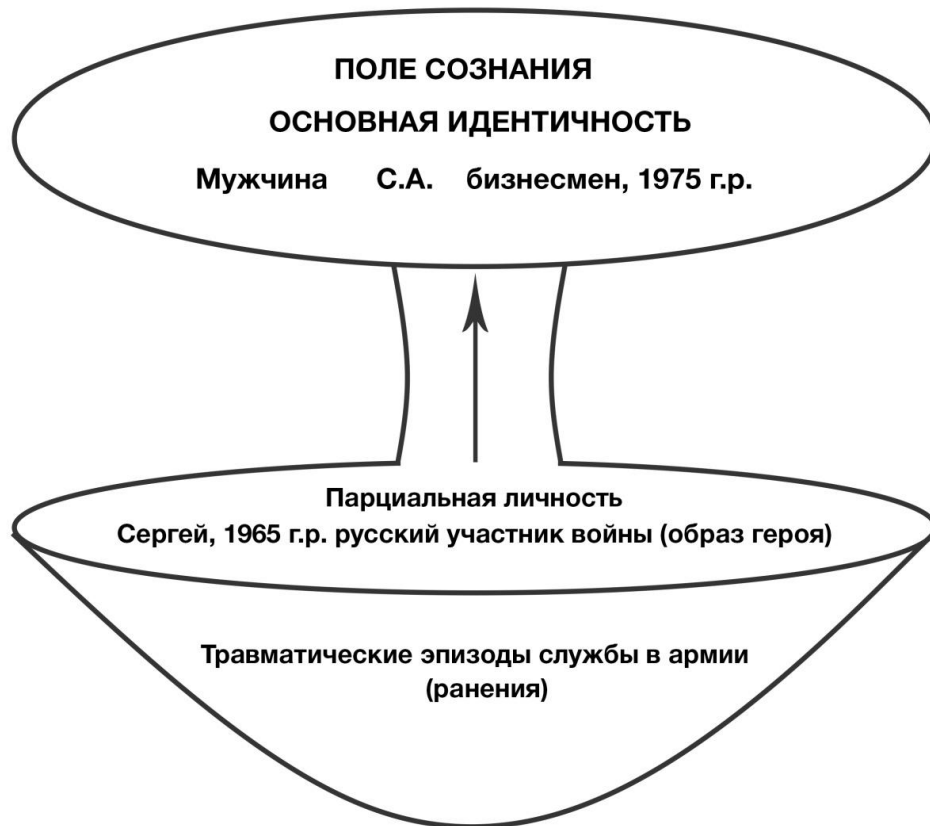

Случай 6

Большинство специалистов отмечают, что в норме всем людям присущи преходящие состояния диссоциативных состояний, таких как психогенная амнезия или состояние фуги. Мы можем достоверно судить о Расстройстве множественной личности лишь в том случае если подобные состояния представляют собой хронический феномен. Поэтому в нашей работе мы следовали принципу тщательного изучения биографии пациента. Следующий случай- С.А мужчина 1975 г.р. гражданин РА. Женат. Имеет двух сыновей. Первичные жалобы: пугающие сновидения, утрата памяти о важных событиях, неумение хронологически воспроизвести факты жизни. Проблемы с ориентацией во времени и в пространстве. К врачу обратился сам, не желая огорчать семью, не говоря никому о своем состоянии. Род занятий – бизнес, занимается розничной торговлей овощей и фруктов.

Закупает оптом товар и реализует в своем небольшом магазине. В первый раз почувствовал себя неважно, когда завез товар не в свой магазин. Стал отшучиваться, мол решил помочь другим. Ситуация повторилась несколько раз. Станным считал то, что какое-то время спустя, приходил в себя и отвозил товар в свой магазин. При этом, большую половину дня чувствовал себя нормально. Эпизодически терял ориентацию во времени, спрашивал у прохожих, какой сейчас месяц и год. Иногда не возвращался домой, после закрытия магазина к 8-ми часам вечера. Несколько раз забывал свое имя и фамилию. На вопрос: «а кто знает, как тебя зовут? Отвечал, кто-то да знает». Поведение отличалось непредсказуемостью: мог, часами сидеть молча, уставившись в одну точку. После чего, напевал веселую песенку, задевал проходящих женщин. Ввязывался в конфликты. При этом, семья и окружение уверяли, что он никогда так себя не ведет. Паттерны поведения, казалось, принадлежали разным альтер – личностям. В беседах часто демонстрирует ясное сознание, однако время от времени, голос несколько меняется и С.А. начинает рассказывать какие-то вымышленные личностные истории о личных геройствах. После подобных «отключений» или включений других личностей, начисто забывает, о чем говорил. Диагноз – «Расстройства множественной личности». Психологическая работа затруднялась попеременным включением как минимум двух личностей, имеющих разные возрасты. Одна – основная личность, вторая-личность лейтенанта разведроты. Самым существенным оказалось именно проблема ориентация во времени и в пространстве. Травмы не прояснены.

Случай 6

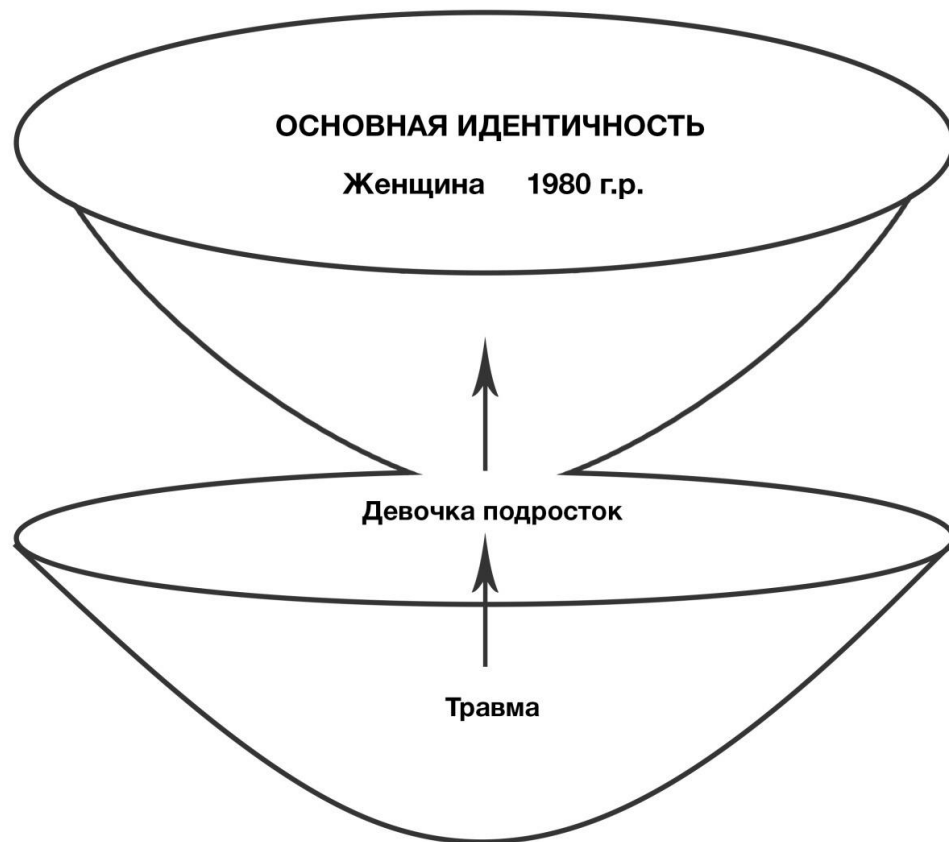

Случай 7.

Женщина С.В. 1980 г.р. замужем, бездетна. Обратилась врачу по настоянию мужа. Сама жалобы не высказывала, однако муж настаивал, что жена забывает часто где находится и что делает. Встав со стола через 10 минут вновь садится обедать. Убирает дом несколько раз в день с интервалом в 20 минут. На вопросы мужа, почему она все это делает, изумленно смотрит и не понимает о чем речь. Уверяет, что муж все это придумывает, чтоб сделать из нее больную и, воспользовавшись этим развестись с ней, так как она бездетна. На фоне конфликтов с мужем, странное поведение С.В. становится все более заметным. Действительно возникает мнение, что С.В. ничего не помнит о происходящем. Для того,

чтоб убедиться прав ли муж или все-таки предположения С.В. в отношении мотивации поведения мужа верны, мы обратились к родителям и сестре С.В., которые в целом подтвердили рассказы мужа. С.В. постоянно жалуется на голод, ей кажется, что от нее прячут продукты. Родители С.В. рассказали, что в начале 90-х годов их семья голодала и дети часто плакали и просили поесть. Любопытным является то, что когда С.В. жаловалась на чувство голода ее голос резко менялся и становился похожим на подростковый. Несложно сделать вывод о характере травмы. В формировании расстройств диссоциативного спектра большое значение имеет несоответствие поведения объективной ситуации. Эта несоразмерность вызывает обоснованные вопросы, из которых мы бы выделили следующий: почему человек в своем поведении выпадает из хронологического настоящего времени и демонстрирует поведение, присущее другому возрасту? Какие когнитивные представления активизируются в психике личности при такой несоразмерности? Ведь человек делает то, что он думает. Бегство от реальности не может быть объяснено банальным страхом этой реальности или проблемой адаптации. Мы считаем, что доминацией в этом вопросе является угроза утраты границ собственного Я, устойчивости контроля Я-сознания над поведением. Поэтому диссоциация в этом контексте угрозы основной идентичности действительно может интерпретироваться в качестве защитного механизма. Страх потери чувства собственного Я, вытесняет на определенное время активность основной идентичности с последующей активацией иного эго-состояния. Эти иные эго-состояния, с точки зрения бессознательного уровня психики становятся наименьшими из зол. Диссоциативный процесс, следовательно, может быть определен, как защита от угрозы потери чувства Я или основной идентичности.

Случай 7

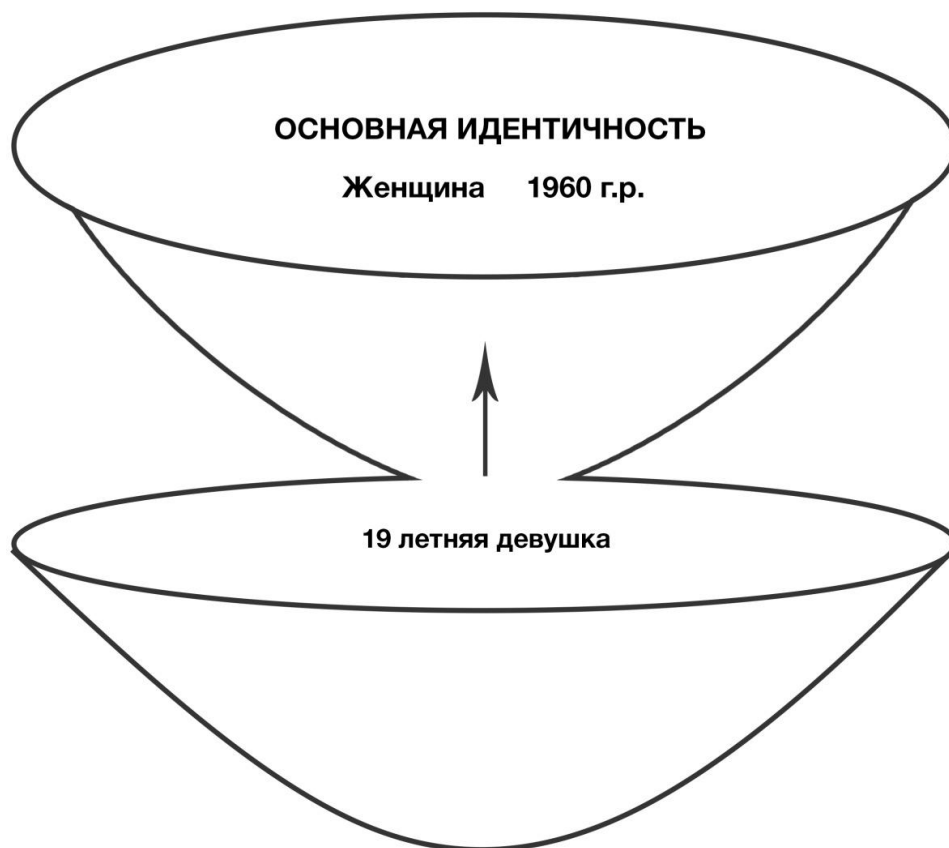

Случай 8.

Женщина А. К 1960 г.р. Обратилась к врачу по поводу плохо памяти, просила лекарства. Результаты обследования показали, что память А.К. носит эпизодический выборочный характер, она не помнит события, в которых фигурировал муж. В мельчайших подробностях она помнит раннее детство, школьные годы. Однако память о замужестве и совместной супружеской жизни носит фрагментарный характер. Кроме этих жалоб, больная часто уходит из дома к тете и забывает, что должна вернуться домой. Как правило, ее долго не ищут, так как знают, что она у кого-то из родственников. Однако, походы по родственникам не ограничиваются дневными часами. А.К. иногда к

полуночи выходит из дома и сама не помнит, как оказывается у родственников. А.К была помещена в клинику, и через полтора месяца выписана. В состоянии больной была замечена положительная динамика. В процессе психологической работы А.К. часто путала свой возраст, считала себя 19 летней, забывала о том, что у нее внуки. Тем не менее, большее время дня поведение было адекватным. Можно было предположить, что травма имеет отношение к замужеству. Тем не менее, подробности личностной истории не были прояснены до конца. Настоящее и будущее личности определяются ее прошлым,- этот общеразделяемый факт подвергается серьезному пересмотру в диссоциативном расстройстве идентичности. Однако не сама обусловленность настоящего прошлым вызывает споры, проблема в ином: что именно личность считает своим прошлым: то, что прожито фактически и объективно реально, или то, что сама личность воспринимает в качестве своего прошлого. Причем последнее утверждение относится не только к лицам с явной патологией, но к лицам, считающимся психически нормальными. Фактическое прошлое личности не идентично ее психологическому прошлому. Это подводит к мысли о том, что прошлое неоднозначно и может вмещать в себя различный биографический материал, не всегда поддающийся верификации. Психика человека содержит в себе потенциальные биографии, о которых основная идентичность не имеет информации. Однако в этом процессе «включения» новой идентичности остается один очень существенный невыясненный вопрос: как и каким образом, формируются новые биографии личности? Каким образом вообще возможно формирование новых личностей? Если периоды амнезии заполняются некими воспоминаниями, некой новой биографией, новым возрастом, а также, часто и новым полом, то, следовательно, все эти альтер - личности потенциально существуют, или тлеют в психике личности.

Случай 8

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исходя из проделанной теоретической и практической работы мы сочли важным представить некоторые общие положения, имеющие на наш взгляд важное значение.

1. Многовековая психическая эволюция выводила из структуры «Я» внешний мир, собирала воедино в целостную структуру отдельные фрагменты психики. Этот процесс дифференциации «Я» от «не-Я» носит очевидно эволютивный характер.
2. Диссоциативный процесс является, по сути, процессом дифференциации «Я» от «Я». Диссоциативный процесс- это отчуждение от единого «Я», от контролирующего единого центра. Этот процесс происходит всякий раз, когда вследствие травматизации опыта единое «Я» не может ассимилировать травматические переживания, когда эти переживания не помещаются в границы возможной ассимиляции. Эти переживания запредельны. Вследствие несостоятельности эмоционального иммунитета «Я», переживания сбрасываются, вытесняются в бессознательное, дистанцируются от основной идентичности личности, однако при этом, процесс вытеснения не удается. Поэтому травматическое переживание должно быть отреагировано иным способом, - способом разрушения психической целостности личности. Если процесс вытеснения удается, то, как правило, расстройство не формируется.
3. Расстройство всегда формируется вследствие неудавшегося вытеснения. Неудавшееся вытеснение включает в себя такую характеристику как искажение чувства времени. По сути, если вытеснение травматического эпизода не удалось, то этот эпизод зависает в том времени, в котором произошел, тем самым, по сути, он выпадает из последовательности линейного времени. Тем самым нарушается последовательность и целостность линейного времени, то есть утрачивается определенный уровень контроля Я-сознания над психическими переживаниями. Все травматические эпизоды личности, оставшиеся неотреагированными,

освобождаются от контролирующей функции Я-сознания. Именно таким образом формируется тенденция к автономному функционированию субличностей.

4. Диссоциативные расстройства личности, как известно, включают в себя пять основных видов. Каждый из них рассматривается в функциональной целостности. Каждый из видов диссоциативных расстройств раскрывается в связи с другими видами. Психологический анализ подводит нас к принятию идеи о том, что основной функцией диссоциативных расстройств личности становится изоляция от негативных переживаний, связанных с пережитыми травмами. Потребность вытеснения негативных травмирующих эмоций из сферы сознания личности запускает диссоциативный процесс. Диссоциация, как проблема идентификации с собственной личностью, является естественным состоянием при измененных состояниях сознания. В таких состояниях также формируется нарушение восприятия линейного времени, кроме того, человек ощущает себя в различных автономных состояниях, или, в нем начинают функционировать различные психофизиологические субличности.
5. Воздействие настоящего и будущего на прошлое личности связано с изменением личностной истории человека, с привнесением в фактическое прошлое нового психологического содержания. Когда эти процессы становятся активными, то есть когда активизируется у личности двустороннее взаимодействие, тогда мы можем судить об эффективности и целостности психотерапевтического вмешательства. В психотерапевтической практике, как правило, прошлое личности, факторы и составляющие компоненты патогенеза в некотором смысле отсекаются от ее настоящего и будущего. Часто многие терапевты просто провоцируют такой подход, советуя человеку забыть прошлое и попытаться в ином ракурсе оценить свою жизнь. Тем самым прошлое личности отсекается от его настоящего и с течением времени обрывает собственную автономию. Таким способом формируются новые субличности, ранее отсеченные от целостной психики человека.

6. Каждая новая субличность - это психическая проблема, не ассимилированная адаптационной системой личности. Выпадая из хронологической последовательности жизнедеятельности, из адаптационной системы личности, психическая проблема перебрасывается в бессознательную вневременность. Здесь она обретает свое место. И, что самое главное, - здесь она развивается, в бессознательном уровне психике, проблема начинает находить для себя смысловые ассоциации в прошлом человеческой жизни. Таким образом, вытесненная проблема (травма) не отмирает в бессознательном, напротив, она начинает активный процесс формирования смысловых ассоциаций. По сути, именно так и формируются новые биографии парциальных личностей. Вытесненная в бессознательное травма, становясь субличностью, обрывает новым смыслом и переходит порог Я-сознания в виде расстройства.
7. Смыслом психотерапевтического воздействия становится, таким образом, процесс интеграции отсеченных парциальных носителей травм, попыткой внедрения фрагментов биографии личности в единое психологическое поле жизнедеятельности. Это процесс синхронизации времени. Всякий психотерапевтический процесс, прежде всего, является процессом синхронизации временных соотношений биографии личности. Одним из пониманий личности является рассмотрение ее во временном континууме. С этой точки зрения, психосоматически здоровая личность (в условном значении), представляет собой интеграционную систему, включающую прошлое, настоящее и будущее. Если же личность не наделена условным психосоматическим здоровьем, то эта темпоральная система (прошлое, настоящее, будущее) не может считаться интегрированной.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аарелайд А. Категория времени в современной науке и проблема человеческого времени // Изв. АН ЭССР. Общественные науки. - 1978. - № 27/3. - С. 268-280.
2. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. - М.: Мысль, 1991. - С. 126-149. 299 с.
3. Августин Аврелий. Исповедь. «Республика», 1991, 273 с.
4. Адлер Г. Лекции по аналитической психологии. "Рефл-бук", "Ваклер", 1996, с.31-32, 281 с.
5. Архаическое сознание и религиозность человека: очерки по археологии религии Омск: Социокосмос, 2012. – 469 с.
6. Аскольдов С.А. Время онтологическое, психологическое и физическое. Из статьи «Время и его преодоление». // На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение /Сост. П.В. Алексеев. - М.: Политиздат, 1990. С.398 - 402.
7. Александровский Ю. А. Состояния психической дезадаптации и их компенсация. М., «Наука» 1976, 272 с.
8. Анцыферова Л.И. Психология повседневности, жизненный мир личности и «техника» ее бытия // Психологический журн. - 1993. - № 2. - Т. 14. - С. 8-17.
9. Аристотель. Физика. / Аристотель. Соч. в 4-х томах. М. «Мысль» Том 3.1981, 613 с.
10. Ахундов М.Д. Концепции пространства и время. Истоки, эволюция, перспективы. - М.: Наука, 1982. - 259 с.
11. Балонов Л.Я., Деглин В.Л., Кауфман Д.А., Николаенко Н.Н. О функциональной специализации больших полушарий мозга человека в отношении восприятия времени/ / Фактор времени в функциональной организации деятельности живых систем Под ред. Н.И. Моисеевой, Л., 1980. С.119-124.)

12. Бескова Д.А., Тхостов А.Ш. Телесность как пространственная структура / /Междисциплинарные проблемы психологии телесности. / Ред.-сост. В.П. Зинченко, Т.С. Леви. М. 2004.- С.133-148.
13. Бекасов О.Б. Анализ событийной структуры жизненного пути личности / / Гуманистические пробл. психологической теории. - М.: Высш. шк., 1995. - С. 169-179.
14. А.Бергсон. Творческая эволюция. «Русская мысль», М.- С-Петербург,1914- 330 с.
15. Болотова А.К. Психология времени в межличностных отношениях. - М.: МПСИ, 1997. - 356 с.
16. Бородулин Ф.Р. Лекции по истории медицины. — М.: Медгиз, 1961.-с.254
17. Болен Ж.Ш. Психология и Дао, М. 2001,112 с.
18. Боэций. Каким образом Троица есть единый Бог, а не три Божества / / Боэций. Утешение философией и другие трактаты. М., 1990.- 153 с.
19. Брагина Н.Н., Доброхотова Т.А. Функциональные асимметрии человека. М.: Медицина. 1981.- 288 с .
20. Брилл А. Лекции по психоаналитической психиатрии. "Деловая книга, 1998 г. 330 с.
21. Вайнингер О. Пол и характер «Сфинкс», 1909. 421 с.
22. Волкова С.Ю. Влияние уровня тревожности на оценку времени / / Вопр. сенсорного вос-приятия. - Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1987. - С. 140-145.
23. Вудроу Г. Восприятие времени / / Экспериментальная психология. Т. 2. - М.: Изд-во иностр. лит., 1963. - С. 859875.
24. Габитова Р.М. Человек и общество в немецком экзистенциализме. М., 1972. - 184 с.
25. Гайденок П.П. Философия культуры Карла Ясперса. / / Вопросы философии, 1972, № 9.
26. Гареев Е.М. Межцентральные взаимоотношения неокортекса при оценке времени и ее психофизиологические закономерности. Дис. канд. биол. наук. Уфа .: 1987.- 234 с.

27. Гоманьков А.В. Аврелий Августин - богослов, философ, темпоролог. Доклад на семинаре "Изучение феномена времени" (МГУ) 24 апреля 2001 г.
28. Гиппократ. Сочинения. Медгиз, 1944.-512 с.
29. Губман Б.Л. Современная католическая философия: человек и история. М., 1988.- 190 с.
30. Головаха Е.И., Кроник А.А. Понятие психологического времени // Категории материалистической диалектики в психологии / Под ред. Л.И. Анциферовой. - М.: Наука, С. 199-215.
31. Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени. Т 1 М.: Наука, 1994. - 271 с.
32. Гуссерль Э. Феноменология. Статья в Британской энциклопедии. // Логос. 1991. №1,с.12-21
33. Головаха Е.И., А.А.Кроник. Психологическое время личности. Киев, Наукова Думка, 1984.- 207 с.
34. Гроф С. Области человеческого бессознательного: Опыт исследований с помощью ЛСД. М., Из-во трансперсонального института, 1994.- 280с.
35. Гроф С. Путешествие в поисках себя. М., Из-во Трансперсонального института 1994.- 342 с.
36. Годфруа Ж. Что такое психология. В 2-х томах. М. 1992, т.2 - 183с.
37. Гроф С. За пределами мозга. М., 1993.-504 с.
38. Гроф С., Галифакс Дж. Человек перед лицом смерти. М., 1995.- 239 с.
39. Психологические аспекты буддизма.Новосибирск, "Наука" 1991.-182 с.
40. В.Джемс. Научные основы психологии.Пер. с англ. Издания под редакцией Л.Е. Оболенского.С- Петербург,1902.-370 с.
41. В.Ерузалем.учебник психологии.Под редакцией проф.Н.Н. Ланге.М.,1911 г.-345 с
42. Жаров А.М. Восприятие времени, психическое настоящее и неопределенность // Фактор времени в функциональной организации деятельности живых систем / Под ред. Н.И. Моисеевой. - Л.: Наука, 1980. - С. 124-128.

43. Жане П. Эволюция памяти и понятие времени // Психология памяти / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.Я. Романова. М.: Изд-во ЧеРо, 2000. с. 371-379.
44. Калшед Д. Внутренний мир травмы Издательства: Деловая книга, Академический проект, 2001. -368 с.
45. Каплан Г. Б. Сэдок. Клиническая психиатрия. ГЭОТАР Медицина, М.1998.- 505 с.
46. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М., 1990.-415 с.
47. Ковалев В.И. Личностное время как предмет психологического исследования // Психология личности и время: Тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч.-теорет. конф. Т. 1. - Черновцы, 1991. - С. 4-8.
48. Козлов В. В. Психотехнологии измененных состояний сознания. 2-е изд., испр. и доп. — М.: Изд-во Института психотерапии, 2005. — 544 с.
49. Комер Р. Основы патопсихологии. www.koob.ru -885 с.
50. Коркина М. В., Лакосина Н. Д. и Личко А. Е. Психиатрия: Учебник. — М.: Медицина, 1995. - 608 с.
51. Кроник А.А., Головаха Е. Психологическое время личности. - Киев: Наук. думка, 1984. - 301 с.
52. Кротов А.А. Мен де Биран как родоначальник французского спиритуализма 19 века. Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. №5. 2000 с.21-31
53. Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В.Социодинамическая психиатрия. М. «Академический проект», 2000.- 460 с.
54. Кон И.С. Открытие "Я". — М., 1978.-367 с.
55. Киссель М.А. Дороги свободы Ж.П. Сартра // Вопросы философии. 1994. № 11.
56. А.Р. Кудрявицкий О некоторых особенностях переживания биографического времени Журнал практической психологии и психоанализа #4 декабрь 2000 г. <http://psyjournal.ru>
57. Леви-Брюль, Л. «Первобытное мышление» // Психология мышления / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер и В. В. Петухова. М. : Изд-во МГУ, 1980. - с.130-140

58. 57 . Левин К. Динамическая психология:Избранные труды. Текст.Под общей редакцией Д.А.Леонтьева и Е.Ю.Патаевой.; [сост., пер. с нем. и англ. яз. и науч. ред. Д.А.Леонтьева, Е.Ю.Патаевой]. М.: Смысл, 2001. - 576 с.
59. Ливехуд Б. Кризисы жизни. Шансы жизни.Калуга.1994- 138 с.
60. Логинова Н.А. Развитие личности и ее жизненный путь/ / Принцип развития в психологии. М.: «Наука» 1978. С. 156-172
61. Лаврова О.В. Концепция телесности в интегративной психотерапии / «Журнал практического психолога», 2006 № 1 econf.rae.ru\
62. Мифологический словарь. М. Советская энциклопедия. 1990.-672с.
63. Мещеряков Б. Г. Зинченко В. П. Большой психологический словарь. www.koob.ru
64. Мухина В.С. Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество / В.С. Мухина. - М.: Академия, 2002. - 456с.
65. МКБ-10. Классификация психических и поведенческих расстройств. - СПб., 1994. <http://www.vvgorod.narod.ru/>
66. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. Пер. С французского Санкт-Питер, «Ювента», 1999.-605 с.
67. Молчанов В.И. Время и сознание. Критика феноменологической философии. М., «Высшая школа»1998.-144 с.
68. Москвин В.А., Попович В.В. Нейропсихологические аспекты исследования временной перцепции у здоровых лиц/ / I Международная конференция памяти А. Р. 49. Лурия. Сб. докладов под ред. Е. Д. Хомской, Т. В. Ахути- ной. М.: Изд-во РПО, 1998. С. 160-166
69. А.Немировская. Развитие чувства времени: психоаналитическая точка зрения. Журнал практической психологии и психоанализа #2 июнь 2003 г. <http://psyjournal.ru/>
70. Нойманн Э. Происхождение и развитие сознания. <http://jungland.indeep.ru/>
71. Нуркова. В.В. Зеркало с памятью. РГГУ, 2006 г., 287 с
72. Нуллер Ю.Л. Депрессия и деперсонализация. -Л., 1981. <http://www.depresiy.net>

73. Ф.В. Патнем Диагностика и лечение расстройства множественной личности . Журнал практической психологии и психоанализа #1 март 2004. <http://psyjournal.ru/>
74. Проблема сознания в современной западной философии. М., 1989. <http://www.artprojekt.ru/>
75. Психологические аспекты буддизма. Новосибирск,165 с. <http://copy.yandex.net>
76. Платон. Избранные диалоги. М.2002 « Рипол Классик».-960 с
77. Подольный Р.Г. Освоение времени.- М.: Наука,1989. - 306 с.
78. П. Палларо. Я и телесное Я. Танцевально-двигательная терапия и развитие объектных отношений. Журнал практической психологии и психоанализа, март, 2008г, № 1 <http://psyjournal.ru>
79. Психология личности и время жизни человека. Ковалев В.И. «Об индивидуальном жизненном хронотипе человека». Черновцы, 1991.с.8-14
80. Психоанализ и культура. М: 1995.-389 с.
81. Польстер Ирвин Обитаемый человек: Терапевтическое исследование личности/Пер. с англ. А.Я. Лог-винской. — М.: Независимая фирма "Класс", 1999.- 240 с.
82. Ребер. А. Большой толковый психологический словарь в 2-х томах. Т.1 с.521 Вече Аст, Москва 2003.-591 с.
83. Ремшмидт Х. Подростковый и юношеский возраст. М. «Мир», 1994.-320 с.
84. Репина Н.В., Юматова И.И. и Воронцов Д.В.Основы клинической психологии Изд- 1994.- <http://bookap.info>
85. Рихтерман Т.Д. Формирование представлений о времени у детей. - М.: Педагогика, 1991. - 226 с.
86. Розенберг О.О. О мирозерцании современного буддизма на Дальнем Востоке. Изд.Отдела по делам Музеев и охраны памятников Искусства и Старины.Пб.1919. В кн. Розенберг О.О. Труды по буддизму.М.:Наука, 1991.с.18-42 <http://www.ligis.ru/>
87. Сартр Ж.П. Экзистенциализм - это гуманизм // Сумерки богов. М., 1989. С.319-344

88. Сартр Ж.-П. Стена, Избранные произведения/М.: Издательство политической литературы,1992.-479с
89. Смулевич А. В., Воробьев В. А. Деперсонализация (клинико-психопатологические аспекты), — Журнал невропатологии и психиатрии им.С.С.Корсакова 1973, 73: 8, с. 1242-1252
90. Смулевич А.Б. Вялотекущая шизофрения // Руководство по психиатрии / Под ред. А.С. Тиганова. — Москва: Медицина, 1999. — Т. 1. 712 с.)
91. Соколова Е.Т. Самосознание и самооценка при аномалиях личности. М.МГУ, 1989.- 216 с.
92. Сикевич З. В. Расколотое сознание (этносоциополитические очерки)-СПб.: Наука, 1996. <http://www.nravstvennost.info>
93. Свирепо О.А.,Туманова О.С. Образ, символ, метафора в современной психотерапии. Изд-во Института Психотерапии М.2004.-270 с.
94. Стюарт В. Работа с образами и символами в психологическом консультировании /Пер. с англ. Н.А. Хмелик. - М.: Независимая фирма «Класс», 1998.- 264с.
95. Тарабрина Н. В.Практикум по психологии посттравматического стресса. — СПб: Питер,2001. — 272 с
96. Толстых А.В. Возрасты жизни. - М.: Наука, 1986. - 156 с.
97. Трубников Н.И. Проблемы времени в свете философского мировоззрения/ / Вопросы фил. 1978. № 2. С. 111 -121.
98. Типсина А.Н. Немецкий экзистенциализм и религия. Л., 1990. Шр://biblioteka.org.ua/
99. Философия М.Хайдеггера и современность. М., 1991. - 241 с.
100. Фрейд З.Избранное. М. «ВТИ» 1990.-448 с.
101. Фрейд З. Введение в психоанализ, Лекции. М. 1989.-235 с.
102. Фрейд З. Психоаналитические этюды. Попурри, Минск.2001,608с

103. Фромм Э. Здоровое общество В кн. Психоанализ и культура, М., «Юрист», 1995, 623 с.
104. Фромм Э. Бегство от свободы. М.1990.- 122 с.
105. Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. М., 1993.-351 с.
106. Хиллман Дж. Архетипическая психология. Перевод с английского Ю. Донца и В. Зеленского.- СПб.: Б.С.К., 1996, 157 с.
107. Хомик В.С., Кроник А.А. Отношение к времени: психологические проблемы ранней алкоголизации и отклоняющегося поведения // Вопр. психологии. - 1988. - № 1. - С. 98-106с.
108. Ф.Хуземан Об образе и смысле смерти. «Энигма» 1997. 124 с.
109. Цуканов Б.И. Время в психике человека. Одесса «Астро Принт»2000.-219 .с
110. Штайнер Р. Духовные аспекты терапии. Энигма. М. 2003,192 с.
111. Штайнер Р. Евангелие от Матфея. «Новалис», 2001, с.225 с.
112. Штайнер Р. Философия свободы., М., 1993.-224 с.
113. Штайнер Р. Медитативные рассмотрения и указания для углубленного искусства врачевания. Ной, Ереван, - 250с.
114. Штайнер Р. Загадки философии. Очерк, излагающий их историю вЛ 18 Том 1. 258 с.<http://www.sunhome.ru/philosophy/>
115. Элькин Д.Г. Восприятие времени как моделирование // Восприятие пространства и вре-мени: Сб. ст. / Под ред. Ананьева Б.Г., Айрапетянц Э.Ш. - Л.: Наука, 1969. - С. 76-79.
116. Элькин Д.Г. Восприятие времени. - М.: Изд-во АПН РСФСР, 1962. - 312 с.
117. Экзистенциальная психология М., Апрель Пресс, Эксмо-пресс, 2001.-624 с.
118. К.Г.Юнг. Практика психотерапии. Минск, Хар- вест,2003.-384 с.
119. Юнг К.Г. Йога и запад. Air land, Киев,1994.- 230 с.
120. Юнг К. Г. .Психология бессознательного. М.Реабилитация»1998.-400 с.
121. Юнг К.Г. Избранное. М., "Попурри",1998.-448 с.
122. Юнг К.Г. Психологические типы. М. "Университетская книга",1996.- 412 с.

123. Юнг К. Г. Аналитическая психология. Спб, 1994.-132 с.
124. Юнг К. Г. Избранное. Минск, «Попурри»1998.- 448 с.
125. Юнг К.Г. О природе психе. Рефл-бук, Ваклер 2002.-414 с.
126. Яковлев В.П. Социальное время. - Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1980. - 160 с.
127. Янгутов Л.Е. Философское учение школы хуаянь. В кн. Психологические аспекты буддизма. Новосибирск «Наука», 1991. 39-49, 182 с.
128. Якубик А. Истерия. Методология. Теория. Психопатология: Пер. с польского. М.: Медицина, 1982. - 342с.
129. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., «Политиздат» 1991.-527 с.
130. Ясперс К.Общая психопатология. — М.: Практика, 1997, 1053 с.
131. Adler A. Individual Psychology / / Theories of Personality/ Lindzey G., Hall C. - N.Y. Wiley, 1957. P. 114-156.
132. Archer R.L. Self-Disclosure.// The Self in Social Psychology. N.Y., 1980, p.183-195.
133. Aronson E. The social animal (E. Aronson. — 2nd ed.). — San Francisco: Freeman, 1976. — 336 p.
134. American Psychiatric Association. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders (3rd ed., revised). Author, Washington, D.C., 1987. - 563p.
135. Beck A., Freeman A. Cognitive Therapy of Personality Disorders, 1990, 255 p.
136. Bellak L., Hurvich M. & Gediman H.K. Ego functions in schizophrenics, neurotics, and normals. N.Y.: Wiley, 1973. schizophreniabulletin.oxfordjournals.org/.
137. Branscomb L. Dissociation in combat-related posttraumatic stress disorder / / Dissociation. 1991. - V. 4, № 1. - P. 13-20.
138. Braun B.G. The BASK model of dissociation / / Dissociation. 1988. — V.1, №1.-P. 4-23.
139. Braun, B. G. (1984). Towards a theory of multiple personality and other dissociative phenomena. In Braun, B. G. (Ed.), Symposium on multitype personality. 7(1),171-193.)
140. Breger L. (Ed.), from instinct to identity: The development of personality (pp. 161-191). (Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.) amazon.com>...development- personality.

141. Breuer Y., Freud S. Studies on hysteria. Reprint. — Harmondsworth (Middx) etc.; Penguin books, 1980. — 425 p.
142. Briere J., Conte J. Self-Reported Amnesia for Abuse in Adults Molested as Children // Journal of Traumatic Stress. 1993. - V. 6. - P.21 - 73
143. Bronfenbrenner U. The context of development and the development of context.// Development Psychology. N.Y., London, 1983, p.147-184.
144. Brown S. The effects of prospective versus retrospective paradigm and taste demands on perceived duration.// Pers.and Psychol. 1985, v.38(2), p.115-124.
145. Byrne D. Repression — Sensitization as a Dimension of Personality // Maher B.A. (Ed.). Progress in Experimental Personality Research. Vol. 1. N.Y.: Academic Press, 1964/ — P. 169-200.
146. Chapman A.H. Textbook of clinical psychiatry: An interpersonal approach, Philadelphia: Lippicott, 1967 syntone.ru>
147. Coleman J.C. Abnormal psychology and modern life. N.Y.: Scott, Foresman & Company, 1956. syntone.ru>
148. Cozby P. Self-Disclosure: A Literature Review.// Psychol. Bull. 197 Cumulative Trauma the Impact of Child Sexual Abuse, Adult Sexual Assault and Spouse Abuse / V. M. Follette, M. A. Polusny, A. E. Bechtle, A. E. Naugle. // Journal of Traumatic Stress. -1996. V.9. - №1. - P. 25-37. 3, v.79(2),p.73-91.
149. Crabtree A & J. Multiple personality before Eve. — Вебсайт: www.pep-web.org/document.
150. Diagnostic and statistical manual of mental disorders.Fourth edition.Text revision. American Psychiatric Association.Arlington,VA 2000,p.519-533.(943)
151. DSM-II// Diagnostic and statistical manual of mental disorders (2nd ed.).Washington, D.C.: American Psychiatric Association, 1968. syntone.ru>
152. Dunbar F.H. Psychosomatic diagnosis. N.Y. — London, 1948. syntone-kazan.ru>
153. Ellenberger, Henri (1970) Discovery of the Unconscious: The History and Evolution of Dynamic Psychiatry, New York: Basic- Books, pp. 70-74.)

154. English O.S. & Finch S.M. Introduction to psychiatry. N.Y.: Norton, 1964. v.2. — 386 p.
155. Epidemiological risk factors for trauma and PTSD / R.C. Kessler, A. Son-nega, E. Bromet et. al. // Breslau Risk factors for posttraumatic stress disorder / In Ed. R. Yehuda. Washington, D.C.: American Psychiatric Press. - 1999. - P. 23-59.
156. Erikson E.H. Identity and the life cycle (E.Erikson ed.) N.Y.; London: Norton, 1980. syntone.ru>
157. Etinger L., Strom A. Mortality and Morbidity after Excessive Stress: A Follow-up Investigation of Norwegian Concentration camp Survivors. N.Y.: Humanities Press, 1973. - 421 p.
158. Everly G.S.Jr. A clinical guide to the treatment of human stress response. — N.Y.: Plenum Press, 1989. 257p.
159. Everly G.S., Rosenfeld R. Стресс: природа и лечение: Пер. с англ. — М.: Медицина, 1985.-224с.
160. Ewalt J.R. & Farnsworth D.L. Textbook of psychiatry. N.Y.: McGraw-Hill, 1963. syntone-spb.ru>
161. Family survivors of homicide victims: Theoretical perspectives and an exploratory study / A. Amick-McMullan, D.G. Kilpatrick, L.J. Veronen, S. Smith // J. of Traumatic Study. 1989. - V. 2. - P.21 - 35.
162. Festinger L. Cognitive Dissonance // Scientific American. — 1962.V.207. — P. 93-97.
163. Festinger L. A theory of cognitive dissonance. N.Y., Stanford: Stanford univ. press, 1976. — XI. — 291 p.
164. Fitts W.H. The Tennessee Self Concept Scale. Nashville: Coun-celor Recording & tests, 1965. www.syntone.ru/ library / books /
165. Frager R. , Fadiman J. "Personality & Personal Growth", 5th ed., 2002.-486 p.
166. Frederick C.J. Children Traumatized by Catastrophic Situations. American Psychiatric Association, 1995. - P.1 15 - 121.
167. Freedman A.M., Kaplan H.I., & Sadock B.J. (Eds.), Comprehensive textbook of psychiatry, Vol. 2. Baltimore: Williams & Wilkins, 1975. syntone.ru>

168. Freud A. Defense Mechanisms: Encyclopedia Britanika, v.7., London, P. 172-173.
169. Freud A. The Ego and the mechanisms of defense // The writings of Anna Freud, Vol.2, London, 1977\ roman.by>l- 39235-2.html
170. Freud A. Introduction to the technique of Child analysis. N.Y., 1927. -487p.
171. Freud S. The concept of repression // The collected works. Penguin books. London, 1989. dissercat.com>
172. Freud S. Das Sexual Leben, Studienausgabe, B.5. Fischer Verlag, Frankfurt am Mein, 1972, s. 336.
173. Freud S. The defence neuro-psychoses // The collected Papers: in 10 v. — N.Y.: Collier Books, 1963. — v.2. — P. 67-81.
174. Freud S. Histerie und Angst, Studienausgabe B.6. Fischer Verlag, Frankfurt am Mein, 1971, s. 359.
175. Freud S. Psychologic des Undewussen, Studienausgabe B.3. Fischer Verlag, Frankfurt am Mein, 1975, s. 465.
176. Freud S. Schriften zur Behandlungstechnik, Studienausgabe, Fischer Verlag, Frankfurt am Mein, 1975, s. 437.
177. Friedman M.I. Post-Vietnam syndrome: recognition and management // Psychosomatic. -1981. Vol. 22, № 11. - P. 931943.
178. Fromm E. The Anatomy of Human Destructiueness / E.Fromm. — N.Y.: Holt, Rinehart & Winston, 1973. — 521 p.
179. Fulde E., Junge A., Ahrens S. Coping strategies and defense mechanisms and their relevance for the recoveri after discectomy // J. of Psihosomatic Research. 1995.-Vol.39.- N7.- P.819-826.
180. Garrison F.H. History of Medicine (fourth ed ed.),, W.B. Saunders, Philadelphia 1929.-criti- cal.ru>calendar/1011Paracelsus.htm
181. Goodwin J. Post-Traumatic Symptoms In Incest Victims. American Psychiatric Association, 1995. - P. 226-229.

182. Green A.H. Children Traumatized by Physical Abuse. American Psychiatric Association, 1995.-P. 241-247.
183. Haan N. A tripartite model of ego functioning: Values a. clin. Res. applications // J. Nerv. Ment. Dis. 1969. - Vol.148. - N1. - P.14-30.
184. Haan N. Coping and Defending. N.Y., 1977. - 26lp.139.
185. Hilgard E.R. Pain Perception in van. In: Held R. , Leibowitz H.W. , Teuber H.L. (eds.), Handh. Sensory Physiology, vol. VII, Perception, pp. 849 - 875, Berlin-Heidelberg-New York, Springer,1973 [humbio.ru>humbio / Physiology / 0013c0cc.htm](http://humbio.ru/humbio / Physiology / 0013c0cc.htm)
186. Jourard S.M., Landsman T. Healthy personality. N.Y.; London: Macmillan, 1980. — X, 468 p.
187. Kahn R.L. Organisational stress: studies in rote conflict and ambiguity. N.Y.: Wiley Cop., 1964. — 470 p.
188. Kellerman H., & Plutchik R. Emotion-trait interrelations and the measurement of personality // Psychological Reports, 1968, 23, 1107-1114.
189. Kellerman H., & Plutchik R. The meaning of tension in group psychotherapy.In L.R.Wolberg, M.L.Aronson, & A.R.Wolberg(Eds.), Group psychotherapy 1977: An overview. N.Y.: Stratton Intercontinental Medical Book Corp., 1977.
190. Kluft, R.P. (1991). Multiple personality disorder. In A. Tasman S.S.M. Goldfinger (Eds.), American Psychiatric Press review of psychiatry (Vol. 10, pp. 161 — 188). Washington, DC: American Psychiatric Press.
191. Knox, J. Trauma and defenses: their roots. Journal of Analytical Psychology, 2003, 48, 207–233. Published by Blackwell Publishing Ltd, 9600 Garsington Road, Oxford OX4 2DQ, UK and 350 Main Street, Malden, MA 02148, USA.)
192. Kreitier H. & Kreitler S. The cognitive determinants of defensive behavior. British Journal of Social and Clinical Psychology, 1972, 11, 259-273.
193. Krohne H.W. Untersuchungenm it einer deutschen Form der Repression — Sensitization Skala // z. fuer Klinische Psy- chologie. — 1974. — H. 3. S 238-260.

194. Lazarus R.S. A substitutive-defence conception of apperceptive fantasy // Contemporary Issues in Thematic Apperceptive Methods / G.Kagan & G.S.User. — Springfield, 1961. — P. 51-57.
195. Lauster P. Lassen Siesich nichtsge fallen. (P. Lauster Neuausg.). Dusseldorf: ECON Taschenbuch Verl. Cop. 285 p.
196. Lazarus R.S., Folkman S. Stress, appraisal, and coping. N.Y., 1984. - 463p.
197. Lazarus R.S. On the primacy of cognition // American Psychologist. — 1984. -Vol. 39. — P.124-129.
198. Lazarus R.S. Patterns of Adjustment. N.Y., 1976. - 187p.
199. Lazarus R.S. Psychological stress and coping process. N.Y.: McGrau-Hill, 1966.
syntone.ru
200. Lewin K. Resolving social conflicts. Selected papers on group dynamics. (Ed. by C.Weiss) London: Souvenir press, 1973. — 230 p.
201. Lindermann E. Symptomatology and management of acute grief // American Journal of Psychiatry. 1944. -V. 101 - P. 141-148.
202. Ludwig A.M. Altered states of consciousness // Archives of General Psychiatry. 1966. - V. 15. - P. 225-234.
203. Ludwig A.M. The psychological functions of dissociation // American Journal of Clinical Hypnosis. 1983. - V. 26. - P. 93-99.
204. McHugh P.: Multiple Personality Disorder, The Harvard Mental Health Letter, Vol. 10, No.3, September 1993, p.5 npar.ru>
205. Namnum A. (1972). Time in Psychoanalytic Technique. J. Amer. Psychoanal. Assn. (1972). Journal of the American Psychoanalytic Association, 20:736-750
206. Noyes A.P. & Kolb L.C. Modern clinical psychiatry. Philadelphia: Saunders, 1963.
psychiatry.ru>
207. Nuttin J. The respective roles cognition and motivation in behavioral dynamics, intention and volition.// Motivation and Volition. Berlin, 1987. flogiston.ru>

208. Perry B.D. (1999). The memories of states: How the brain stores and retrieves traumatic memories. In J. Goodwin & R. Attias (eds.), *splintered reflections: Images of the body in trauma* (pp. 9-38). New York: Basic Books.)
209. Prince M. (1975). *Psychotherapy and multiple personality: selected essays*. Hale, Jr., N. G. (Ed.). Cambridge, MA: Harvard University Press en.wikipedia.org
210. Richard A. Cognitive models of psychological time.// *Erebaum*, 1990. flogiston.ru>
211. Schecter D.E. Infant Development. — In S. Arieti (Ed.) *American Handbook of Psychiatry*. Vol. 2., N.Y.: Basic Books, 1959–66.
212. Schmidt H.-D. *Grundriss der Persoenlichkeitspsychologie / H.-D. Schmidt*. — Berlin: Dt. Verl. Her Wiss., 1982. — 284 s. 209.Simon R.: *Bad Men Do What Good Men Dream*, American Psychiatric Press, Inc., Washington, DC, London, England, 1996.-362p.
213. Sullivan H.S. *Clinical Studies in Psychiatry // Collected Works: In 2v.* — N.Y.: Norton, 1956. — v.2. — 386 p.
214. Sullivan H.S. *Conceptions of modern psychiatry*. London, Tavistock. 1955. psychoanalyse.narod.ru>
215. Sullivan H.S. *The Interpersonal Theory of Psychiatry // Collected Works: In 2 v.* — N.Y.: Norton, 1953. — v. I. — 393 p. 213.Szuster-Zbrojewicz A. Selected Features of the self and readiness for nonpersonal exocentric involment.// *Polish Psychol. Bull.* 1988, v.19, N 3-4, p. 233-239.
216. Tudor T.G. (1989). Field trips in the treatment of multiple personality disorder. *The Psychotherapy Patient*, 6, 197—213.
217. Tysk L. Longitudinal changes in time estimation.// *Percept. A Motor Skills*. 1985, v. 60(1), p. 178-185.
218. West I.J. Dissociative reactions // *Comprehensive textbook of Psychiatry / Ed. by A. M. Freeman & H. I. Kaplan*. Baltimore: Williams & Wilkijn, 1967. -P.261-283.
219. White R.W. *The abnormal personality: A textbook*. N.Y.: Ronald Press, 1948. syntone.ru
220. Yates J.L., Nashby, W. Dissociation, affect, and network models of memory: an integrative proposal // *Journal of Traumatic Stress*. 1993. - V.6. — P.3.

221. Zlotnick, C., Shea, M. C., Pearlstein, T., Begin, A., Simpson, E., & Costello, E. (1996). Differences in dissociative experiences between survivors of childhood incest and survivors of assault in adulthood. *Journal of Nervous and Mental Diseases*, 184
research.brown.edu>
222. <http://www.agnuz.info>
223. <http://skravchenko.ru>